

**ISTITUTO DELLA STORIA UNIVERSALE
(ACCADEMIA DELLE SCIENZE DI RUSSIA)**

**“RILEGGENDO MACHIAVELLI.
IDEE E LA PRATICA POLITICA ATTRAVERSO PAESI E SECOLI”.**

MOSCA 2013

**ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

**«ПЕРЕЧИТЫВАЯ МАКИАВЕЛЛИ.
Идеи и политическая практика через века и страны»**

Ответственный редактор М.А. Юсим.

Москва, 2013

УДК 94
ББК 633
П - 273

Ответственный редактор. **М.А. Юсим.**

Ответственные секретари: А.А. Анисимова, А.А. Майзлиш

Рецензенты:

Кандидат исторических наук **Матвеева Анна Геннадьевна**

Кандидат исторических наук **Домнина Екатерина Геннадьевна**

Перечитывая Макиавелли. Идеи и политическая практика через века и страны. Сборник статей. М., Институт всеобщей истории РАН, 2013. - 482 с. – ISBN 978-5-94067-280-7

Сборник статей и тезисов, подготовленный на основе переработанных материалов международной конференции «Перечитывая Макиавелли: у истоков современной науки. Идеи и политическая практика через века и страны», проходившей в 24-25 сентября 2012 г. в Институте всеобщей истории РАН и РГГУ. Российские и иностранные исследователи творчества Макиавелли обсуждали его актуальность и роль в истории науки, судьбы трактата «Государь», его восприятие современниками и потомками, феномены «макиавеллизма» и антимаквиавеллизма.

ISBN 978-5-94067-280-7

© Коллектив авторов, 2013

© Институт Всеобщей истории, 2013

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редакции	9
1. Макиавелли и современность	
<i>Юсим М.А.</i> Макиавелли и «новые государи» в эпоху политтехнологий	15
2. Трактат «Государь» и его судьбы, переводы	
<i>Коннелл Уильям Дж.</i> Когда Макиавелли написал «Государя»: хронология начала и окончания работы	43
<i>Шикилоне Джорджо.</i> Неназванный макиавеллиевский государь. В порядке гипотезы	75
<i>Де Пол Роберто.</i> Какой именно Макиавелли? О некоторых переводах «Государя»	111
3. Макиавелли: проблемы творчества	
<i>Блэк Роберт.</i> «История Флоренции» Макиавелли: гуманистическая историография и политическая реформа	129
<i>Гатти Роберто.</i> «Исправлять» или «удерживать» людей? Человеческая природа и политическое мастерство по Макиавелли	151
4. Макиавелли и его современники	
<i>Брагина Л.М.</i> Макиавелли и Гвиччардини о единовластии	177
<i>Карта Паоло.</i> Политика и дипломатия. Макиавелли и Гвиччардини по Грамши	197
<i>Стоика Георге, Станчу Филип.</i> Чезаре Борджиа у Макиавелли и Влад Цепеш, сравнительный анализ	219

Топорова А.В. Савонарола и Макьявелли: взгляд на политику 255

Циватый В.Г. Дипломатический инструментарий 271

Н. Макиавелли и институционализация дипломатической деятельности западноевропейских государств раннего Нового времени

5. Макиавеллизм и антимакьявеллизм Контрреформации (XVI в.)

Бальдини Энцо. Макиавелли против турок: римский макиавеллизм и антимакьявеллизм в споре о турецкой угрозе конца XVI в. 289

Иванова Ю.В. Два критика Макиавелли эпохи Контрреформации: от *ragione di stato* к *signa temporalis felicitatis* 305

Эльфонд И.Я. Проблема рецепции учения Макиавелли во Франции и генезис макиавеллизма 343

6. Восприятие Макиавелли в Новое время

Русаковский О.В. «Наставник “Солдатского Дьявола”»: к интерпретации “Государя” в немецкой протестантской публицистике эпохи Тридцатилетней войны 375

Володарский В.М. Сочинение Фридриха II Прусского «Анти-Макиавелли». Методы аргументации (Резюме) 391

Барбуто Дженнаро. Джамбаттиста Вико и Макиавелли 395

Исаев С.А. Макиавелли в американской политической мысли XVIII – XIX вв. 457

CONTENUTO

Nota redazionale	9
1. Machiavelli e l'epoca moderna	
<i>Youssim Mark Arkadjevich.</i> Machiavelli e “principi nuovi” all'epoca delle tecnologie politiche	15
2. Trattato “De Principatibus” e la sua fortuna, le traduzioni	
<i>Connell William.</i> Dating Machiavelli's Writing of <i>The Prince</i> : Beginnings and Endings	43
<i>Scichilone Giorgio.</i> L'innominato principe machiavelliano. Un'ipotesi	75
<i>De Pol Roberto.</i> Quale Machiavelli? Su alcune traduzioni del Principe	111
3. Mahiavelli: l'opera	
<i>Black Robert.</i> Machiavelli's <i>Istorie fiorentine</i> : humanist historiography and political reform	129
<i>Gatti Roberto.</i> Correggere” o “frenare” gli uomini? Natura umana e artificio politico in Machiavelli	151
4. Machiavelli e i suoi contemporanei	
<i>Braghina Lidia Mikhailovna.</i> Machiavelli e Guicciardini sul potere di uno	177
<i>Carta Paolo.</i> Politica e diplomazia. Machiavelli e Guicciardini in Gramsci	197
<i>Stoica Gheorghe, Stanciu Filip.</i> Vlad Țepeș and Cesare Borgia in between historiographical metafiction and machiavelli's political realism	219

Toporova Anna Vladimirovna. Savonarola e Machiavelli: 255
idee politiche

Tsivatyj Vjaceslav Grigorjevich. Lo strumentario 271
diplomatico di Machiavelli e l'istituzionalizzazione
dell'attivit  diplomatica degli stati d'Europa Occidentale
nella prima eta' moderna

5. Machiavellismo e antimachiavellismo all'eta' di Controriforma (XVI)

Baldini Enzo. Machiavelli contro i Turchi: 289
machiavellismo e antimachiavellismo a Roma nel
dibattito sulla minaccia turca di fine Cinquecento

Ivanova Julia Vladimirovna. Two critics of Machiavelli in 305
the time of the Counter-Reformation: from ragione di
stato to signa temporalis felicitatis

Elfond Irina Jakovlevna. Il problema dell'adozione della 343
dottrina machiavelliana in Francia e la genesi del
"machiavellismo"

6. Le riflessioni delle idee di Machiavelli all'eta' moderna

Rusakovskiy Oleg Vladimirovich. 'The Schoolmaster of 375
'The Soldiers' Devil': an interpretation of 'The Prince' in
a German Lutheran writing of the 17th century

Volodarskij Vsevolod Matveevich. L'opera di Federico II 391
di Prussia "Anti-Machiavelli"

Barbuto Gennaro. Giambattista Vico e Machiavelli 395

Isaev Sergei Aleksandrovich. Machiavelli and American 457
political thought of 18th and 19th centuries

ОТ РЕДАКЦИИ

Настоящий сборник представляет собой публикацию материалов научной конференции «Перечитывая Макиавелли: у истоков современной науки. Идеи и политическая практика через века и страны». Она проходила 24-25 сентября 2012 г. в Институте всеобщей истории РАН и РГГУ, в организации конференции принимал участие также Институт итальянской культуры при посольстве Итальянской республики в РФ.

В сборник вошли тексты докладов, переработанные их авторами, включая несколько материалов, присланных теми, кто не смог лично участвовать. Доклады публикуются на русском, итальянском и английском языках; по желанию авторов отдельные тексты снабжены переводами и аннотациями. Отдельные доклады представляют собой тезисы выступлений. Тексты докладов публикуются в том виде, в котором они были представлены их авторами.

Сборник состоит из шести тематических разделов, отражающих различные аспекты изучения творчества Никколó Макиавелли и восприятия его наследия. Первый раздел посвящен актуальности этого наследия, которая не перестает удивлять всех историков и писателей, имеющих дело с флорентийским секретарем. Однако важнейшей чертой московской конференции явилось и наличие новаторских докладов, исследующих сугубо конкретные проблемы творческой биографии великого мыслителя. (Второй раздел). Доклад У. Коннелла (США) уточняет на основе архивных документов хронологию написания знаменитого трактата «Государь», завершение которого автор предлагает

Перечитывая Макиавелли

датировать летом 1515 г. Дж. Шикилоне (Италия) дает оригинальную трактовку заключения XVIII главы «Государя», в котором он видит намек не на Фердинанда Католического, как утверждает наиболее распространенная версия, а на Льва X Медичи. Статья Р. Де Пола (Италия) рассказывает о судьбе переводов «Государя» преимущественно в первые два века их бытования и подтверждает чрезвычайную важность конкретно-исторического анализа восприятия классических произведений в той или иной среде и в разные эпохи.

Открывающая третий раздел (Макиавелли: проблемы творчества) статья Р. Блэка (Великобритания) примыкает к предыдущим - в ней рассматриваются обстоятельства написания другого шедевра Макиавелли, «Истории Флоренции», в контексте политической ситуации в городе на Арно и традиций его гуманистической историографии. Р. Гатти (Италия) анализирует творчество флорентийского мыслителя в целом с точки зрения его преемственности и отличий по отношению к античности.

В следующих разделах сборника также исследуются разнообразные стороны наследия Макиавелли, но уже в сравнении с его современниками (четвертый раздел) и в восприятии общественной мыслью разных стран. Две статьи посвящены сопоставлению творчества Макиавелли и Гвиччардини: Л.М. Брагина рассматривает их суждения о единовластии и делает вывод, что при значительном их сходстве Гвиччардини был более последовательным сторонником республики. П. Карта (Италия) видит сходство политического метода двух теоретиков в их опоре на собственный дипломатический опыт.

Статья А.В. Топоровой касается еще одного классического сюжета: сравнения идейного багажа Макиавелли и Савонаролы, которое обнаруживает в нем больше родства, чем это кажется при взгляде с позиций хрестоматийных оценок. Доклад В.Г. Циватого (Украина) посвящен роли Макиавеллиевского опыта в становлении дипломатии раннего Нового времени. Наконец, в статье Г.Стойки и Ф. Станчу (Румыния) проводится историко-политическое и антропологическое сопоставление двух знаменитых исторических персонажей и литературных «злодеев», более взвешенная оценка которых неоднозначна: Цезаре Борджиа и Влада Дракулы.

В пятом разделе, специально обособленном ввиду специфики восприятия «макиавеллизма» в эпоху Контрреформации, отражены моменты формирования «мифа о Макиавелли». Текст Ю.В. Ивановой демонстрирует развитие некоторых сторон концепции флорентийского секретаря в неявном виде в трудах его критиков Джованни Ботеро и Томмазо Боцио да Губбио - развитие характеризующее становление своего рода «тоталитарной» идеологии католицизма в конце XVI в. В сходном ключе Э. Бальдини (Италия) интерпретирует роль Макиавеллиевского наследия, которое незримо присутствовало в арсенале деятелей этой эпохи как источник политической мудрости, несмотря на официальное осуждение. Более последовательным негативное отношение к Макиавелли и его трудам было во французской традиции, где и сформировалась собственно представление о «макиавеллизме», как показывает статья И.Я. Эльфонд.

Перечитывая Макиавелли

Наконец, в последний раздел сборника включены статьи о восприятии Макиавелли в XVII - XVIII вв. Доклад О.В. Русаковского основан на анализе антимаккиавеллического трактата немецкого публициста А. Менгеринга «Солдатский дьявол», в котором содержится, возможно, первый из известных перевод на немецкий язык пространных цитат из «Государя». Статья В.М. Володарского развивает тему антимаккиавеллизма на примере самого известного образчика жанра, сочинения Фридриха Прусского, работавшего над ним в контакте с Вольтером. В статье Дж. Барбуто (Италия) сопоставление Макиавелли и Вико приводит автора к заключению, что наиболее существенным отличием в концепции последнего была роль, отводимая в ней Провидению. Текст С.А. Исаева показывает, насколько важным оказалось наследие флорентийского секретаря для идеологов и основателей североамериканских Соединенных Штатов, которые черпали в нем вполне конкретные рекомендации.

Помимо всего прочего, конференция позволила провести обсуждение проблем актуальных для современной мировой «макиавеллистики». Обмен мнениями между российскими и зарубежными исследователями показал плодотворность таких встреч, которая придает дополнительную значимость предпринимаемой публикации. Редколлегия выражает благодарность всем участникам и организаторам конференции, а также Российскому фонду фундаментальных исследований, выделившему средства на ее проведение (грант № 12-06-06074-Г).

Макиавелли и современность

**МАКИАВЕЛЛИ И «НОВЫЕ ГОСУДАРИ»
В ЭПОХУ ПОЛИТТЕХНОЛОГИЙ**

1. Макиавелли и политическая наука. Макиавелли называют отцом современной политической науки, а следовательно, и политтехнологий – что отчасти справедливо, а отчасти и неточно.

Условно само понятие политической науки, как и всех наук, имеющих дело с самоопределяющимися объектами. Поведение таких объектов не может описываться с такой же точностью, как в так называемых «точных науках», потому что в них важны «случайные», неповторяющиеся параметры, параметры, связанные с качественной оценкой и выбором.

Соответственно, и понятие политической технологии условно и метафорично: нет «законов», опираясь на которые можно давать рекомендации, прогнозировать будущее с большой точностью; напротив, все прогнозы вероятностны.

Дифирамбы в адрес Макиавелли как основоположника политической науки основываются, и по справедливости должны основываться не столько на открытии особых законов политики, сколько на другом критерии научности, выработанном в Новое время. Это апелляция к опыту, «реализм», принцип объективации наблюдателя, то есть отделение его личных пристрастий, его идей, его «ментальности», его планов и намерений от того, что происходит в реальности и, как правило, отличается от ожиданий. Но этот переход означал в то же время и

пересмотр отношения к субъективности, к упомянутым пристрастиям и идеям – можно сказать к морали, чтобы оставаться в рамках макивеллиевского решения «морально-политической проблемы».

Для наук об обществе и для зарождающейся «политики» (так стали называть эту сферу деятельности в XVI веке) этот поворот был кардинальным, он разграничивал видимость и действительность, и в этом смысле Макиавелли был предшественником таких «разоблачителей» социально-культурных стереотипов, как Маркс и Фрейд. Макиавелли впервые показал теоретически ясную сегодня театральность политической жизни (и шире, социального управления), ее двойное дно, важность создаваемых образов, виртуальности, внушения, всего того, что позволяет современным масс-медиа управлять мыслями, а следовательно, и поведением миллионов.

Но картина политики, обрисованная флорентийским секретарем, актуальна и во многих своих более конкретных положениях, только на одном из которых, концепте «нового государя», я хотел бы остановиться подробнее.

2. Понятие «нового государя» у Макиавелли.

В каком смысле можно говорить сегодня о «новых государях»? Этот термин Макиавелли употребил для обозначения единоличного правителя, который получает власть не по наследству, а благодаря удачному стечению обстоятельств. Новый государь использует это стечение обстоятельств для укрепления своего положения и, если это человек выдающийся, для преобразования общества - основания нового государства или даже религии, принятия законов.

3. Правомерно ли переносить понятия XVI в. на современное общество?

Нужно сделать оговорку, связанную с требованием историзма в подходе к общественным реалиям. Для Макиавелли и его современников разница в платье, которое носили они и люди древности, не представлялась существенной. Для нас по-другому, потому что мы видим, как меняются не только производственные, но и общественные технологии, хотя и очень медленно. Таким образом, известная натяжка в применении термина «новый государь» к современным нам правителям неизбежна, но для чего и нужна история, как не для проведения параллелей?

4. «Новые государи» XX и XXI века.

Как говорит сам флорентийский секретарь в начале своего небольшого трактата, все государства делятся на республики и «принципаты», - то есть режимы «распределенной» и единоличной власти. На самом деле между ними есть и всегда существовали определенные градации, как с точки зрения концентрации власти (централизация, диктатура, тирания), так и в смысле смешения разных форм.

В современной политологии режимы личной власти связываются с так называемым «авторитаризмом» или «тоталитаризмом» - эти термины носят явно негативный оттенок - но надо сказать, что и Макиавелли говорит о монархии, как о «низшей», или даже «подлой», как в старом переводе ¹ передано слово *trista*, политической форме.

¹ *Макиавелли Н.* Государь и Рассуждения на первые три книги Тита Ливия / Пер. Н. Курочкина. СПб., 1869. С. 403. Рассуждения, кн. III, гл. 8.

Перечитывая Макиавелли

И в античной, и в ренессансной, как и в сегодняшней традиции распределению власти («равенству») отдается моральное предпочтение перед единовластием. Концентрация власти допускается в некоторых случаях как необходимое зло. Такой подход вытекает из природы власти вообще, поскольку сама идея власти, отношений командования и подчинения, противоречит основному принципу морали - принципу равенства, или справедливости. В то же время феномен управления, частным случаем которого являются властные отношения в обществе, всегда предполагает неравноценность целей и средств: управление - это принятие решений, ведущих к определенной цели, оно связано с выбором одного варианта из многих и с «пожертвованием» чего-то во имя чего-то другого. Я это говорю к тому, что во всякой власти есть элемент диктатуры и не обязательно быть монархом, чтобы стать государем, в том числе и новым.

Историческая эволюция политических образований привела к тому, что оптимальной моделью политической организации современного общества является смешанная форма, в которой действия правителей и так называемой «политической элиты» (еще один сомнительный термин...) жестко ограничиваются законом и ставятся под контроль общества с помощью разделения властей, выборности, сокращения сроков пребывания у власти и пр. Там где эта форма реально утвердилась, в США, странах Западной Европы и некоторых других, говорить о «новых государях» даже с натяжкой несколько затруднительно: всякий президент или премьер-министр в каком-то смысле является новым, будучи избранным, а не наследственным правителем, но «государем» он является в малой степени ввиду сильной

ограниченности своих полномочий.

В каких-то ситуациях, порождаемых потребностями выживания общественных организмов, и в этих системах, условно говоря, «демократии западного типа», возможны исключения. Например, Франклин Рузвельт в США мог избираться несколько раз подряд (на четыре срока, в 1932, 1936, 1940 и 1944 гг.) и применять антикризисные меры, которые кому-то казались авторитарными. В европейских государствах XX в. появлялись диктаторы, строившие режимы единоличной власти, такие как Гитлер и Муссолини, или лидеры фашистских режимов Восточной Европы, чьи успехи, впрочем, оказались весьма недолговечными.

С точки зрения того, о чем писал Макиавелли, их деятельность выглядит сомнительной прежде всего потому, что в его понимании «новый государь» - это политик, действующий в интересах общего блага. Ради него он бывает вынужден прибегать к жестоким мерам, как бы принося при этом в жертву свою душу (подобная фраза есть и у Макиавелли в письме от 16 апреля 1527 г. к Франческо Веттори), скажем, как палач, выполняющий для государства грязную работу, (а государство, в общем, и есть палач на службе общества).

В такой несколько идеализированной схеме действий «нового государя» этот основатель или преобразователь общества, как принято считать, закладывает его основы, а потом устранивается от власти, хотя «в высшей степени редко случается, чтобы хороший человек захотел прийти к власти дурным путем, хотя бы и ради благой цели ...» (Рассуждения, I, 18).

В современной истории в подобную схему так или

Перечитывая Макиавелли

иначе укладываются действия, например, Кемалья Ататюрка, который провел прогрессивные реформы в отсталой Турции, но не претендовал на абсолютную власть, заложив основы республиканского режима. Отчасти эту схему напоминают и истории диктаторов Франко или Пиночета, независимо от того, как к ним относиться и от того, каковы были субъективные намерения этих деятелей в дальней перспективе. Они выполнили роль «антикризисных управляющих» и содействовали в конечном счете установлению социального спокойствия, а именно в этом, как по Макиавелли, так и с современной точки зрения заключается главная задача государства. Диктаторы ушли, и установились более мягкие режимы.

Макиавеллиевский «новый государь» в том смысле, о котором сейчас говорилось, - это правитель, который производит необходимые в обществе реформы, возвращает разложившееся общественное тело к его здоровому «началу», подавляет сопротивление противников этих реформ и вообще приверженцев дурной свободы (*licenza*), закладывает основы новой стабильности на длительное время, залогом которой становятся его преемники или сторонники.

5. Россия. В России XX в. и в следовавших ее примеру социалистических странах всегда устанавливались режимы личной власти - связано ли это с особенностями общественного строя или с переходным периодом преобразований трудно сказать ввиду краткости наличной истории «реального социализма». Во всяком случае диктатуру пролетариата и порождаемую ею однопартийную систему А.Грамши связывал с идеей «нового государя», коллективным воплощением которого ему виделись партии

нового типа².

Все вышесказанное клонится к тому, что понятие «нового государя» не обязательно привязывать к определенной форме правления - монархии, республике, диктатуре и т.п. и к жесткому набору признаков. «Новый государь» в самом общем виде - это единоличный правитель (выражение единой воли), который обновляет общество, придавая его «материи» новую форму (Рассуждения, I, 17; Государь, XXVI).

Таким правителем может быть и наследственный монарх, ярким примером чего в русской истории является Петр Первый, радикальный и наиболее успешный преобразователь нашего Отечества (притом что и его реформы иногда считают поверхностными). Всякие реформы влекут за собой издержки, лучше всего ничего не менять, чтобы все шло само собой, как завещали деды и т.п. - с этим согласен и Макиавелли. Но, говорит последний, к сожалению, это невозможно: вещи от природы склонны к упадку, помешать которому может только возвращение к их здоровому началу³. Это и есть то, что мы теперь называем реформами, и они иногда требуют суровых мер. Революции, которые обычно случаются стихийно, влекут за собой еще большие издержки.

В конце концов, все политические организации имеют

² Gramsci A. Note sul Machiavelli, sulla politica e sullo stato moderno. Torino, 1975.

³ Рассуждения, III, 1. В высшей степени справедливо, что все вещи этого мира преходящи, но путь, предначертанный для всех небом, проходят лишь те, что поддерживают свой телесный порядок, а не утрачивают его и все происходящие в них изменения клонятся к их укреплению, а не повреждению и т. д.

Перечитывая Макиавелли

иерархическую структуру. Во главе этой структуры всегда находится тот или иной глава, остальное - детали, получает ли он власть по наследству, в силу привилегий рода и крови, или выборным путем, и насколько ограничен объем его полномочий. В России объем полномочий главы государства с XVI в. был чрезвычайно велик при наследственном принципе передачи власти, но недостатки этого принципа (отмечавшиеся и Макиавелли - не все монархи одной семьи одинаково доблестны⁴) умерялись возможностью смещения (государственные перевороты, цареубийство) и назначения правителей. Принцип назначения был введен как раз при Петре Первом с целью исправить недостатки чисто наследственной легитимизации передачи власти («Правда воли монаршей», Указ о престолонаследии 1722 г.).

Традиции социального поведения и историко-социальной психологии обществ и народов чрезвычайно живучи, о чем по-своему писал некогда и Макиавелли (Рассуждения, III, 43. 46). Не раз высказывалось мнение о том, что в истории советского государства, особенно в сталинское время, проявились черты, восходящие к самодержавной эпохе. (Начало было положено еще работами Троцкого 30-х гг. о сталинском термидоре). В контексте идеи «нового государя» нас будут интересовать в первую очередь те ее стороны, которые касаются сугубо политической, собственно политической «эффективности» государственных деятелей: обретение и удержание власти, технология управления, и только во вторую очередь оценка правителей с точки зрения «общего блага», полезности для страны и общества -

⁴ Рассуждения, III, 19, 20.

это более субъективная материя; впрочем, указанное деление тоже достаточно условно.

6. Современная Россия. Большевики были новыми правителями России, которые пришли к власти революционным путем; Ленин, цитировавший слова Макиавелли о минимизации жестокостей⁵, может быть, и тешил себя иллюзиями об их кратковременности, но реальность оказалась иной. Идеализм в очередной раз обернулся антиутопией.

Сталин не был прямым наследником Ленина, он утвердился на вершине иерархии, как принято считать, с помощью аппаратных интриг и безусловно преуспел в создании режима личной власти. Очевидно, он не видел для себя достойного преемника, и нет никаких свидетельств о том, что он собирался такового назначить; во всяком случае, страна унаследовала после него (в период утверждения и смещения Хрущева) систему назначения, или избрания политических вождей узким кругом партийных иерархов.

Именно таким способом получил власть отец перестройки, последний генеральный секретарь ЦК КПСС М.С.Горбачев. Как и все его предшественники, он был «новым государем» в том смысле, что на вершину власти его привели обстоятельства и при благоприятной конъюнктуре он мог бы рассчитывать на пожизненный срок пребывания у руля. Новизна правления Горбачева заключалась и в другом - стране были необходимы реформы, и он стал той фигурой, на которую рассчитывали в плане предполагаемых

⁵ Ленин В.И. Письмо В.М. Молотову для членов Политбюро ЦК РКП(б) 19 марта 1922 г. // Известия ЦК КПСС. М., 1990. №4. С. 191-192.

Перечитывая Макиавелли

преобразований. Будучи человеком некомпетентным, что характерно для многих советских (номенклатурных) политиков, Горбачев оказался не на высоте этих задач, и в частности как раз потому, что не сумел не только сохранить собственную власть, но и существовавшую государственную систему. Казалось бы, лавируя между противоположными политическими силами, он проявил необходимую гибкость и приписываемый макиавеллиевскому государю «протеизм», то есть способность принимать разные обличья соразмерно обстоятельствам, но в данном случае речь шла скорее о нерешительности и непоследовательности, а также об отсутствии ясной политической линии. При Горбачеве начал утрачиваться авторитет государства, на котором держались все предшествовавшие политические режимы за 500 лет. Во многом этот авторитет зависел от авторитета первого лица, «царя-батюшки». Когда в стране начались столкновения на национальной почве, они не были решительно пресечены в самом зародыше, с этого начался распад многонационального государства, который в дальнейшем, несмотря на декларации, был предопределен отсутствием жесткой линии на сохранение государственного единства.

Б.Н.Ельцин оказался у власти также благодаря конъюнктуре, и он также был номенклатурным выдвиженцем. Но его популярность в гораздо большей степени, чем у Горбачева, была вызвана его поведением, снискавшим симпатии масс. В этом смысле он больше был обязан своей «доблести», чем фортуне; образ демократического политика, созданный им более или менее сознательно, соответствовал общим ожиданиям накануне 90-х гг. При этом, хотя Ельцин навряд ли изучал византийский

церемониал, но как правильно садиться он знал, и для него это было важно, это был политический ритуал (символика).

При Ельцине и после Ельцина в новой демократической России установился режим почти прямого назначения глав государства, когда предыдущий глава сам выбирает своего наследника. Поэтому новые государи современной России в известной мере подпадают под макиавеллиевскую категорию получивших власть с помощью везения, или благодаря «чужому счастью». (Государь, гл. VII). Б.Н. Ельцин обладал важнейшим для нового государя качеством - он знал и чувствовал как сохранить власть и был готов ради этого на решительные меры (конфликт с Верховным Советом в 1993 г.).

В обществе постсоветской России существует не меньше, а больше противоречий, чем в советском. Задача главы государства, во-первых, не сделать хуже, во-вторых, провести реформы, чтобы не случилось нового кризиса, чреватого развалом системы. Реформы проводились, но я бы назвал их современным термином «точечные». Где-то нужно было латать дыры, где-то продемонстрировать готовность к «модернизации» и инновации.

Выше говорилось о том, что можно оценивать деятельность политика с позиций общественного блага, это один ракурс, а можно - с точки зрения мер, принимаемых им для укрепления и продления собственной власти. Вспоминая Макиавелли, можно сказать, что витриной деятельности государя должно быть исключительно первое, а фундаментом - второе.

Власть всегда, а особенно сегодня, играет на «виртуальном», идеологическом, психологическом поле, на

поле видимости. Это и объяснил Макиавелли. Неважно, что происходит, важно, чтобы управляемые хотя бы терпели управляющего, если не любили и верили в него. В ельцинское и послеельцинское время Россия демократизировалась, что выразилось прежде всего в отстранении государства от возможно большего числа обязанностей и обязательств.

Во времена Макиавелли утверждение власти единоличного государя было естественным и логичным. Сегодня, когда превалируют стандарты так называемой «демократии», такая власть выглядит скорее неправомерной, «авторитарной», «тоталитарной». Но отношения правителя и массы («народа») всегда были неоднозначными, то есть любовь неизбежно и рано или поздно сменяется другими чувствами.

Поэтому некоторые правители и раньше «уходили в тень», уходили, чтобы и вернуться, а сегодня, в эпоху выборов и ограниченных сроков, это просто неизбежный прием для великого и мудрого государя. (Черчилль, Де Голль, Рузвельт). Если любовь кончилась, нужно уйти, а не упираться, потом сами позовут. Но могут и не позвать. Поэтому кто-то может позволить себе роскошь не уходить, несмотря ни на что. Что чревато революциями, особенно сегодня. Ельцин ушел сам, наметив для себя преемника.

7. Революции, прогресс и Макиавелли.

В мире происходят революции, но суть дела не меняется, если не становится хуже. Для власти сегодня существуют политтехнологи, однако это новация скорее номинальная, на деле управляемость политической жизнью не растет. Главное - заложенные в политике стереотипы, общепринятые правила («мораль»).

Прогресс заключается в постепенном изменении правил,

то есть стандартов и стереотипов. К правилам можно относиться трояко: считать, что они установлены Богом; признавать необходимость исключений; признавать правила на словах, а на деле поступать по-другому.

Макиавелли, собственно, показал, что общество не может существовать, не отступая от установленных правил. Пока люди будут нарушать правила, Макиавелли будет актуален. По-видимому, так будет всегда.

**MACHIAVELLI E “PRINCIPI NUOVI”
ALL’EPOCA DELLE TECNOLOGIE POLITICHE**

1. Machiavelli e scienza politica. Machiavelli e’ spesso chiamato il padre della scienza politica moderna, cioe’ logicamente anche delle tecnologie politiche. In parte questo e’ vero, ma in parte non tanto preciso.

Lo stesso concetto della scienza politica e’ relativo, come d’altronde di tutte le scienze che hanno da fare con gli oggetti autodeterminanti. La condotta di tali oggetti non puo’ essere descritta con la precisione propria alle cosiddette “scienze esatte” perche’ e’ sostanzialmente caratterizzata dai parametri accidentali e individuali, i parametri che prevedono la valutazione qualitativa e la scelta.

Corrispettivamente, il concetto della tecnologia politica e’ relativo e metaforico: non esistono “leggi” che fanno le basi per raccomandazioni, per le previsioni del futuro di una certa esattezza; al contrario, tutte le previsioni sono qui probabilistiche.

I ditirambi al Machiavelli come fondatore della scienza politica sono fondati e giustamente dovrebbero essere fondati non tanto sulla sua scoperta delle leggi particolari della politica, quanto su un altro criterio della scientificita’ elaborato all’epoca moderna. Si tratta dell’appello all’esperienza, “realismo”, il principio dell’oggettivazione di chi osserva, cioe’ della separazione delle sue parzialita’ personali, della sua mentalita’, di suoi piani ed intenzioni da quello che succede in realta’ e di regola e’ differente dalle aspettative. Ma questo passaggio era significativo anche come la revisione della soggettivita’, degli

stessi sopraddette aspettative e idee – si puo' dire, della morale per rimanere nei termini della soluzione machiavelliana del “problema politico-morale”.

Questa svolta era radicale per le scienze sociali e per la “politica” nascente (cosi' fu chiamato questo campo d'attivita' nel 500'), puntava sulla distinzione della realta' e dell'apparenza, e in questo senso Machiavelli era il precursore di tali “smascheratori” di stereotipi socio-culturali come Marx e Freud. Machiavelli era fra i primi chi ha teoricamente dimostrato la oggi evidente teatralita' della vita politica – e in generale della gestione sociale; il doppio fondo di questa, l'importanza delle immagini che si stanno creando, la virtualita', la suggestione; tutto quello che permette ai mass media di oggi di controllare i pensieri e quindi la condotta di milioni de persone.

Tuttavia il quadro della politica dipinto dal Segretario fiorentino e' attuale dal punto di vista di vari enunciati piu' concreti, fra i quali vorrei fermarmi su uno solo, sul concetto del “principe nuovo”.

2. Il concetto del “principe nuovo” di Machiavelli.

L'espressione “principe nuovo” che senso puo' aver oggi? Questo termine Machiavelli ha usato per definire il governante unico che ha ottenuto il potere non per eredita', ma grazie alle circostanze favorevoli. Di queste circostanze il principe nuovo puo' usufruire per rafforzare la sua posizione, ma, se e' una persona eminente, anche per la trasformazione della societa' – per creare uno stato nuovo o perfino una religione nuova, per fare leggi nuove.

Youssim M. Machiavelli e “principi nuovi”

3. E’ lecito trasferire i concetti del XVI alla societa’ contemporanea?

Bisogna fare una riserva dovuta all’ esigenza dell’approccio storico alle realta’ sociali. Per Machiavelli e i suoi contemporanei la differenza fra il vestito che portavano loro e la gente antica non sembrava sostanziale. Per noi invece si’ perche’ noi vediamo come si stanno trasformando non soltanto tecnologie produttive, ma pure sociali, anche se quelle ultime di molto breve passo. Quindi e’ inevitabile una certa forzatura nell’adoperare il termine “principe nuovo” ai governanti contemporanei a noi, ma a che serve la storia se non a tracciare i paralleli?

4. I “principi nuovi” del XX e XXI secoli.

Come dice lo stesso Segretario fiorentino all’inizio del suo trattatello, tutti gli stati sono o repubbliche o principati: vuol dire regimi del potere “distribuito” o personale. In realta’ fra di essi esistono e sempre esistevano le gradazioni, sia dal punto di vista della concentrazione del potere (centralizzazione, dittatura, tirannia), sia nel senso della fusione delle varie forme.

Nella politologia moderna regimi del potere personale vengono associati con il cosiddetto “autoritarismo” o “totalitarismo”, questi termini sono apertamente negativi – d’altronde anche Machiavelli parla della monarchia come di una forma politica “trista” (Discorsi, III, 8), cioe’ piu’ bassa.

La tradizione antica, come quella rinascimentale e quella odierna, dava la preferenza alla distribuzione del potere (o “uguaglianza”) rispetto al potere personale. La concentrazione del potere viene ammessa in alcuni casi come male necessario. Tale atteggiamento risulta dalla natura del potere un generale perche’ la stessa idea del potere, ovvero dei rapporti di comando e

obbedienza, si trova in contraddizione al principio fondamentale della morale – il principio dell’uguaglianza o della giustizia. Nello stesso tempo il fenomeno della gestione, il cui caso particolare sono i rapporti di potere, sempre presuppone inegualita’ fra i fini e i mezzi: la gestione consiste nella presa delle decisioni portanti a un fine determinato, nella scelta di una variante fra molte e nel “sacrificio” di una cosa per un’altra. Da qui si conclude che ogni potere ha un elemento di dittatura e non solo un sovrano puo’ essere principe e corresponsivamente “principe nuovo”.

L’evoluzione storica delle formazioni politiche ha portato alla situazione quando il modello ottimale dell’organizzazione politica della società contemporanea e’ la forma combinata dove le azioni di governanti e della cosiddetta “elite politica” (un altro termine dubbio...) sono strettamente limitate dalle leggi e poste sotto controllo della società grazie alla divisione di poteri, alla nomina per elezione, alla riduzione dei termini della permanenza al potere etc.

Laddove questa forma si confermo’ stabilmente, negli Stati Uniti, paesi dell’Europa Occidentale e alcuni altri e alquanto difficile parlare di “principi nuovi”: ogni presidente o primo ministro e’ in un certo senso nuovo essendo governante eletto e non ereditario, ma e’ minimamente “principe” a forza della sua autorità limitata.

In alcune situazioni generate dalla necessita’ di sopravvivere degli organismi sociali anche questi sistemi, chiamiamoli “democratici” di tipo occidentale, ammettono eccezioni. Per esempio, Franklin Roosevelt negli Stati Uniti poteva essere eletto piu’ di una volta continuamente e prendere provvedimenti che parevano a qualcuno autoritari. In certi paesi del XX secolo si sono creati i dittatori che hanno costruito i regimi

Youssim M. Machiavelli e “principi nuovi”

del potere personale, come Hitler e Mussolini, oppure i leader dei regimi fascisti dell'Europa Orientale i cui successi, d'altronde, erano effimeri.

Dal punto di vista dei scritti di Machiavelli la loro attività sembra più che discutibile prima di tutto perché lui comprende il “principe nuovo” come il politico che ha in vista il bene pubblico. Per il bonum commune può essere costretto di ricorrere alle misure severe come se stesse sacrificando l'anima propria (come dice anche Machiavelli nella lettera del 16 aprile 1527 a Francesco Vettori), diciamo, come un carnefice che a nome dello stato fa il lavoro sporco (e lo stato, in genere, è appunto un carnefice al servizio della società).

Questo schema in parte idealistico delle azioni del “principe nuovo” questo fondatore o riformatore della società pone le fondamenta, come è solito pensare, e poi si ritira dal potere, anche se «radissime volte accaggia che uno buono, per vie cattive, ancora che il fine suo fusse buono, voglia diventare principe...» (Discorsi I, 18).

Nella storia contemporanea con questo schema coincidono, per esempio, le azioni di Kemal Atatürk il quale ha condotto le riforme progressiste nella Turchia arretrata e poi si ritirò dal potere dopo aver fondato il regime repubblicano. In parte questo schema sembra essere riprodotto dai dittatori Franco o Pinochet, qualunque sia la valutazione della loro attività e qualunque fossero le intenzioni soggettive di queste personalità nella prospettiva allontanata. Il loro ruolo era quello di “emergency manager” e in fin dei conti hanno contribuito alla rappacificazione della società – e questo, secondo Machiavelli e secondo il punto di vista di oggi, è il fine principale dello stato.

Il principe nuovo machiavelliano in questo senso è un

governante che avvia le riforme necessarie, riduce il corpo sociale corrotto al suo “principio” sano, sopprime la resistenza dei nemici delle riforme e in genere di adepti della licenza’, pone le basi della stabilità nuova per lungo tempo, i cui garanti sono i suoi successori o fautori.

5. La Russia. In Russia nel XX secolo e nei paesi socialisti che hanno seguito la sua strada ogni volta si creavano i regimi del potere personale – a furia delle peculiarità dell’ordine sociale oppure a causa del periodo transitorio delle trasformazioni, e’ difficile dire tenendo conto della brevità della storia disponibile del socialismo reale. Ad ogni modo Antonio Gramsci trova affinità fra dittatura di proletariato e il sistema monopartito generato da quella, da un lato, e l’idea del “principe nuovo” il cui incarnazione vedeva nei partiti di tipo nuovo, dall’altro¹.

La conclusione del detto di sopra e’ che non necessariamente il concetto del “principe nuovo” si lega con una forma di governo determinata, monarchia, repubblica, dittatura etc. e con una serie di criteri stabiliti. Il “principe nuovo” in generale e’ il governante unico (l’espressione di un’ unica volontà) che rinnova la società rendendo alla sua “materia” una forma nuova. (Discorsi, I, 17; Il Principe, XXVI).

Tale governante può essere anche il sovrano ereditario: un esempio efficace nella storia russa rappresenta Pietro il Grande, il riformatore radicale e il più fortunato della nostra patria (anche se le sue riforme spesso vengono caratterizzate come superficiali). Ogni riforma ha il suo costo; meglio non cambiare niente, lasciare

¹ Gramsci A. Note sul Machiavelli, sulla politica e sullo stato moderno. Torino, 1975.

tutto andare secondo l'insegnamento dei nonni ecc. – con questo sarebbe d'accordo anche Machiavelli. Ma, dice quest'ultimo, purtroppo e' impossibile. Tutte le cose per natura degradano e si possono salvare solo ritornando al loro principio sano². E' proprio quello che noi oggi chiamiamo “riforme”, e a volte ci vigliono i provvedimenti molto severi. Le rivoluzioni che sogliono accadere all'improvviso, portano con se i costi ancora maggiori.

In fin dei conti tutti gli organismi politici hanno una struttura gerarchica. Al vertice di questa struttura sta sempre uno o l'altro capo, tutto il resto e' meno importante, sia il suo potere ereditario o lo abbia ricevuto grazie al privilegio della famiglia e sangue, o per elezione, e indipendentemente dall'estensione della sua autorita'. In Russia l'estensione dell'autorita' del capo di stato a partire dal XVI secolo era straordinariamente grande e combinato con il principio ereditario della successione, ma i difetti di questo principio (rilevati anche da Machiavelli – non tutti i sovrani di seguito sono ugualmente virtuosi - Discorsi, III, 19, 20) venivano moderati dalla possibilita' di destituzione (colpi di stato, assassini degli zar) e di nomina di governanti. Il principio di nomina era introdotto appunto sotto Pietro il Grande con lo scopo di correggere i svantaggi della legittimazione puramente

² Discorsi, III, 1: Egli è cosaverissima, come tutte le cose del mondo hanno il termine della vita loro; ma quelle vanno tutto il corso che è loro ordinato dalcielo, generalmente, che non disordinano il corpo loro, ma tengonlo in modo ordinato, o che non altera, o, s'egli altera, è a salute, e non adanno suo. E perché io parlo de' corpi misti, come sono le republiche e le sètte, dico che quelle alterazioni sono a salute, che le riducanoinverso i principii loro. E però quelle sono meglio ordinate, ed hanno più lunga vita, che mediante gli ordini suoi si possono spessorinnovare; ovvero che, per qualche accidente fuori di detto ordine, vengono a detta rinnovazione. Ed è cosa più chiara che la luce, che, non si rinnovando, questi corpi non durano etc.

ereditaria della transizione del potere. (“La ragione della volontà del monarca” di Feofan Prokopovic, Decreto sulla successione del trono del 1722).

Le tradizioni del comportamento sociale e della mentalità storico-sociale delle società e dei popoli sono estremamente vitali, e di questo scrisse tempo fa il Machiavelli (Discorsi, III, 43, 46). Più di una volta è stato detto che nella storia dello stato sovietico, soprattutto nei tempi di Stalin, si manifestano i tratti risalenti all'epoca degli zar. (Ancora a partire dalle opere di Trotsky degli anni 1930 sul terrore staliniano). Nel contesto dell'idea del “principe nuovo” ci interessa prima di tutto l'aspetto che riguarda esclusivamente l'”efficienza” politica e propriamente politica degli uomini di stato: l'acquisizione e il mantenimento del potere, la tecnica dell'amministrazione, e solo in un secondo tempo la valutazione dei governanti dal punto di vista del “bene comune”, dell'utilità per il paese e la società – e' la materia più soggettiva; d'altronde, questa suddivisione è pure relativa.

6. La Russia contemporanea.

I bolscevichi erano i nuovi governanti della Russia che vennero al potere attraverso la rivoluzione. Lenin che una volta cita le parole di Machiavelli sulla necessità di minimizzare la crudeltà (il Principe, cap.8), senza nominarlo, forse trovava conforto nelle illusioni che crudele sarà il periodo breve, ma la realtà era diversa. L'idealismo ancora una volta si mostrò un'antiutopia. Stalin non fu l'erede diretto di Lenin, si affermò al vertice della gerarchia, come è solito credere, per mezzo degli intrighi di apparato e senza dubbio riuscì molto bene nella creazione del regime del potere personale. Evidentemente non trovava un degno successore e non ci sono testimonianze che ne

Youssim M. Machiavelli e “principi nuovi”

voleva nominare uno; in ogni modo il paese ha ereditato da Stalin, nel periodo della venuta e della destituzione di Cruschev il sistema della nomina o dell'elezione di leader politici nella cerchia stretta di gerarchi del partito.

Proprio così ha ricevuto il potere il padre della perestroyka, l'ultimo segretario generale del CC di PCUS M.S.Gorbacev. Come tutti i suoi predecessori era un “principe nuovo” nel senso che alla cima del potere era portato dalle circostanze e in caso della congiuntura favorevole poteva contare di rimanere al timone a vita. Il governo di Gorbacev era nuovo anche sotto un altro aspetto – il paese aveva bisogno di riforme, e lui divenne il simbolo delle trasformazioni attese. Essendo una persona incompetente, come molti altri statisti sovietici di nomenclatura, Gorbacev non risultò all'altezza di obiettivi suddetti, e particolarmente proprio perché non riuscì a mantenere non solo il potere proprio, ma anche il sistema statale esistente. Potrebbe sembrare che barcamenandosi fra le forze politiche opposte lui dimostrò la flessibilità necessaria e il “proteismo” attribuito al principe machiavelliano, cioè la capacità di assumere l'aspetto diverso a seconda delle circostanze. Ma nel caso suo si trattava piuttosto dell'indecisione e inconseguenza, nonché della mancanza del chiaro indirizzo politico. Sotto Gorbacev l'autorità di stato cominciò a svanire, e questa era la base di tutti i regimi politici negli ultimi 500 anni. L'autorità di stato dipendeva sempre dal prestigio della prima persona, del “santo padre zar”. Quando nel paese cominciarono gli scontri generati dagli attriti nazionali, non furono stroncati sul nascere, e questo era l'inizio della disintegrazione dello stato multinazionale, la quale fu predeterminata dalla mancanza della linea rigorosa al mantenimento dell'unità statale.

Anche Boris Eltsyn si trovo' al potere grazie alla congiuntura ed anche lui era un promosso di nomenclatura. Ma la sua simpatia nelle masse nella misura molto maggiore rispetto a Gorbacev era fondata sulla sua condotta. In questo senso era piu' obbligato alla sua "virtu'" che non alla fortuna; l'immagine del democrat, creato da lui piu' o meno coscientemente, corrispondeva alle aspettative comuni alla vigilia degli anni 90.

Sul suo stile di gestione: poco probabile che Eltsyn studiava il ceremoniale bizantino, ma sapeva bene l'ordine regolare della disposizione alla tavola e gli attribuiva l'importanza come al rituale politico simbolico. Sotto Eltsyn e dopo Eltsyn nella Russia nuova e democratica era stabilito il regime della nomina quasi diretta del successore di capo di stato; il capo precedente sceglie l'erede personalmente.

Eltsyn aveva la qualita piu' importante per un principe nuovo: sapeva ed intuiva come conservare il potere ed era pronto di prendere le misure radicali per assicurarlo (per esempio durante il conflitto con il Soviet Supremo di Federazione Russa nel 1993).

Nella societa' della Russia postsovietica ci sono non meno, ma piu' contrasti che in quella sovietica. L'obiettivo del capo di stato in primo luogo e' di non fare peggio, e in secondo luogo e' di attuare le riforme per prevenire una crisi nuova piena del crollo di sistema. Le riforme sono state intraprese, ma le chiamerei con il termine di moda: indirizzate, o selezionate (targeted). Da qualche parte bisogna tappare un buco, da un'altra manifestare la voglia di "ammodernare" e rinnovare.

Sopra abbiamo detto che si puo' valutare l'attivita' di un politico dal punto di vista del bene commune, e questo e' un'angolazione, ma si puo' farlo esaminando le misure prese da lui per rafforzare e prolungare il potere proprio. Ricordando

Youssim M. Machiavelli e “principi nuovi”

Machiavelli si potrebbe dire che la vetrina delle azioni del principe dovrebbe essere il primo, e il fondamento il secondo. Le autorità giocano sempre, e soprattutto oggi, sul campo “virtuale”, ideologico e psicologico, sul campo dell'apparenza. Ed è questo che spiego Machiavelli. È poco importante quello che succede, e importante che gli sudditi fossero almeno tolleranti verso il governante, se non amassero e si fidassero di lui.

Nei tempi di Eltsyn e dopo Eltsyn la Russia si era democratizzata, vuol dire che lo stato si distacca dal possibilmente maggiore numero di obblighi e impegni.

All'epoca di Machiavelli l'affermazione del potere personale di un principe era naturale e logica. Oggi, quando prevalgono i standard della cosiddetta “democrazia”, questo tipo di potere sembra ingiustificato, “autoritario” o “totalitario”. Ma i rapporti del governante e della massa del popolo erano sempre ambigui, perché l'amore inevitabilmente prima o poi si trasforma in un atteggiamento opposto.

Per cui alcuni governanti anche prima nel corso della storia si allontanavano in ombra, se ne andavano per tornare, e oggi, all'epoca delle elezioni e di termini limitati, è un metodo quasi indispensabile per un principe grande e savio. (Si può citare Churchill, De Gaulle, Fr. Roosevelt). Se l'amore è finito, meglio andare via e non impuntarsi, allora più tardi ti richiameranno. Ma non necessariamente.

7. Rivoluzioni, progresso e Machiavelli.

Le rivoluzioni accadono nel mondo, ma la sostanza non cambia, se non diventa peggio. Oggi il potere dispone delle tecnologie politiche, ma è una novità piuttosto nominale, in realtà la vita politica non è più controllabile di prima. La cosa

fondamentale sono gli stereotipi impliciti nella politica, le regole di uso generale (“la morale”).

Il progresso consiste nella trasformazione graduale delle regole, cioè degli standard e stereotipi. L’atteggiamento verso le regole può essere triplo: si può credere che sono stabilite da Dio; si può riconoscere la necessità delle eccezioni; si può riconoscere le regole vocalmente e in realtà fare altrimenti. Machiavelli in sostanza dimostra che la società non può esistere senza scostarsi dalle regole stabilite. Finché la gente continuerà di infrangere le regole, Machiavelli sarà attuale. E probabilmente così sarà sempre.

**Трактат
«Государь» и его
судьбы, переводы**

Уильям Дж. Коннелл
Университет Сетон-Холл, США

**КОГДА МАКИАВЕЛЛИ НАПИСАЛ «ГОСУДАРЯ»:
ХРОНОЛОГИЯ НАЧАЛА И ОКОНЧАНИЯ РАБОТЫ***

* (Английская версия статьи опубликована в журнале The Review of Poitics. V.74, issue 3, 2013. Пер. с англ. А.А.Анисимовой под ред. М. Юсима)

Начнем с некоторых недавно обнаруженных документов, касающихся Никколо Макиавелли. Количество биографических подробностей может показаться поначалу чрезмерным, но эти документы проливают свет на хронологию создания «Государя» и помогают ответить на некоторые давние вопросы относительно характера названного трактата Макиавелли. Новые документы датируются 1515 г. Они относятся к тому периоду, когда бывший флорентийский секретарь и второй канцлер испытывал финансовые сложности и глубокое разочарование в жизни. В 1512 г. Макиавелли был уволен из канцелярии Флорентийской республики. В 1513 г. он был арестован, возможно, по фальшивому обвинению в заговоре, был подвергнут пыткам (хотя так и не признался), а затем неожиданно освобожден во время всеобщей амнистии, последовавшей вслед за избранием флорентинца Джованни Медичи папой Львом X. В 1515 г., когда были составлены эти документы, Макиавелли все еще находился в немилости, но в то же время писал теоретический трактат, который принес ему всемирную известность.

Перечитывая Макиавелли

3 июля 1515 г. во Флоренции состоялась встреча нескольких членов семьи Макиавелли, включая и Никколо, бывшего секретаря. Об этой встрече известно из трех нотариальных актов, составленных тогда же и оставшихся до сих пор неизвестными исследователям¹. Среди присутствующих были братья Никколо и Тотто, а также внук брата их прадедушки Баттиста ди Буонинсенья Макиавелли, с которым у двух братьев были близкие отношения². Более дальний родственник, священник, настоятель Баттиста ди Филиппо Макиавелли, упомянутый в первом документе, отсутствовал и присоединился к ним позднее для подписания второго и третьего документов. Присутствовал также нотариус из архиепископской курии и два свидетеля, которые принадлежали к значимым в политическом и социальном отношении семьям Гвиччардини и Федериги³. Встреча проходила в доме младшего брата Никколо Тотто, в приходе Санта Феличита, напротив Понте Веккьо в центре

¹ Они сохранились в Archivio di Stato di Firenze (далее – ASF), *Notarile antecosimiano* (далее – NA) 1233, fol. 322 r-v, и будут полностью опубликованы в другом издании. Я особенно благодарен Томмазо Казини за помощь при подготовке этой статьи.

² Баттиста ди Буонинсенья, троюродный брат Никколо, был старшим из двух юных Макиавелли, за которыми после смерти их отца приглядывал вместе с их матерью Бернардо, отец Никколо и Тотто. См.: *Machiavelli B. Libro di ricordi* / Ed. Cesare Olschki. Florence: Le Monnier, 1954. P. 96–97 et passim. Он также упомянут в: *Kuehn T. Heirs, Kin, and Creditors in Renaissance Florence*. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. P. 105.

³ Баттиста Гвиччардини упомянут в знаменитом письме Макиавелли к Франческо Веттори от 10 декабря 1513 г.: *Machiavelli N. Lettere* / Ed. Franco Gaeta // *Idem. Opere*. Turin: UTET, 1984. Т. III. P. 425. Второй свидетель, Карло Федериги, по другим документам неизвестен, но изображен на бронзовой медали Никколо Фьорентино в 1498 г., которая хранится сейчас в музее Виктории и Альберта (Лондон, Великобритания).

Коннелл У.Дж. Когда Макиавелли написал ‘Государя’

Флоренции. Вполне логично, что они встретились в доме Тотто, так как решалась именно его судьба. Первый из трех документов утверждает, что настоятель Баттиста, который еще не прибыл, был готов отказаться от своего главного церковного бенефиция – церкви Сант’Андреа, располагавшейся в Монтеспертоли, маленьком городке на юг от Флоренции, с которым у семьи Макиавелли были исторические связи, по крайней мере, с XIV века. Соответственно, документ передает право презентации – право представления архиепископу нового держателя бенефиция – в случае, если церковь станет вакантной, на последующие шесть месяцев отсутствующему родственнику, Лоренцо Макиавелли⁴. Церковь в Монтеспертоли имела достаточно хороший доход, патронат над ней Макиавелли делили с капитанами гвельфской партии⁵. По сути семейство Макиавелли обладало патронатными правами над целой сетью из примерно дюжины сельских церквей и часовен вне Флоренции. Высказывалось предположение, что Никколо не был особенно заинтересован в этих бенефициях, возможно, по недостатку религиозного чувства⁶. Однако недавно

⁴ ASF, NA 1233, fol. 322 r-v.

⁵ *Santoni L.* Notizie storiche delle chiese dell’arci-diocesi fiorentina. Florence: Mazzoni, 1847. P. 349–350. Макиавелли держали две трети прав патроната, а капитаны гвельфской партии – одну треть. В отличие от английского “priory”, который является монастырем, итальянское “prioira” означает просто церковь, которая имеет часовни или другие подчиненные ей церкви.

⁶ Бенефиции Макиавелли описаны в: *Brucker G.* Niccolò Machiavelli, His Lineage, and the Tuscan Church // *I Tatti Studies*. 2010. Т. 13. P. 77–89. Брукер связывал очевидное отсутствие интереса у Никколо к этим бенефициям с его критическим отношением к Церкви. Свидетельство о том, что Никколо, напротив, был вполне активен, относится к двум

Перечитывая Макиавелли

обнаруженные документы показывают, что на протяжении почти двадцати лет именно Никколо играл ведущую роль с точки зрения сохранения этих прав патроната и назначений на бенефиции. Как мы увидим, в данном случае планировалось, чтобы его брат Тотто получил церковь от Баттисты.

Однако затем в дом Тотто прибыл настоятель Баттиста. Об изменении планов свидетельствуют два документа, которые также были составлены в тот день. Прежде всего, было решено, что настоятель Баттиста не будет отказываться от своей церкви. Напротив, было согласовано, что Тотто передадут другой бенефиций, не от настоятеля Баттисты, а от его сына⁷, Джампьеро Макиавелли, который также был священником. Конечно, священник не должен был бы иметь сына, как настоятель Баттиста Макиавелли, тем не менее, у него их было двое. А сын священника не должен был бы в свою очередь, как в случае Джампьеро Макиавелли, становиться священником, но в то время такое довольно

письмам 1497 г. по поводу бенефиция Св. Марии в Фанье (*Machiavelli N. Lettere*. P. 63–65). Я благодарен Джулио Чезаре Буччи за экскурсию по церквям в окрестностях Монтепертоли, где семейство Макиавелли владело правом патроната.

⁷ То, что мессер Джампьеро Макиавелли был сыном настоятеля Баттисты ди Филиппо ди Пьеро Макиавелли, установлено, прежде всего, в ASF, NA 1233, fol.322v: “... locaverunt et concesserunt venerando viro domino Baptiste Philippi de Machiavellis priori Sancti Andree de Montespertulo presenti et conducenti etc., pro se et domino Iohanne Petro et Alexandro fratribus et filiis Baptiste Philippi de Machiavellis...” См. также: ASF, NA 1237, fol. 56v, соглашение (*compromissum*) между Джампьеро и Алессандро, братьями и сыновьями Баттисты, от 20 апреля 1520 г. Верде ошибочно предположил, что Джампьеро был сыном Баттисты ди Буонинсенья (см. ссылку 2 выше). (*Verde A.F. Lo Studio fiorentino, 1473–1503. Ricerche e documenti. Florence and Pistoia, 1973–2010. T. III:2. P. 849.*)

Коннелл У.Дж. Когда Макиавелли написал ‘Государя’

часто случалось в Церкви, особенно в десятилетия до и после 1500 г. Более того, были доступны особые разрешения (диспенсации).

Джампьеро, держатель бенефиция, который предназначался теперь для Тотто, покинул Флоренцию в октябре 1513 г. и жил во Франции. Уезжая, он назначил своего отца, настоятеля Баттисту, доверенным лицом⁸⁸. Поскольку первый документ утверждает, что Баттиста собирался отказаться от своего собственного бенефиция, но после того как он прибыл, было согласовано, что Джампьеро отдаст свой бенефиций, вполне возможно, что изменение стало возможным благодаря согласию Джампьеро. Баттиста, иначе говоря, прибыл на встречу с известием из Франции, что его сын готов уступить церковь. Бенефиций, который Джампьеро должен был оставить, представлял собой приходскую церковь в Сант’Андреа в Перкуссине. Макиавелли обладали там правом патроната, который они делили с прихожанами.

Именно там располагалось поместье семьи Никколо Макиавелли – то самое поместье, которое было описано в знаменитом письме Макиавелли к Франческо Веттори от 10 декабря 1513 г. и в котором Макиавелли написал большую часть текста «Государя». Приор Баттиста сам был ректором этой церкви по крайней мере с 1493 г. по 1504 г., когда при помощи Никколо Макиавелли он смог передать церковь Джампьеро, обойдя таким образом правило XII в., строго запрещающее передачу церковных бенефициев от отца к

⁸⁸ ASF, NA 1232, fol. 338r, от 13 октября 1513 г.

сыну⁹. Во втором документе, от 3 июня, настоятель Баттиста, выступая как правомочное доверенное лицо, передал Никколо Макиавелли от лица своего сына право назначить священника в церковь Сант'Андреа в Перкуссине¹⁰.

Церковь Сант'Андреа в Перкуссине едва ли была ценным бенефицием. Жалкий вид этой собственности описан в отчете епископской инспекции об этой церкви в 1515 г.: «Все находится в плохом состоянии. Лампада перед Телом Христовым не была зажжена. Дом священника в руинах, а состояние церкви прискорбно. Нам сообщили, что Никколо Макиавелли является арендатором всей [церковной собственности]»¹¹. Отчет утверждал, что церковь обслуживала 100 «душ» (*anime*) и её доход оценивался в совсем небольшую сумму – 30 золотых флоринов в год. В отсутствие ректора Джампьеро и при финансовых затруднениях Никколо, главного держателя, а также, по всей вероятности, при задолженности и по ренте, неудивительно,

⁹ Верде отсчитывает владение бенефицием (будущего «настоятеля») Баттисты ди Филиппо с 1493 г. (*Verde A.F. Lo Studio. T. IV:3. P. 1246*) О передаче бенефиция Джампьеро в 1504 г. см.: Archivio arcivescovile di Firenze [далее – AAF], Atti beneficiati [далее – AB] 9, fols 179v-180r. Ванна Арриги (*Arrighi V. Machiavelli, Totto // Dizionario biografico degli italiani. 2006. T. 67. P. 106 (P. 105–107)*) допустила ошибку, считая, что этот настоятель Баттиста все еще был ректором Сант'Андреа в Перкуссине в 1515 г., хотя до 1504 г. он действительно был там ректором (см. следующую ссылку).

¹⁰ ASF, NA 1233, fol. 322.

¹¹ AAF, Visite Pastoralis (далее – VP) 004-1, fol. 69r (26 октября 1514 г.): “Omnia [canc.: *bene*] male se habebant. Lampas non erat accensa ante corpus Christi. Domus tota ruinosa. Et ecclesia male se habebat. Relatum est Nicolaum de Malchiavellis tenere ad afflictum omnia”. Дж. Брукер (см.: *Brucker G. Niccolò Machiavelli. P. 77*) любезно предоставил фотокопию оригинала.

Коннелл У.Дж. Когда Макиавелли написал ‘Государя’

епископ нашел церковь в «прикорбном» состоянии. Несомненно, что все участники встречи 3 июля знали об этой тревожной ситуации.

После дополнительного обсуждения был составлен третий документ. Свидетели подписания двух первых документов уже не присутствовали. Возможно, Никколо и Тотто устраивало, что их друзей-патрициев Баттисты Гвиччардини и Карло Федериги уже не было, поскольку третий документ включал в себя неподходящую для их общественного положения уступку. Новых свидетелей для оформления этого документа – портного и старьевщика – нашли по соседству. Последний документ, составленный в тот день, касается разрушенного замка или “*castellaccio*”, который располагался рядом с церковью Баттисты в Монтеспертоли¹². Более чем за столетие до этого, по завещанию 1393 г. последнего *castellano*, владение замком было передано двум братьям Макиавелли, живущим во Флоренции, одним из которых был прадед Никколо¹³. В последующие годы различные представители семьи Макиавелли передавали свои права на

¹² О расположении замка и церкви, а также споре XVII в. о земле, которой каждый владел, см.: *Bucci G.C. La misteriosa Rocca o Castellaccio dei Machiavelli a Montespertoli*. Florence: Edizioni IT.COMM, 2006. Более поздний спор возник из-за соглашения 1515 г., описанного здесь.

¹³ См. ASF, Carte strozziane, ser. 1, 118, где помещена копия завещания 1393 г. вместе с записями о споре 1428 г. Краткое изложение этого завещания представлено в *ricordanze*, которые хранил Ристоро Макиавелли, а теперь они находятся в Национальной центральной библиотеке Флоренции (Biblioteca Marucelliana di Firenze). Соответствующий пассаж процитирован в книге: *Atkinson C. Debts, Dowries, Donkeys: The Diary of Niccolò Machiavelli's Father, Messer Bernardo, in Quattrocento Florence*. Frankfurt a. M.: Peter Lang, 2002. P. 35–36, n. 37.

Перечитывая Макиавелли

замок другим членам семьи, главным образом отказываясь от обремененного долгами наследства. Так что к 1515 г. единственными владельцами замка были две пары братьев: Никколо и Тотто, с одной стороны, и Баттиста ди Буонинсенья (не путать с настоятелем Баттистой) и его брат мессер Пьеро, с другой¹⁴. Даже превратившийся в руины замок мог быть предметом гордости. Он был продан семьей в XVII в., и в итоге стал собственностью Сидни Соннино, который дважды занимал пост премьер-министра в начале XX в. Его семья построила новый замок, включивший в себя некоторые части старого. Сегодня «Кастелло Соннино» производит марочные вина.

В третьем составленном в тот день документе было достигнуто соглашение, что Никколо и Тотто, с ведома Баттисты ди Буонинсенья и его отсутствующего брата, передадут в аренду замок в Монтеспертоли настоятелю Баттисте и его сыновьям мессеру Джампьеро и Алессандро, не взимая за это никакой платы, за исключением двух фунтов белого воска, которые должны ежегодно предоставляться в знак признания аренды¹⁵. Хотя первоначально аренда была рассчитана на пять лет, более поздние документы сообщают, что замок оставался под управлением настоятеля Баттисты и его наследников на протяжении нескольких десятилетий, до смерти Алессандро, второго сына настоятеля, который

¹⁴ Владение и аренда замка прослеживаются довольно точно по генеалогическому древу, опубликованному на задней обложке первого издания Бернардо Макиавелли: *Machiavelli B. Libro di ricordi*, ed. Cesare Olschki (Florence: Le Monnier, 1954).

¹⁵ ASF, NA 1233, fols. 322v-323r.

Коннелл У.Дж. Когда Макиавелли написал ‘Государя’

оставил это держание детям Никколо¹⁶. Владение старым замком, даже находящимся в руинах, наделяло значительным социальным престижем. Сомнительно, что Никколо Макиавелли передал бы замок даром, как это было сделано, священнику и его двум незаконнорожденным сыновьям, если бы на то не было веской причины. Очевидно, что за этими действиями стоял расчет на благорасположение настоятеля Баттисты.

Что это была за «милость», становится ясно благодаря двум документам, составленным на следующий день, 4 июля 1515 г., в курии архиепископа¹⁷. В первом из них настоятель Баттиста, вновь выступая в качестве доверенного лица своего сына, отказался от церкви в Сант’Андреа в Перкуссине. Во втором документе Баттиста ди Буонинсенья, выступая от лица патронов церкви Макиавелли, передал эту же церковь своему кузену Тотто. В результате двухдневных переговоров между членами семьи в обмен на бесплатное держание замка Тотто становился ректором церкви, расположенной рядом с домом своего брата. Было решено, что Тотто станет сельским священником.

Для Тотто это означало существенное изменение планов в худшую сторону. Его первоначальные карьерные устремления не включали в себя священство. Будучи моложе Никколо на шесть лет, Тотто получил гуманистическое образование у тех же учителей, что и его брат. Затем Тотто

¹⁶ Так указано в генеалогическом древе (см. ссылку 14 выше), рядом с пятью сыновьями Никколо ди Бернардо: “Questi furno eredi di Alexandro di Batista”.

¹⁷ AAF, AB 11, fols. 105r-106r; и ASF, Diplomatico, Ricci, normali, 4 luglio 1515.

посвятил себя торговле. В какой-то момент, до 1510 г., Тотто, действительно, был поставлен в малый чин. Формально это позволяло ему принять некоторые бенефиции и открывало для него различные варианты церковной карьеры¹⁸. В то же время малый чин означал и мало обязательств. Он делал возможным переход к церковной карьере мгновенно, если возникнет такая необходимость. Подобную подстраховку Николло и Тотто устроили в 1502 г. для своего шестнадцатилетнего племянника Джованни Верначчи, сына их умершей сестры Примаверы, поставив его в малый чин в Венеции. Джованни, однако, стал купцом, и нет никаких указаний на его заинтересованность в церковной карьере¹⁹.

Тем не менее, после того, как несколько коммерческих начинаний Тотто в Восточном Средиземноморье в конце концов потерпели неудачу, он, по-видимому, изменил свои планы²⁰. В 1510 г. он подтвердил в Риме малый чин, который

¹⁸ Письма (будущего настоятеля) Баттисты от 9 ноября 1503 г. и Тотто от 21 ноября 1503 г. (*Machiavelli N. Lettere*. P. 172–173, 180.), которые касаются некоторых богатых бенефициев в Тоскане, рассматриваются отдельными исследователями (например, Брукером (P. 86)) как проявление интереса к ним со стороны Тотто, но вопрос остается открытым. Безымянным держателем бенефициев (“d’età d’anni 64” в 1503 г.) был Никколо Пандольфини, епископ Пистойи, который был из клиентелы Медичи. Он получил бенефиции от находящегося в изгнании Джованни Медичи (но с возвратом) с тем, чтобы у республики не было возможности наложить арест на доходы.

¹⁹ *Machiavelli N. Lettere*. P. 157, где “nostro nipote” является Джованни Верначчи. Об участии, которое его дяди приняли в нем, см.: *Ibid.* P. 101. Одним из этих родственников Верначчи был священник Лука Баттиста Верначчи, который держал бенефиций Сант’Андреа в Перкуссине в 1480 или 1481 г. См.: *Brucker G. Niccolò Machiavelli*. P. 81 (хотя он был не просто «местным клириком»).

²⁰ *Arrighi V. Machiavelli, Totto*. P. 106.

Коннелл У.Дж. Когда Макиавелли написал ‘Государя’

принял до этого, вместе с титулом “clericus”, хотя он не был священником²¹. Возможно, Тотто добился подтверждения своего статуса просто для того, чтобы защитить себя от скандала, затронувшего его брата Никколо во Флоренции в связи с предположением, что их отец Бернардо был незаконнорожденным. Вероятно, Тотто было нелегко в 1512–13 гг., когда Никколо потерял работу и был затем арестован. Тем не менее, избрание Джованни Медичи папой Львом X в марте 1513 г. было, по-видимому, благоприятным для Тотто, который, как и его брат, скорее всего знал Джованни Медичи с отрочества во Флоренции до 1494 г., когда Джованни был изгнан вместе со своей семьей. Никколо был освобожден из тюрьмы благодаря избранию папы и пытался получить какой-нибудь государственный пост через своих друзей в Риме, в то же время он также настойчиво добивался назначения Тотто одним из *familiaries* /служителей/ папы²². Основной задачей, о которой он постоянно писал Франческо Веттори, было получить для Тотто должность при папском дворе, которая давала бы бы ему солидный доход и возможность последующего продвижения. Однако в июле 1515 г. Тотто было предложено совсем иное.

²¹ ASF, Diplomatico, Ricci, normali, 5 января 1510 г., составленный в Риме, подтверждает поставление Тотто в малый чин в качестве “clericus”. Но документ не говорит об его рукоположении в священники, как утверждает Брукер (*Brucker G. Niccolò Machiavelli. P. 86.*), который следует за Оресте Томмазини (*Tommasini O. La vita e gli scritti di Niccolò Machiavelli. Rome: Loescher, 1883–1911. T. I. P. 476.*).

²² Никколо Макиавелли к Франческо Веттори, 13 марта 1513 г.: “Voi sapete in che grado si truova messer Totto nostro. Io lo raccomando a voi et a Pagolo [Vettori] generalmente. Desidera solo, lui et io, questo particolare: di essere posto in tra i familiari del papa, e scritto nel suo rotolo, et averne la patente; di che vi preghiamo”. (*Ibid. P. 361*)

Должность “*prete di contado*” не вызывала энтузиазма у хорошо обеспеченных флорентинцев. В 1477 г., например, Джованни Торнабуони попросил Лоренцо Медичи помочь получить богатый бенефиций для племянника, чтобы «ему не пришлось быть сельским священником»²³. Теперь же, в начале июля 1515 г., было очевидно, что надежды Тотто на пост в римской курии не осуществились. Вместо переезда в Рим Тотто становился простым сельским клириком, да еще и в бедной церкви в поместье своей семьи. И всё же Тотто отложил свое посвящение в священники, хотя для ректора церкви требовалось пройти обряд священнического рукоположения, до того момента, пока он не получил 28 января 1516 г. от папы Льва привилегию, разрешающую ему держать одновременно несколько бенефициев, если они будут ему пожалованы²⁴. Наконец, 2 марта 1516 г. Тотто принял священнический сан, со всеми обычными обетами, включая обет безбрачия²⁵. Наверное, он ощутил свою беспомощность, когда через два месяца, 28 апреля 1516 г., папа Лев пожаловал бывшему ректору Сант’Андреа – Джампьеро Макиавелли, все еще находившемуся во Франции, ежегодную пенсию в 8 золотых дукатов, которые должны были вычитаться из мизерных доходов церкви²⁶.

²³ Брукер (*Brucker G. Niccolò Machiavelli. P. 82*) цитирует Верде (*Verde. Lo Studio. T. III:1. P. 554–555*): “che non abbia essere prete di contado”.

²⁴ ASF, Diplomatico, Ricci, normali, 28 января 1516 г., процитирован в: *Arrighi V. Machiavelli, Totto. P. 106–107*.

²⁵ Запись о рукоположении Тотто в священники содержится в: ASF, Diplomatico, Ricci, normali, 2 марта 1516 г., процитирована в: *Arrighi V. Machiavelli, Totto. P. 106–107*.

²⁶ ASF, NA 1235, fols. 167v–168r.

Коннелл У.Дж. Когда Макиавелли написал ‘Государя’

Представленные выше документы сообщают нам, что братья Макиавелли летом 1515 г. находились в сложном положении. Конечно, бесплатная уступка старого замка в Монтеспертоли являлась скорее символической. Но решение Тотто стать сельским священником стало шагом, который уже нельзя было отменить. Правда, пять лет спустя, после того как его брат Никколо вернул благорасположение семейства Медичи, Тотто смог найти другие возможности для своего продвижения²⁷. Но в июле 1515 г. Тотто не мог знать о том, как все повернется в будущем.

Трудность ситуации, в которой оказались оба брата, помогает объяснить уныние, заметное в сохранившихся письмах Никколо второй половины 1515 г. Ранее в том же году, 31 января, Никколо был воодушевлен возможностью назначения на должность при Джулиано Медичи благодаря помощи брата Франческо Веттори, Паоло²⁸. Но следующий документ из переписки Никколо, которым мы располагаем после месяцев молчания, это очень краткая записка от 18 августа, адресованная его племяннику Джованни Верначчи, который тогда был занят торговлей шерстью в Пере, пригороде Стамбула. Тон письма полностью отличается от полного надежд январского письма:

«Дорогой Джованни. Если я не написал тебе раньше, хотелось бы, чтобы ты обвинял в этом не меня или других, а

²⁷ В 1520 г. он стал “*familiare, domestico e continuo commensale*” кардинала Джованни Сальвиати. Также есть сведения о том, что в это время он выполнял административную работу во Флорентийском университете в Пизе (*Arrighi V. Op. cit. P. 106.*)

²⁸ *Machiavelli N. Lettere. P. 488–491.*

только обстоятельства. Они до сих пор таковы, что заставляют меня забыть даже о самом себе»²⁹.

Как однажды отметил Хьюго Джекекел (Hugo Jaeckel) относительно этого письма: «Это слова человека, все еще не оправившегося от шока»³⁰. За этим в ноябре последовало еще более мрачное письмо, снова к Верначчи:

«Дорогой Джованни... Судьба не оставила мне никого, кроме семьи и друзей... Я надеюсь, что если судьба пошлет тебе какие-то достойные дела, ты поступишь в отношении моих детей также, как я поступил в отношении твоих»³¹.

Из переписки следует, что какое-то значительное разочарование постигло Макиавелли в промежутке между концом января и серединой августа 1515 г. Новые документы начала июля действительно показывают, что братья полагались только на небольшое число «родственников» и «друзей». У нас нет письма, которое бы объясняло, чем же был разочарован Макиавелли. Однако его удаление с поста в

²⁹ *Machiavelli N. Lettere. P. 492.*

³⁰ *Jaeckel H. What is Machiavelli Exhorting in his Exhortatio? The Extraordinaries // Niccolò Machiavelli. Politico storico letterato / Ed. J.-J. Marchand. Rome: Salerno, 1996. P. 59 – 84 (83).* Попытка Джекекела прочитать «Государя» с точки зрения предполагаемого оптимизма Макиавелли по поводу вторжения Франциска I входит в противоречие с враждебностью папы Льва X к французам. Виванти отмечает, что маловероятно, чтобы некто, рассчитывающий на службу у Медичи, захотел столь открыто написать об ошибках папы. (*Vivanti C. Intorno a Machiavelli // Idem. Incontri con la storia. Politica, cultura e società nell'Europa moderna / Ed. M. Gotor and G. Pedullà. Formello: Edizioni SEAM, 2001. P. 121.*) То, что Джекекел называет чрезвычайными обстоятельствами, о которых идет речь в главе 26, скорее относится к возвращению Медичи во Флоренцию и последующему избранию папы Льва.

³¹ *Machiavelli N. Lettere. P. 492.*

Коннелл У.Дж. Когда Макиавелли написал ‘Государя’

1512 г., арест и последующее освобождение в 1513 г. произошли на несколько лет раньше. Какое новое событие или события могли толкнуть братьев на чрезвычайные меры, описанные в этих новых документах? Вполне вероятно, что сложность, с которой столкнулись братья, была связана с несбывшимися ожиданиями вследствие неудачи с посвящением «Государя» Макиавелли Лоренцо Медичи младшему.

Уже давно Дженнаро Сассо указал на то, что аргументы, представленные исследователями относительно датировки написания Макиавелли «Государя» и «Рассуждений» часто соотносились с гипотезами, предложенными теми же исследователями относительно цели Макиавелли при написании этого трактата³². Что Макиавелли хотел сделать или показать в «Государе», было предметом споров почти с того самого момента, когда эта маленькая книжечка получила распространение. Некоторые утверждали, что Макиавелли пытался тайно пропагандировать антимонархические, «республиканские» идеи в «Государе». Другие утверждали, что книга дает прямые советы правителям. Одни характеризовали «Государя» как исключение среди произведений Макиавелли, в то время как другие считают этот труд средоточием его идей. Раннее отрицательное отношение к «Государю» в самых разных кругах, даже пока произведение существовало только в рукописи, по-видимому, заставило самого Макиавелли посеять сомнения в умах

³² *Sasso G. Niccolò Machiavelli. Storia del suo pensiero politico / Rev. ed. Bologna: Il Mulino, 1980. P. 314–320.*

друзей, поскольку в конце своей жизни он объяснял им, что произведение было написано со скрытым демократическим умыслом и направлено против Медичи³³. Принимая во внимание эти разногласия, многие исследователи вполне разумно предположили, что намерения Макиавелли можно выявить, если установить с большей точностью, когда и при каких обстоятельствах Макиавелли писал «Государя». Так, некоторые исследователи утверждали, что произведение было составлено за короткое время и в спешке, поэтому в нем содержатся досадные ошибки. Другие заявляли, что оно подверглось тщательной переработке но осталось более или менее незаконченным, и поэтому содержит прискорбные промахи. Третьи считали его безукоризненным примером риторического сочинения: «Государя», как они утверждают, вполне соответствует целям автора и не содержит серьезных недостатков. На данный момент так много всего было написано по поводу датировки «Государя», что Поль Ларивей недавно назвал это “*rompicapo*” (головоломкой) или загадкой, «ожидающей своего Розеттского камня»³⁴. Но и эта аналогия не предполагает, что прогресс невозможен. Как будет показано, новые сведения, представленные в данной статье, помогают с большей точностью установить время завершения произведения, но для того, чтобы понять, насколько «Государя» стоит рассматривать как продуманное и законченное прозаическое сочинение, необходимо прежде

³³ Как в замечаниях, приписываемых Макиавелли его друзьями, которые обсуждали «Государя» с кардиналом Полом, так и в анекдоте, сохраненном Риккардо Риккарди.

³⁴ Larivaille P. In attesa della Stele di Rosetta. Appunti sulla cronistoria di un rompicapo machiavelliano // Filologia e critica. 2009. T. 34. 2009. P. 261–281.

Коннелл У.Дж. Когда Макиавелли написал ‘Государя’

всего рассмотреть все, что известно касательно начала работы над ним.

Знаменитое письмо Макиавелли к Веттори, датированное 10 декабря 1513 г. и отправленное из Флоренции, а не из упоминаемого в нем родового поместья, как обычно полагают, сообщает, что он написал, исправляет и дополняет сочинение «о власти государей» (*de principatibus*)³⁵. Макиавелли почти наверняка начал писать свой трактат в 1513 г., в промежутке между освобождением из тюрьмы 13 марта и письмом к Веттори от 10 декабря. Идею о том, что «Государь» был в спешке написан в 1513 г., при чрезвычайных обстоятельствах, с четкими целями, и после очевидно недолгих размышлений, настойчиво защищал Федерико Шабо. Он не пишет об этом прямо, но очевидно, что Шабо пытался оправдать то, что считал в «Государе» нежелательным с точки зрения морали³⁶. Эта мысль была развита Гансом Бароном, чтобы объяснить как отклонение то, что, по его мнению, было всего лишь мимолетной апологией единоличного правления, написанной в силу крайней необходимости, вопреки общей приверженности автора республиканским идеям³⁷. Согласно этому предположению,

³⁵ *Machiavelli N.* Lettere. P. 423–428. О тексте письма и обстоятельствах Макиавелли в 1513 г. см.: *Connell W.J.* New Light on Machiavelli's Letter to Vettori, 10 December 1513 // *Europa e Italia: studi in onore di Giorgio Chittolini / Europe and Italy: studies in honour of Giorgio Chittolini.* Florence: Firenze University Press, 2011. P. 93–127.

³⁶ *Chabod F.* Del Principe di Niccolò Machiavelli (1925) // *Idem.* Scritti su Machiavelli. Torino: Einaudi, 1964. P. 29–135; *Chabod F.* Sulla composizione de Il Principe di Niccolò Machiavelli (1927) // *Ibid.* P. 137–193.

³⁷ *Baron H.* Machiavelli the Republican Citizen and Author of The Prince // *Idem.* In Search of Florentine Civic Humanism: Essays on the Transition from

сочинение представляло собой наспех набросанный этюд, нравственные последствия которого Макиавелли полностью не продумал. Однако такая точка зрения была окончательно опровергнута благодаря найденному Жан-Жаком Маршаном автографу черновика поразительного письма Макиавелли к Джованни Баттисте Содерини от сентября 1506 г., которое известно как *Ghiribizzi*, или «Фантазии, адресованные Содерини»³⁸. Известные прежде по плохой копии, сделанной внуком Макиавелли Джулиано де'Риччи, *Ghiribizzi* относили к 1512–1513 гг.; считалось, что письмо было адресовано Пьеро Содерини, бывшему главе Флорентийского государства. *Ghiribizzi* предвещают многие из тех идей, которые появляются позднее в «Государе», начиная от крепостей и заканчивая Фортуной, так что датировка черновика 1506 годом указывает на давнее увлечение Макиавелли теми темами, о которых он напишет в 1513 г. в «Государе». Как говорит Роберто Ридольфи: «перенос датировки *Ghiribizzi* с зимы 1512 – 1513 гг. на сентябрь 1506 г. вносит большую сумятицу в биографию Макиавелли и в историю развития его идей: это, возможно, важнейшее открытие в этой области за последние сто с лишним лет. Мысли, уже поражавшие предвосхищением «Государя» и «Рассуждения», теперь приходится датировать шестью годами раньше»³⁹.

Medieval to Modern Thought. Princeton: Princeton University Press, 1988. Vol. 2. P. 101–151.

³⁸ Маршан обратил на автограф внимание Роберто Ридольфи, который опубликовал его. См.: *Ridolfi R., Ghiglieri P. I Ghiribizzi al Soderini // La Bibliofilia*. 1970. Т. 72. P. 53–74.

³⁹ *Ridolfi R. Vita di Niccolò Machiavelli*, 7th rev. ed. Florence: Sansoni, 1978. P. 478.

Коннелл У.Дж. Когда Макиавелли написал ‘Государя’

Стоит отметить также, что *Ghiribizzi* были адресованы племяннику квази-правителя Флоренции, или “*principe civile*”. Пьеро Содерини, пожизненный гонфалоньер справедливости республики и глава государства, был бездетен, так что дети его умершего старшего брата Паолантонио привлекали к себе особое внимание как во Флоренции, так и за ее пределами. Это придает черновику письма философское и педагогическое измерение, которые созвучно посвящению «Государя» Лоренцо Медичи-младшему и планируемому ранее посвящению Джулиано Медичи. Более того, значительные добавления Макиавелли в черновик, испещренный исправлениями, надписями на полях и вставками, указывают на то, что он работал над ним некоторое время. Поскольку он сохранил именно этот черновик, хотя обычно не хранил черновики или копии своих писем, возможность того, что Макиавелли мог сверяться с *Ghiribizzi*, когда он позднее, в 1513 г., писал «Государя», не исключена. Не будет преувеличением назвать *Ghiribizzi* первым наброском более позднего труда.

И все же, первое четкое указание на то, что Макиавелли работал над сочинением, озаглавленным “*de principatibus*”, относится к декабрю 1513 г. Когда именно он начал писать «Государя», неясно. С полным основанием большинство исследователей считают, что написание книги началось не позднее конца августа 1513 г., хотя, как уже было сказано, многие идеи книги восходят по крайней мере к 1506 г. Самое главное, теперь невозможно согласиться с тем, что трактат был написан в бездумной спешке. Но считал ли его автор «законченным»?

Еще один способ оправдать текст, который вызывает сложности, – сказать, что он оставлен незаконченным. Такая тактика просматривается в аргументах, которые на протяжении десятилетий отстаивал Марио Мартелли. Согласно Мартелли, хотя книга была начата в 1513 г., окончательный вариант был создан только в последние месяцы 1518 г., когда Макиавелли якобы превратил её из руководства в агрессивный трактат, провозглашающий политическую программу для *coup d'état*, который планировал Лоренцо младший⁴⁰. С точки зрения Мартелли, «Государь» был все еще «в работе» (*opera aperta*). В 1518 г., как он утверждает, «незаконченная и все еще обдумываемая [книга] была подправлена и приведена в порядок (возможно, не одним только автором) так, чтобы она могла быть представлена общественности». Тем не менее, она была опубликована только в 1532 г., через пять лет после смерти автора. Таким образом, по мнению Мартелли, «Государь» так и остался трудом, который никогда не был приведен автором в удовлетворяющий его вид⁴¹.

Позиция Мартелли не получила большой поддержки. Ему возражали, что книга довольно широко была распространена еще в рукописи и что ранние рукописи представляют собой достаточно последовательный текст. И ранние читатели рукописей «Государя», начиная с 1516 г. (а не 1518 г., как считает Мартелли), по-видимому, интересовались одними и

⁴⁰ Martelli M. Da Poliziano a Machiavelli. Sull'epigramma dell'Occasione e sull'occasione // *Interpres*. 1979. Т. 2. Р. 230–254; Ларивей (Larivaille, “In attesa”) хорошо описывает динамику развития теории Мартелли.

⁴¹ Martelli M. Edizione nazionale delle opere di Niccolò Machiavelli. Rome: Salerno Editrice, 1997. Р. 18–19.

Коннелл У.Дж. Когда Макиавелли написал ‘Государя’

теми же пассажирами. Наконец, хотя известно, что Макиавелли различными способами защищал «Государя», никто не слышал от него жалоб, что сочинение было не закончено, то есть, что оно было преждевременно вырвано из его рук.

Но когда же «Государя» был закончен? Первое известное нам прочтение «Государя» современником Макиавелли может быть отнесено к началу 1516 г. В то время Франческо Гвиччардини писал свое «Рассуждение о том, как сохранить власть за Медичи» (*Discorso del modo di assicurare lo stato ai Medici*), работу, которая напоминает «Государя» рядом легко узнаваемых аналогий⁴². Так что «Государя» был почти наверняка завершён к 1516 г., а возможно, как мы увидим, даже несколько раньше. Но насколько раньше? Некоторые исследователи, особенно Дженнаро Сассо и Джорджо Инглезе, опираясь на риторические и стилистические соображения, считали, что «Государя» является цельной и логически последовательной работой, полностью завершённой к лету 1514 г. Действительно, есть основания полагать, что работа в основном была к тому моменту завершена⁴³. Тем не менее, налицо все больше свидетельств,

⁴² Richardson B. The Prince and its Early Readers // Niccolò Machiavelli's The Prince: New Interdisciplinary Essays / Ed. by M. Coyle. Manchester: Manchester University Press, 1995. P. 25 (18–39). Предложенный Ларивеем (“In attesa”) terminus a quo между июнем 1515 г. и 8 октября 1516 г. опровергается свидетельством *Discorso* Гвиччардини, которое Ларивей сам признает.

⁴³ По нашему мнению, некоторые элементы, которые есть в главах 19 и 25 «Государя», можно обнаружить уже в письме Макиавелли к Веттори от 10 декабря 1513 г. (*Connell W.J.* New Light. P. 103, 120–123). Р. Блэк пишет: «очевидно, что усилия Макиавелли завершить текст простираются не далее 1514 г.» (*Black R.* Notes on the Date and Genesis of Machiavelli's *De principatibus* // *Europa e Italia: studi in onore di Giorgio Chittolini* / Europe and

что Макиавелли внес некоторые изменения в первой половине 1515 г.

В опубликованной посмертно статье Ганс Барон отметил, что в главе 26 «Государя» Макиавелли после фразы “*tante guerre fatte nei passati venti anni*” («так много войн велось за последние двадцать лет») помещает список сражений, который начинается с битвы при Форново-ди-Таро, произошедшей 6 июля 1495 г.⁴⁴ Отсчитав 20 лет после 1495 г., мы получим июль 1515 г. Остается, однако, некоторая неопределенность, так как упоминание «войн» (“*guerre*”), как некогда правильно подметил Сассо, может означать и первое вторжение французов в 1494 г. и таким образом указывает на предпочитаемую Сассо дату – 1514 г.

Отрывки, об изменениях в которых можно говорить с большей уверенностью, появляются в высказываниях глав 3 и 16, относящихся к французскому королю Людовику XII. Вставка в главу 3, которая подсказывает датировку, была впервые отмечена в выполненном мной английском переводе «Государя», опубликованном в 2005 г. Рассуждая о “*cinque errori*” (пяти ошибках), совершенных Людовиком XII во время его вторжения в Италию, Макиавелли отмечает: «Даже эти ошибки не могли повредить ему, если бы он был жив...»

Italy: studies in honour of Giorgio Chittolini. Florence: Firenze University Press, 2011. P. 31 (29–41)).

⁴⁴ *Baron H.* The Principe and the Puzzle of the Date of Chapter 26 // *Journal of Medieval and Renaissance Studies*. 1991. Vol. 21. P. 83–102. Почему Барон так и не опубликовал статью, неясно. Возможно, он понял, что, если Макиавелли всерьез работал над «Государем» в 1515 г., через два года после знаменитого письма к Веттори, то это опровергнет его прежнее утверждение (см. сноску 37), что «Государь» был временным «отклонением» для Макиавелли-республиканца.

Коннелл У.Дж. Когда Макиавелли написал ‘Государя’

Фраза «если бы он был жив» (*vivendo lui*) определенно относится к смерти Людовика, который умер в ночь с 31 декабря 1514 на 1 января 1515 г., поэтому несомненно, что этот пассаж был вставлен после указанной даты⁴⁵. Как уже отмечал Мартелли в исследовании главы 3, опубликованном в 1981 г., несколько параграфов, касающихся политики Людовика в Италии, кажутся расположенными немного не по порядку с точки зрения логики и стиля. Отсюда вытекает, что автор вернулся к своему тексту и внес изменения, не перечитав существующий текст⁴⁶. Роберт Блэк в недавней статье соглашается с тем, что “*vivendo lui*” является более поздним добавлением, и указывает также на удаление в некоторых рукописях слова “*presente*” во фразе “*el re di Francia presente*”, встречающейся в главе 16. Поскольку не было попыток стереть в рукописях слово “*presente*” из похожего упоминания, также в главе 16, Фердинанда Испанского (“*el re di Spagna presente*”) и поскольку Фердинанд умер 23 декабря 1516 г., Блэк верно заключает, что два изменения, относящихся к Людовику (вставка *vivendo lui* и удаление *presente*), должно быть были произведены между 1 января 1515 г. и 23 декабря 1516 г.⁴⁷ Но события того года были драматичными для Флоренции и для Италии. Кроме того, как считает большинство исследователей, именно в это время Макиавелли был занят написанием

⁴⁵ *Connell W.J.* Introduction // *Machiavelli N.* The Prince with Related Documents / Ed. by W. Connell. Boston: Bedford/St. Martin’s, 2005. P. 19, 33 n. 32, 49 n. 26.

⁴⁶ *Martelli M.* La struttura deformata: sulla diacronia del cap. III del Principe // *Studi di filologia italiana.* 1981. T. 39. P. 77–120.

⁴⁷ *Black R.* Notes on the Date. P. 33–34.

«Рассуждений на первую декаду Тита Ливия», которые он упоминает в главах 2 и 8. Хотелось бы еще больше сузить промежутков, в который «Государь» получил законченный вид, если это вообще возможно.

Упоминание смерти Людовика в главе 3 является последним событием в «Государе», которое может быть точно датировано. Однако не все согласятся с этим. Недавно Роберт Блэк повторил идею Федерико Шабо, от которой сам Шабо впоследствии отказался, относительно фразы в главе 14, где Макиавелли пишет, что «Франческо Сфорца, будучи вооружен, из частного лица стал герцогом Милана; а его сыновья, избегавшие ратных трудов, стали из герцогов частными людьми» (*Francesco Sforza, per essere armato, di privato diventò duca di Milano; e' figliuoli, per fuggire e' disagi delle arme, di duchi diventarono privati.*) Блэк, следуя первоначальной идее Шабо, понимает слово «figliuoli» не в его прямом значении «сыновья», что является принятым прочтением, а как «потомки». Поэтому он трактует этот отрывок так, как будто в нем Макиавелли говорит о недавних событиях, связанных с династией Сфорца: в августе 1512 г. на встрече в Мантуе Массимилиано Сфорца, внук Франческо Сфорца, получил герцогство Миланское; а 12 – 13 сентября 1515 г., после битвы при Мариньяно, Массимилиано потерял герцогство. По мнению Блэка, эта фраза Макиавелли могла быть написана только после того, как Массимилиано был разбит при Мариньяно. Таким образом он датирует окончательный вариант «Государя» промежутком времени между Мариньяно в сентябре 1515 г. и смертью Фердинанда Испанского 23 января 1516 г.

Коннелл У.Дж. Когда Макиавелли написал ‘Государя’

Однако датировка завершения «Государя» временем после Мариньяно порождает новые сложности. Для начала, как указал Ганс Барон, Макиавелли не упоминает Мариньяно в «Государе»: ни в «двадцатилетнем» списке битв в главе 26, ни где-либо еще⁴⁸. Более того, Мариньяно, с точки зрения более широкой перспективы, явилось решающим сражением и подтверждением силы французов. Как отмечает Карло Дионизотти, если бы сокрушительная французская победа при Мариньяно уже произошла, призыв Макиавелли освободить Италию от варваров выглядел бы нелепо⁴⁹. Более точное прочтение пассажа относительно “figliuoli” Франческо Сфорца позволяет избежать этих сложностей и, возможно, даже объясняет, почему Шабо отказался от идеи, которую теперь высказывает Блэк. Если мы читаем слово “figliuoli” в его основном значении, т.е. как упоминание не внука Франческо Сфорца Массимилиано, а его настоящих «сыновей» (Галеаццо Марии, Лодовико и Асканио), то фраза Макиавелли становится вполне понятной. Именно Галеаццо Мария решил оставить военный образ жизни своего отца кондотьера Франческо, став вместо этого порочным поклонником роскоши, и приобрел ту репутацию, которая привела к его убийству как тирана. Массимилиано же вырос в изгнании во Фландрии при имперском дворе, так что говорить о его выборе в пользу или против воинственного образа жизни своего деда невозможно⁵⁰. Более того,

⁴⁸ *Baron H. The Principe.*

⁴⁹ *Dionisotti C. Machiavelleria ultima // Rivista storica italiana. 1995. Т. 107. Р. 22–23 (20–28).*

⁵⁰ Благодарю Марчелло Симонетту за высказанное им соображение по этому поводу.

благодаря использованию в фразе Макиавелли множественного числа “*figliuoli*”, её также можно отнести к братьям Галеаццо Марии, Лодовико и Асканио, поскольку эти два сына Франческо были тесно связаны друг с другом, сначала после потери Милана в сентябре 1499 г., затем во время недолгого восстановления власти над городом в феврале 1500 г., и, наконец, вследствие его окончательной утраты в апреле 1500 г.⁵¹ На этом основании кажется единственно логичным допустить, что множественное число слова *figliuoli* не относится к внуку Франческо Массимилиано, и принять по уже указанным выше причинам гипотезу Барона и Дионизотти, что «Государь» был завершён до битвы при Мариньяно в сентябре 1515 г.

Предварительный вариант разброса дат, между которыми мог быть создан конечный вариант «Государя», теперь установлен на основе внутренних текстуальных свидетельств. Работа должна была быть завершена между 1 января 1515 г. (смертью Людовика XII) и 13 сентября 1515 г. (битвой при Мариньяно). Однако можно ещё больше сузить предполагаемый промежуток времени, если посмотреть за пределы текста и обратиться к сведениям, связанным с посвящением трактата.

Знаменитое письмо Макиавелли к Веттори от 10 декабря 1513 г. указывает на то, что он собирался посвятить

⁵¹ О том, как эти события сблизили братьев см.: *Pellegrini M. Ascanio Maria Sforza. La parabola politica di un cardinale-principe del rinascimento. Rome: Istituto storico italiano per il medio evo, 2002. T. 2. P. 764*, который пишет: “La solidarietà fraterna con il Moro e con l’operazione dinastica da lui [i.e. Ascanio] compiuta scattò nel cardinale proprio nel momento della catastrofe che piombò addosso a entrambi, dopo una vita di infinite contese”.

Коннелл У.Дж. Когда Макиавелли написал ‘Государя’

«Государя» Джулиано Медичи. Более того, как уже было отмечено, 31 января 1515 г. Макиавелли написал письмо Франческо Веттори относительно возможности его назначения на пост при Джулиано Медичи в правительстве княжества, которое, по его ожиданиям, должно было появиться в Северной и Центральной Италии. Макиавелли все еще рассчитывал на должность при Джулиано, поэтому маловероятно, как указал Дионизотти, чтобы Макиавелли уже тогда изменил посвящение своего труда в пользу племянника Джулиано, Лоренцо-младшего⁵². Надежда на получение должности сохранялась по крайней мере до 14 февраля 1515 г., даты письма Пьетро Ардингелли к Джулиано Медичи. В этом письме были переданы инструкции кардинала Джулио Медичи, запрещающие Джулиано держать на службе Никколо Макиавелли⁵³. Неизвестно, сообщили ли об этом запрете Макиавелли, и каким образом это могло произойти. Но до этого момента для него было бы бессмысленно посвящать труд о власти правителя Лоренцо, надеясь при этом получить пост при Джулиано. По всей вероятности, Паоло Веттори или его брат Франческо сообщили Макиавелли о том, что он не получит должности при Джулиано. В 1514 – 1515 гг. братья, работавшие в основном в Риме, поделили между собой, так сказать, в силу обстоятельств, источники покровительства Медичи. Паоло, который был среди тех, кто организовал государственный переворот, приведший к бегству Пьеро Содерини и возвращению Медичи во Флоренцию, присоединился к брату

⁵² *Dionisotti C. Machiavelleria ultima. P. 24–25.*

⁵³ Опубликовано в: *Tommasini. Vita e scritti. T. II:2. P. 1064–1065.*

Перечитывая Макиавелли

папы Джулиано. Между тем, Франческо, будучи представителем Флоренции в Риме, стал доверенным лицом папского племянника, Лоренцо-младшего⁵⁴. Поскольку «Государь», в том виде, в каком он дошел до нас, посвящен Лоренцо, Макиавелли, очевидно, каким-то образом узнал, что пост при Джулиано он не получит и что лучше попытаться счастья при Лоренцо-младшем. Другой вывод заключается в том, что должна была состояться аудиенция у Лоренцо, на которой Макиавелли мог представить свою работу.

Тот факт, что аудиенция у Лоренцо, во время которой Макиавелли преподнес молодому правителю окончательный вариант своего трактата, имела место, находит ожидаемое подтверждение в истории, записанной в конце XVI века флорентинцем Риккардо Риккарди. Она звучит следующим образом:

«Никколо Макиавелли поднес [Лоренцо ди] Пьеро Медичи свою книгу «Государь». К несчастью для него в это же самое время Лоренцо была подарена пара охотничьих собак, и он высказал этому дарителю большую благодарность и говорил с ним более дружелюбно, чем с Макиавелли. Поэтому Макиавелли ушел оскорбленным. И он как-то сказал в кругу друзей, что сам он не из тех, кто устраивает заговоры против правителей, но всё же, если [Медичи] будут следовать его наставлениям [в «Государе»], то они познакомятся и с заговорами. Он имел в виду, что книга отомстит за него».

⁵⁴ *Devonshire Jones R. Francesco Vettori: Florentine Citizen and Medici Servant. London: Athlone Press, 1972. P. 103: «Из двух братьев Веттори именно Паоло был в хороших отношениях с Джулиано».*

Коннелл У.Дж. Когда Макиавелли написал ‘Государя’

Этот анекдот, который был впервые опубликован Эдоардо Альвизи в 1883 г., иногда ставится под сомнение⁵⁵. Конечно, его автор, Риккардо Риккарди, жил в 1558 – 1612 гг. и писал через много лет после смерти Макиавелли. Но Риккарди был флорентинцем со связями. И поскольку история известна только из *Ricordi* Риккарди, вероятность того, что она была просто придумана для привлечения читателей, невелика. Вторая часть анекдота («И он как-то сказал в кругу друзей...») до некоторой степени близка к высказываниям Реджинальда Пола в 1539 г., также основанным на заявлениях друзей Макиавелли, поэтому можно предположить, что некоторые из них являлись и источником рассказа Риккарди. По утверждению как Пола, так и Риккарди, Макиавелли распространял историю о том, что он написал «Государя», стремясь усилить склонность Медичи к тирании и лишить их популярности в надежде на их последующее свержение. Это объяснение было и остается неправдоподобным, но флорентийского секретаря всегда отличали дерзость и скрытый юмор.

Но для нас более важно то, что анекдот Риккарди, по-видимому, подтверждает факт преподнесения книги Лоренцо, которое было обычным делом, и это помогает установить дату, когда трактат был завершён в его нынешнем виде. Анекдот соответствует нашим представлениям о Лоренцо-младшем, чья мать Альфонсина жаловалась в письме, что молодой человек больше интересуется охотой, чем выбором жены⁵⁶. Если бы

⁵⁵ *Machiavelli N. Lettere familiari / Ed. E. Alvisi. Florence: Sansoni, 1883. P. XIV.*

⁵⁶ *Pieraccini G. La stirpe de Medici di Cafaggiolo. Saggio di ricerche sulla trasmissione ereditaria dei caratteri biologici. rpt. Firenze: Nardini, 1986. T. I. P. 225–226.*

Перечитывая Макиавелли

этого подношения не было, близкие друзья Макиавелли, которые пережили его на много лет, например, Франческо Гвиччардини, могли бы опровергнуть подобные рассказы.

Преподнесение Лоренцо окончательного текста «Государя» произошло вероятно, вскоре после прибытия Лоренцо во Флоренцию вместе с Франческо Веттори 15 мая 1515 г.⁵⁷ Лоренцо, который некоторое время находился в Риме, теперь возвращался с конкретным поручением организовать военные силы Флоренции. Более того, Франческо Веттори давал Лоренцо советы касательно народного ополчения (*militia*), в чем Макиавелли определенно разбирался. В такой ситуации было логично представить Лоренцо бывшего канцлера комиссии Девяти по делам народного ополчения.

Вернемся к архивным документам, о которых шла речь в начале. Кажется очевидным, что собрание семьи, после которого Тотто вступил на духовную стезю, было созвано для того, чтобы упрочить финансовое и социальное положение двух братьев Макиавелли. Надеждам, которые Никколо и его брат питали в январе 1515 г., не суждено было осуществиться. О службе Никколо у Медичи речи больше не шло, - как и о месте для Тотто. «Государь», если его рассматривать как прошение о приеме на работу, потерпел неудачу. Новые нотариальные документы, как и письма Макиавелли его племяннику Верначчи, показывают, что в это время он старался сохранить все, что возможно, полагаясь

⁵⁷ *Reinhard H. Lorenzo von Medici, Herzog von Urbino, 1492–1515. Ein biographischer Versuch unter besonderer Berücksichtigung der Vermittlerrolle Lorenzos zwischen Leo X. und Franz I. von Frankreich im Jahre 1515. Freiburg i. B.: Jos. Waibel, 1935. P. 48.*

Коннелл У.Дж. Когда Макиавелли написал ‘Государя’

только на своих ближайших родственников и друзей. Учитывая стесненные обстоятельства братьев Макиавелли, настоятель Баттиста дал понять, что он готов отдать Тотто свою церковь в Монтеспертоли. Наверняка весточку послали также Джампьеро в Париж. Поэтому Баттиста прибыл на встречу 3 июля с новостью о том, что Джампьеро уступит Тотто церковь Сант’Андреа в Перкуссине, где тот сможет стать сельским священником.

Подведем итоги. «Государь» не был сочинением, написанным наспех. Это глубоко продуманная работа, восходящая еще к тем идеям, которые Макиавелли впервые попытался записать в 1506 г. В 1513 и 1514 гг. он переформулировал эти идеи в рамках трактата *de principatibus*, который, как он надеялся, помог бы ему поступить на службу к Джулиано Медичи. Макиавелли внес небольшие изменения в текст в первой половине 1515 г., когда его адресатом стал вместо Джулиано Медичи Лоренцо-младший. Нельзя сказать, что «Государь» дошел до нас в неполном или неудовлетворительном виде. К моменту представления труда Лоренцо-младшему, с точки зрения автора, текст являлся завершенным и устраивал его в той мере в которой автора вообще может удовлетворять его работа. Несомненно, Макиавелли мог позднее жалеть о создании этой работы, но это не дает повода полагать, что она осталась незаконченной. И, наконец, представление «Государя» – встречу Макиавелли с лицом, которому была посвящена эта книга, – следует датировать где-то между приездом Лоренцо во Флоренцию 15 мая 1515 г. и собранием семьи при нерадостных обстоятельствах в доме Тотто Макиавелли во Флоренции 3 июля 1515 г.

Giorgio Scichilone

L'università degli studi di Palermo, Italia

**L'INNOMINATO PRINCIPE MACHIAVELLIANO.
UN'IPOTESI**

1. Premessa. Retorica e religione

Da tempo si è fatta strada nei miei studi machiavelliani una chiave interpretativa attraverso cui mi pare di leggere i significati innovativi del lessico dell'ex segretario di Firenze. Si tratta della combinazione di due registri, quello retorico e quello della religione, attraverso cui Machiavelli, con impareggiabile maestria, ha cercato di veicolare i concetti della sua rivoluzionaria teoria politica. Dire rivoluzionaria non è esagerato né 'retorico'. È sostanziale ed è riferito al fatto che con la scrittura del *Principe* la tradizione filosofico-politica che dall'antichità perviene al medioevo subisce una sollecitazione così profonda e sconvolgente che diviene uno dei segni, nel campo culturale, del passaggio epocale della modernità. Enfatizzare questo aspetto mi serve per spiegare un paio di cose che sono essenziali all'interpretazione che propongo. La prima è già *in re ipsa* e la stessa celebrazione del V centenario della composizione del *Principe* lo dimostra. Machiavelli, come detto, operò consapevolmente una cesura con la tradizione teorica e la cultura politica dominante: nel luogo simbolo di questo cambiamento di prospettiva, il XV capitolo del *Principe*, dichiarò di volersi «partire dagli ordini degli altri», anche a costo di sembrare presuntuoso. Ma il rischio dell'immodestia era il minore. Machiavelli ebbe presente non solo la portata innovativa della sua proposta teorica, ma anche tutte le

difficoltà di una simile novità culturale. Sotto una tale luce ha una certa grandiosità (che non dovrebbe essere derubricata come sfarzo oratorio) l'incipit del proemio dei *Discorsi*. È infatti una straordinaria testimonianza – in assoluta continuità con il *Principe* – di una tale consapevolezza: paragonandosi a un esploratore temerario di terre incognite, il Colombo della filosofia politica, annuncia una scoperta che desidera affidare a chi, più amato dal Cielo (come scrive più avanti dell'opera), possa operare quel bene che lui (da Segretario della repubblica, sottointeso) non ha potuto realizzare: introdurre nuovi ordini. Come i fondatori di stati, da Mosè a Savonarola, sa bene che anche nel suo caso, benché si tratti di una fondazione teorica, è un'impresa pericolosa. Cerchiamo di capire perché. È la comprensione del contesto storico, ideologico e intellettuale che ci aiuta a soppesare le parole di Machiavelli.

L'esperienza fresca degli avvenimenti gli aveva insegnato dolorosamente che Firenze, per fuggire il nome di crudele, aveva perso Pistoia. Savonarola medesimo, per astenersi dalla violenza, fu a sua volta abbattuto dai suoi avversari. Nei *Discorsi* Machiavelli può anche dire ciò che nel *Principe* opportunamente tace: Soderini pensò che evitando le armi e usando la bontà potesse conservare il potere. Una scelta sciagurata che pose fine all'esperienza repubblicana e l'inizio alla restaurazione medicea. Com'è chiaro, e come Machiavelli rimarca, c'era un problema etico, sia diffuso che specifico alla classe politica, che impediva di giustificare l'uso della forza per chi detiene il potere o aspira ad averlo. Ciò non contrasta con l'immagine del Rinascimento sacrilego e immorale. Cesare Borgia, lo dice Machiavelli, era universalmente considerato crudele. Il fatto è che Machiavelli ritiene quella crudeltà – o meglio, quel tipo di crudeltà – utile,

Scichilone G. L'innominato principe machiavelliano

doverosa, addirittura, usando un termine religioso, *pia*. Il limite dei vari governanti fiorentini (per rimanere nella patria machiavelliana) fu quello di non essere stati abbastanza cinici, simulatori, crudeli da mantenere lo stato. L'errore fatale quello di non riuscire a trovare un compromesso soddisfacente tra la necessità della violenza in politica e i divieti morali imposti dal Vangelo.

La sfida che aveva di fronte Machiavelli era colossale, epocale come la modernità inaugurata dalle scoperte geografiche del suo tempo. Doveva fare comprendere ai suoi lettori (e i primi destinatari delle sue opere sono, è bene ricordarlo, nel caso del *Principe* un governante in atto, nel caso dei *Discorsi* dei governanti in potenza), che non tutta la violenza è da condannare, e vi possono essere delle azioni crudeli ma eticamente accettabili, perfino giuste. Ecco il cuore del problema. Machiavelli si assunse l'onere eccezionale di riformulare ciò che è giusto e ciò che non lo è. Per raggiungere lo scopo prefissato – per porre cioè sotto una luce favorevole le qualità comunemente ritenute negative e condannate come spregevoli – dovette necessariamente ribaltare la morale tradizionale cristiana, e sostituire la gerarchia morale dei precetti religiosi con un'altra gerarchia di precetti politici. Dal XV capitolo del *Principe*, dopo che l'opuscolo si è (grosso modo) occupato di classificare i tipi di principato, avviene esattamente questo. Quella è la *magna charta* del machiavellismo. È una scelta consapevole e audace, e si spiega anche perché lui dica (nei *Discorsi*) *pericolosa*. Di fatto è cosciente di due cose: che scandalizzerà la radicata opinione comune e soprattutto andrà ad impattare contro il monopolio dell'etica tenuto dal potere ecclesiastico.

Il modo migliore per affrontare una simile impresa fu quello di entrare nelle categorie mentali del suo auditorio, dominate appunto dalla cultura cristiana, ed usare la stessa struttura linguistica ed ideologica per persuaderlo dei propri nuovi *precetti*. La sua formazione imbevuta dei testi classici della retorica e la sua familiarità con la cultura cristiana – due aspetti inevitabili per un umanista del rinascimento italiano – furono le sue armi. Con sapienza retorica l'ex cancelliere adoperò il lessico biblico per accreditare la sua rivoluzionaria teoria politica.

Tirando le somme di questo primo argomento, possiamo concludere che se Machiavelli è divenuto uno snodo essenziale della storia della teoria politica occidentale è perché ha mantenuto la promessa di quanto ha annunciato. Non fu un annuncio formale tipico della tradizione classica. È effettivamente vero che sia entrato in una strada mai prima percorsa, e credo che il senso di una tale impresa rischiosa possa essere riassunto in quella sua pagina memorabile dove, con impareggiabile chiarezza, ha esposto la sua intenzione di sostituire lo statuto etico occidentale, imperniato sui valori cristiani (in cui sono stati riplasmati quelli antichi e pagani), con una propria visione del rapporto tra etica e politica. Quella pagina, come detto, è il XV capitolo del *Principe*, laddove dichiara solennemente la sua decisione di seguire la «verità effettuale della cosa» piuttosto che, come hanno fatto tutti gli altri scrittori che hanno «disputato questa materia», andare dietro «alla imaginazione di essa».

Va riportata questa pagina perché è un momento capitale del pensiero politico moderno, la più grande innovazione che da Aristotele sia stata compiuta nella storia intellettuale europea.

Lasciando, adunque, indietro le cose circa uno principe immaginate, e discorrendo quelle che sono vere, dico che tutti gli

Scichilone G. L'innominato principe machiavelliano

uomini, quando se ne parla, e massime e' principi, per essere posti più alti, sono notati di alcune di queste qualità che arrecano loro o biasimo o laude. E questo è, che alcuno è tenuto liberale, alcuno misero [...]; alcuno è tenuto donatore, alcuno rapace; alcuno crudele, alcuno pietoso; l'uno fedifrago, l'altro fedele; l'uno effeminato e pusillanime, l'altro feroce e animoso; l'uno umano, l'altro superbo; l'uno lascivo, l'altro casto; l'uno intero, l'altro astuto; l'uno duro, l'altro facile; l'uno grave, l'altro leggiere; l'uno religioso, l'altro incredulo, e simili.

E io so che ciascuno confesserà che sarebbe laudabilissima cosa in uno principe trovarsi, di tutte le soprascritte qualità, quelle che sono tenute buone; ma, perché non le si possono avere, né interamente osservare, per le condizioni umane che non lo consentono, gli è necessario essere tanto prudente, che sappia fuggire l'infamia di quelli vizii che li torrebbero lo stato, e da quelli che non gnene tolgano guardarsi, se egli è possibile; ma, non possendo, vi si può con meno rispetto lasciare andare. Et etiam non si curi di incorrere nella infamia di quelli vizii, senza quali e' possa difficilmente salvare lo stato; perché, se si considererà bene tutto, si troverrà qualche cosa che parrà virtù, e seguendola sarebbe la ruina sua, e qualcuna altra che parrà vizio, e seguendola ne riesce la securtà e il bene essere suo.

Dopo avere fatto una classificazione dicotomica delle virtù e dei vizi secondo la morale tradizionale, ed avere ammesso che è convinzione unanime che possedere le virtù arreca lode, mentre avere vizi procura biasimo, lo scrittore fa osservare che, tuttavia, ciò che è considerata virtù conduce alla rovina dello stato, quello che è ritenuto vizio alla salvezza. Com'è possibile persuadere di

questo precetto chi è abituato a considerare che è cosa lodevolissima per un principe avere tutte le virtù cristiane?

Come un Lutero della politica, Machiavelli presume di leggere (e invita i suoi lettori a seguirlo in questo senso) sensatamente la Bibbia. Proprio dalle autorità scritturali e dalla tradizione cristiana ricava il sostegno alle sue tesi sovversive. Ancora una volta, esattamente come i fondatori di stati (gli esempi classici sono Numa e Mosè, quelli moderni Savonarola), ricorre a Dio perché sta fondando una nuova scienza politica.

2. Il XVIII capitolo. L'elogio della simulazione

Data la premessa generale, mi propongo di dimostrare un ulteriore caso in cui, se è plausibile questa chiave di lettura, il linguaggio religioso sia usato con abilità retorica per mostrare la bontà dei suoi precetti. Altrove ho già posto in evidenza come il “ricorso a Dio” da parte di Machiavelli sia sempre la spia di un livello spinoso a cui il discorso sia giunto, e rimando a quelle pagine per rievocare i casi celebri di Mosè, Davide, Savonarola, e così via.

Su questa scia, mi pare di avere individuato un caso esemplare, e poco avvertito, in cui Machiavelli, proprio in questo sforzo titanico di ribaltamento della morale tradizionale, ricorra ad un *exemplum* che è naturalmente tratto dal contesto cristiano. Esempio perché siamo di fronte a quel tipico modo di procedere machiavelliano che ho messo in evidenza in cui retorica e religione si intrecciano (infatti è proprio della retorica ricorrere agli *exempla*, e Machiavelli ne fa largo uso). E tuttavia, in un gioco paradossale, il caso esemplare di cui voglio discutere è unico nel suo genere. Ed è per questo che lo trovo particolarmente

attraente. Per dimostrare la veridicità della sua tesi Machiavelli ancora una volta appone un esempio e indica il modo di fare di un principe, ma per la prima volta – e sarà l'unica – per prudenza non fa il nome. Non è solo l'indubbia suggestione della reticenza dello scrittore che stimola la curiosità dell'interprete. Scoprire il volto dell'innominato principe dà un'altra informazione importante sul contesto e le condizioni in cui Machiavelli scrisse la sua opera.

Nell'elenco di vizi e virtù che abbiamo letto vi è dunque una serie di coppie antitetiche. Prendiamone solo tre: crudele e pietoso; fedifrago e fedele; intero e astuto. Il XVIII capitolo, altro grande tassello di questa impresa machiavelliana, si intitola *In che modo e' principi abbino a mantenere la fede*, trattando nello specifico la coppia fedifrago/fedele. Se nel XV capitolo si diceva in generale che occorre capovolgere le regole morali abituali, in questo si considera la fattispecie della caratteristiche connesse alla simulazione, poichè Machiavelli dibatte il caso in cui sia utile alla salvezza dello stato essere fedele e stare ai patti, ovvero usare l'astuzia per ingannare gli altri facendo credere loro una cosa per farne un'altra. Naturalmente argomenta a favore della necessità della simulazione.

L'inizio del capitolo ricorda esattamente le parole del XV, dove si diceva che tutti sono d'accordo che è laudabilissima cosa avere le migliori qualità, anche se poi piazza il colpo sconcertante: sono esattamente quelle che fanno perdere lo stato. Qui si dice qualcosa di simile:

Quanto sia laudabile in uno principe mantenere la fede e vivere con integrità e non con astuzia, ciascuno lo intende; nondimanco, si vede per esperienza ne' nostri tempi quelli principi avere fatto gran cose che della fede hanno tenuto poco

conto, e che hanno saputo con l'astuzia aggirare e' cervelli degli uomini; e alla fine hanno superato quelli che si sono fondati in sulla lealtà.

Insomma, sarebbe bello essere un principe che mantiene la parola data, che sia fedele e non fedigrafo, intero e non astuto, ma poi nella realtà succede proprio che chi osserva la fede perde il potere rovinosamente, mentre gli astuti (e i crudeli) fanno progressi. Per chiarire quali sono le vere virtù che chi fa politica deve avere, Machiavelli, abbattendo un altro luogo classico su cui era stato edificato lo specchio dei principi, procede con la celeberrima disquisizione sui due modi di combattere, uno tipico degli uomini – ed è il mondo delle leggi – e l'altro delle bestie – ed è quello della forza. Da questo secondo termine della dicotomia ne nasce un'altra, perché tra le qualità ferine che occorre possedere, vi è oltre la forza anche l'astuzia, i cui simboli classici sono il leone e la volpe.

E qui Machiavelli cala l'altra grande carta del machiavellismo: un principe prudente non può né deve osservare la fede, se osservare i patti è contrario alla salute dello stato.

Non può pertanto, uno signore prudente né debbe osservare la fede, quando tale osservanzia li torni contro e che sono spente le cagioni che la feciono promettere. E, se gli uomini fussino tutti buoni, questo precetto non sarebbe buono; ma, perché sono tristi e non la osserverebbero a te, tu etiam non l'hai ad osservare a loro. Né mai a uno principe mancorono cagioni legittime di colorire la inosservanzia. Di questo se ne potrebbe dare infiniti esempi moderni, e mostrare quante paci, quante promesse sono state fatte irrite e vane per la infedeltà de' principi: e quello che ha saputo meglio usare la golpe, è meglio capitato. Ma è necessario questa natura saperla bene colorire, ed

Scichilone G. L'innominato principe machiavelliano

essere gran simulatore e dissimulatore: e sono tanto semplici gli uomini, e tanto obediscono alle necessità presenti, che colui che inganna troverà sempre chi si lascerà ingannare.

È un capitolo questo in cui Machiavelli diviene incontenibile. Dopo la prudenza iniziale del XV capitolo in cui mostra un ossequio formale alla tradizione precedente che si accinge ad attaccare frontalmente, adesso è lanciato nel proporre senza imbarazzo precetti dichiaratamente non buoni, giustificati dalla malvagità umana che non consente a chi fa politica di seguire le virtù cristiane.

Sente di avere oramai in pugno il suo interlocutore. Composto secondo le regole retoriche, il *Principe* ha una struttura che rivela spesso una disputa tra l'autore e un contraddittorio. E l'autore, convinto che la storia e l'esperienza quotidiana stiano dalla sua parte, ovvero che la verità effettuale dimostri questo, alla possibile obiezione di chi vuole sostenere la bontà delle virtù cristiane può scaricare una quantità infinita di esempi. Con una certa baldanza, può perfino dire che non ce n'è bisogno di quegli esempi, tanto si tratti di una evidenza solare. Ma poi, spinto da una tentazione irresistibile, uno lo fa. E pesca tra gli infiniti esempi moderni che potrebbe addurre quello che dovrebbe abbattere chi mostra una certa resistenza ad accettare i suoi precetti non buoni. La sua mossa è uno scacco matto, perché il perfetto principe ingannatore è un papa contemporaneo, il capo della cristianità, il vicario di Cristo. Nessuno infatti può obiettare che Sua Santità Alessandro VI sia colui che può vantare la migliore performance in campo di simulazione, e chiunque, anche di mala voglia, è costretto ad ammettere che nessun principe dei

tempi moderni sia stato tanto abile ad ingannare gli altri come quel papa:

Io non voglio, degli esempi freschi tacerne uno. Alessandro VI non fece mai altro, non pensò mai ad altro, che ad ingannare uomini, e sempre trovò subietto da poterlo fare. E non fu mai uomo che avessi maggiore efficacia in asseverare, e con maggiori giuramenti affermassi una cosa, che l'osservassi meno: nondimeno, sempre li succedono li inganni ad votum, perché conosceva bene questa parte del mondo.

Conosceva bene questa parte del mondo... Il rimando biblico, sottile, c'è. È il diavolo il «*princeps huius mundi*» secondo il vangelo di Giovanni (14,30), l'antagonista di Cristo, colui che tenta il Signore offrendogli i regni del mondo. Il Vicario di Cristo Alessandro VI (non solo lui, a dire il vero) non è stato altrettanto forte, ha accettato i regni della terra e per ottenere quel potere ha usato con maestria l'arte dell'inganno. Diavolo significa proprio "ingannatore". Savonarola tuonava dal pulpito che Alessandro VI era l'Anticristo; Machiavelli sostiene che il principe ingannatore per eccellenza è il Vicario di Cristo.

In perfetta coerenza, il successivo ragionamento che Machiavelli porta avanti dopo l'esempio demoniaco del papa Borgia è sbalorditivo:

A uno principe, adunque, non è necessario avere in fatto tutte le soprascritte qualità, ma è bene necessario parere di averle. Anzi, ardirò di dire questo, che, avendole e osservandole sempre, sono dannose; e parendo di averle, sono utili; come parere pietoso, fedele, umano, intero, religioso, ed essere; ma stare in modo edificato con l'animo, che, bisognando non essere, tu possa e sappi mutare el contrario. E hassi ad intendere questo, che uno principe, e massime uno principe nuovo, non può osservare tutte

Scichilone G. L'innominato principe machiavelliano

quelle cose per le quali gli uomini sono tenuti buoni, sendo spesso necessitato, per mantenere lo stato, operare contro alla fede, contro alla carità, contro alla umanità, contro alla religione. E però bisogna che egli abbi uno animo disposto a volgersi secondo ch'è venti della fortuna e le variazioni delle cose li comandano, e, come di sopra dissi, non partirsi dal bene, potendo, ma sapere intrare nel male, necessitato.

È un ulteriore passo avanti. Non solo è bene non essere pietoso, fedele, umano, intero e religioso, ma è meglio sembrare di esserlo. Simulazione significa apparire: bisogna sembrare di possedere le qualità comunemente ritenute buone per sedurre gli uomini e poterli colpire senza che essi se l'aspettino da qualcuno che hanno ritenuto buono, fedele, caritatevole, pio e religioso.

Debbe, adunque, avere un principe gran cura che non gli esca mai di bocca una cosa che non sia piena delle soprascritte cinque qualità, e paia, a vederlo e udirlo, tutto pietà, tutto fede, tutto integrità, tutto umanità, tutto religione. E non è cosa più necessaria a parere di avere che questa ultima qualità. E gli uomini in universali iudicano più agli occhi che alle mani; perché tocca a vedere a ognuno, a sentire a pochi. Ognuno vede quello che tu pari, pochi sentono quello che tu se'; e quelli pochi non ardiscono opporsi alla opinione di molti, che abbino la maestà dello stato che li defenda; e nelle azioni di tutti gli uomini, e massime de' principi, dove non è iudizio a chi reclamare, si guarda al fine. Facci dunque un principe di vincere e mantenere lo stato: e' mezzi saranno sempre iudicati onorevoli e da ciascuno laudati; perché il vulgo ne va preso con quello che pare e con lo evento della cosa; e nel mondo non è se non vulgo; e li pochi non ci hanno luogo, quando li assai hanno dove appoggiarsi

«Gli uomini in universali iudicano più agli occhi che alle mani». Tommaso ha toccato con le mani per verificare quanto gli veniva detto, ma gli uomini in genere credono in ciò che vedono, e allora il principe, a vederlo e a udirlo, deve mostrarsi «tutto pietà, tutto fede, tutto integrità, tutto umanità, tutto religione». Non c'è nulla di più necessario che sembrare di essere religioso. Se il principe è così abile da apparire un buon cristiano, allora avrà più possibilità di ingannare gli uomini, perché in un contesto cristiano apparire come il più devoto imitatore di Cristo è la carta vincente per aggirare i cervelli degli uomini. L'ultima remora morale a questo diabolico suggerimento è spazzata via da un'esortazione che corre ormai in scioltezza: l'unica preoccupazione del principe deve essere quella di ottenere e conservare il potere, senza angosciarsi se è costretto a ricorrere a mezzi contrari all'etica comune. Una volta ottenuto il successo, chiunque approverà quei mezzi giudicandoli perfino onorevoli.

Il capitolo potrebbe a questo punto dirsi chiuso.

Ma la conclusione è invece affidata a un'aggiunta. Come se ancora una volta Machiavelli sia preso da una tentazione irrefrenabile e nonostante abbia già assicurato che stiamo parlando di qualcosa che non ha affatto bisogno di dimostrazioni, non può fare a meno di addurre un altro esempio prima di chiudere il discorso. Il capitolo iniziava – ricordiamolo – con l'elogio dell'inganno e di “quanto sia laudabile” l'arte della simulazione. Poi era proseguito nel dettaglio, suggerendo che per un ottimo ed efficace raggiero occorre apparire un fervido cristiano. L'esempio del principe della Chiesa, impareggiabile maestro di ipocrisia, era quanto di meglio potesse avere tra le mani. Su questo esempio, Machiavelli aveva insegnato ulteriori particolari di brillante psicologia sociale: anche se pochi conoscono

l'autentica natura del principe, i molti giudicano per quello che possono vedere, e quei pochi non potranno opporsi alla schiacciante opinione generale. Soprattutto se quei governanti hanno dietro, oltre alla potenza dello stato, la legittimazione della dominante ideologia cristiana, i sudditi obbediranno loro per dovere morale oltre che per vincolo di legge. Per questa ragione Guicciardini pregava di vedere la fine della tirannide dei preti, che ci governano doppiamente – diceva – con le armi temporali e spirituali. Ricordando nelle battute conclusive che *nel mondo non è se non vulgo*, Machiavelli aveva chiuso le cose dall'inizio alla fine, dal principe ingannatore al popolo credulone. Senonchè, come detto, ecco inopinatamente il secondo exemplum, che riportando la luce verso l'alto, dove si governa, sintetizza perfettamente tutto quanto è stato discusso:

Alcuno principe de' presenti tempi, il quale non è bene nominare, non predica mai altro che *pace e fede*, e dell'una e dell'altra è inimicissimo: e l'una e l'altra, quando e' l'avessi osservata, gli arebbe più volte tolto e la reputazione e lo stato¹.

3. Predicare pace e fede

Questo enigmatico personaggio è un principe attuale, uno di quegli infiniti esempi che pone un problema di abbondanza per Machiavelli; ci viene detto che predica continuamente una cosa e fa l'opposto, un abilissimo simulatore, a tal punto che si può sospettare che insidi il primato di Alessandro VI; e la sua destrezza è esattamente quella invocata da Machiavelli in questo

¹ Il Principe, XVIII.

capitolo: sembrare tutto religione ed esserne assolutamente privo. Perciò questo principe ha conseguito risultati politici straordinari.

I commentatori hanno tradizionalmente identificato questo *innominato principe* con Ferdinando il Cattolico, riconosciuto o riconoscibile presso i contemporanei per la sua consumata abilità nell'arte dell'inganno. La fonte coeva più autorevole, Guicciardini, non manca di sottolineare una tale nota "virtù" del re di Spagna, «pieno in tutte le azioni di incredibile simulazione e dissimulazione». Nell'edizione Einaudi del *Principe* del 1961 commentata da Chabod, un testo che per tanto tempo è stato di riferimento negli studi machiavelliani, Luigi Firpo, che ha curato le note, ha postillato il passo citato in modo perentorio, limitandosi a una sola parola: «Ferdinando il Cattolico». Altri, come Vittorio de Caprariis e Luigi Russo fino a Rinaldo Rinaldi, nelle loro rispettive curatele del *Principe*², hanno sentito il bisogno di avvalorare questo 'chiaro' riferimento di Machiavelli citando proprio alcune espressioni di Guicciardini, nelle cui opere viene in effetti spesso ribadita questa opinione diffusa che si aveva sul re di Spagna. In realtà Giorgio Inglese, la cui edizione del *Principe* apparsa per Einaudi nel 1995 è divenuta quella di riferimento, si astiene dal prendere una posizione, non dando alcun nome al personaggio senza volto che Machiavelli porta come figura esemplare di simulazione. Gennaro Sasso invece, in uno dei suoi saggi machiavelliani, si iscrive nella prestigiosa schiera degli interpreti dando per scontato, incidentalmente, che si

² L'edizione del *Principe* a cura di Caprariis per la Laterza è del 1962; quella curata da Russo per i tipi della Sansoni è del 1967, mentre l'edizione Utet edita da Rinaldi è del 1992.

tratti di Ferdinando³, finendo con l'imprimere un'ulteriore autorevole sanzione a questa ipotesi.

Ne era già convinto Arthur Burd, da cui probabilmente si origina il luogo comune, che nel suo commento di fine Ottocento, un'edizione all'epoca rivoluzionaria e ancora oggi ricca di insuperati commenti, scrisse: «When Machiavelli was writing *The Prince* it would have been impossible to mention Ferdinand's name here without giving offence»⁴. In tempi recenti, un'altra importante edizione nell'area anglofona apparsa nel 2005 curata da William Connell ribadisce questa pionieristica indicazione, ma con più prudenza. Connell ritiene infatti che Machiavelli «probably» alluda al re di Spagna, rinviando molto opportunamente su quanto l'autore scrive esplicitamente di questo personaggio al capitolo XXI. È esattamente da qui, da questo rimando interno, che tuttavia nascono i dubbi. E pertanto conviene rileggere l'incipit di questo capitolo che è interamente dedicato a Ferdinando il Cattolico:

Nessuna cosa fa tanto stimare uno principe, quanto fanno le grandi imprese e dare di sé rari esempli. Noi abbiamo ne' nostri tempi Ferrando di Aragonia, presente re di Spagna. Costui si può chiamare quasi principe nuovo, perché, d'uno re debole, è diventato per fama e per gloria el primo re de' Cristiani; e, se considererete le azioni sua, le troverete tutte grandissime e qualcuna straordinaria. Lui nel principio del suo regno assaltò la Granata; e quella impresa fu il fondamento dello stato suo. Prima,

³ Sasso G. *La «fede» e la «necessità»*, in Id. *Machiavelli e gli antichi e altri saggi*, 4 voll., cit. Vol. 4. P. 221.

⁴ *Machiavelli N. Il Principe* / Ed. by L.A. Burd, with an Introduction by Lord Acton. Oxford: Clarendon Press, 1891. P. 308.

e' la fece ozioso, e senza sospetto di essere impedito: tenne occupati in quella li animi di quelli baroni di Castiglia, li quali, pensando a quella guerra, non pensavano a innovare; e lui acquistava in quel mezzo reputazione et imperio sopra di loro, che non se ne accorgevano. Possé nutrire con danari della Chiesa e de' populi eserciti, e fare uno fondamento, con quella guerra lunga, alla milizia sua, la quale lo ha di poi onorato. Oltre a questo, per possere intraprendere maggiori imprese, servendosi sempre della relligione, si volse ad una pietosa crudeltà, cacciando e spogliando, el suo regno, de' Marrani; né può essere questo esempio più miserabile né più raro. Assaltò, sotto questo medesimo mantello, l'Affrica; fece l'impresa di Italia; ha ultimamente assaltato la Francia: e così sempre ha fatte et ordite cose grandi, le quali sempre hanno tenuto sospesi et ammirati li animi de' sudditi e occupati nello evento di esse. E sono nate queste sua azioni in modo l'una dall'altra, che non ha dato mai, infra l'una e l'altra, spazio alli uomini di potere quietamente operarli contro.

Mario Martelli ha ragionevolmente mostrato la debolezza della lettura che si è imposta nel tempo fondandosi proprio su questa pagina. La riflessione di Martelli si può riassumere nel modo seguente: perché in un passo dell'opuscolo il «principe dei presenti tempi» non si può nominare senza offendere il re di Spagna, mentre in un altro passo della medesima opera questo timore di irriverenza cade? In quest'altro luogo Machiavelli infatti non mostra alcuna difficoltà a dipingere esplicitamente ed estesamente Ferdinando in modo – se si vuole – ancora più 'negativo' con cui descrive il principe dei presenti tempi che non è bene nominare. Se poco prima l'autore indicava l'esempio anonimo di un principe contemporaneo abilmente simulatore, che

Scichilone G. L'innominato principe machiavelliano

predica pace e fede e che fa tutto il contrario di ciò che dice per conservare lo Stato e la reputazione, qui va pure oltre, dicendo che «Ferrando di Aragonia, presente re di Spagna [...] si può chiamare quasi principe nuovo, perché, d'uno re debole, è diventato per fama e per gloria el primo re de' Cristiani». Se ci chiedessimo come abbia fatto l'Aragonese a pervenire a una tale «reputazione et imperio», avremmo immediatamente la risposta: «Servendosi sempre della religione, si volse ad una pietosa crudeltà, cacciando e spogliando, el suo regno, de' Marrani; né può essere questo esempio più miserabile né più raro». Fu in effetti, quella a cui Machiavelli allude, una rara azione criminale su vasta scala, una delle più tremende della prima età moderna europea⁵. A leggere l'editto di espulsione di Ferdinando del 1492 si vede come il linguaggio usato e le ragioni addotte siano tutte di tipo religioso, un pretesto che servì ad impossessarsi dei beni di un popolo residente nei suoi domini. Ma fu quella 'crudeltà' che gettò le fondamenta della potenza statale spagnola, almeno nella percezione dei contemporanei. Per cui davvero non si capisce quale imbarazzo avrebbe dovuto trattenere lo scrittore un paio di capitoli prima a non rivelare il nome di Ferdinando il Cattolico, se fosse stato lui il principe attuale di cui veniva lodato la necessaria virtù della simulazione per conservare lo Stato e la reputazione che ne consegue a chi ne è capace.

Insomma, Ferdinando, sembrando un ottimo cristiano e servendosi della religione (quello che Machiavelli consiglia ai principi) ottiene «reputazione et imperio» attraverso una *pietosa*

⁵ Sul Ferdinando il Cattolico di Machiavelli si rinvia a *Andrew E. The foxy prophet: Machiavelli versus Machiavelli on Ferdinand the Catholic // History of political thought. 11-3 (1990). P. 409-422.*

crudeltà, che è poi lo stesso identico risultato conseguito dall'innominato principe, che acquisisce «reputazione e stato» per la sua abilità ad aggirare i cervelli degli uomini e all'occorrenza a venire meno alla parola data. Entrambi riescono nel medesimo fine adoperando doti politiche che stridono con la morale evangelica, ovvero con quelle virtù che comunemente sono ritenute buone – pietà e lealtà – ma che praticate porterebbero alla rovina politica.

Non è, come è evidente, questione irrilevante. Perché se accettiamo una proposta dello stesso Martelli, che propende ad individuare nel personaggio anonimo la figura di Giovanni de' Medici, vale a dire papa Leone X⁶, sotto la cui tutela avanzava la carriera politica del fratello Giuliano e del nipote Lorenzo (in successione i dedicatari dell'opuscolo machiavelliano), acquisiamo un ulteriore elemento di estremo interesse. Il punto va ulteriormente approfondito nelle due direzioni. In quella che conduce ad attribuire l'identità del principe vivente (che lo scrittore si astiene dal nominare) al papa mediceo. Nell'altra che porta a notare – a riprova che l'innominabile non sia, anzi, non possa essere, il re di Spagna – come proprio a Ferdinando il Cattolico sia concesso esplicitamente un riconoscimento quasi unico tra i contemporanei, dato che viene indicata la stima generale di cui gode essendo un principe capace di compiere «grandi imprese e dare di sé rari esempi». Quasi unico perché un simile altissimo onore è attribuito tra i contemporanei a un altro «principe nuovo». Questo modello di virtù politica è naturalmente Cesare Borgia. Qui si stabilisce un'analogia curiosa tra i due

⁶ Martelli M. Note su Machiavelli // Interpres. 18 (1999). P. 91-145.

principi contemporanei, notevole e raramente notata⁷, annodata dalla *piatosa crudeltà* con cui è costruita tutta l'ammirazione per Cesare.

Il passaggio centrale è *pace e fede*. Machiavelli usa un'altra volta questa medesima espressione, e la usa in uno di quei punti cruciali della sua opera, il capitolo XVII, esattamente quello precedente a quello che abbiamo appena esaminato. Quindi facciamo un passo indietro. Anche qui siamo in un punto delicato della dottrina del machiavellismo, perché, tenendo sempre a mente il XV capitolo da dove tutto inizia, il XVII si intitola *Della crudeltà e pietà e s'egli è meglio esser amato che temuto, o più tosto temuto che amato*. È in questa occasione che viene analizzata la più importante coppia di virtù e vizio che Machiavelli ha esposto, crudeltà e pietà, dando luogo al più celebre ossimoro della sua teoria politica, la *piatosa crudeltà*.

Questo capitolo è naturalmente in perfetta continuità con il XV, come dimostra il suo incipit e come accadrà nel capitolo successivo che abbiamo già analizzato:

Scendendo appresso alle altre preallegate qualità, dico che ciascuno principe debbe desiderare di essere tenuto pietoso e non crudele: nondimanco debbe avvertire di non usare male questa pietà. Era tenuto Cesare Borgia crudele; nondimanco, quella sua crudeltà aveva racconcia la Romagna, unitola, ridottola in pace e in fede. Il che se si considerrà bene, si vedrà quello essere stato molto più pietoso che il populo fiorentino, il quale, per fuggire el nome del crudele, lasciò distruggere Pistoia.

⁷ Nelle sue note al testo del *Principe* Rinaldo Rinaldi individua l'analogia che si stabilisce tra il re di Spagna e il Valentino.

Ancora una volta, sarebbe fantastico per un principe avere le migliori qualità cristiane, ma sfortunatamente, se dobbiamo discutere le cose che sono vere, ci accorgiamo che nella realtà non è possibile. Bisogna intendersi, avverte Machiavelli. Chi ha usato la pietà ha lasciato seguire disordini e sciagure, come la repubblica di Firenze, che per evitare di essere considerata crudele ha permesso la distruzione di Pistoia. Mentre Cesare Borgia, il figlio del papa, non ha avuto un simile turbamento, è stato considerato crudele ma con quella sua spietatezza ha ridato pace e fede alla Romagna, infestata da insolenti tiranni locali. Qual è dunque la pietà? Cos'è crudeltà?

Nel sovvertimento delle virtù cristiane, sappiamo fin d'ora che il figlio di un papa ha operato contro la religione e con crudeltà. Nel capitolo successivo, scopriremo che suo padre, il pontefice in persona, è un maestro di ipocrisia. In realtà siamo di fronte a un binomio assortito, che agisce in modo monocorde, dove uno è lo strumento dell'altro, e la potenza del primo è al servizio della grandezza del secondo:

Surse di poi Alessandro VI, il quale, di tutti e' pontefici che sono stati mai, monstrò quanto uno papa, e con il danaio e con le forze, si poteva prevalere; e fece, con lo instrumento del duca Valentino e con la occasione della passata de' Franzesi, tutte quelle cose che io discorro di sopra nelle azioni del duca. (cap XI)

I riferimenti si potrebbero moltiplicare. Nel III capitolo (ma è solo uno degli esempi che si potrebbero citare) si dice che «lui [re Luigi] non prima fu in Milano, che fece il contrario, dando aiuto a papa Alessandro, perché egli occupassi la Romagna». In realtà, almeno sotto il profilo tecnico, è il figlio di Alessandro ad occupare la Romagna, ma si tratta, appunto, di una disquisizione superflua, poiché padre e figlio agiscono all'unisono e nel nome

del padre è compreso il figlio. Mentre Cesare faceva strangolare alla Magione i suoi congiurati, suo padre arrestava a Roma il resto dei cospiratori, per poi farli avvelenare in carcere.

I Borgia, il papa e suo figlio, sono il vero modello moderno politico del sovvertimento machiavelliano della morale cristiana. Maestri della simulazione (la più memorabile azione di Cesare è un misto insuperabile di inganno e crudeltà, quando invitò i suoi ex condottieri per una riappacificazione e poi li fece trucidare), sono loro che sanno usare la volpe e il leone: Alessandro è lodato per la sua abilità di ingannare, Cesare è il prototipo della crudeltà bene usata. Artefici della impresa romagnola, Machiavelli sottolinea che ridussero quel territorio in pace e fede, usando un'espressione tipicamente religiosa che, non senza ironia, evoca esattamente il contrario, l'azione violenta e spergiura dei Borgia. Questa medesima espressione la ritroviamo nel capitolo successivo a quello della disquisizione della crudeltà, il capitolo della simulazione. E dopo il riferimento enfatico al papa Alessandro, il discorso si chiude con il principe dei presenti tempi, sulla cui identità è bene tacere, che non predica altro che pace e fede, ma che, come Alessandro, fa esattamente il contrario di ciò che dice.

4. Il principe innominato

Se non può essere Ferdinando d'Aragona, apertamente lodato per la sua encomiabile capacità di essere volpe e leone anch'egli, è papa Leone X il candidato più credibile che si cela dietro la reticenza di Machiavelli a svelare il nome di questo

principe innominabile. Troppe caratteristiche lo legano al modello borgiano.

Intanto con Leone X ci troveremmo nella stessa identica situazione della coppia Alessandro e Cesare, dove un altro binomio ecclesiastico (e nepotistico), quello dei Medici, agisce in modo del tutto analogo. Come aveva fatto Alessandro VI per suo figlio Cesare, anche Giovanni de' Medici, appena divenuto papa, conferisce il titolo di Capitano generale della Chiesa a suo fratello Giuliano e alla morte di questi al nipote di entrambi, il giovane Lorenzo. Come Cesare, che fu fatto duca del Valentinois da Luigi XII, anche Giuliano fu creato duca di Nemours nel 1515 dal re francese; mentre Lorenzo divenne nel 1516 duca di Urbino per investitura papale, esattamente come alcuni anni prima Cesare, che di Urbino era stato fatto duca dal pontefice suo padre.

In fondo il *Principe* offre l'esempio borgiano ai Medici proprio perché è stupefacente agli occhi dell'autore la condizione in cui essi si vengono a trovare nel momento in cui, appena restaurata la loro signoria a Firenze, il figlio di Lorenzo il Magnifico, Giovanni, ascende al soglio pontificio. Ma questo è soltanto l'aspetto formale dell'analogia.

È evidente che Machiavelli abbia usato l'espressione *pace e fede* in due luoghi precisi e in successione per significare che esiste un parallelo tra le situazioni nelle quali ricorreva l'endiadi. Il modo di agire dei principi nominati, così espressamente ammirato, è simile a quello del principe innominato. A questo punto, sembra quasi obbligatorio pensare che l'innominato principe, che non predica altro che pace e fede, sia un altro papa, cioè quello regnante, che è della casa Medici a cui è sostanzialmente indirizzato l'opuscolo attraverso il quale Niccolò spera di tornare al servizio della patria.

Con un perfetto parallelo, dunque, il capitolo XVIII chiude la morsa degli esempi dell'inganno politico con due pontefici attuali, di cui solo per il papa Borgia si può tranquillamente esplicitare il nome, sia perché con la sua morte (e la successiva scomparsa del figlio) la fortuna dei Borgia era tramontata, sia perché le sue note scelleratezze erano divenute un luogo comune a Firenze come dappertutto. Mentre dell'altro pontefice, che è l'odierno papa, la cui potenza è all'apice della fortuna, a Firenze come in Italia, si può dire, come si scrive nel *Principe*, che farà «grandissimo e venerando» il principato ecclesiastico grazie alla «bontà e infinite altre sue virtù»⁸. Se di Leone X, quando se ne parla, se ne scrive così, è evidente che c'è una difficoltà a non accusare il papa regnante di vizi privati, che se pure non eguagliabili a quelli del papa Borgia, erano comunque notoriamente tali da risultare incompatibili con l'altissimo ufficio religioso. Guicciardini dopo la morte di Leone avrebbe abbozzato un ritratto inequivocabile sui costumi personali di Giovanni de' Medici: «credetesi per molti, nel primo tempo del pontificato, che e' fusse castissimo; ma si scoperse poi dedito eccessivamente, e ogni di più senza vergogna, in quegli piaceri che con onestà non si possono nominare». Da parte sua Machiavelli, benché spesso ardito, non può sciogliersi dalla convenzione di dire apertamente male di un papa regnante e soprattutto fiorentino. Ma non vuole venire meno neanche in questo caso alla verità effettuale, che dimostra come anche il papa mediceo sia un principe temporale che ha usato bene le virtù 'machiavelliche' dell'arte dello stato che sono in palese contrasto con la religione cristiana. Nessuno meglio dell'autore del *Principe* sapeva che proprio Giovanni de

⁸ Il Principe, XI.

Medici, poco prima di ascendere al trono papale, aveva seguito l'esercito spagnolo mandato da Giulio II a Firenze per punire la città toscana del suo appoggio al concilio scismatico voluto dai Francesi e restaurare la famiglia Medici in quella città⁹. Quella era stata l'ultima grande disastrosa scelta diplomatica della sua repubblica, divenuta bersaglio del furore del papa Della Rovere. Da lì a poco avverrà il tracollo di Firenze, che passa per l'episodio tragico di Prato in cui il cardinale Giovanni de' Medici ebbe una parte cospicua al punto che, come ricorda Tommasini citando fonti dell'epoca, si sparse la diceria che in punto di morte lo avrebbe tormentato il ricordo di quel massacro che gravava sulla sua coscienza¹⁰. Se la Firenze di Soderini (e Machiavelli) rinuncerà a combattere contro le milizie papali è infatti per l'orrendo sacco di Prato, una carneficina durata ventuno giorni con alcune migliaia di morti, di fronte alla quale i Fiorentini spinsero il loro Gonfaloniere a lasciare la città ai Medici per scongiurare un destino simile. Tutto questo era materia viva e incandescente per l'ex segretario della repubblica, licenziato dai nuovi signori restaurati nel loro antico dominio con le armi spagnole guidate dal vicerè di Napoli Raimondo de Cardona: l'inizio di una personale disgrazia che lo porta inizialmente alla

⁹ Cfr. *Najemy J.M.* A history of Florence (1200-1527). Malden: Blackwell Publishing, 2006. P. 414-426.

¹⁰ Vera o no che fosse la leggenda che attribuiva a Leone X la frase che avrebbe pronunciato *in articulo mortis* – *Pratum me terret!* – rimane il fatto che 'comunque' nella coscienza pubblica rimaneva un legame stretto tra quell'evento orribile e il giovane cardinale che vi aveva partecipato. Si potrebbe quasi aggiungere che, anche se si volesse prendere oggi per falsa quella diceria sulle parole del papa morente e lasciandone la paternità all'opinione popolare, è indicativo come per quest'ultima fosse chiaro il ruolo di Giovanni de' Medici nella strage al punto da volerne caricare il peso sulla coscienza personale del pontefice.

destituzione dal suo ufficio in cancelleria per essere stato il più stretto collaboratore di Soderini, poi al carcere e alla tortura, perché sospettato di ordire trame antimedicee, e quindi al confino di San Casciano. Nessuno meglio dello sconfitto Machiavelli poteva ricordare le cause di quella disfatta, e cioè come il cardinale de' Medici avesse perorato la causa della propria famiglia presso Giulio II in quella congiuntura internazionale a lui favorevole, che divideva la Lega Santa voluta dall'indomito pontefice e che riuniva diversi stati in funzione antifrancese. Giovanni de' Medici poteva ottenere che l'esercito spagnolo da Bologna, dove il papa lo aveva inviato per sedare la ribellione della città emiliana, si dirigesse verso Firenze, che rimaneva alleata della Francia. Sapeva assai bene, l'ex Segretario della repubblica, come il giovane cardinale fiorentino si fosse messo alla testa di quell'esercito in veste di legato pontificio per guidarlo contro la propria città, e come si fosse adoperato per procurare i cannoni per aprire una breccia sulle mura di Prato, che con l'aiuto delle truppe mandate da Firenze era riuscita inizialmente a resistere all'urto spagnolo. Poteva ignorare la lettera di soddisfazione che il cardinale aveva inviato a Sua Santità dopo la conquista di quella città che era un baluardo del dominio fiorentino, lettera nella quale Giovanni de' Medici scriveva: «avrà avuto questo buono effetto: di servire d'esempio e d'ispirare terrore»¹¹. Ma era noto a tutti come avesse presenziato alla mattanza che aveva segnato quella orribile conquista, magari

¹¹ *Gori V.* Storia documentata del sacco di Prato : sue cause e sue conseguenze. - Firenze : Seeber, 1895. P. 49. Vedi anche *Villari P.* Niccolò Machiavelli e i suoi tempi illustrati con nuovi documenti. 3 voll. Firenze: Le Monnier, 1877-1882. Vol. II. P. 13, n. 2.

anche cercando di mitigare il furore delle soldatesche che si lanciarono nel saccheggio e negli stupri. E infine il povero Niccolò aveva assistito, a sue spese (dato che sarebbe stato rimosso dagli uffici dal nuovo regime), come il cardinale de' Medici una volta entrato in Firenze avesse usato una politica di 'conciliazione', specialmente quando alcuni mesi dopo dovette lasciare la città per andare nel conclave di Roma da cui sarebbe uscito papa. Un atteggiamento che ha il suo aspetto più appariscente proprio quando, nei momenti successivi alla sua elezione a Sommo Pontefice, ricevette «with encouraging words of sympathy and expressions of favour» la delegazione pratese accorsa, come le altre rappresentanze diplomatiche, a riverire il nuovo successore di Pietro. «But such promises were for one reason or another never carried into effect»¹², aggiunge lo storico.

Il pratese Iacopo Modesti, che fu allievo di Poliziano e professore nello studio pisano, lasciò una memoria di quanto egli vide e, possiamo dire, subì, *Il sacco di Prato e il ritorno de' Medici nel 1512*, che a fine Ottocento fu edita da Cesare Guasti. Questa testimonianza non può essere sospetta di qualche faziosità non solo perché si incrocia con altre fonti, o per l'autorevolezza dell'autore, ma anche perché il Modesti appartenne alla cerchia medicea, favorito nella sua carriera accademica proprio dal fratello maggiore di Giovanni, Piero, all'epoca dei fatti narrati morto da alcuni anni, e successivamente dal cardinale Giulio de' Medici, il futuro Clemente VII. Proprio da quel manoscritto leggiamo che

¹² *Vaughan H.M.* The Medici popes: Leo X and Clement VII. London: Methuen & Co., 1908. P. 92.

Scichilone G. L'innominato principe machiavelliano

il Cardinale (Giovanni de' Medici) era sopra il terrazzo di S. Anna, che stava a veder fare la batteria alla porta del Mercatale, dove furono tratte molte cannonate ed abbruciata la porta, e dai nostri di dentro fu combattuto molto valorosamente, e furono rigettati i nemici indietro, con gran danno loro. E mentre che queste cose si facevano, fu tratto di Prato verso Sant'Anna un tiro d'artiglieria; ed arrivando il colpo al terrazzo dov'era il detto Cardinale, colse appresso di lui a tre braccia; onde egli subito con grandissimo spavento si levò, e stette sbalordito più di sei ore¹³.

Restaurata la signoria medicea a Firenze come a Prato, città del dominio fiorentino, una delegazione di Prato si recò a Roma per omaggiare il nuovo papa, appunto quel cardinale che pochi mesi prima aveva guidato le truppe pontificie all'assalto della loro città. Anche Modesti fu tra gli eminenti cittadini e l'autore dell'orazione di circostanza, che è stata tuttavia perduta. Sappiamo però la risposta del papa:

Pratesi miei diletti cari (disse loro) a Dio sa quanto mi è rincresciuto, e duole e incresce di cotesta misera terra, che sapete che è stata il desiderio nostro, che *in minoribus* li siamo allevati; e Dio ne paghi chi ne è cagione. I danni son grandi, et han bisogno di grandi rimedi, espedienti a voi, et a noi convenienti; e per questo provvedervi al presente sarà impossibile: ma andate, che io son disposto sollevarla, et ancora in modo vi chiamerete da me sodisfatti, in breve tempo. E però lasciate qui messer Cristofano e messer Gismondo, vostri oratori, che mel ricordino; che per niente non sono per mancare¹⁴.

¹³ Il sacco di Prato e il ritorno de' Medici in Firenze nel MDXII. Parte Prima / A cura di Cesare Guasti. Bologna: Gaetano Romagnoli, 1880. P. 168-169.

¹⁴ Ivi. P. xl.

In quel contrasto surreale, paradossale, dei cittadini pratesi che hanno ancora negli occhi gli orrori della strage e chi li avesse causati, ricevono proprio da quelle medesime mani carezze e parole di incoraggiamento, vi è un profilo della politica rinascimentale e quello personale di Leone X.

Come Modesti, sia pure in un altro ruolo e posizione, anche Machiavelli fu testimone diretto e protagonista di quegli eventi pratesi che causarono il tracollo della repubblica fiorentina, e anche lui scrisse di quella vicenda decisiva appena pochi giorni dopo. Come è evidente, un tale documento acquista un valore storico straordinario. Si tratta di una «enigmatica»¹⁵ lettera privata inviata a una non meglio precisata gentildonna italiana, che è stata identificata con la marchesa di Mantova¹⁶. Una nobildonna vicina dunque ai Medici (del resto si comprende dal modo con cui Machiavelli le si rivolge adoperando parole riguardeose nei confronti dei nuovissimi signori di Firenze) perché la sua fu la città in cui gli alleati papali e spagnoli decisero le mosse conclusive per la restaurazione medicea. In questa lettera abbiamo

¹⁵ Così la definisce, giustamente, Bausi, senza tuttavia soffermarsi sulla particolarità che la rende tale. La singolarità di questa lettera del Segretario della repubblica, scritta su richiesta di colei che sembra vicina alla famiglia Medici ed era interessata a conoscere le vicende di «queste nostre novità di Toscana», è dovuta al fatto che la missiva assuma una posizione già “filomedicea” nei giorni immediatamente successivi alla restaurazione medicea. Scritta da chi, nella vita politica della città e nell’amministrazione dello Stato, era stato l’alfiere della parte opposta alla fazione pallesca, la lettera reca la data del 16 settembre del 1512, cioè subito dopo la presa sanguinosa di Prato (29 agosto) e la caduta del governo di Soderini (31 agosto) costretto all’esilio. Il 10 novembre lui stesso sarà destituito dagli uffici cancellereschi dal nuovo regime.

¹⁶ Cfr. *Richardson B.* La ‘lettera a una gentildonna’ del Machiavelli // *Bibliofilia.* 84 (1982). P. 271-276.

Scichilone G. L'innominato principe machiavelliano

una fonte dell'impressionante carneficina a cui fu sottoposta la città toscana:

[...] tanto che l'altro giorno poi venne la nuova essere perso Prato, et come li Spagnuoli, rotto alquanto di muro, cominciorno ad sforzare chi difendeva et ad sbigottirgli, in tanto che dopo non molto di resistenza tucti fuggirno, et li Spagnoli, occupata la terra, la saccheggiorno, et ammazorno li huomini di quella con miserabile spettacolo di calamità. Né ad V. S. ne referirò i particolari per non li dare questa molestia d'animo; dirò solo che vi morieno meglio che quattromila huomini, et li altri rimasono presi et con diversi modi costretti a riscattarsi; né perdonarono a vergini rinchiuse ne' luoghi sacri, i quali si riempierono tutti di stupri et di sacrilegi.

Fu a causa di questo shock che il Gonfaloniere fiorentino si ritrovò senza più alcuno appoggio al suo governo ed egli stesso in pericolo di vita. La città era in tumulto, angosciata dalle notizie giunte dell'orrendo saccheggio, e i palleschi pressavano per far rientrare i figli del Magnifico, Giovanni e Giuliano, una soluzione ormai naturale per riportare sicurezza. Così il cardinale de' Medici, dopo avere cooperato per quella strage, ritornava da signore e pacificatore nella sua città natale dopo un lungo esilio.

Indubbiamente, nel *Principe*, pochi mesi dopo questi cruciali avvenimenti e durante il conseguente forzato ozio di San Casciano, l'unico principe vivente spietato ed astuto che lo scrittore stimava opportuno non nominare era l'attuale papa, il fiorentino Leone X, sotto la cui indiretta signoria Machiavelli si ritrovava adesso suddito e di cui aveva appena sperimentato – a suo onore, seguendo la logica machiavelliana – l'abilità dell'ipocrisia politica non disgiunta alla crudeltà bene usata.

Quando il *Principe* già circolava nella cerchia machiavelliana, Leone X si distinse per un episodio che ricalca in modo impressionante la strage di Sinigallia perpetrata da Cesare Borgia quasi vent'anni prima. Nel 1520 il papa invitò il tiranno di Perugia Giampaolo Baglioni (lo stesso personaggio che ispira uno dei più memorabili passi dei *Discorsi*) per riappacificarsi con lui dopo che il condottiero aveva aiutato un nemico dei Medici, Francesco Maria della Rovere. Baglioni, tra i più richiesti mercenari del tempo e che era passato da un fronte all'altro indifferentemente, aveva già sventato di simili insidie tesegli da Cesare Borgia, di cui era stato anche condottiero, e intuì anche in questo caso il pericolo che gli veniva dal papa. Tuttavia alla fine cedette di fronte alle più ampie rassicurazioni di Leone che gli fornì pure un salvacondotto per entrare indisturbato nello Stato della Chiesa. Così si decise a recarsi da Sua Santità per ricomporre le divergenze. Giunto a Roma seppe che il Santo Padre lo aspettava a Castel Sant'Angelo, e una volta arrivato nella fortezza ad attenderlo c'erano le guardie che lo arrestarono senza neppure portarlo al cospetto del papa. Fu decapito alcuni mesi dopo. È strano che quel tiranno, noto per la sua immonda crudeltà e cinismo, sia caduto nella trappola del papa, anche perché Leone X non era nuovo a questo tipo di raggio. Tre anni prima, nel 1517, aveva fatto la stessa identica cosa con il cardinale Alfonso Petrucci, accusato di congiurare contro di lui per avvelenarlo. Invitato a Roma dal papa per un chiarimento sotto tutela del solito salvacondotto, fu arrestato non appena giunto in città e portato nelle carceri di Castel Sant'Angelo, dove morì strangolato alcuni mesi dopo. Siamo costretti a pensare che Leone X doveva essere piuttosto seducente quando protestava la sua buona volontà di amicizia e predicava pace e fede.

Ferdinando il Cattolico era senz'altro tra i migliori simulatori sulla scena politica del momento, ma un lontano fiorentino in disgrazia come l'ex segretario della repubblica di Soderini poteva senza timore descriverne le lodi imbarazzanti della crudeltà e dell'inganno. Al di là della probabile, insopprimibile ironia, Machiavelli si sentiva piuttosto vincolato da un'obbligatoria prudenza per indicare le medesime virtù possedute dal papa regnante a cui pensava di fare leggere l'opuscolo. Quel principe che non predica altro che pace e fede e che, se avesse messo in pratica quanto pontificava, avrebbe perso più volte lo Stato e la reputazione, poteva essere esattamente Giovanni de' Medici. Se infatti fosse stato un perfetto cristiano non sarebbe mai divenuto signore di Firenze e di Roma, né avrebbe mantenuto quel potere, nonostante i condottieri ribelli e le congiure dei prelati nemici. Se dunque di Leone X doveva parlare apertamente in quell'opera, 'bisognava' farlo in modo encomiastico, secondo le regole della retorica classica con cui aveva intessuto la dedica e l'*exhortatio* alla casa Medici. Altrimenti bisognava rifugiarsi nell'artificio di citarlo senza nominarlo. E in effetti chiudendo l'undicesimo capitolo su quei particolari Stati che sono i principati ecclesiastici, Machiavelli esprime un elogio al capo della famiglia medicea ricorrendo a un'espressione che – naturalmente *exhortatio* a parte – stride con il lessico analitico con cui vaglia la «verità effettuale» della politica. In quel passo l'autore, a differenza di come ha descritto gli altri tipi di principato, si lascia andare nell'auspicio, fondato su una speranza untuosa, che se gli altri papi contemporanei hanno fatto potentissimo il pontificato con le armi, Leone X lo renderà – come si è detto – ancora più potente con la sua bontà e le altre sue infinite virtù. L'uscita

appare inevitabilmente adulatrice, magari adatta a un epilogo con cui forse l'autore – si è supposto¹⁷ – pensava di chiudere l'opuscolo e inviarlo a Roma proprio presso il pontefice fiorentino per ottenere grazia e favori. Certo è in linea con il tono di quella lettera alla gentildonna in cui, appena caduto Soderini, Machiavelli scrive il resoconto degli ultimi giorni della repubblica: l'accento nei confronti dell'ex Gonfaloniere (di cui lui è stato il factotum fino al giorno prima) è già severo, mentre appare eccessivamente elogiativo nei riguardi di quella famiglia la cui assenza forzata da Firenze aveva permesso il vivere civile, la stessa famiglia che aveva lottato per la caduta della repubblica e che ora si apprestava a rientrare con tutti gli antichi onori.

5. Conclusione. Dai Borgia ai Medici, dalla Romagna unita alla redenzione d'Italia.

Così, al là della piegatura contingente e interessata, con quello «sbiadito appello alla “bontà” di Leone X» e la «generica» e «necessaria» «captatio benevolentiae nei confronti del nuovo pontefice» (come perfettamente spiega Cutinelli-Rendina), Machiavelli, se non voleva tradire se stesso consigliando a un

¹⁷ Epilogo o meno, il finale dell'XI capitolo è certamente una netta cesura con il prosieguo dell'opera, come l'ha definita E. Cutinelli-Rendina (*Cutinelli-Rendina E. Machiavelli*. Roma-Bari: Laterza, 1999. P. 29), in cui si chiude la prima parte dell'opuscolo che dispiega la materia annunciata nel primo capitolo. Anche qui siamo di fronte alla questione spinosissima della datazione e struttura dell'opera, che va da Tommasini ai nostri giorni, passando per la tradizionale polemica tra Meinecke e Chabod, o tra Martelli e Sasso. Si vedano le riflessioni di *Bausi F.* Machiavelli. Roma: Salerno, 2005. P. 194-200 e *Inglese G.* Per Machiavelli. Roma: Carocci, 2006. P. 47.

principe di deporre le armi¹⁸, disegnava magari nella chiusura dell'XI capitolo (o, chissà, del *Principe*), un aspetto della sua teoria politica supportata da quelli che riteneva inoppugnabili riscontri storici. Vale a dire l'idea della varietà della successione dinastica che rendeva saldo lo Stato. Come nel caso, per esempio, di Roma, la cui grandezza è stata possibile grazie al passaggio dalla necessaria ferocia di Romolo alla pietà di Numa, adesso Leone X poteva incarnare la bontà e pace succedendo a quel «papa guerriero» che era stato Giulio II. Forse era un modo, questo, per rientrare dall'ossequio convenzionale appunto alla teoria politica, dimostrando come le crudeltà (o la pietà) hanno senso e sono buone se scaricate (o concesse) nel tempo opportuno. Ma questa è una supposizione accessoria, per quanto suggestiva. A rendere troncante ogni discorso sul tema è che nella visione generale di Machiavelli lo stato della chiesa, di cui Leone X è l'attuale principe, è un ostacolo al progresso della 'provincia' italiana, e la grandezza del pontificato – che auspica devotamente in questa inevitabile *laudatio* al papa – diminuisce le possibilità delle redenzione italiana auspicata appassionatamente alla fine dell'opuscolo. In quel caso il compito che lo scrittore assegna alla casa Medici è del tutto diverso – e per di più incompatibile – con il fervido voto di vedere, grazie al nuovo papa mediceo, il pontificato «grandissimo e venerando».

È quest'ultima riflessione che ci riporta al dato centrale. I Medici, con il papa a Roma e un *nepos* che funge da braccio armato, ricompongono quel duo che lui in persona ha visto in azione e lo ha impressionato come solo nei classici aveva letto. È

¹⁸ Sono le riflessioni come sempre penetranti di *Cutinelli-Rendina E. Chiesa e religione in Machiavelli*. Pisa-Roma, 1998. P. 143 e ss.

noto che quando era in delegazione presso il Valentino chiese che gli mandassero dalla sua cancelleria un Plutarco per rileggere le vite illustri dei condottieri del passato. Le «lunga esperienza delle cose moderne e una continua lezione delle antiche» con cui si apre il *Principe* (e i *Discorsi*) è qui. Questi Borgia sono quell'ineguagliabile esempio moderno di simulazione e crudeltà che è necessaria in politica. Loro avevano predicato pace e fede, e dell'una e l'altra furono nemicissimi, e avevano fatto bene, come mostrano i loro successi, poiché riuscirono a ridurre la Romagna «pacifica e unita, con grandissima reputazione». Il *Principe* è costruito sull'esempio fresco del Valentino: «Io non dubiterò mai di allegare Cesare Borgia e le sue azioni», prorompe Machiavelli nel XIII capitolo, prescrivendolo con forza a Giuliano de' Medici (o a Lorenzo il giovane) come modello da imitare. Ma di più. Scrivendo il *Principe* l'ex segretario vuole fare rivivere quello straordinario personaggio che lo aveva affascinato pochi anni prima, quello «spiraculo» che sembrava «fussi ordinato da Dio per [la] redenzione» d'Italia e che poi, non per «colpa sua», fu vinto da «un'extraordinaria ed estrema malignità di fortuna»¹⁹. Nella sua mente il destinatario della sua opera può rivestire quei panni di Cesare e compiere (opportunamente consigliato) quelle stesse azioni con maggiore successo. I segni celesti mostrano che vi è una grande disposizione per la riuscita di questo tentativo. Non è meno importante notare che Machiavelli ricorda, proprio attraverso l'enigmatica figura dell'innominato principe, che anche il dedicatario dell'opuscolo ha, come Cesare, un 'suo' papa alle spalle in grado di fornirgli lo stesso appoggio politico che Alessandro diede al figlio. Dietro la decantata bontà di Leone si

¹⁹ Il Principe, VII.

Scichilone G. L'innominato principe machiavelliano

nasconde una volpe in grado di ingannare gli uomini. È un sollievo che questo pontefice sia ipocrita come il suo predecessore. L'innominato principe e il dedicatario del *Principe*, ovvero Leone X e suo nipote Lorenzo, possono ripetere i successi che i Borgia hanno conseguito. Questa volta, nell'auspicio dell'ex segretario, non per fare grande la Chiesa o per i successi esclusivi di una dinastia, ma per redimere l'Italia.

Roberto De Pol
Università degli studi di Genova, Italia

QUALE MACHIAVELLI? SU ALCUNE TRADUZIONI DEL *PRINCIPE*

1. Le traduzioni

È opinione diffusa nella critica che il *Principe* circolasse manoscritto tra amici e conoscenti di Machiavelli¹ dall'anno della composizione fino almeno al 1532, anno in cui furono stampate ben due edizioni italiane: quella di Roma da Antonio Blado e quella di Firenze da Bernardo di Giunta, entrambe con privilegio decennale di papa Clemente VII.

Seguì una lunga serie di edizioni italiane che attestano la fortuna e costituirono una prima divulgazione del *Principe*, fenomeni ai quali la Chiesa di Roma rispose inserendo nell'*Index librorum prohibitorum* del 1559 l'autore con tutti i suoi scritti. A partire da questa data le edizioni italiane furono stampate ancora solo a Venezia e all'estero (in Inghilterra e in Svizzera).

Su un manoscritto del *Principe* si basò una rielaborazione latina di Agostino Nifo, che fu stampata nel 1523, quindi nove anni prima delle edizioni italiane. Tuttavia la prima vera traduzione latina del *Principe* comparve a Basilea nel 1560 a opera di

¹ Secondo M. Martelli (Introduzione / *Machiavelli N. Il Principe* / A cura di M. Martelli. Corredo filologico di N. Marcelli. Roma, 2006. S. 24) il *Principe*, “non ebbe in pratica, in quella sua prima forma, diffusione alcuna, né uscì dalla cerchia dei più stretti amici di Machiavelli”. Questa edizione curata da Martelli per la “Edizione Nazionale delle Opere” di cui costituisce il vil. I/1 sarà in seguito citata direttamente nel testo e indicata come Principe.

fuoriusciti italiani (tali erano il traduttore, Silvestro Tegli, e l'editore che stampò la traduzione, Pietro Perna), con l'intento non di diffondere il pensiero di Machiavelli, ma di scagionare il suo scritto dalla cattiva nomea che lo affliggeva presso gli ambienti calvinisti di lingua tedesca², e tuttavia questa traduzione segnò anche la possibilità che il *Principe* potesse essere letto da tutti coloro che in Europa conoscevano il latino, ossia dagli intellettuali³, grazie alle quattordici edizioni e ristampe di Tegli tra 1560 e 1648⁴, poi alle traduzioni latine di Hermann Conring (1660, 1686, 1730) e di Kaspar Langenhert (1699).

Mentre diventava e restava accessibile a tutti i dotti europei il *Principe* fu anche tradotto e pubblicato in lingue nazionali in tempi e modalità diverse da una nazione all'altra. Per prima la Francia delle guerre di religione sembrò promettere al trattato di Machiavelli un pubblico più vasto, disposto a affrontare la situazione di incertezza sociale e instabilità politica alla luce di una visione pragmatica dello stato e della politica: nel 1553 furono pubblicate ben due traduzioni francesi, quella di Guillaume

² *Ingravalle F., Malandrino C.* Calvinismus, „Machiavellismus“ und die Politika von Althusius // Machiavellismus in Deutschland. Chiffre von Kontingenz, Herrschaft und Empirismus in der Neuzeit / Hrsg. C. Zwierlein, A. Meyer. München, 2010. P. 67.

³ Non si può escludere che il trattato circolasse e fosse letto anche all'estero in edizione italiana: tra i libri del canonico di Breslavia, Fridericus Berghius (1546-1641), al quale dobbiamo una parziale traduzione latina del *Lazarillo*, si trovava per esempio un'edizione italiana del *Principe* e degli scritti minori del 1537, senza luogo, né nome dello stampatore ed è pertanto una delle due stampate in quell'anno a Venezia da Pasini e Bindoni oppure da Zanetti. Vedi *Martino A.* *Lazarillo de Tormes e la sua ricezione in Europa (1554-1753)*. Pisa-Roma, 1999. Vol. II. P. 413, nota 512 con ulteriori rimandi bibliografici.

⁴ *Mordeglia C.* *The first Latin translation // The First Translations of Machiavelli's Prince. From the Sixteenth to the First Half of the Nineteenth Century* / Ed. R. De Pol. Amsterdam-New York, 2010. P. 80.

Cappel a Parigi e quella di Gaspard d'Auvergne a Poitiers; nel 1571 Jacques Gohory diede alle stampe una versione rielaborata della traduzione di Cappel. L'ambiente dei riformati francofoni fu anche quello in cui la reazione a Machiavelli si fece sentire prima che altrove: nel 1576 Innocent Gentillet diede alle stampe il suo *Discours sur les moyens de bien gouverner [...] contre Nicolas Machiavel*. Questa precoce fioritura di traduzioni in Francia si esaurì però con il progressivo affermarsi dell'assolutismo, sicché a partire dagli anni 60 del XVII secolo fu quasi solo nei Paesi Bassi che poterono essere stampate le traduzioni francesi, tra le quali quella di Abraham-Nicolas Amelot de la Houssaye che fu dunque non il primo, ma certamente il più fortunato traduttore francese del *Principe*: poiché si basò sull'accurata e semplificatrice edizione di Blado e modernizzò ulteriormente il testo di Machiavelli; poiché lo dotò di un apparato di note che lo metteva in connessione con le sentenze e gli esempi tratti da storici antichi, soprattutto Tacito, e quindi lo difese con argomentazioni “scientifiche”⁵.

In Olanda furono stampate senza problemi nel 1615 la prima traduzione olandese di Adam van Nyevelt, basata su quella francese di D'Auvergne;⁶ nel 1705 una seconda traduzione, di Daniel Ghys, basata su quella francese di Amelot⁷.

⁵ Vedi *Soll J. Publishing the Prince. History, Reading and the Birth of Political Criticism*. Chicago, 2005. Specie. P. 100.

⁶ Sul quale vedi *Terrenato F. The first Dutch translation // The First Translations*. P. 171-206.

⁷ In attesa di uno studio specifico su questa traduzione, rimando alla “Einführung” della mia edizione di Nicolai Machiavelli *Lebens- und Regierungs-Maximen eines Fürsten (1714) / Kritisch hrsg. von R. De Pol*. Berlin: Weidler, 2006. P. 21-22 e all'apparato critico.

Nel 1640 fu pubblicata una traduzione inglese, ad opera di Edward Dacres, seguita nel 1675 da quella di Henry Nevile e più tardi da quella di Ellis Farnsworth, nel 1762.

Altrove però un lettore avrebbe dovuto attendere il 1714 per poter acquistare una traduzione tedesca, probabilmente stampata in Olanda, il 1757 per averne una svedese⁸, perfino il 1821 per comprare una traduzione spagnola, il 1868 per una polacca, il 1869 per una russa e il 1912 per comprarne una in arabo.

2. Quale *Principe*?

Le traduzioni del *Principe* furono ovviamente condizionate dalla storia e dalla cultura della nazione per il cui pubblico furono scritte, ma condizionarono a loro volta la ricezione del *Principe*, anche perché, indipendentemente dal fatto che ogni traduzione è costitutivamente “altro” dall'originale, esse misero in circolazione un Machiavelli che risultò talvolta diverso da quello originale. Due esempi soltanto:

Il primo si riferisce a un errore di stampa, quindi a una modifica involontaria. Nel XVI Capitolo, dedicato alla “liberalità e alla parsimonia” Machiavelli afferma “sarebbe bene esser tenuto liberale; nondimanco la liberalità, usata in modo che tu sia *tenuto*, ti offende” (*Principe*, p. 66, corsivo mio). La prima edizione a stampa, quella di Blado, risente qui di un errore e recita: “sarebbe bene esser tenuto liberale; nondimanco la liberalità, usata in modo che tu sia *temuto*, ti offende”⁹.

⁸ Sulla quale vedi *Marelli P.* The first translation in Scandinavia // The First Translations. P. 247-278.

⁹ Il *Principe* di Niccolò Machiavelli. Facsimile dell'edizione originale impressa in Roma da Antonio Blado nel 1532. Con una Introduzione di Federico

De Pol R. Quale Machiavelli?

La prima edizione completa delle opere di Machiavelli fu stampata probabilmente in Svizzera in cinque edizioni comparse tra il 1610 e il 1660¹⁰ con il titolo “Tvtte le opere di Nicolo Machiavelli”, ma è oggi conosciuta come “Testina” perché reca sul frontespizio di ogni singolo scritto un busto di Machiavelli¹¹. Per poter circolare in Italia, al cui mercato era in origine dedicata anche se poi si diffuse in tutta l'Europa, la Testina omise il luogo di stampa, indicò una data fittizia (1550), anteriore a quella della messa all'Indice, e si fregiò di un falso “Privilegio” di Clemente VII. Per l'inizio del XVI Capitolo le cinque edizioni Testina offrono una lezione ancora diversa: “Nondimanco la liberalità vsata in modo, che tu *non sia temuto*, ti offende”¹².

Chabod. Torino: UTET, 1961. P. 21r (corsivo mio). In seguito citata direttamente nel testo come Blado.

¹⁰ Vedi Bertelli S., *Innocenti P.* Bibliografia machiavelliana. Verona, 1979. P. LXIII-LXV. Invece A. Gerber (Gerber A. Niccolò Machiavelli, *Die Handschriften, Ausgaben und Übersetzungen seiner Werke im 16. und 17. Jahrhundert. Mit 147 Faksimiles und zahlreichen Auszügen. Eine kritisch-bibliographische Untersuchung, Zweiter Teil: Die Ausgaben.* Gotha, 1912. P. 92-104) stabiliva le date di pubblicazione delle Testina tra 1609 e 1650.

¹¹ Stando a Gerber (Niccolò Machiavelli, *Die Handschriften, Ausgaben und Übersetzungen.* P. 32-34) le Testina si basano sull'edizione “Sine loco et nom. typogr. 1535” che muove a sua volta da quella di Giunta del 1532, la quale si basava sull'edizione di Blado, ma integrata da un manoscritto.

¹² Il Principe di Nicolo Machiavelli al Magnifico Lorenzo di Piero de Medici. La vita di Castruccio Castracani da Lucca. il modo che tenne per ammazzare Vitellozzo Vitelli, Oliverotto da Fermo, il Signor Pagolo, et il Duca di Gravina. I ritratti delle cose della Francia et dell'Alamagna. [immagine testina] M.D.L. // Tutte le Opere di Nicolo Machiavelli cittadino et segretario fiorentino, divise in v: parti, et di nuovo con somma accuratezza ristampate al Santissimo et Beatissimo Padre Signore Nostro Clemente VII. Pont. Mass. [immagine testina] M.D.L. P. 39 (corsivo mio). In seguito citato direttamente nel testo come Testina.

La maggior parte delle edizioni italiane, con sole 5 eccezioni, seguì Blado. Anche alcune importanti traduzioni, come quella latina di Tegli e la francese di Amelot, seguirono Blado. A loro volta altre traduzioni, come la prima tedesca, della quale parlerò in seguito, e quella olandese di Ghys, partirono da Amelot. La traduzione di Amelot venne a sua volta inclusa nell'*Anti-Machiavel* di Federico II di Prussia, quindi tutte le traduzioni in volgare di quest'ultimo (italiana, svedese, spagnola) diffusero di questo passo una lezione che era illogica e *non* corrispondeva alla lettera e allo spirito originali dell'autore italiano. Dalla lezione di Testina muovono invece la traduzione latina di Conring (1660), la prima traduzione spagnola rimasta manoscritta (tra metà e fine del XVII secolo)¹³ e la prima traduzione tedesca a stampa (1714).

Il secondo esempio si riferisce a una correzione deliberata del testo originale. Il XVIII Capitolo del *Principe* è nodale e famigerato perché in esso Machiavelli affronta la questione “Quomodo fides a principibus sit servanda” (*Principe*, p. 234) cioè “in che modo i Principi debbiano osservare la fede” (Blado, p. 23r). Qui l'autore italiano ammette che

“vn' Principe, & massime vn' Principe nuouo, non può osseuar' tutte quelle cose, per le quali gli huomini son' tenuti buoni, essendo spesso necessitato, per mantener' lo stato, operar' contro à la fede, contro à la charità, contro à l' humanità, contro à la religione” (Blado, pp. 23v-24r: corsivo mio).

¹³ Sulla quale vedi *Arbulu Barturen M.B.* La primera traducción española // The first Translations. P. 117-169. Questa traduzione è stata poi edita da R. Rius Gatell e M. Casas Nadal: *Il Principe de Maquiavel. Primera traducció espanyola basada en un manuscrit inèdit* / Ed. R. Rius Gatell, M. Casas Nadal. Barcellona, 2010.

De Pol R. Quale Machiavelli?

Dovrebbe risultare chiaro sia dal titolo italiano che dal contesto generale dell'intero capitolo che “fede” non significa “credenza in Dio”, ma “parola data”, “promessa”, “lealtà”. Tuttavia Machiavelli era ormai tanto screditato che si vide il diavolo anche dove non c'era. Infatti Tegli intese “fede” appunto come “credenza in Dio” e, in un intervento di censura preventiva, omise l'intero passo¹⁴. Le edizioni Testina si limitarono invece a espungere il solo vocabolo “fede”: “[...] essendo spesso necebitato per mantenere lo Stato, operare contro alla humanità, contro alla charità, contro alla Religione” (Testina, p. 44). Tutte le traduzioni basate sulle Testina vennero condizionate da questa scelta censoria: quella latina di Conring („quoniam sæpisse cogitur agere contra humanitatem, contra caritatem, contra religionem; ut statum conservet“)¹⁵, la prima traduzione spagnola della fine XVII secolo, rimasta manoscritta, la traduzione tedesca del 1714 e persino quella araba del 1824.

Pertanto, studiando la ricezione del *Principe* in Europa, sarebbe bene chiedersi in primo luogo in “quale versione” esso venisse letto e recepito.

¹⁴ Vedi Nic. Machiavelli Florentini Princeps. Ex Sylvestri Teli Fulginatis traductione diligenter emendatus. Lvgdvni Batavorum. Ex Officina Hieronymi De Vogel. Anno 1648. P. 79. In seguito citato nel testo come Tegli. Ulteriori omissioni e trasformazioni di Tegli sono elencate da *Perini L.* Gli eretici italiani del '500 e Machiavelli // Studi storici. X/ 4 (1969). P. 908-911.

¹⁵ Nicolai Machiavelli Princeps. Aliaque nonnulla ex Italico Latine nunc demum partim versa partim infinitis locis sensus melioris ergo castigata / Cvrante Hermanno Conringio. Helmestadii. Typis atque impensis Henningi Mulleri, 1660. P. 71. In seguito citato come Conring.

3. Le traduzioni inedite

Finora ho accennato soprattutto alle traduzioni a stampa; molte delle prime traduzioni del *Principe* non vennero però mai pubblicate: è il caso di quella redatta da Jacques de Vintimille (1546), prima versione francese in assoluto e prima in assoluto in lingua straniera¹⁶; è il caso di quattro traduzioni inglesi redatte tra 1580 e 1590¹⁷; della prima traduzione spagnola, alla quale ho accennato sopra, della prima traduzione tedesca (1692)¹⁸; di una prima traduzione russa risalente alla prima metà del XVIII secolo e ancora adesso dispersa, e della prima traduzione araba redatta da Raphael Zakhur (1824), a oggi mai data alle stampe¹⁹.

La maggior parte di queste traduzioni furono redatte per un uso privato, indirizzate a un particolare committente o dedicatario e quindi fin da principio non destinate alla stampa. Esse non influenzarono sensibilmente la ricezione del *Principe* in Europa, tuttavia meritano attenzione perché attestano una diffusione diversa del trattato di Machiavelli: più capillare, diffusa, e anche più “fedele” di quanto comunemente si pensi.

Un conto è infatti tradurre pensando a una pubblicazione, quindi a un libro che va (che deve, che può andare) per le mani di tutti, un conto è tradurre pensando a un determinato lettore che

¹⁶ Rimando a *Bianchi Bensimon N.* La première traduction française // The First Translations. P. 25-57.

¹⁷ Sulle quali vedi *Petrina A.* A Florentine Prince in Queen Elizabeth's court // The First Translations. P. 83-115.

¹⁸ Cfr. *Spazzarini S.* The first German Translation // The First Translations. P. 207-246.

¹⁹ Vedi *El Ma'ani A.* The first Arabic translation // The First Translations. P. 279-304.

De Pol R. Quale Machiavelli?

sarà (o almeno dovrebbe essere) l'unico a leggere la traduzione²⁰. Le traduzioni non destinate alla pubblicazione ristabilirono insomma la situazione comunicativa originaria del trattato di Machiavelli, destinato a pochi lettori altolocati, anzi pensato per un “lettore ideale”²¹ che era un uomo di governo e non certo un suddito. Fu questa situazione comunicativa originaria a condizionare, com'è ovvio, non solo la scelta linguistica e quella stilistica, ma anche la strategia argomentativa ed espositiva di Machiavelli, in definitiva la “forma” e il “contenuto” stesso del suo scritto. Anche di questo posso fare solo pochi esempi: aspettandosi di essere letto da un lettore colto, Machiavelli poté optare per l'intitolazione latina dei Capitoli, forse addirittura il titolo stesso dello scritto doveva essere in latino (*De principatibus*) come l'autore scrisse nella lettera al Vettori del 10 dicembre 1513, ma le edizioni italiane, a cominciare da Blado, che

²⁰ E' quello che C. Zwierlein (*Zwierlein C. Machiavellismus und italienisch-deutscher Kulturtransfer im 16./17. Jahrhundert // Machiavellismus in Deutschland. Chiffre von Kontingenz, Herrschaft und Empirismus in der Neuzeit / Hrsg. C. Zwierlein, A. Meyer. München, 2010 P. 31*) definisce il superamento della “Grenze zwischen vertraulich-arkanem Rasonnement über Politik und dem öffentlichen Diskurs, die auch mit der Grenze zwischen handschriftlicher und gedruckter Kommunikation korrespondiert“ e che fu all'origine della risonanza, ma anche della scandalosità del *Principe* (P. 30).

²¹ Uso questa definizione nel senso datole da W. Iser (*Iser W. Die Appellstruktur der Texte // Rezeptionsästhetik / Hrsg. R. Warning. 4. Auflage München, 1994. P. 228-252*), intendendo il miglior lettore possibile che l'autore si immagina come referente per il suo testo, quello che sarebbe in grado di comprenderne ogni aspetto. Nella maggior parte dei casi questo “lettore ideale” esiste solo nella mente dell'autore, è semplicemente oggetto della sua strategia comunicativa, la quale nella realtà dovrà poi confrontarsi con un “lettore empirico”. Nel caso di un testo indirizzato a un'unica persona (come la lettera o, appunto, una traduzione *ad personam*) lettore “ideale” ed “empirico” in gran parte coincidono, almeno nella misura in cui l'autore conosce effettivamente il destinatario del suo testo.

si indirizzavano a un pubblico più ampio e meno dotto, preferirono l'italiano sia per il titolo complessivo sia per quelli dei singoli Capitoli. Muovendo dallo stesso presupposto comunicativo (ossia pensando a un "lettore ideale" colto), Machiavelli spesso usò termini rari, derivanti dal latino, come nel Capitolo III, quando definì le colonie "còmpedi" di uno stato (Principe, p. 77) che è "traduzione precisa di *compes- compedis* (da *cum* e *pes*), Ceppi a' piedi e, per estensione Legami di qualunque genere" (ivi, nota). Blado (p. 4v) e Giunta sostituirono però l'astruso "còmpedi" con "chiavi", facilitando molto i lettori italiani, ma anche, involontariamente, i vari traduttori stranieri. Nel Capitolo VIII, riferendosi ad Agatocle siciliano, Machiavelli ricordò che era "figlio d'uno figulo" (da "figulus", cioè vasaio: Principe, p. 151). Anche qui Blado (p. 12r) sostituì il latinismo con "orciolaio", seguito da Amelot (p. 67: "Potier de terre") e da altri traduttori.

Soprattutto, il pragmatismo (da alcuni definito magari "cinismo") di Machiavelli nel mettere a nudo i meccanismi anche più amorali della politica di potenza, fu possibile appunto perché il suo "lettore ideale" era elitario: un governante o almeno un soggetto politicamente attivo, non, come per tanto tempo è stato detto credendo di giustificare il Segretario fiorentino come "smascheratore dei potenti", un uomo del popolo, un suddito, un non addetto ai lavori. Su questo dilemma (se Machiavelli fosse un immorale precettore dei principi oppure un castigatore dei loro "arcana imperii") si innestò la lunghissima diatriba tra difensori e accusatori. A me però interessa evidenziare qui le implicazioni comunicative, linguistiche e ideologiche, del passaggio dalla circolazione elitaria alla divulgazione: una correzione come l'omissione di "fede" o addirittura dell'intero passo connesso a

De Pol R. Quale Machiavelli?

questo vocabolo dal Capitolo XVIII come avviene nelle traduzioni latine di Tegli e di Conring e nelle edizioni italiane Testina è infatti spiegabile solo come conseguenza della consapevolezza che, indipendentemente dalle intenzioni dell'autore, il pensiero di Machiavelli sarebbe stato trasmesso a un pubblico “diverso” da quello originario, un pubblico che, nel caso specifico, poteva fraintendere il vocabolo “fede” e leggere nel passo la constatazione che il principe poteva o forse addirittura doveva comportarsi da ateo²².

La pubblicazione del *Principe* coincise insomma non solo con la sua divulgazione, ma anche con il suo adeguamento (stilistico, lessicale, ideologico) a un lettore diverso da quello originario. Le traduzioni non destinate alla stampa, e quindi alla divulgazione, ma a un singolo lettore, si sottrassero invece a questa necessità, risultando talvolta più “fedeli”, se non alla forma, almeno al contenuto machiavelliano.

Siamo ormai relativamente ben informati di come filosofi, uomini di studio e di Chiesa abbiano letto e apertamente giudicato il *Principe*. Sappiamo invece ancora poco di come l'abbiano recepito quelli che, stando alle intenzioni di Machiavelli, avrebbero dovuto essere i suoi lettori preferenziali, i sovrani e gli uomini di governo. Sappiamo che Federico II di Prussia, prima di ascendere al trono, criticò Machiavelli, ma poi, appena salì al trono, ne mise

²² Secondo F. Ingravalle und C. Malandrino (*Ingravalle F., Malandrino C. Calvinismus, „Machiavellismus“ und die Politika von Althusius // Machiavellismus in Deutschland. Chiffre von Kontingenz, Herrschaft und Empirismus in der Neuzeit / Hrsg. C. Zwierlein, A. Meyer. München, 2010. P. 67*) l'intento di Tegli e della “cerchia di Basilea” era “liberare Machiavelli dalla cattiva nomea che aveva specialmente nell'ambiente calvinista di lingua tedesca, al quale essi appartenevano”.

alacremenente in pratica le regole. Sappiamo anche che Mohammad Ali, viceré d'Egitto dal 1805 al 1849, venuto a sapere dell'esistenza di questo trattato, nel 1824 ne commissionò a Raphael Zakhur la traduzione in arabo, ma poi ne interruppe la lettura e quindi non ne promosse (o forse addirittura ne vietò) la stampa affermando “di non avervi trovato nulla di nuovo”²³.

Alcune traduzioni inedite, perché destinate a un uso privato, ci permettono ora di ampliare le nostre conoscenze in questo campo, offrendo interessanti tracce di come alcuni lettori, uomini di governo o sovrani anche essi, abbiano letto Machiavelli: forse è questo il caso del “Furthman manuscript” (MS. Eng. 1014) conservato nella Houghton Library, dove alla fine della traduzione inglese è inserito un commento di un lettore che interpreta il *Principe* come una “analisi realistica del comportamento dei governanti”²⁴, schierandosi in netta controtendenza rispetto all'antimachiavellismo imperante in quegli anni sull'isola britannica. È sicuramente il caso della prima traduzione tedesca, a oggi mai pubblicata e della quale è in corso di stampa l'edizione critica²⁵.

²³ *El Ma'ani*. P. 280.

²⁴ Vedi *Petrina*. P. 90-92.

²⁵ *Von Lenz Ch.A.* Der Fürst des Nicola Machiavell (erste deutsche Übersetzung, 1692) / Kritisch herausgegeben von J. Gerdes. Mit einem Vorwort von R. De Pol und einem Nachwort von S. Spazzarini. Sandersdorf-Brehna, 2012. La citazione seguente è tratta dal mn. conservato alla Handschriftensammlung della SLUB Dresden, segnatura: Mscr. Dresd. k 19 Nr. 16., la traduzione è mia.

De Pol R. Quale Machiavelli?

4. La prima traduzione tedesca

Questa prima traduzione tedesca del *Principe* fu redatta nel 1692 da Christian Albrecht von Lenz nel piccolo Ducato slesiano di Oels per l'uso privato di un lettore molto particolare e infatti rimase sconosciuta per tre secoli.

Lenz era “Kammer-Juncker” (valletto di camera) del Duca Sylvius Friedrich di Württemberg-Oels, una figura abbastanza scialba che negli ultimi anni del suo regno (1690-1697) aveva completamente lasciato le redini del governo a sua moglie, la Duchessa Eleonore Charlotte. Lenz però non dedicò la sua traduzione del *Principe* né all'uno né all'altra, bensì alla sorella della Duchessa, la Principessa Hedwig, che definì nella Dedicà:

giudice che è perfettamente in grado di distinguere tra vera e falsa politica e di pesare accuratamente religione e odierna Ragion di Stato [...]

È anzi sorprendente che Machiavelli venga criticato da così tanti, ma per difenderlo non userò le mie deboli parole, bensì la ben ponderata opinione dell'eccellente cavaliere francese e il ben espresso giudizio del Signor Amelot de la Houssaie, il quale dice che chi condanna Machiavelli, o non l'ha capito o non l'ha mai letto. Qualunque opinione si abbia di Machiavelli, io spero di aver bene impiegato il mio tempo con la traduzione perché credo che Vostra Altezza l'accetterà.

Questa Dedicà solleva un grosso problema perché sappiamo che Hedwig era da anni malata di mente²⁶. Non mi sembra plausibile che Lenz volesse criticare obliquamente

²⁶ *Debard J.-M.* Hedwig // *Das Haus Württemberg. Ein biographisches Lexikon* / Hrsg. S. Lorenz, D. Mertens, V. Press. Stuttgart, 1997. P. 187.

Machiavelli, suggerendo che fosse adatto a un lettore “pazzo”, perché Lenz, la cui attività rimase tutta circoscritta alla corte di Oels e la cui restante produzione fu encomiastica nei confronti della Casa di Württemberg-Oels e di Eleonore Charlotte, si sarebbe inimicato la potente Duchessa se avesse trascinato nel ridicolo la sorella di quella, richiamando la sua infermità mentale per criticare Machiavelli. Occorre dunque chiedersi chi era il “vero” lettore per il quale Lenz approntò la traduzione, questo lettore che sarebbe stato in grado di “distinguere tra vera e falsa politica” e al quale Lenz, da abile cortigiano, lasciò l'incombenza di esprimere un giudizio su Machiavelli. Possiamo affrontare la domanda muovendo da alcune considerazioni.

In primo luogo doveva trattarsi di un lettore per il quale Machiavelli non aveva bisogno d'essere “scusato” o “giustificato”, perché Lenz, pur partendo dalla traduzione francese di Amelot, non ne tradusse né la “Préface”, né l'apparato critico che giustificava “scientificamente” Machiavelli.

Che Lenz si sobbarcasse la fatica di tradurre dall'edizione francese al tedesco indica anche che questo lettore non conosceva (o non conosceva abbastanza bene) il francese e il latino, perché nella Biblioteca del castello di Oels almeno la presenza della traduzione latina di Conring è documentata²⁷, e quella francese di Amelot doveva anche essere disponibile, visto che Lenz se ne servì come testo di partenza per la sua traduzione. Questa seconda considerazione mi porta a escludere che Lenz traducesse per il Duca Sylvius Friedrich, perché questi in gioventù aveva frequentato le università di Tübingen e di Leida, ricavandone una

²⁷ Spazzarini. P. 213.

De Pol R. Quale Machiavelli?

“cultura poliedrica”²⁸, nella quale probabilmente era compresa una buona conoscenza del latino e del francese, e quindi non avrebbe avuto bisogno di una traduzione tedesca per leggersi il *Principe* di Machiavelli.

Terza considerazione: la lingua adottata da Lenz in questa traduzione è semplice e piana, quasi primitiva, ma infarcita di espressioni idiomatiche, come se si trattasse di togliere Machiavelli dalle cattedre universitarie per abbassarlo al livello di un lettore non molto colto, ma che si lasciava guidare dal buon senso “comune”. Confrontando gli altri scritti di Lenz, redatti in stile molto più ampolloso e aulico, con la sua traduzione del *Principe*, si comprende che questa scelta stilistica è meditata e rientra, come la rinuncia a una articolata “difesa” di Machiavelli, in una consapevole strategia di adeguamento del testo a un destinatario preciso, a un “lettore ideale” che Lenz ben conosceva e che forse rimase anche l'unico lettore reale di questa traduzione.

La versione tramandata della traduzione presenta tuttavia errori e correzioni che lasciano ipotizzare che si tratti di una trascrizione dettata a un copista: non ne risultò però una “bella copia”, ossia una versione definitiva. Se la traduzione fu consegnata in questo stato si trattava di un omaggio ben poco formale. Probabilmente questa copia non fu consegnata al destinatario e finì in archivio dove restò ignorata per tre secoli. Se fu redatta un'ulteriore copia definitiva (una “bella copia”), essa non ci è a oggi pervenuta.

Come si è detto, Lenz rinunciò a tradurre l'apparato critico di Amelot, non rinunciò però a corredare la traduzione di un

²⁸ Feist M. Sylvius Friedrich, Herzog von Oels // Zeitschrift des Vereins für Geschichte und Altertum Schlesiens. XXXVII. 1903. P. 71.

peculiare apparato: il manoscritto riporta a margine parecchi segni con i quali la mano stessa che vergò la traduzione, e dunque il copista su indicazione di Lenz, evidenziò alcune frasi, contrassegnando con la sigla “NB”, cioè “Nota Bene”, quelle ritenute rimarchevoli e con una croce quelle ritenute scandalose. Ne risulta una sorta di “istruzioni per l'uso”, definizione che mi sembra azzeccata se si pensa che Machiavelli poteva essere paragonato a un “farmaco”: salutare in particolari circostanze, pericoloso se “usato” a sproposito. Esaminando i passi così evidenziati e confrontandoli con quelli non contrassegnati, e quindi giudicati non degni di particolare nota, è possibile farsi un'idea abbastanza precisa di come il *Principe* venisse adattato in questa traduzione alla situazione contingente di una piccola corte dell'Europa centrale e di un certo lettore. E anche di chi fosse questo lettore per il quale fu confezionata su misura questa traduzione: è quello che mi ripropongo di illustrare dettagliatamente in mio intervento previsto in un prossimo convegno sulla “Rezeptionsliteratur” (letteratura di ricezione) che si terrà a Hundisburg (Germania) nel maggio 2013.

Макиавелли: проблемы творчества

Robert Black
University of Leeds, Great Britain

**MACHIAVELLI'S *ISTORIE FIORENTINE*:
HUMANIST HISTORIOGRAPHY AND POLITICAL
REFORM**

The patron of Machiavelli's *Istorie fiorentine* was Cardinal Giulio de' Medici, although formally the commission was given by the Florentine Studio, whose head was Cardinal Giulio as archbishop of Florence¹.

Machiavelli intended his work to conform to the norms of humanist history, as is clear from his declared aim to imitate Leonardo Bruni's and Poggio Bracciolini's Florentine histories – both preeminent examples of the genre². As a consequence, the text is laden with features characteristic of ancient Roman historiography such as lengthy speeches, geographical descriptions and extended portraits of leading personalities (e.g. Cosimo and Lorenzo the Magnificent); as with Sallust and Livy, intricately argued prefaces are included, in Machiavelli's case, introducing the work as a whole and then opening each of the subsequent seven books. Particularly telling is the style of the *Florentine Histories*, now abounding in 'fulsome clauses' (*clausule ample*) explicitly eschewed in the dedication of *The Prince*³.

¹ *Ridolfi R. Vita di Niccolò Machiavelli*. 7^a ed. Florence, 1978. P. 284-85.

² *Machiavelli N. Opere* / Ed. Corrado Vivanti, 3 vols. Turin, 1997-2005. V. III. P. 308.

³ See La vita di Castruccio Castracani da Lucca / Ed. P. Trovato, R. Brakkee. Naples, 1986. P. 34-35; Richardson B. *The Prince and its early Italian readers* //

Following Cicero's recommendations in *De oratore* (II.36), humanist histories were rhetorical works that aimed to get messages across. It was the capacity to teach that made history, in Cicero's words, the *magistra vitae*, life's tutor. Frequently such lessons were moral in character, as in the case of Livy, who wrote in his Preface, 'Hoc illud est praecipue in cognitione rerum salubre ac frugiferum, omnis te exempli documenta in inlustri posita monumento intueri; inde tibi tuaeque rei publicae quod imitere capias, inde foedum inceptu foedum exitu quod vitas'. ('The special and salutary benefit of the study of history is to behold evidence of every sort of behaviour set forth as on a splendid memorial; from it you may select for yourself and for your country what to emulate, from it what to avoid, whether basely begun or basely concluded'.)⁴ Sometimes humanists added to their moral remit a more concrete political purpose, for example Bruni, who aimed to point out the merits of aristocratic government in contrast to the disadvantages of plebeian rule (exemplified by the contrast between the disastrous Ciompi regime and the subsequent oligarchic regime). Machiavelli's messages in the *Florentine History* were similarly political⁵.

But Machiavelli would not have been Machiavelli if he had not taken the political brief often characteristic of humanist historiography onto a new level of specificity and candour. Here he miraculously balanced the public character of his history with a

Niccolò Machiavelli's *The Prince*. New Interdisciplinary Essays / Ed. M. Coyle. Manchester, 1995. P. 18-39, at 22-23; Marietti M. Machiavel. *Le penseur de la nécessité*. Paris, 2009. P. 301.

⁴ Livy. *The Rise of Rome* / Tr. T. Luce. Oxford, 1998: 4.

⁵ See Gilbert F. Machiavelli's "Istorie Fiorentine": an Essay in Interpretation // *Studies on Machiavelli* / Ed. Myron Gilmore. Florence, 1972. P. 73-99, at 80.

Black R. Machiavelli's *Istorie fiorentine*

particular message directed to Pope Clement VII as potential reformer of Florence. It would not have been prudent to subject the pope's forbears to public humiliation by overtly vilifying the fifteenth-century Medici as tyrants, but even a casual reading of his words could have left no doubt that Machiavelli considered the earlier Medici regime, as presided over by Cosimo 'il Vecchio', Piero 'the Gouty' and Lorenzo the Magnificent, to be unsuitable as a model for Florence in the 1520s.

Implicit criticism of Cosimo begins with the advice offered to him on his deathbed by his father Giovanni di Bicci, warning against the grasping ambition for which he would become notorious:

niuna cosa mi fa tanto morire contento quanto mi ricordare di non avere mai offeso alcuno, anzi piuttosto, secondo che io ho potuto, beneficato ognuno. Così conforto a fare voi. Dello stato, se voi volete vivere securi, toglietene quanto ve ne è dalle leggi e dagli uomini dato: il che non vi recherà mai né invidia né pericolo, perché quello che l'uomo si toglie, non quello che all'uomo è dato, ci fa odiare. (IV.16) (Nothing does so much to make me die happy as to remember that I have never injured anyone, but, on the contrary, I have, so far as possible, benefited everyone. I encourage you to do the same. As far as the regime is concerned, if you wish to live securely, assume the part given you by the laws and by men. This will bring you neither envy nor danger, because what a man takes for himself, not what is given to him, makes him hated.)⁶

⁶ Opere. P. 491; Machiavelli. The Chief Works and Others / Tr. A. Gilbert. 3 vols. Durham N.C., 1958. P. 1204 (adapted).

Cosimo's ambition showed itself immediately after Giovanni di Bicci's death:

*Cosimo de' Medici, dopo la morte di Giovanni suo padre, con maggiore animo nelle cose pubbliche, e con maggiore studio e più liberalità con gli amici che non aveva fatto il padre, si governava. (IV.26) (Cosimo de' Medici, after the death of Giovanni his father, conducted himself with greater boldness in public matters and with greater fervour and liberality towards his allies than his father had done.)*⁷

Underhand tactics are attributed to Cosimo's cousin Averardo de' Medici, although the former must himself have sanctioned all his party's manoeuvres. Machiavelli's criticisms of Cosimo were put into the mouth of his opponent, Niccolò da Uzzano:

L'opere di Cosimo che ce lo fanno sospetto sono: perché gli serve de' suoi danari ciascuno, e non solamente i privati ma il pubblico, e non solo i Fiorentini ma i condottieri; perché favorisce quello e quell'altro cittadino che ha bisogno de' magistrati; perché e' tira con la benivolenza che gli ha nello universale questo e quell'altro suo amico a maggiori gradi di onori ... modi tutti che tirano gli uomini volando al principato. (IV.27) (The deeds that make us suspect Cosimo are that he uses his money not only for private individuals but for the public, not only for Florentines but for condottieri; that he favours this or that citizen who has need of the magistrates; that, with the goodwill he commands among the people, he secures higher grades of offices

⁷ Opere, III. P. 505; Gilbert. P. 1218 (adapted).

Black R. Machiavelli's *Istorie fiorentine*

for his allies ... all methods that carry men hurtling towards a principate.)⁸

Niccolò da Uzzano ends his denunciation with an unmistakable allusion to Cosimo's schemes to buy Florence with his riches:

tutti questi cittadini, parte per ignoranza parte per malizia, sono a vendere questa repubblica apparecchiati. (IV.27) (All these citizens, partly through ignorance, partly through wickedness, are prepared to sell this republic, and fortune has befriended them to the extent that they have found a buyer.)⁹

After his defeat at the hands of the Medici in 1434, Rinaldo degli Albizzi becomes portavoce for Machiavelli's vilification of Cosimo's tyrannical regime:

quella patria è desiderabile nella quale le sustanze e gli amici si possono sicuramente godere, non quella dove ti possino essere quelle tolte facilmente, e gli amici per paura di loro propri nelle tue maggiori necessità t'abbandonano. (IV.33) (that city is desirable as a man's home in which his property and his friends can be safely enjoyed, not that one in which your property can easily be taken from you and where your friends, for fear of their own possessions, desert you in your greatest necessity.)¹⁰

In urging Filippo Maria Visconti to take up arms and restore the rebels to Florence, Rinaldo paints a vivid picture of Florence's weakness under Cosimo's tyranny:

⁸ Opere, III. P. 507-8. My translation: where a translation is not indicated, it is my own.

⁹ Opere, III. P. 508.

¹⁰ Opere, III. P. 518; *Gilbert*. P. 1230 (adapted).

quale potenza vuoi tu che sia in una città che abbia da se nuovamente scacciato la maggiore parte delle sue ricchezze e della sua industria? Quale ostinazione vuoi tu che sia in uno popolo per sì varie e nuove nimicize disunito? ... Tu ... ora vieni per tor[re lo stato] a pochi e tristi [cittadini]. (V.8) (what power do you think a city can have that recently has driven away from itself the greater part of its riches and its industry? What stubbornness do you think there can be in a people disunited through such new and varied enmities? ... You will come to take dominion away from a handful of wicked citizens.)¹¹

Another strategy for mounting a covert critique of Cosimo's regime is to compare him with a prominent citizen who eschews ambitious and underhand methods, in this case Neri di Gino Capponi:

Erano in Firenze... duoi cittadini potentissimi, Cosimo de' Medici e Neri Capponi: de' uqali Neri era uno di quelli che aveva acquistata la sua reputazione per vie publiche, in modo che gli aveva assai amici e pochi partigiani. Cosimo dall'altra parte avendosi alla sua potenza la publica e la privata via aperta, aveva amici e partigiani assai. (VII.ii) (In Florence ... there were two very powerful citizens, Cosimo de' Medici and Neri Capponi. Neri had gained his reputation through public means, so that he had many friends and few partisans. Cosimo, on the other hand, for whom both public and private ways to power were open, had numerous friends and partisans.)¹²

The regime of Piero de' Medici was also censured via its opponents, who wanted

¹¹ Opere, III. P. 530-31; Gilbert. P. 1243 (adapted).

¹² Opere, III. P. 629-30; Gilbert. P. 1338 (adapted).

Black R. Machiavelli's *Istorie fiorentine*

che la città con i magistrati e non con il consiglio di pochi si governasse. (VII.11)

(the city to be governed by the magistrates and not by the advice of a few);

Piero in particular was blamed for refusing to allow his son Lorenzo to contract a

la città più come cittadino non lo capeva e perciò egli si preparava a occupare il principato: perché colui che non vuole i suoi cittadini per parenti gli vuole per servi. (VII.11) (the city could not contain him as a citizen and therefore he was preparing to assume a principate, since whoever did not want his fellow citizens as in-laws wanted them as slaves.)¹³

Florentine marriage, his critics alleging that

'Piero dei Medici con altri suoi seguaci ... erano a viver tirannicamente consueti.' (VII.19) ('Piero with his followers were accustomed to live tyrannically').¹⁴ Machiavelli even had Piero himself vilify his own regime, and so, implicitly, himself:

Voi spogliate de' suoi beni il vicino, voi vendete la giustizia, voi fuggite i giudicii civili, voi oppressate gli uomini pacifici e gli insolenti esaltate. Né credo che sia in tutta Italia tanti esempi di violenza e di avarizia quanti sono in questa città. (VII.23) (You plunder your neighbour's goods, you sell justice, you escape civil justice, you oppress peaceful men, and you empower the arrogant. I do not believe that in all Italy there are so many instances of violence and avarice as in this city.)¹⁵

¹³ Opere, III. P. 644.

¹⁴ Opere, III. P. 655.

¹⁵ Opere, III. P. 659-60; Gilbert. P. 1366 (adapted).

Lorenzo the Magnificent received comparable indirect censure. Machiavelli describes in generic terms what happens to the 'principe' ('prince') of a city after a failed plot, pointing implicitly to what occurred in Florence under Lorenzo in the aftermath of the Pazzi conspiracy:

quasi sempre uno principe di una città, da simile congiure assalito, se e' non è ... ammazzato, il che rade volte interviene, sagli in maggiore potenza, e molte volte sendo buono diventa cattivo; perché queste con esempio loro gli danno cagione di temere: il temere, d'assicurarsi; lo assicurarsi, di ingiuriare. (VIII.1) (almost always the prince of a city, after he is assailed in such a conspiracy, if he is not killed ... which seldom happens – rises to greater power. Often indeed, having been good, he becomes wicked, because these conspiracies, through their example, give him cause to be afraid; fear gives him reason to look to his safety, which in turn gives him cause to do harm.) (VIII.1)¹⁶

Yet another strategy for oblique criticism was found in Giuliano's warning that his brother Lorenzo was dangerously ambitious:

Giuliano de' Medici molte volte con Lorenzo suo fratello si dolse, dicendo come e' dubitava che, per volere delle cose troppo, che le non si perdessero tutte. (VIII.2) (Giuliano de' Medici lamented many times with Lorenzo his brother, saying how he doubted that, through wanting too much, he might not lose everything.)¹⁷

¹⁶ Opere, III. P. 679; Gilbert. P. 1383-84 (adapted).

¹⁷ Opere, III. P. 680.

If the example of the first Medici regime was thus rejected by Machiavelli as a model for their successors in the sixteenth century, they were implicitly warned not to go one step further and attempt to seize absolute power. In this connection Machiavelli uses the occasion of the speech by the Signoria cautioning the duke of Athens against such a step:

Voi cercate fare serva una città la quale sempre è vivuta libera ... Avete voi considerato quanto in una città simile a questa importi e quanto sia gagliardo il nome della libertà, il quale forza alcuna non doma, tempo alcuno non consuma e merito alcuno non contrappesa? Pensate, signore, quante forze sieno necessarie a tenere serva una tanta città. Quelle che, forestiere, voi potete sempre tenere, non bastano; di quelle di dentro voi non vi potete fidare, perché quelli che vi sono ora amici e che a pigliare questo partito vi confortano, come eglino aranno battuti con l'autorità vostra i nimici loro, cercheranno come e' possino spegnere voi e fare principi loro ... in modo che in poco tempo voi potete temere di avere tutta questa città nimica, il che fia cagione della rovina sua e vostra. (II.34) (You seek to enslave a city that has always lived free ... Have you considered how important and how strong in a city like this is the name of liberty, which no force crushes, no time wears away, and no gain counterbalances? Consider, my lord, what great forces are needed to keep so great a city in slavery. Those whom – foreigners – you can always get are not enough. Those within you cannot trust, because they who are now your supporters and who encourage you to make this decision, first, using your authority, will overcome their enemies, and then

*will try to find a way to destroy you and make themselves rulers ... in a short time you must fear that all this city will be hostile.)*¹⁸

Rather than imposing absolute power, Clement VII is effectively advised to reform Florence along lines previously recommended in his *Discursus florentinarum rerum post mortem iunioris Laurentii Medices* (*Discourse on Florentine Affairs after the death of Lorenzo de' Medici*) (end of 1520 / beginning of 1521):

*dove Roma, sendosi quella loro virtù convertita in superbia, si ridusse in termine che senza avere un principe non si poteva mantenere, Firenze a quel grado è pervenuta che facilmente da uno savio datore di legge potrebbe essere in qualunque forma di governo riordinata. (III.1) (Whereas Rome, when the virtù of its nobles turned into arrogance, was brought to such a pass that it could not be preserved without a prince, Florence has reached the point that it could easily be reordered by a wise legislator in terms of any form of government.)*¹⁹

In the *Discourse*, Machiavelli had proposed that Florence should, in the first instance, be transformed into a monarchy and then, following the deaths of Leo X and Cardinal Giulio, become a republic; in this passage, the key word 'any' ('qualunque') suggests that Machiavelli is recommending a similar path. Having rejected the status quo – that is the fifteenth-century Medici system whereby Florence was neither a republic nor a monarchy – as well as the absolutist alternative, Machiavelli's advice now – on the basis of a thorough reading of Florentine history as presented in this new work – was for Clement VII to effect an ultimately

¹⁸ Opere, III. P. 407-8; *Gilbert*. P. 1124-25 (adapted).

¹⁹ Opere, III. P. 434.

Black R. Machiavelli's *Istorie fiorentine*

republican reform for the city. Machiavelli considers Florence a poorly organized republic, whose only hope is a wise, good and powerful citizen (i.e. Clement VII) who will reform the city's constitution:

Vero è che quando pure avviene (che avviene rade volte) che per buona fortuna della città surga in quella un savio, buono e potente cittadino da il quale si ordinino leggi per le quali questi umori de' nobili e de' popolani si quietino o in modo si restringhino che male operare non possino, allora è che quella città si può chiamare libera e quello stato si può stabile e fermo giudicare: perché sendo sopra buone leggi e buoni ordini fondato, non ha necessità della virtù di uno uomo, come hanno gli altri, che lo mantenga. (IV.1) (I allow that when it comes about (and it seldom does come about) that by a city's good fortune a wise, good and powerful citizen gains power, who establishes laws that repress strife between the nobles and the people or so restrain these parties that they cannot do evil, at such a time a city can be called free and her regime can be considered firm and solid; being founded on good laws and good institutions, it does not need, as do other governments, the strength and wisdom of one man to maintain it.)²⁰

Neither *The Prince* nor the *Discourses* had been a work linked to a specific reform programme for Florence: the former was written with the Giuliano and then Lorenzo de' Medici in mind, not as rulers of Florence, but as new rulers of putative principalities in the papal states on the model of Cesare Borgia²¹,

²⁰ Opere, III. P. 473; Gilbert. P. 1187 (adapted).

²¹ More than twenty years after Machiavelli's death, Benedetto Varchi claimed Machiavelli dedicated *The Prince* to Lorenzo 'acciocché egli signore assoluto di

Firenze si facesse' ('in order that he should make himself absolute lord of Florence).'¹ (Storia fiorentina / Ed. G. Milanese. Florence, 1857-1858. 3 vols. I: P. 200). But despite the fact that Giuliano and Lorenzo, as well as Machiavelli, were Florentines, it is clear that *The Prince* was not intended to provide advice on how to impose a new and secure Medicean principality on Florence. This exclusion was suggested by Vettori himself, who wrote on 12 July, 'they [i.e. the Medici] fancy states that would be secure and in which they would not have to worry continuously about humoring [*dondolare*] people'. (*Najemy J. Between Friends. Discourses of power and desire in the Machiavelli-Vettori letters of 1513-1515. Princeton, 1993. P. 147; Machiavelli N. Lettere / Ed. F. Gaeta. Turin, 1984. P. 393: 'hanno fantasia a stati che sieno fermi e dove non abbino a pensare continuo a dondolare uomini.'*) "'Dondolare" literally means to rock or swing, as with a cradle'. (*Najemy. Op. cit. P. 148*) In 1509, Biagio Buonaccorsi had written to Machiavelli that every elite Florentine 'wants to be pampered [*dondolato*]' (*Najemy. Op. Cit. P. 148; Machiavelli. Lettere. P. 303: 'ogni uno vuole essere dondolato.'*) Vettori was suggesting in his letter to Machiavelli that the would-be Medici princes did not want to deal with a state, such as Florence, in which the politically powerful would have to be humoured (with obvious allusion to the behind-the-scenes approach used by the Medici in the fifteenth century to maintain control); instead they wanted states where their authority would be secure and absolute. In his *Sommario della storia d'Italia (Summary of Italian History)*, Vettori later wrote that in Florence the young Lorenzo would be subjected to 'a thousand cautions', while in Rome he had to exercise none. (Cited by *Capponi N. An Unlikely Prince. The life and times of Machiavelli. Cambridge (Mass.), 2010. P. 204*) This line of argument was evident in *The Prince* too. Here Machiavelli warns it would be difficult to impose absolute rule on a state (such as Florence) where the prince has been ruling through institutions of a republican constitution: 'Principalities usually come to grief when the transition is being made from a republican to an absolute constitution'. (*Machiavelli N. The Prince / Tr. G. Bull. London, 1961. P. 70 [adapted]; Machiavelli N. Il principe / Ed. G. Inglese. Turin, 1995. P. 68 [IX.23]: 'Sogliono questi principati periclitare, quando sono per salire da lo ordine civile allo assoluto.'*) 'Whoever becomes the master of a city accustomed to freedom, and does not destroy it, may expect to be destroyed himself.'² (*Machiavelli N. The Prince / Tr. G. Bull. P. 48; Machiavelli N. Principe / Ed. G. Inglese. P. 30 [V.6]: 'chi diviene patrone di una città consueta a vivere libera, e non la disfaccia, aspetti di essere disfatto da quella.'*) The advice in the text for the new prince to live personally in his new principate (*Machiavelli N. Principe / Ed. G. Inglese. P. 13-14 [III.12-13], 29, 31 [V.1.9]*) was an invitation to the

while the latter was a work not directed to the Medici at all and not explicitly about Florence but had as its focus ancient Rome as a standard against which modern politics could be measured. The overall negative political values embodied in these works – as far as modern Italy was concerned – reflected the disillusion that Machiavelli felt about the contemporary political world during his long period in the wilderness beginning in late 1512 after his dismissal from the chancery and his failure to obtain Medici patronage before 1520. The context of the *Florentine Histories* was different: Machiavelli now had the ear of Clement VII and, accordingly, was writing from the perspective of an actual reformer. In consequence, the *Florentine Histories* have a more visionary quality with regard to political ideals than either *The Prince* or the *Discourses*: the work portrays the values that a republic such as Florence ought to have.

The Prince was an egotistical text in which the new prince's selfish interests are paramount, with little room left for the greater political good. With the focus on the prince's own glory, it is no accident that Machiavelli hardly speaks of the common or public good in *The Prince*; the effects of his rule on his subjects are relevant only insofar as they endorse or support his 'stato' ('regime')²². In *The Prince* Machiavelli never uses the

Medici not to rule their new principality – whether in the Romagna or elsewhere – at a distance from Florence or Rome.

²² 'Stato' is often mistranslated as 'state'. However, in Florentine usage of the fifteenth and early sixteenth century, 'stato' never carried the modern senses of a public embodiment of power, The State, or the commonwealth. Rather, it normally meant 'regime', used in the sense of membership of the ruling group of a city, or of power over a territory, city or people. It was never a synonym for 'republic' or 'city'; 'nella terminologia contemporanea ... "stato" poteva significare sia il dominio che il regime politico di una città' ('in contemporary

term 'politico' – a word normally employed to describe a good and unselfish political order, in the sense of the public good ('vivere politico') or of someone dedicated to the public good ('uomo politico')²³. Even Machiavelli's praise for Cesare Borgia's good government in the Romagna is ultimately about Borgia himself: 'Era tenuto Cesare Borgia crudele: nondimanco quella sua credeltà aveva racconcia la Romagna, unitola, ridottola in pace e in fede.' (XVII.2) ('Cesare Borgia was accounted cruel; nevertheless, this cruelty of his put the Romagna in order, brought it unity, and restored peace and obedience'.)²⁴ It is important to note here that the climax of the sentence is in the last word: obedience. The stress is on securing the prince's power; the benefits to the subjects are by-products: la crudeltà 'non vi si insiste dentro, ma si convertono in più utilità de' sudditi che si può ... Coloro che osservano [questo] modo possono ... avere allo stato loro qualche rimedio'. (VIII.24, 26) (injury 'is not [to be] persisted in but as far as possible turned to the good of one's subjects ... Those who use [this] method can ... find some means of consolidating their position'). The new prince needs to act in such a way 'di assicurare

terminology ... "stato" could signify either the dominion or the political regime of a city') (*Rubinstein N. Machiavelli storico // Annali della Scuola Normale Superiore di Pisa. Classe di lettere e filosofia. Ser. III, vol. 17.3 [1987]. P. 695-727 at 701*); its most frequent equivalent was 'reggimento', i.e. regime. (See *Rubinstein N. Notes on the word stato in Florence before Machiavelli // Florilegium Historiale: Essays presented to Wallace K. Ferguson / Ed. J.G. Rowe, W.H. Stockdale. Toronto, 1971. P. 313-26*).

²³ *Rubinstein N. The history of the word politicus in early-modern Europe // The Languages of Political Theory in Early-Modern Europe / Ed. A. Pagden. Cambridge, 1987. P. 41-56, at 53-54; Maurizio Viroli, From Politics to Reason of State, Cambridge 1992, pp. 8, 128-31.*

²⁴ *Machiavelli N. The Prince / Tr. G. Bull. P. 95; Machiavelli N. Principe / Ed. G. Inglese. P. 108 (XVII.2).*

li uomini e guadagnarseli con benificarli' (VIII.27) ('that he will be able to set men's minds at rest and win them over to him when he confers benefit'.)²⁵ The prince redeemer acts first to win honour and glory for himself, and only secondarily to benefit the Italian people. By marginalizing the common good in *The Prince*, Machiavelli's language approaches traditional descriptions of tyranny (without, of course, ever explicitly using the word): as Giles of Rome (Egidio Colonna, d. 1316) had written in his medieval bestseller *On the Government of Rulers*, 'rex respicit bonum commune: tyrannus vero bonum proprium' ('the king is concerned with the common good, the tyrant with his individual good')²⁶ – a view reiterated about 1430 by the humanist Poggio Bracciolini ('Hoc enim differt rex a tyranno, quod alter eorum quos regit commodis invigilat, alter suis intentus est' ['the king ... thinks of the advantage of those whom he rules, while the tyrant is intent on his own advantage'])²⁷.

By contrast, the traditional values of the Italian city republics take centre stage in the *Florentine Histories*. The common good ('ben comune'), marginalized in *The Prince*, now becomes central to Machiavelli's discourse. After the defeat of the Ghibellines in 1266, 'restato adunque il popolo vincitore, per conforto di coloro che amavano il bene della republica si deliberò di riunire la città' (II.9) ('the victorious *popolo*, for the solace of those who loved the good of the republic, decided to reunite the

²⁵ *Machiavelli N. Principe* / Ed. G. Inglese. P. 61 (VIII.24-27); *Machiavelli N. The Prince* / Tr. G. Bull. P. 66.

²⁶ De regimine principum, 3.2.6. Cited by Gilbert A. Machiavelli's *Prince and Its Forerunners: The Prince as a Typical Book de Regimine Principum*. New York, 1938. P. 60.

²⁷ De avaritia. Cited by Gilbert A. Op. cit. P. 94.

city')²⁸. In 1304 the city rallied to repel the Ghibelline exiles, 'tanto fu più da quelli cittadini stimata la comune utilità che la privata amicizia' (II.22) ('so much higher was common utility regarded than private friendship')²⁹. At the time of the Ciompi revolt in 1378, 'la bontà [di Michele di Lando, il loro capo] non gli lasciò mai venire pensiero nello animo che fusse al bene universale contrario' (II.17) ('the goodness of [Michele di Lando, their leader] never allowed a thought to enter his mind that was contrary to the universal good')³⁰. Writing of Florence in the mid-fifteenth century, Machiavelli declared that 'in due modi acquistano riputazione i cittadini nelle città: o per vie pubbliche o per modi privati ... quanto questa reputazione così guadagnata offende, tanto quella giova quando ella non è con le sette mescolata, perché la è fondata sopra un bene comune, non sopra un bene privato' (VII.1) ('citizens gain reputation in cities in two ways: either through public or through private means ... the [former] is useful when it is not mixed with factions, because it is founded on the common good ('bene comune'), not on private advantage')³¹.

In the *Discourses*, Machiavelli had made the novel suggestion that civic divisions had been the foundations of Rome's liberty³², but in the *Florentine Histories* he returned to the more traditional theme of republican political thought, arguing that

²⁸ Opere, III. P. 372.

²⁹ Opere, III. P. 388.

³⁰ Opere, III. P. 453.

³¹ Opere, III. P. 629.

³² Edizione nazionale delle opere di Niccolò Machiavelli. Sezione I. Opere politiche. Vol. 2: Discorsi sopra la prima deca di Tito Livio / Ed. F. Bausi. 2 vols. Rome, 2001. I.iv.5-11. See *Strauss L. Thoughts on Machiavelli*. Chicago, 1958. P. 95.

unity was beneficial and dissension detrimental. 'Se niuna lezione è utile a' cittadini che governono le repubbliche', he wrote in the Preface, 'è quella che dimostra le cagione degli odi e delle divisioni della città, acciò che possino ... mantenersi uniti'. ('If any lesson is useful to citizens who govern republics, it is that which demonstrates the reason for the hatreds and divisions of the city, so that they can ... keep themselves united'.)³³ In 1378 Luigi Guicciardini was reported to have spoken in favour of unity:

A che condurranno queste vostre disunioni questa vostra città? Non vi ricordate voi che quando l'è stata disunita, Castruccio, uno vile cittadino lucchese, l'ha battuta? uno duca d'Atene, privato condottiere vostro, l'ha subiugata? Ma quando la è stata unita, non l'ha potuta superare uno arcivescovo di Milano e uno papa, i quali dopo tanti anni di guerra sono rimiasi con vergogna. (III.11) (To what will these your dissensions bring this your city? Do you not recall that, when it was disunited, Castruccio, a vile Lucchese citizen, defeated it? a duke of Athens, your private condottiere, subjugated it? But when it was united, was it not able to overcome an archbishop of Milan and a pope, who who after so many years of war were reduced to shame?)³⁴

Machiavelli himself points out 'che quello stato, il quale dal 1381 al 1434 aveva regnato, e fatto con tanta gloria tante guerre, e acquistato allo imperio suo Arezzo, Pisa, Cortona, Livorno e Montepulciano ... maggiore cose avrebbe fatte, se la città si manteneva unita' (III.29) ('that regime which ruled from 1381 to 1434 and conducted so many wars with such glory and added to its empire Arezzo, Pisa, Cortona, Livorno and

³³ Opere, III. P. 308-9.

³⁴ Opere, III. P. 441.

Montepulciano, would also have done greater things, if the city had remained united'³⁵.

Particularly acute is Machiavelli's condemnation of faction – another traditional theme of communal political thought. He tells Clement VII that their native city has always been divided, until – he adds flatteringly – the advent of the Medici: 'la Sua patria, levatasi per divisione dalla ubbidienza degli imperadori, infino che la si cominciò sotto l'ombra della Casa Sua a governare, si mantenne divisa.' (Dedica) ('Your fatherland, having removed itself by way of division from obedience to the emperors, remained divided until it began to be governed under the shadow of your house'.)³⁶ It needs to be underlined 'quanto danno sia cagione ad una republica o ad uno regno variare principe o governo, non per alcuna estrinseca forza, ma solamente per civile discordia (dove si vede come le poche variazioni ogni republica e ogni regno, ancora che potentissimo, rovinano)' (I.5) ('how much damage is caused to a republic or a kingdom through varying its prince or government, not as a result of any external force but solely through civil discord, where one sees how slight variations bring every republic and every kingdom, however powerful, to ruin')³⁷. Frederick II 'seminò tanta discordia, che fu cagione della rovina di tutta Italia' (I.21) ('sowed such discord as to bring about the ruin of all Italy')³⁸. Recalling *Discourses* I.4 and 5, Machiavelli points to the differences between divisions in Rome and in Florence: in the former, because dissensions were directed to the public good and to the preservation of liberty, they were

³⁵ Opere, III. P. 471-72.

³⁶ Opere, III. P. 305-6.

³⁷ Opere, III. P. 318.

³⁸ Opere, III. P. 339.

beneficial; in the latter, they have always been harmful since they are accompanied by factions and partisans seeking only their own private interests. (III.1; VII.1)³⁹

Attempting as he was to place before Clement VII the vision of an ideal republic, it was logical for Machiavelli to reverse the political morality that had made *The Prince* such a controversial work. The duke of Athens was condemned for wanting to be feared rather than loved. (II.37)⁴⁰ In place of his advice in chapter five of *The Prince*, where he argued that the best way to control formerly free subject towns was to wipe them out, he now praises Florence's lenient policy towards towns lost after the fall of the duke, with the result that Florence rapidly regained their obedience. (II.38)⁴¹ The admonition in *The Prince* (and *Discourses*) regarding the necessity of bad faith is reversed in the speech of the anonymous good citizen in 1372: 'perché in tutti la religione e il timore di Dio è spento, il giuramento e la fede data tanto basta quanto l'utile; di che gli uomini si vagliono non per osservarlo, ma perché sia mezzo a potere più facilmente ingannare.' (III.5) ('Because for everyone religion and the fear of God has been extinguished, an oath or one's word lasts only as long as it is useful; men have recourse to these not to keep them but because they are means to enable men to deceive more easily')⁴². The morality of *The Prince* is the morality of the criminal leader of the rebels in 1378, so that by condemning him, Machiavelli reverses *The Prince's* morality:

³⁹ Opere, III. P. 423-24, 628-29.

⁴⁰ Opere, III. P. 416. See 'Principe' XVII.

⁴¹ Opere, III. P. 417.

⁴² Opere, III. P. 429.

vedrete tutti quelli che a ricchezze grandi e a grande potenza pervengano, o con frode o con forza esservi pervenuti ... quegli i quali o per poca prudenza o per troppa sciocchezza fuggono questi modi, nella servitù sempre e nella povertà affogono; perché i fedeli servi sempre sono servi, e gli uomini buoni sempre sono poveri; né mai escono di servitù se non gli infedeli e audaci, e di povertà se non i rapaci e frodolenti ... dove la necessità strigne è l'audacia giudicata prudenza ... La opportunità che dalla occasione ci è portata, vola; e invano quando ella è fuggita si cerca poi di ripigliarla. (III.13) (You will see that all those who attain great riches and great power have succeeded by means of either fraud or force ... Those who, through either lack of prudence or great folly, avoid these ways, are always overcome by servitude and poverty, for faithful servants are always servants, and good men are always poor; none except the unfaithful and the bold escapes servitude, nor poverty, except the rapacious and the fraudulent ... Where necessity presses, audacity is judged prudence ... the opportunity that occasion brings you is fleeting; when it has escaped, one seeks in vain to seize it again.)⁴³

Machiavelli then proceeds to condemn such remarks: 'Queste persuasioni acceson forte i già per loro medesimi riscaldati animi al male.' (III.13) ('These arguments strongly inflamed those spirits already in their own right feverish with evil.')

⁴⁴ In chapter fifteen of *The Prince* Machiavelli had famously warned that 'uno uomo che voglia fare in tutte le parte professione di buono, conviene che ruini in fra tanti che non sono buoni' ('a

⁴³ *Opere*, III. P. 444-45; *Gilbert*. P. 1159-61 (adapted).

⁴⁴ *Opere*, III. P. 445.

man who wants entirely to profess the part of a good man will necessarily come to ruin among so many who are not good'), but in the *Florentine Histories* Benedetto Alberti comes to grief because he is too good among so many who are bad: the moral norm has now been reversed, Alberti being spotlighted as a paragon of virtue: 'Voi vedete ... come la fortuna ha rovinato me ... sempre così avvenne a coloro i quali intra molti cattii vogliono essere buoni.' (III.23) ('You see ... how fortune has ruined me ... it always happens thus to those who among so many wicked men want to be good ...')⁴⁵.

Now that Machiavelli was the official historian of Florence and, as such, adviser to its papal ruler, it was no longer appropriate for him to don the cloak of evil that he had worn, as adviser to tyrants (euphemistically called new princes), so egregiously in *The Prince*. His purpose was now to convince Clement VII that there was no future for Florence except as a republic of virtue. As such, Machiavelli in later life emerges as the voice of the traditional Florentine establishment.

⁴⁵ Opere, III. P. 462.

**CORREGGERE” O “FRENARE” GLI UOMINI? NATURA
UMANA E ARTIFICIO POLITICO
IN MACHIAVELLI**

1. Machiavelli precursore della scienza politica?

Machiavelli incarna già, alle soglie della modernità, i due percorsi che condurranno alla frattura con la precedente tradizione aristotelica e tomista. Questi due percorsi sono diversi, ma convivono -non senza contraddizione- all'interno del suo pensiero.

Il primo va nella direzione della tecnicizzazione della politica e si basa sulla programmatica esclusione di ogni intento normativo. Così riduce la riflessione sulle cose politiche ai suggerimenti funzionali per conquistare e, soprattutto, per mantenere il potere. La dichiarazione più esplicita in tale prospettiva è probabilmente quella contenuta nel §1 del cap. 15 de *Il Principe*: “sendo l'intento mio, scrivere cosa utile a chi la intende, mi è parso più conveniente andare drieto alla verità effettuale della cosa che alla immaginazione di essa [...]; perché elli è tanto discosto da come si vive a come di doverrebbe vivere, che colui che lascia quello che si fa per quello che si doverrebbe fare impara più presto la ruina che la preservazione sua”¹.

¹ *Machiavelli N. Il Principe* (1532, postumo) / A cura di M. Martelli. Corredo filologico di N. Marcelli // *Opere di Niccolò Machiavelli*. Roma: Salerno, 2006. Vol. I, tomo I. P. 215-216 [C. XV]).

Machiavelli prefigura alla lontana il modello di una *political science* la quale, prescindendo da riferimenti valoriali, si volge al campo dell'azione politica con l'unico obiettivo di insegnare la "virtù". E la "virtù" in Machiavelli non è più intesa in senso classico, ma come previsione delle conseguenze rispetto al fine della conservazione del potere, indipendentemente da chi lo detenga. È capacità tecnica, non pratica di vita.

I termini che definiscono il problema politico sono nettamente delineati e illustrati con note e calzanti metafore. Alla "virtù" concepita quale accortezza strategica fa da contrappunto la "fortuna" (simbolizzata nel fiume in piena e nella volubilità femminile²), che altro non è se non l'incombere imperscrutabile del caso. In tale contesto la permanenza dei moventi umani nel tempo, cioè l'immutabilità della natura dell'uomo³, conferisce allo studio della storia la grande importanza data dal fatto che, conoscendo come gli uomini si sono comportati in passato, sarà più facile mettere in atto il calcolo degli effetti che potranno scaturire dalle decisioni e dalle azioni dei governanti: "nello ordinare le repubbliche, nel mantenere li stati, nel governare e' regni, nello ordinare la milizia e amministrare la guerra, nel iudicare e' sudditi, nello accrescere l'imperio, non si truova principe né repubblica né capitano che agli esempi delli antiqui ricorra. Il che credo che nasca [...] da non avere vera cognizione delle storie, per non trarne, leggendole, quel senso, né gustare di loro quel sapore che le hanno in sé. Donde nasce che infiniti che le leggono pigliono piacere di udire quella varietà degli accidenti

² Cfr. Ibid. P. 302-303, 309-310 (C. XXV).

³ Cfr. per esempio: *Machiavelli N.* Discorsi sopra la prima deca di Tito Livio (1531, postumo) // *Opere*. Vol. I/2, tomo 1. P. 177-178 [Libro I. C. 17], 194-195 [Libro I. C. 39], 300-301 [Libro II. Proemio].

Gatti R. Correggere” o “frenare” gli uomini?

che in esse si contengono, senza pensare altrimenti di imitarle, giudicando la imitazione non solo difficile ma impossibile: come se il cielo, il sole, li elementi, l’uomini fussino variati di moti, d’ordine e di potenza da quelli che gli erano antiquamente”⁴.

Nella parte finale del cap. 11 del libro I dei *Discorsi sopra la prima Deca di Tito Livio*, a proposito di Girolamo Savonarola, Machiavelli, sempre sulla stessa linea argomentativa, osserva: “Al popolo di Firenze non pare essere né ignorante, né rozo; nondimeno, da frate Girolamo Savonerola fu persuaso che parlava con Dio. Io non voglio giudicare s’egli era vero o no [...]: ma io dico bene che infiniti lo credevano, senza avere visto cosa nessuna straordinaria da farlo loro credere [...]. Non sia pertanto nessuno che si sbigottisca di non potere conseguire quel che è stato conseguito da altrui: perché gli uomini, come nella prefazione nostra si disse, nacquero, vissero e morirono sempre con uno medesimo ordine”⁵.

Si ha, in tale prospettiva, non tanto la negazione diretta e sistematica dei principi politici della tradizione, quanto la sospensione del giudizio su di essi, che avviene a partire da una constatazione empirica non intaccabile da quei principi, comunque intesi e comunque interpretabili. E questa constatazione consiste nel riconoscere realisticamente che il fatto cruciale della politica è la ricerca del potere. Possono, e storicamente sono stati, molto diversi gli strumenti per ottenerlo, i comportamenti da adottare per mantenerlo, le giustificazioni con cui di volta in volta si ricopre la nuda crudeltà del dominio. Ma sempre uguale rimane comunque la realtà che ognuno di questi

⁴ Ibid. P. 8-9 (Libro I. Proemio).

⁵ Ibid. P. 82-83 (Libro I. C. 12); cfr. anche P. 194 (Libro I. C. 39).

mezzi fa scoprire dietro l'apparenza, cioè dietro la simulazione e la dissimulazione, che sono molto utili giacché “sono tanto semplici gli òmini, e tanto obediscano alle necessità presenti, che colui che inganna troverrà sempre chi si lascerà ingannare”⁶.

La ragione calcolante, qui, opera secondo la logica del “se...allora”: se si ammette, come l'esperienza conferma, che la ricerca del potere è il dato dominante della vita politica, allora il punto diventa quello, strettamente e rigorosamente tecnico (l'“arte” nell'accezione umanistico-rinascimentale del termine), di individuare le strategie più idonee per raggiungere quest'obiettivo. Così è la “verità effettuale”. E la “necessità” spinge a usare tutti i mezzi utili al fine, relegando l'idealismo politico, in ogni sua forma, nel dominio dell'immaginazione. La tecnica politica, per la sua stessa natura, può essere messa a disposizione di chiunque; si presenta cioè come un insieme di accorgimenti neutri, atti a servire ogni regime e ogni soggetto politico⁷. Ricade perfettamente entro tale impostazione metodologica la parte del *Principe* in cui Machiavelli, dopo aver distinto le “repubbliche” dai “principati”⁸, classifica le tipologie del principato in funzione dei due criteri costituiti dalla facilità/difficoltà del conquistare e mantenere, nonché la parte, in cui, a partire dal cap. XV, analizza i “modi” del governo del principe. In entrambe queste parti l'atteggiamento di Machiavelli rifugge da un impegno normativo e punta a:

- Chiarire il contesto entro il quale il principe si trova ad agire, contesto che è diverso, per esempio, nel caso in cui si tratti

⁶ Machiavelli N. Il Principe. P. 237-238 (C. XVIII); cfr. anche P. 241-242.

⁷ Cfr. Machiavelli N. Discorsi. P. 199 (Libro I. C. 40), P. 212-213 (Libro I. C. 42).

⁸ Machiavelli N. Il Principe. P. 63 (C. I).

Gatti R. Correggere” o “frenare” gli uomini?

di “stati ereditari”⁹ o “nuovi”, sia che questi ultimi “si aggiungono a uno stato antiquo di quello che acquista”¹⁰, sia che consistano invece in “principati al tutto nuovi”¹¹.

- Indicare quali possano essere le maniere di governare dopo aver conquistato. Ed è appunto in quest’ambito che campeggia il richiamo alla “verità effettuale”. Essa spinge il principe ad adoperare, di volta in volta, le “qualità”¹² più adatte alle circostanze, sempre rimanendo naturalmente fermo il presupposto che a guidare quella sottile strategia della prudenza politica insegnata nel *Principe* è il mantenimento del potere: “uno omo, che voglia fare in tutte le parte professione di buono, conviene che ruini fra tanti che non sono buoni. Onde è necessario a uno principe, volendosi mantenere, imparare a potere essere non buono e usarlo e non usarlo secondo la necessità”¹³.

La prudenza diviene abilità nel prevedere negli effetti che possono di volta in volta nascere da uno o dall’altro comportamento, mentre virtù e vizio finiscono per dipendere dall’“occasione”, cioè da un insieme d’imponderabili (ma almeno fino a un certo punto governabili) contingenze rispetto alle quali sono mezzi o, meglio ancora, condizioni di possibilità della riuscita o del fallimento nella lotta per il successo. Per questo “sarebbe laudabilissima cosa in uno principe trovarsi, di tutte le [...] qualità, quelle che sono tenute buone; ma perché non si possono avere né interamente osservare, per le condizioni umane che non lo consentono, li è necessario essere tanto prudente che

⁹ Ibid. P. 66-68 (C. II).

¹⁰ Ibid. P. 74 (C. III).

¹¹ Ibid. P. 111 (C. VI).

¹² Ibid. P. 217 (C. XV).

¹³ Ibid. P. 216 (C. XV).

sappia fuggire l'infamia di quelle [qualità] che li torrebbero lo stato [...]; ma, non possendo, vi si può con meno rispetto lasciare andare". Infatti, "se si considerrà bene tutto, si troverà qualche cosa che parrà virtù e, seguendola, sarebbe la ruina sua, e qualcuna altra che parrà vizio e, seguendola, ne riesce la securtà e il bene essere suo"¹⁴.

Consegnare alla dimensione dell'apparenza la virtù e il vizio non vuol dire, in tale contesto, decretarne il carattere fittizio e illusorio, quanto piuttosto indicare che l'attenzione è centrata sugli effetti che le scelte conformi all'una o all'altro possono avere in ordine alla conservazione del principato. Questi, e soltanto questi, contano per una scienza empirica della politica che intende situarsi sul piano dell'analisi riguardante la logica e le dinamiche del potere.

2. L'impianto normativo della riflessione machiavelliana: l'ideale repubblicano

Arrivati a questo punto, si può però cercare di riflettere anche sul secondo percorso che Machiavelli inaugura. L'occhio puntato sulla "verità effettuale" della politica e della natura umana non è certamente il risultato di un gesto asettico, la registrazione passiva di un dato. Invero, già questo assumere il "fatto" della natura dell'uomo come originariamente acquisitiva¹⁵ e della politica come il luogo in cui questo "fatto" si manifesta attraverso la ricerca del potere da parte di chi ha volontà e doti per governare (oppure attraverso la ricerca della protezione da parte di chi vuol

¹⁴ Ibid. P. 217-218 (C. XV); cfr. anche P. 240-241 (C. XVIII).

¹⁵ Cfr. Ibid. P. 94 (C. III).

Gatti R. Correggere” o “frenare” gli uomini?

godere semplicemente della sicurezza negli affari privati¹⁶) implica l'introduzione di una frattura rispetto all'aristotelismo. Ha correttamente osservato Alasdair Mac Intyre che l'etica e la politica di Aristotele erano basate sulla fondamentale distinzione della natura umana com'è dalla natura umana come dovrebbe essere. I principi morali venivano da lui considerati come quelle direttive che consentono la realizzazione del fine interno alla natura stessa attraverso idonee pratiche virtuose che l'abitudine contribuisce a sedimentare¹⁷.

Ora, in Machiavelli accade che, abbandonata ogni impostazione teleologica, resta solo sul campo, per quanto riguarda la concezione dell'uomo, il primo termine, la natura "com'è". L'apparente neutralità dello sguardo senza presupposti svela la sua componente prospettica, cioè l'inevitabile opzione normativa che lo sottende e che consiste nell'inchiudere l'immagine dell'essere umano ai suoi aspetti più crudi, che vengono presentati come gli aspetti decisivi di cui la politica deve tener conto.

Emerge un'antropologia filosofica, pur non sistematica né elaborata rigorosamente, che anticipa i tratti dell'*homo homini lupus* hobbesiano e che fornisce il contesto interpretativo necessario per comprendere il pensiero politico del segretario fiorentino. È un'antropologia che sottende sia il *Principe* che i *Discorsi sulla prima Deca di Tito Livio*, quindi la teoria del "principato" non meno che quella della "repubblica": "come ne è piena di esempi ogni istoria, è necessario, a chi dispone una repubblica e ordina leggi in quella, presupporre tutti gli uomini

¹⁶ Cfr. *Machiavelli N. Discorsi*. P. 105 (Libro I. C. 16).

¹⁷ Cfr. *Mac Intyre A. Dopo la virtù. Saggio di teoria morale* / Tr. it. di P. Capriolo. Milano: Feltrinelli, 1988. P. 70 ss.

rei, e che li abbiano sempre a usare la malignità dello animo loro”¹⁸. La ragione è che “la natura ha creato gli uomini in modo che possono desiderare ogni cosa e non possono conseguire ogni cosa”. Da qui “nasce il variare della fortuna loro, perché, disiderando gli uomini parte di avere più, parte temendo di non perdere lo acquistato, si viene alle inimicizie e alla guerra”¹⁹. È il motivo per cui diventa del tutto plausibile il suggerimento che “li òmini si debbono o vezzeggiare o spegnere”²⁰. Si ricordi anche il libro XVII, cap. 2, del *Principe*: “perché delli òmini si può dire questo generalmente, che sieno ingrati, volubili, simulatori, fuggitori de’ pericoli, cupidi di guadagno, e, mentre fai loro bene, sono tutti tua, òfferonti el sangue, la roba, la vita, e’ figliuoli [...], quando el bisogno è discosto, ma, quando ti si appressa, e’ si rivoltano. E quel principe che si è tutto fondato in sulle parole loro, trovandosi nudo di altre preparazioni, rovina [...]. E li òmini hanno meno rispetto ad offendere uno che si facci amare che uno che si facci temere, perché l’amore è tenuto da uno vincolo di obbligo, il quale, per essere li òmini tristi, da ogni occasione di propria utilità è rotto, ma il timore è tenuto da una paura di pena che non ti abbandona mai”²¹.

C’è però da osservare che la nostalgia palesata ripetutamente da Machiavelli per un governo “libero” e il suo attaccamento a esso - cioè a quella forma di reggimento politico di

¹⁸ Ibid. P. 30 (Libro I. C. 3).

¹⁹ Ibid. P. 178 (Libro I. C. 37). Con un significativo precorrimto della strategia dell’anticipazione che si attua nello stato di natura stilizzato da Hobbes nel *Leviathan*, Machiavelli osserva che “non pare agli uomini possedere sicuramente quello che l’uomo ha, se non si acquista di nuovo dell’altro” (Ibid. C. 40 [Libro I. C. 5]).

²⁰ *Machiavelli N. Il Principe*. P. 79 (C. III).

²¹ Ibid. P. 228-231 (C. XVII).

Gatti R. Correggere” o “frenare” gli uomini?

cui, a parere del Segretario fiorentino, resta esempio paradigmatico la repubblica romana - sono difficilmente conciliabili con questi presupposti antropologici. E lo sono perché il governo “libero” può essere costituito e mantenuto solo sulla base dell’esercizio di virtù che appare improbabile far seguire a uomini che siano come Machiavelli li descrive.

Sulla virtù degli antichi Romani Machiavelli si sofferma ripetutamente, identificandola con il coraggio militare, con l’amore per la libertà, con l’attaccamento al bene comune, con la capacità di curare allo stesso tempo i “privati e pubblici commodi”²², con una pratica religiosa che non pone in conflitto l’amore per gli dei e il successo mondano. Mancanza di corruzione, ostilità verso l’ozio ed “equalità” sono altri fondamentali ingredienti dell’“antica bontà”²³. E “la virtù che allora regnava” viene contrapposta al “vizio che ora regna”²⁴. I severi costumi dei Romani erano fondamento della conquista del loro impero, che deve meno alla “fortuna” di quanto non debba alla “virtù”²⁵. Machiavelli definisce “meravigliosa cosa” sia la grandezza che si originò per Atene a seguito della cacciata di Pisistrato, sia quella di Roma dopo che si fu liberata “da’suoi re”: “La ragione è facile a intendere, perché non il bene particolare, ma il bene comune è quello che fa grande le città. E senza dubbio questo bene comune non è osservato se non nelle repubbliche”²⁶. La virtù consente anche che si possano “le ricchezze moltiplicare in maggiore numero, e quelle che vengono dalla cultura e quelle

²² Machiavelli N. Discorsi. P. 322 (Libro II. C. 2).

²³ Ibid. P. 263 (Libro I. C. 55).

²⁴ Ibid. P. 301 (Libro II. Proemio).

²⁵ Ibid. P. 303-319 (Libro II. C. 1).

²⁶ Ibid. P. 313 (Libro II. C. 2).

che vengono dalle arti”, cioè dall’agricoltura e dalle attività artigianali²⁷.

Abbiamo quindi, da un lato, la permanenza di un catalogo di abiti virtuosi che evidenzia un fondamentale debito rispetto alla tradizione classico-repubblicana e, dall’altro, un resoconto della natura umana che è difficile accordare con quanto da questi abiti virtuosi è richiesto. Lo scarto che così si crea è colmabile solo al prezzo di una forte torsione che viene fatta subire al rapporto tra natura umana e artificio politico: “gli uomini non operano mai nulla bene se non per necessità; ma dove la elezione abonda, e che vi si può usare licenza, si riempie subito ogni cosa di confusione e di disordine. Però si dice che la fame e la povertà fa gli uomini industriosi, e le leggi gli fanno buoni”²⁸.

Il ruolo delle “leggi”, dei “costumi”, delle “istituzioni” non è più quindi - a differenza di quanto accadeva nella tradizione aristotelica - di rendere possibile che sia portato a compimento il fine interno dell’uomo, cioè la vita secondo ragione e virtù. Diventa piuttosto quello di “correggere”, attraverso accorte strategie miranti a utilizzare gli ineliminabili e dominanti moventi egoistici degli individui, gli effetti degli “appetiti umani insaziabili”²⁹. La forbice che si genera tra l’accettazione dell’immagine dell’uomo come essere acquisitivo, egoistico, portato al conflitto, da un lato, e, dall’altro, la recezione dei principi e delle virtù su cui si basa la libertà repubblicana può essere chiusa solo *correggendo* una natura i cui caratteri sono ben lontani dal rispondere ai requisiti richiesti per la realizzazione di quei principi e di quelle virtù.

²⁷ Ibid. P. 321 (Libro II. C. 2).

²⁸ Ibid. P. 31 (Libro I. C. 3).

²⁹ Ibid. P. 300 (Libro II. Proemio).

Gatti R. Correggere” o “frenare” gli uomini?

Come ciò sia fattibile è mostrato in innumerevoli passi dei *Discorsi sulla prima Deca di Tito Livio*³⁰. Machiavelli si sofferma, per esempio, sul ruolo delle pene e dei premi, rispettivamente per le cattive e per le buone azioni pubbliche³¹. Sottolinea con forza il ruolo delle leggi per tenere a freno “gli appetiti”³². Loda il ruolo dei censori³³. Sostiene che, a condizione di essere “regolato dalle leggi” e “bene ordinato” da esse, un popolo può essere più savio e più costante di un principe³⁴. Insiste infine sul ruolo dell’educazione che, nell’antica Roma, si ispirava a una religione la quale “non beatificava se non uomini pieni di mondana gloria”³⁵. A partire dall’“elezione del sito”, cioè dalla scelta del luogo ove edificare la Città, per arrivare all’“ordinazione delle leggi”³⁶ nel loro necessario e complesso rapporto con i “costumi”, la politica diviene il difficile ma non impossibile artificio finalizzato a produrre libertà e virtù partendo da uomini “rei” e pronti in ogni momento “a usare la malignità dello animo loro, qualunque volta ne abbiano libera occasione”³⁷.

Il passaggio tra l’uomo *qual è* e l’uomo *quale dovrebbe essere* risulta attuabile, una volta negata la teleologia interna della natura umana, solo attraverso un intervento esterno che operi sui moventi delle azioni. Si tratterà di agire su tali moventi,

³⁰ Cfr. Ibid. P. 31 (Libro I. C. 3); P. 110 (Libro I. C. 17); P. 112-113 (Libro I. C. 18); P. 132-135 (Libro I. C. 24); P. 234-236 (Libro I. C. 49).

³¹ Cfr. Ibid. P. 132-135 (Libro I. C. 24).

³² Ibid. P. 212-213 (Libro I. C. 42).

³³ Cfr. Ibid. P. 234-240 (Libro I. C. 49).

³⁴ Ibid. P. 276-286 (Libro I. C. 58).

³⁵ Ibid. P. 318 (Libro II. C. 2).

³⁶ Ibid. P. 12 (Libro I. C. 1).

³⁷ Ibid. P. 30 (Libro I. C. 3).

naturalmente egoistici e acquisitivi, per utilizzarli in modo che da essi si originino comportamenti conformi alla virtù.

Certo, tutto ciò rende quanto mai fragile e vulnerabile l'ideale repubblicano di Machiavelli. E ciò perché si crea un evidente contrasto tra l'accoglimento degli ideali morali presenti nella tradizione classica, da un lato, e, dall'altro, la cancellazione dello sfondo antropologico che in quella tradizione li sosteneva e li rendeva giustificabili. Questa fragilità investe non solo l'ideale repubblicano; è piuttosto la cifra di tutto il pensiero machiavelliano e si coglie nel raffronto tra le due grandi alternative della politica che emergono in esso. La prima consiste nel tenere gli uomini "frenati" attraverso la "podestà" dello "stato regio" (*Il Principe*), mentre la seconda consiste nel predisporre "ordinamenti" che siano in grado, come accade nello "stato popolare", di preservarli, una volta "corretti", dalle loro inclinazioni naturali (*Discorsi*)³⁸, inclinazioni che li portano a essere "più proni al male che al bene"³⁹. In realtà principato e repubblica, al di là delle loro ovvie differenze e prescindendo anche dalle circostanze storiche che possono rendere preferibile il primo rispetto alla seconda (o viceversa), hanno in comune la forte tensione che viene a crearsi tra *natura* e *politica*. Mentre la prima dispone gli uomini al conflitto e all'insocievolezza, la seconda deve creare le condizioni per un ordine che, dopo l'abbandono dell'idea dell'uomo come *zoon politikon* (o, nella versione tomista, *animal sociale et politicum*), non può che essere un ordine artificiale, cioè *creato* e non *dato*. Riguardo a quest'ultimo aspetto Machiavelli, pur nella mancanza di

³⁸ Ibid. P. 117 (Libro I. C. 18).

³⁹ Ibid. P. 64 (Libro I. C. 8). Cfr. *Strauss L. Pensieri su Machiavelli* (1958) / Tr. it. di G. De Stefano. Milano: Giuffrè, 1970 (specie C. IV).

Gatti R. Correggere” o “frenare” gli uomini?

sistematicità del suo pensiero politico, anticipa chiaramente Hobbes.

Ma l'aspetto cruciale è che, in Machiavelli - diversamente da quanto accadrà in Hobbes - la stessa natura umana finisce per essere intesa come insieme di proprietà sul quale, almeno fino a un certo punto e in una certa misura, si può operare, lavorare, incidere. Il confine tra “natura” e “arte” - anche per quanto riguarda l'uomo - si fa sottile, tende a essere sempre più incerto.

Si apre qui o, almeno, qui trova un'espressione di grande rilevanza teorica l'idea che la natura umana non è più, in senso stretto, un vincolo e anche un limite per la politica, ma che la politica può modellare l'uomo secondo i suoi disegni. Il lascito aristotelico e il suo prolungamento, mediato innanzitutto da Tommaso D'Aquino, viene ribaltato, nella misura in cui non è più la natura, con il suo *telos* interno a contenere ed indicare i principi cui conformare la prassi, ma è nella prassi stessa che la natura viene plasmata secondo le necessità.

Non affronto per nulla, qui, il discorso relativo alle potenzialità “totalitarie” implicite in questo modo di concepire il rapporto tra natura umana e politica, per cui la politica opera sulla natura umana come se quest'ultima fosse unicamente un “fascio di reazioni intercambiabili” (Hannah Arendt). Non è, infatti, questo - pur nella sua innegabile rilevanza - il problema su cui vorrei richiamare l'attenzione. E si tratta, comunque, di un aspetto che, se in Machiavelli è contenuto, lo è allo stato embrionale, mentre gli sviluppi più compiuti, più radicali e anche più pericolosi di esso appartengono ad autori e a epoche successive.

3. *Il Principe e i dilemmi della politica moderna*

Ciò che è significativo per un raffronto con il *Principe* è il fatto che in questo scritto - destinato a incidere così profondamente sul pensiero politico successivo - la prospettiva cambia palesamente. La stesura del *Principe* interrompe la redazione dei *Discorsi sopra la prima deca di Tito Livio* e costituisce una parentesi nella delineazione dell'ideale politico di Machiavelli, che rimane sempre la repubblica romana. Il punto importante è, per noi, interrogarci sul significato di questa parentesi, che non può essere colto, a mio parere, se si considera il *De Principatibus* solo come un testo "d'occasione" legato al repentino mutamento della situazione politica nella Firenze del tempo e al tentativo, da parte dell'ex-Segretario fiorentino, di rientrare nel gioco politico. Questa motivazione c'entra, ovviamente, ma credo che sia necessario andare al di là di essa per capire come e quanto il *Principe* introduca una fondamentale frattura rispetto ai *Discorsi* e come, soprattutto, ci indichi il modo in cui Machiavelli considera la modernità politica e l'atteggiamento che assume nei suoi confronti.

L'aggancio può essere fornito da un passaggio contenuto nei *Discorsi*, quando si tratta della religione civile e dell'opera di Numa. Qui Machiavelli osserva che Numa si trovò facilitato nel suo compito a seguito della circostanza che gli uomini con cui aveva a che fare erano ancora "grossi", cioè semplici e ingenui. Questo gli consentì "facilità grande a conseguire i disegni suoi, potendo imprimere in loro facilmente qualunque nuova forma". Poche righe più sotto ci viene detto che chi tentasse di stabilire "né presenti tempi" un ordinamento repubblicano sarebbe grandemente agevolato se avesse a che fare con "uomini

Gatti R. Correggere” o “frenare” gli uomini?

montanari, dove non c'è alcuna civiltà”, mentre incontrerebbe enormi difficoltà con gli “uomini usi a vivere nelle cittadi, dove la civiltà è corrotta”⁴⁰.

I “presenti tempi” sono proprio quelli che, in Italia innanzitutto (ma non solo in Italia), hanno sì visto l'avanzamento della “civiltà”, ma hanno anche mostrato come e quanto tale avanzamento abbia distrutto alcune delle condizioni essenziali per creare un “popolo” nel senso repubblicano del termine. Il “principato civile” è l'alternativa alla repubblica in un'epoca in cui l'instaurazione della libertà incontra dovunque le difficoltà insite nel fatto che gli uomini non sono più tali da poter essere facilmente essere resi idonei ad abitare una Città libera. E il “principato civile”, infatti, non persegue per nulla il tentativo di plasmare gli uomini nel senso indicato nei *Discorsi*, ma ha come obiettivo quello di “frenarli”, cioè di tenere sotto controllo le inclinazioni che li caratterizzano e che, però, non si prestano a quel disciplinamento consentito dalle particolari e forse irripetibili condizioni che esistevano nella repubblica romana. Lo “scultore” non può più trarre la sua “statua” da un “marmo rozzo”, quindi lavorabile con facilità, docile alla mano dall'artista. Deve invece operare con un marmo “male abbozzato”⁴¹. Il progresso della “civiltà” riduce la possibilità di istituire la repubblica. Basta guardare alcuni elementi che sono sotto gli occhi di chiunque li voglia vedere e capire. E' sufficiente, per esempio, guardare i grandi Stati che prendono forma (la Francia, la Germania) e che, con le loro stesse dimensioni, rendono improponibile il modello antico di repubblica; oppure, osservare i “costumi” che si

⁴⁰ Machiavelli N. *Discorsi*. P.68 (I, 11).

⁴¹ Ibid.

corrompono e l'“educazione” ormai fatalmente ostacolata dall'influenza della religione cristiana, che rende gli uomini “umili e contemplativi”, ma non più “attivi”, abituandoli a vedere il “sommo bene” non nella “mondana gloria” ma nel “dispregio delle cose umane”. Così Machiavelli: “Fanno dunque queste educazioni e sì false interpretazioni, che nel mondo non si vede tante repubbliche quante si vedeva anticamente; né per conseguente si vede ne' popoli tanto amore alla libertà quanto allora”⁴².

Nella prospettiva storica machiavelliana due fattori hanno operato in modo decisivo a decretare la drammatica riduzione delle possibilità che la repubblica possa essere “imitata” nei tempi moderni: il primo è stato l'impero romano, che “con le arme e sua grandezza spense tutte le repubbliche e tutti e' vivere civili”⁴³, mentre il secondo è la “sètta cristiana”, la quale “ha cancellati tutti gli ordini, tutte le cerimonie di quella [pagana], e spenta ogni memoria di quella antica teologia”⁴⁴, da cui le virtù romane erano alimentate e sostenute.

Machiavelli retrodata, se così si può dire, l'inizio della modernità rispetto alle scansioni cui siamo, un po' passivamente, abituati. “Moderno” è il tempo che inizia con quei due eventi che sono l'impero romano, il quale spegne la libertà, e la religione cristiana, che - nel momento in cui diviene religione universale dei popoli “civili” - opera un letale cambiamento dei valori di riferimento degli uomini, facendoli “remissivi” e non più adatti al coraggio degli antichi Romani. La modernità non coincide con il processo della secolarizzazione, ma è fondamentale

⁴² Ibid. P. 224-225 (II, 2).

⁴³ Ibid. P. 225.

⁴⁴ Ibid. P. 237.

Gatti R. Correggere” o “frenare” gli uomini?

cristiana. Qui c'è, per Machiavelli, il suo cruciale punto debole, la ragione del suo essere un'età di crisi e di decadenza rispetto alla classicità.

Date tali premesse, la politica è chiamata a ripensare i cardini stessi su cui aveva ruotato al tempo delle sue più alte realizzazioni. E il *Principe* costituisce lo spazio teorico entro il quale questo ripensamento si svolge. E qui, a mio avviso, sta il suo valore, anche filosofico, che ne riscatta ampiamente l'immagine di libro d'occasione. Certo, l'occasione c'è, ma il punto importante è che essa, pur nella contingenza che l'origina, dà a Machiavelli la possibilità di prospettare l'alternativa - forse l'unica alternativa possibile - alla repubblica. E, dunque, questo piccolo scritto diventa enormemente rilevante, giacché ci consente di verificare come Machiavelli si misuri con il dato epocale rappresentato dalla modernità, nel senso che ne scava a fondo le implicazioni per cogliere il significato del cambiamento che è avvenuto.

Qual è l'aspetto essenziale di tale cambiamento? Il fatto che si sono progressivamente esaurite le possibilità di “correggere” gli uomini con quegli “ordinamenti”, leggi, istituzioni che erano praticabili ai tempi della repubblica romana. E abbiamo visto il perché di tale esaurimento. Ora, a seguito di ciò, a cambiare è la morfologia stessa della politica, il cui compito diviene di “frenare” ciò che “correggere” non si può più. La politica, molto prima di Hobbes, comincia già a configurarsi come lo spazio in cui il *timore della spada* diviene l'elemento centrale, accompagnato da tutte quelle tecniche suggerite dal capitolo XV al capitolo XXV del *Principe*: simulazione, dissimulazione, menzogna, uso accorto e spregiudicato della violenza, ecc.

Fin troppo ci si è soffermati su questa parte del testo e non è certo il caso di farlo ancora. Ma almeno una cosa resta da dire: il “principato civile” è la forma che un ordinamento deve assumere se si vuole che sia ancora un ordinamento *politico* e non tirannico. E “civile” significa soprattutto che è fondato sul consenso del popolo, quel popolo che il principe deve farsi “amico”, anche se inizialmente ha acquistato il potere con il favore dei soli “grandi” (cap. IX).

Un ruolo al popolo rimane, ma non è certo più quello che dovrebbe avere nella repubblica: ora si tratta di mantenerne o acquisirne l'appoggio facendo sì che possa occuparsi in sicurezza della sua “roba”, dei suoi interessi e affari, senza dover temere l'arbitrio del principe o dei “magistrati”: “Qualunque volta alle universalità degli uomini non si toglie né roba né onore, vivono contenti” (cap.XIX). Il “principato civile” è già - anche in questo caso con una netta anticipazione di Hobbes - il regime in cui si instaura e funziona, tra sudditi e governanti, il rapporto comando-obbedienza, rapporto che diverrà via via la relazione fondante della statualità moderna.

Ma, detto ciò, va necessariamente aggiunto che, allora, in Machiavelli tutto il quadro, rispetto ai *Discorsi*, cambia: muta il concetto di “popolo”, che non può più essere “attivo” nel senso richiesto dalla repubblica, muta e in gran parte scompare quell'insieme di ordinamenti, istituzioni, leggi finalizzate a formare l'uomo adatto alla vita “libera”. Svanisce la religione civile.

Il punto saliente che consente di inquadrare e comprendere il motivo di tale mutamento si può cogliere osservando come e quanto l'intero pensiero di Machiavelli si regga sullo svolgimento teorico del rapporto tra natura, storia e politica. La natura umana,

Gatti R. Correggere” o “frenare” gli uomini?

quanto ai suoi moventi, non cambia, è l'elemento stabile del quadro; ma su questi moventi si può agire, facendo sì che dal perseguimento dell'interesse personale, dalla brama di essere glorificati, dallo stesso egoismo, nascano comportamenti che spingano i cittadini a impegnarsi per il bene comune piuttosto che per quello personale. Machiavelli non arriva ancora a ridurre totalmente la natura al “costume” e all’“abitudine”; questo accadrà solo dopo di lui, per esempio in autori che, comunque, a lui debbono moltissimo. Accadrà lungo una linea che congiunge Montaigne a Pascal, per esempio. Ma avverrà anche lungo un tragitto diverso, cioè quello costituito dalle componenti più radicali dell'Illuminismo. Si pensi a Claude Adrien Helvétius: “sono le passioni [...] che formano gli uomini. Gli studiosi di morale dovrebbero percepirlo e sapere che, simile allo scultore il quale da un tronco d'albero foggia un dio o una semplice panca, il legislatore forma a suo piacimento degli eroi, dei geni, e della gente virtuosa”. Per questo “tutto l'impegno degli studiosi di morale consiste nel determinare l'uso che bisognerebbe fare delle ricompense e delle punizioni, e i vantaggi che se ne potrebbero trarre per legare l'interesse personale all'interesse generale [...]”. Se i cittadini non potessero perseguire la loro felicità particolare senza realizzare allo stesso tempo il bene pubblico, i soli malvagi resterebbero gli insensati”⁴⁵. In sintesi, “è [...] sempre all'irrazionalità più o meno grande delle leggi che bisogna, nelle varie società, attribuire la più o meno grande stoltezza o malvagità dei cittadini”⁴⁶.

⁴⁵ *Helvétius C.A. De L'esprit // Id. Oeuvres complètes. Hildesheim: Georg Olms, 1969 (rist. anast. dell'ed. 1795). Vol. III. P. 96-97 (Disc. II. C. 22).*

⁴⁶ *Helvétius C.A. De l'homme (1773, postumo) // Ibid. Vol. IX. P. 15 (Sez. IV. C. 14).*

Helvétius, e altri con lui, non avrebbero mai potuto accedere a una simile posizione senza il Segretario fiorentino, a giudizio del quale la politica è prassi che opera sulla natura per lavorarla, per piegarla ai principi della virtù pubblica, per ottenere lo stesso scopo del venerando ideale repubblicano nella forma che esso assume da Aristotele a Cicerone, ma tenendo conto che l'uomo è fundamentalmente diverso da quello che essi avevano, con scarso realismo, immaginato.

A parere di Machiavelli, nella tradizione filosofica classica manca ancora la corretta visione dell'uomo e prevale un ingiustificato ottimismo quanto alla sua natura. Di quella tradizione egli accoglie alcuni basilari valori morali e politici, ma rifiuta contemporaneamente quella che giudica un'ingenua concezione della natura umana. Tutto il suo problema sta nel conciliare questa frattura in campo antropologico con la continuità che permane invece in campo etico-politico. Questo mi pare il nucleo centrale per la comprensione del rapporto tra i *Discorsi* e il *Principe*.

Solo il passaggio attraverso una severa e realistica revisione del modo di considerare l'essere umano consente, dal punto di vista del Segretario fiorentino, di inquadrare in modo adeguato il problema politico, giacché permette di comprendere ciò che i governanti possono e debbono fare per rendere l'uomo quale *deve essere* se intende vivere in un ordinamento libero. Ecco perché lo studio della storia prende il posto della troppo spesso ingannevole meditazione che ci consegna la filosofia. Le "istorie" sono importanti esattamente nella misura in cui mostrano come effettivamente gli uomini sono e come si comportano, al di là di ogni astratto idealismo. La loro lettura e il loro studio avvia per

Gatti R. Correggere” o “frenare” gli uomini?

“acque e terre incognite” e indirizza Machiavelli, come egli stesso afferma, per una “via [...non] ancora da alcuno trita”⁴⁷.

Ma la storia ci insegna anche che le condizioni e i contesti variano col tempo e con gli eventi, ci indica che un’epoca non è uguale all’altra, ci ammonisce che quanto era possibile nell’antica Roma non è forse più possibile nell’epoca in cui “di quella antiqua virtù non ci è rimasto alcun segno”⁴⁸. Certo, Machiavelli è il primo a non cedere al pessimismo e afferma che, se i *Discorsi* li ha scritti, l’ha fatto proprio perché è doveroso cercare di “imitare” gli antichi esempi. L’“utilità” della “cognizione delle istorie” sta appunto in questo spingere all’azione facendo perno sulla permanenza del mondo fisico e umano. L’“imitazione” è possibile perché “il cielo, il sole, gli elementi, li uomini” non sono “variati di moto, di ordine e di potenza da quello che gli erano anticamente”⁴⁹. E però a cambiare - ci viene ricordato, non a caso, nel *Principe* - è stato il contesto, è stata la “qualità de’ tempi”. E’ questo cambiamento che, nel momento in cui Machiavelli scrive, rende difficile il “riscontro” tra il tempo dei moderni, da un lato, e il “modo di procedere” che si dovrebbe adottare, dall’altro. Il modo di procedere va adeguato ai “tempi”, ma non sempre tale adattamento è praticabile. A renderlo difficile e talvolta impossibile sono molti fattori (XXV, 6), di fronte ai quali si può scegliere di essere “rispettivo” o “impetuoso” (XXV, 5 e 9). Ed è proprio la diversa “qualità de’ tempi” a far sì che un medesimo modo di agire, sia esso “impetuoso” o “rispettivo”, in un caso fallisca e in un altro riesca oppure che due uomini arrivino felicemente al fine essendo l’uno “rispettivo” e l’altro “impetuoso”(XXV, 5).

⁴⁷ Machiavelli N. *Discorsi*. P. 8 (Proemio).

⁴⁸ Ibid.

⁴⁹ Ibid. P. 9 (Proemio).

In questa tragica tensione tra *il tempo e l'azione* si colloca il dilemma della politica nella modernità. Per i motivi che ho già in precedenza ricordato, sembra proprio che questa sia l'epoca in cui l'ideale repubblicano incontra i più grandi ostacoli. Il *Principe* è, in tale prospettiva, il tentativo di trovare la corretta mediazione tra la *qualità del tempo* e le circoscritte possibilità dell'agire umano.

Ma non si comprende il senso di questa mediazione se non s'introduce un ulteriore elemento, da cui mi pare impossibile prescindere: la mediazione implica l'abbassamento del baricentro dal punto di vista normativo. Detto in altri termini: il "principato" è il *male minore* in un'epoca che rende la repubblica quasi un'illusione. Ma, se questo è vero, allora non sarà più possibile né legittimo leggere il *Principe* come l'opera inaugurale della politica, cioè quell'opera nella quale la politica riceve, per la prima volta nella storia del pensiero occidentale, quanto le è dovuto in termini di autonomia e di dignità rispetto alle sfere dell'attività umana con le quali era stata sin lì confusa. In realtà, sembra che le cose stiano in maniera esattamente opposta: a confronto con il modello normativamente superiore e, per molti aspetti, inarrivabile della politica quale fu realizzata nella Roma repubblicana, la politica cui appare destinata la modernità costituisce, per Machiavelli, un esangue surrogato. Infatti, perde tutte le caratteristiche che avevano consentito a Roma di far vivere a prosperare un popolo virtuoso e libero. Il moderno si configura come il tempo nel quale la politica deve restringere i suoi obiettivi per poter sopravvivere almeno nella forma del "principato civile", in cui però, se libertà rimane, si conserva unicamente come fruizione privata degli interessi dei singoli, della loro "roba", delle loro "donne", dei loro affari, mentre il popolo viene spogliato di ogni responsabilità pubblica.

Gatti R. Correggere” o “frenare” gli uomini?

Ai popoli moderni, nella loro stragrande maggioranza, si applica quanto è detto ripetutamente e chiaramente nei *Discorsi*, cioè che è estremamente improbabile ricondurre un popolo “corrotto” alla libertà e comunque, anche se arrivasse a riconquistarla, mantenerlo (I, 17-18): “non si trovano né leggi né ordini che bastino a frenare una universale corruzione”⁵⁰. Certo, quando Machiavelli insiste, spesso ossessivamente, sul tema della corruzione, lo fa soprattutto con riferimento alla condizione dell’Italia. Ma credo sia del tutto legittimo sostenere che c’è anche una *corruzione del principio politico*, cioè delle basi morali e civili, oltre che materiali (per esempio, come già osservato in precedenza, l’estensione degli Stati), che possono consentire l’instaurazione e la durata dell’ordinamento repubblicano. E ciò riguarda gli Stati e i popoli moderni in genere, non solo l’Italia. Non aveva, d’altra parte, già detto Machiavelli che, secondo un principio di pressoché universale applicazione e con poche eccezioni, un popolo è adatto alla repubblica finché in esso la “civiltà” non si è sviluppata oltre un certo (e piuttosto ristretto) limite, mentre lo diventa sempre meno via via che si fa più *civile*? Sembra vi sia una sorta di dinamica interna ai processi di civilizzazione, in virtù della quale la corruzione si palesa come uno dei rischi più forti che essi portano con sé. Man man che ci si allontana dall’origine, la tenuta dei “costumi”, delle istituzioni, degli ordinamenti, diventa ogni giorno più problematica. Il tema anticipa Rousseau, che non a caso ammira Machiavelli e, esattamente come lui, intende il moderno come tempo della crisi dell’ideale repubblicano nell’accezione greca e romana.

⁵⁰ Ibid. P. 92 (I, 18).

Pur dando per scontata la “difficoltà o impossibilità” di creare ex novo o mantenere una repubblica nelle “città corrotte”, c’è comunque una via che si potrebbe tentare, cioè “ridurla più verso lo stato regio che verso lo stato popolare, acciocché quegli uomini i quali dalle leggi per la loro insolenza non possono essere corretti, fussero da una podestà quasi regia in qualche modo frenati”⁵¹. Il principato può essere una forma organizzativa della politica che serva a ristabilire la repubblica nei modi possibili, anche se, per così dire, al più basso livello del suo rendimento. Forse questa è la funzione più nobile, ma chiaramente subordinata, che Machiavelli è disposto a conferirgli.

⁵¹ Ibid. P. 96 (I, 18).

Макиавелли и его современники

Л.М. Брагина
МГУ им. М.В. Ломоносова

МАКИАВЕЛЛИ И ГВИЧЧАРДИНИ О ЕДИНОВЛАСТИИ

К сравнительному анализу политических концепций двух великих итальянских мыслителей эпохи Возрождения не раз обращались исследователи. Широкий спектр их оценок, подчас весьма противоречивых, даёт основание для перепроверки некоторых взглядов на проблему единовластия в трудах Никколо Макиавелли и Франческо Гвиччардини. В спорных суждениях не всегда учитывается более широкий контекст их отдельных высказываний, что приводит порой к парадоксальным выводам. К примеру, «Государь» (Il Principe) Макиавелли почти отождествляется по концепции с «Заметками» (Ricordi) Гвиччардини, более того, в обоих сочинениях видят истоки макиавеллизма. Конечно, в «Заметках» автор не раз высказывается о положительных чертах института единовластия, но отчётливо видит и его отрицательные черты. Находят немало общего и в нравственных постулатах «Государя» и «Заметок», но они рассматриваются вне связи с жизненной практикой, а такая связь всегда присутствует и у Макиавелли, и у Гвиччардини. Сходство этих сочинений в свою очередь было чётко обозначено католической церковью, включившей «Государя» и «Заметки» в Индекс запрещённых книг 1559 года.

Автор данной статьи не претендует на кардинальный пересмотр оценок, нередко предвзятых и мало убедительных, социально- политического кредо двух выдающихся мыслителей эпохи Возрождения. В общем русле различных подходов и разноречивых интерпретаций сложился определённый «мейнстрим» достаточно убедительного толкования позиций Макиавелли и Гвиччардини: их сближает республиканизм, но разъединяет отношение к единовластию¹. Нельзя не отметить, однако, что и здесь в некоторых наблюдениях не всегда учитывается общий контекст их отдельных высказываний и оценок. Назову лишь некоторые вопросы, которые возникают при изучении заявленной темы. Можно ли считать «Заметки о делах политических и гражданских» Гвиччардини неким идеологическим аналогом «Государя» Макиавелли? Нельзя отрицать, что в «Заметках» (их записи относятся ко всему периоду творчества Гвиччардини) есть немало глубоких оценок единовластия, как позитивных, так и негативных, но не они дают целостное представление о его взглядах на государство как институт власти. Возникает и вопрос относительно адекватности оценок представлений Макиавелли и Гвиччардини, патриотов Флорентийской республики, искренне переживавших её

¹ Критический разбор исследований о Гвиччардини см.: *Рутенбург В.И.* Гвиччардини // *Итальянское Возрождение.* Л., 1966. С. 89 - 120. Сравнительный анализ мировоззренческих позиций Макиавелли и Гвиччардини см.: *Treves P.* Francesco Guicciardini. Roma, 1932; *Spirito U.* Machiavelli e Guicciardini. Roma, 1945; *Montanari F.* Niccolo Machiavelli e Francesco Guicciardini. Milano, 1956; *Gilbert F.* Machiavelli and Guicciardini. Politics and History in Sixteenth-Century Florence. Princeton, 1985; *Huber J.* Guicciardinis Kritik an Machiavelli. Wiesbaden, 2004; *Inglese G.* Per Machiavelli. L'arte dello stato, la cognizione delle storie. Roma, 2006.

нелёгкую судьбу в пору Итальянских войн, об эффективности традиционной для неё формы республиканской власти. Не всегда корректным оказывается и сопоставление республиканских позиций обоих мыслителей, посвятивших анализу её политических судеб яркие исторические сочинения. Это «История Флоренции» (*Storie fiorentine*), написанная Гвиччардини в 1508 – 1509 годах и не предназначавшаяся для опубликования, и «История Флоренции» Макиавелли, которую он создавал по заданию папы Климента VII в 1520 – 1525 годах. В обоих трудах особый интерес представляют разделы, посвящённые оценкам власти Медичи в XV веке. Гвиччардини более резок в характеристике Лоренцо Медичи как тирана, а Макиавелли этого термина избегает, акцентируя многочисленные достоинства Лоренцо как личности. Не менее важен в этой связи и вопрос, какими критериями пользуются оба мыслителя в своих оценках социально-правового характера власти: чьи интересы прежде всего она должна выражать - государства в целом или каждого гражданина?

Младший современник Никколо Макиавелли, Франческо Гвиччардини был хорошо знаком с его трудами, высоко ценил мысли автора, порой не всегда соглашаясь с ними. Так, ему не импонировало чрезмерное, на его взгляд, увлечение автора «Рассуждений на первую декаду Тита Ливия» римской античностью, которая по государственной системе и праву разительно отличалась от современной Италии и потому не должна была служить для неё образцом. В 1520-е годы, когда Гвиччардини в острый период Итальянских войн командовал папскими войсками, с

Перечитывая Макиавелли

Макиавелли его связывали не только деловые отношения военно-политического плана, но и тесная дружба. Макиавелли в одном из писем к Франческо Веттори признавался: «я люблю Франческо Гвиччардини». Опытный политик и широко образованный юрист, Гвиччардини принадлежал к знатной флорентийской фамилии, из которой вышло немало видных государственных деятелей. Он гордился своими предками и не случайно первый значительный труд посвятил истории родного города и их памяти². Главным в его «Истории Флоренции» стало осмысление причин длившейся почти полтора столетия борьбы политических партий в городе – коренятся ли они в особенностях конституции Флорентийской республики? В итоге глубокого анализа череды событий после восстания чомпи 1378 года и до реставрации республики в 1494 г. он склоняется к мысли, что причины политической нестабильности следует искать не столько в недостатках государственной системы, сколько в некомпетентности правителей, в их своекорыстных интересах, нередко берущих верх над принципом государственного интереса. Достоинства республики как формы власти Гвиччардини не ставит под сомнение, а отсутствие грамотного руководства в государстве с системой выборности власти считает возможным преодолеть ограничением доступа к ней для малообразованных граждан или созданием консультативного органа из добропорядочных, умных и опытных. Важным для судеб государства оказывается профессиональный уровень

² Брагина Л.М. Проблемы власти в творчестве Франческо Гвиччардини // Культура Возрождения и власть. М., 1999. С. 55 - 66.

правителей, избираемых в высшие магистратуры. Эта мысль окажется ключевой для республиканских взглядов Гвиччардини, которым он будет предан всегда, хотя остаток жизни ему доведётся провести в условиях утверждавшейся во Флоренции системы принципата³.

Вопрос о необходимости внести коррективы в систему управления Флоренции, чтобы ослабить негативные черты «народного правления», когда в органы власти благодаря выборам попадают не очень образованные и не имеющие опыта в политических делах граждане, Гвиччардини рассматривает и в другом сочинении той поры, когда он начинал свою политическую карьеру, в «Рассуждении в Логроньо» (*Discorso di Logrogno*; 1512 - 1513). Здесь он выдвинул чёткую программу реформы с целью создания оптимальной системы правления при сохранении традиционной свободы, «свойственной нашему народу и естественной для него». Напомню, что понятие свободы (*libertas, libertà*) стало символом Флоренции после принятия в 1293 году «Установлений справедливости» - пополанской конституции, отстранившей от власти грандов и предоставившей членам цехов право участвовать в выборных государственных органах. Гвиччардини в «Рассуждении в Логроньо» отмечает и другой важный аспект свободы как прочной основы конституции - «чтобы законы и общественный порядок преобладали над устремлениями

³ Биографии Гвиччардини посвящён фундаментальный труд: *Ridolfi F. Vita di Francesco Guicciardini*. Milano, 1982.

частных лиц»⁴. Он предлагает в дополнение к Большому совету, который насчитывал тогда около 1000 членов и «олицетворял народное правление (*il potere popolare*)», создать новый для Флорентийской республики институт - сенат в качестве совещательного органа, куда следует включить избираемых пожизненно «лучших граждан», мудрых (*uomini savi*) и опытных, честных и ратующих за соблюдение законов всеми гражданами⁵. Создание сената не означало, однако, превращения Флоренции в олигархическую республику (если следовать строгому смыслу этого термина - «правление немногих»), как это принято считать, поскольку необходимо иметь в виду, что Гвиччардини не предлагал сократить численность Большого совета или существенно понизить его роль главного законодательного органа республики. В сенате он видел лишь важный консультативный орган, с которым необходимо советоваться исполнительной и законодательной власти (как Синьории, так и Большому совету) по всем важным делам внутренней и внешней политики. По мысли Гвиччардини, сенат призван обуздывать стремление к единовластию главы Синьории - гонфалоньера справедливости, должность которого с 1502 года стала пожизненной, и в то же время корректировать «невежество многих» из числа членов Большого совета. Именно поэтому в состав сената следует включать лишь способных к управлению государством граждан, «чтобы важные решения принимались теми, кто понимает их

⁴ *Guicciardini F. Dialogo e discorsi del reggimento di Firenze / A cura di R. Palmarocchi. Bari, 1932. P. 219.*

⁵ *Ibid.*: «... uno prevalere le leggi ed ordini publici allo appetito delli uomini particolari». P. 223.

значение»⁶. Реформаторским идеям «Рассуждения в Логроньо» не суждено было сбыться, поскольку с 1513 г. во Флоренции вновь утвердилась власть Медичи. И всё же, будучи избранным в 1515 г. в состав Синьории, Гвиччардини предпринял ряд попыток повлиять на политику Медичи. Он давал советы, как добиться политической стабильности в городе, и если не настаивал прямо на создании сената, то всё же рекомендовал правителям учитывать интересы всех граждан Флоренции и опираться на «мудрых и опытных» людей.

Вопрос о профессионализме власти со временем выдвинулся на первый план в политической концепции Гвиччардини. Это нашло отражение в его диалогах «Об управлении Флоренцией» (*Del reggimento di Firenze*), написанных между 1523 и 1527 годами. Здесь он подверг детальному анализу достоинства и недостатки как республики, так и единоличного правления Медичи, сделав однозначный вывод в пользу республиканской формы власти, которую считал наиболее подходящей для Флоренции с учётом её исторических традиций. В «Диалоге» Гвиччардини вновь обратился к идее создания сената как органа, компетентного в вопросах государственной политики, при этом отмечал и другую его роль. С одной стороны, тормоза на пути устремлений к единовластию главы Синьории, а с другой – узды, сдерживающей разгул страстей среди народа (*popolo*). Что же касается Большого совета, то он по-

⁶ Ibid. P. 241: «... acciò che le resoluzioni importanti si faccino per mano di che sappi et intenda».

прежнему видел в нём главную основу республиканского строя Флоренции и символ её суверенитета.

После падения республики и реставрации власти Медичи в 1530 г. Гвиччардини оказался в числе советников нового правителя - герцога Алессандро Медичи и, не оставляя надежд на создание сената, стал предлагать ему окружить себя мудрыми и политически опытными людьми с безупречной репутацией. Алессандро не спешил воспользоваться его советами; не сделал этого и Козимо I Медичи, пришедший к власти в 1537 г. В сложившейся ситуации Гвиччардини отошёл от государственных дел и провёл последние годы жизни в Арчетри, в своём имении под Флоренцией, сосредоточив усилия на создании «Истории Италии», где подробно излагал события Итальянских войн 1494-1534 гг. (до заключения мира в 1559 г. автор не дожил – он умер в 1540 г.). Этот многотомный труд, широко фундированный документально, прославил Гвиччардини как выдающегося историка.

Если обратиться к политическим взглядам Гвиччардини в «Заметках о делах политических и гражданских» (*Ricordi politici e sociali*), которые относятся ко всему периоду его творчества, то и в них он рассуждает о причинах крушения государств, пытаясь найти их не столько в особенностях политического устройства, сколько в малой компетентности правителей, в их слабом умении владеть искусством власти. Как юрист и опытный политик, Гвиччардини придаёт особое значение законам, усматривая именно в них главный противовес и своеволию власти, и разнузданности народа. Из всех форм государственного строя он отдаёт предпочтение республике, «народному

правлению», поскольку она создаёт прочную правовую базу для успешного функционирования власти и сохранения свободы. Последнее ему представляется особенно важным: «Плоды свободы и цель её не в том, чтобы каждый правил государством, ибо править должен лишь тот, кто способен и этого заслуживает, а в том, чтобы соблюдались хорошие законы и установления, которые при свободном строе охраняются надёжнее, чем под властью одного или немногих»⁷. Очевидное предпочтение автор «Заметок» отдаёт республике, или «народному правлению» (*vivere popolare*), которое называет также «свободным строем» (*vivere libero*), подчёркивая этим конституционный характер республиканской формы власти. Республика хороша, по его убеждению, именно тем, что в ней существует надёжная правовая основа власти. Однако народное правление не означает, что каждый гражданин способен быть компетентным в вопросах управления государством. Именно поэтому правление в республике следует доверить лишь достойным людям. Правда, в этом можно усмотреть нарушение равноправия граждан, но Гвиччардини это не смущает, поскольку в выборной системе он видит преграду стремлению того или иного магистрата к превышению своих полномочий. Что же касается политической активности основной массы граждан, то во Флоренции, полагает он, это приводило к постоянной борьбе за власть и оборачивалось многими несчастьями. Отсюда и неоднократно высказываемая Гвиччардини реформаторская идея о

⁷ Гвиччардини Ф. Заметки о делах политических и гражданских. М., 2004. С. 82 (заметка 109).

необходимости дополнить властные органы Флоренции сенатом, наделив его консультативными функциями. Доминантой политических воззрений Гвиччардини оставалось убеждение, что в конечном итоге успехи любого государства зависят от профессионализма тех, кто им управляет. С этих позиций в основном он оценивает и единовластие.

Гвиччардини скуп на похвалы монархии, так как она часто перерастает в тиранию: «Правителей ставят не ради их блага, ибо никто бы не подчинился им просто так, - но ради интересов народа, чтобы дать ему хорошее управление; поэтому, когда правитель больше считается с собой, чем с народом, он уже не правитель, а тиран»⁸. Тирании он не находит никакого оправдания, считая её худшим злом, которое выпадает на долю государств. К тому же тиран себялюбив, коварен и жесток. Нелицеприятен и сам образ такой власти - «Гадко и презренно лишь то честолюбие, единственная цель которого – собственное величие, как обычно бывает у государей: оно для них идол, поклоняясь которому они жертвуют совестью, честью и всем прочим»⁹. В монархии Гвиччардини усматривает прежде всего антипод республики, поскольку эти формы государства основаны на разных потестарных принципах - при монархическом режиме нет конституционных свобод, равноправия и политической активности подданных. Структура власти и способы её утверждения различны в республике и монархии, подчёркивает он: если при народном правлении нужно во

⁸ Там же. С. 155 (заметка 314).

⁹ Там же. С. 55 (заметка 32).

всём соблюдать равенство и справедливость, обеспечивая всем безопасность, то монархия, видя свою мощь во власти «сильной руки», должна иметь опору в немногих, выделяя их и одаряя всяческими благами. Подтверждение этого тезиса Гвиччардини черпает в близкой ему по времени истории Флоренции: «Я не раз говорил и писал, что Медичи потому лишились верховной власти в 1527 году, что во многих случаях использовали приёмы и учреждения, уместные при свободном правлении; я также высказывал мысль, что народ утратил бы свободу, если бы во многих случаях использовал приёмы государства твёрдой руки»¹⁰. Единовластию, как правило, сопутствует насилие, поскольку государь стремится внушать страх своим подданным, однако, достигать этого следует, по мысли Гвиччардини, не проявляя жестокости: «Невелико дело, когда внушает страх правитель, часто прибегающий к жестокости и суровым мерам, потому что подданные легко испытывают страх перед тем, кто может применить насилие и разорить и кто скор на расправу. Хвала тем правителям, которые редко прибегают к наказаниям и расправам, однако же умеют прослыть грозными»¹¹. Можно продолжить ряд негативных высказываний в «Заметках» относительно монархической власти, но всё же и в единовластии Гвиччардини хочет видеть эффективную форму правления при определённом условии - разумном подборе правителем политических советников, ведь от их профессионализма зависит и его собственный престиж. Хотя просчёты государя подданные приписывают обычно его

¹⁰ Там же. С. 49 (заметка 21).

¹¹ Там же. С. 64 (заметка 341).

советникам, этим преимуществом правителю не следует злоупотреблять, считает автор «Заметок»; важнее другое - правильно выбирать советников и больше доверять их мудрости и компетентности.

Опираясь на свой опыт государственного деятеля не только во Флоренции, но и в Риме, при папском дворе, Гвиччардини специально останавливается на проблеме подбора чиновников из ближайшего окружения монарха. Он убеждён, что единовластному правителю нужны советники высшей квалификации (*di straordinaria sufficienza*). Такие чиновники - министры (*ministri*), ведающие важными государственными делами, - должны обладать высокими нравственными достоинствами, быть честными и преданными государю. Однако на практике правители редко следуют этому правилу, окружая себя людьми случайными, и по своему невежеству и несправедливости поощряют не столько честных и старательных, сколько тех, кто служит им нерадиво. В целом картина единовластия нарисована в «Заметках» в мрачных тонах. При монархическом правлении слишком велика роль субъективного фактора власти, когда судьба народа и государства во многом зависит от разума и воли правителя, к тому же далеко не всегда хорошо образованного и талантливого политика, часто пренебрегающего мудрыми рекомендациями лучших из своих советников. Впрочем, в этом плане Гвиччардини не видит особых преимуществ и у республики: при правлении многих мало кто способен грамотно управлять государством. Выход для любой формы власти Гвиччардини видит в высокой квалификации политиков, базирующейся на широкой образованности, включая осведомлённость в

юриспруденции, политических теориях, истории, философии, этике и риторике. Правда, для народного правления он видит выход ещё и в создании сената - официального органа коллективной мудрости опытных и образованных политиков, честных, пекущихся об интересах общества, а не о собственном благополучии. В монархиях эта роль может принадлежать компетентным, преданным правителю советникам.

Высокая политическая квалификация власти составляет, по убеждению Гвиччардини, главную опору её прочности, чему может способствовать и искусство управления, точнее - искусственность политики. Искусство власти помогает достичь успеха, но не определяет его, главным оказывается владение наукой управления. Такой вывод можно сделать из многогранных «Заметок о делах политических и гражданских» Франческо Гвиччардини. В целом его потестарная концепция покоится на прочных принципах свободы и легитимности, которые, по его убеждению, в большей мере могут воплотиться в республиках итальянского типа, нежели в разного рода монархических режимах.

Обратимся к Макиавелли: насколько серьёзны различия в политических позициях двух флорентийских мыслителей? Разумеется, я могу лишь кратко отметить известные положения политической концепции Макиавелли, в частности, его оценки роли народа в государственной системе Флоренции. Напомню, что под термином «народ» (popolo) он, как правило, понимает торгово-ремесленные слои горожан, отграничивая их, с одной стороны от грандов

(нобилей, магнатов), а с другой - от плебса, городских люмпенов. Иногда термин «народ» он употребляет в более широком смысле - масса, включающая и городские низы. Впрочем, отсутствие жёстких границ термина народ, отражающее и социальную практику той поры, не влияет на общую оценку политической роли основной массы городского населения Италии, которую даёт Макиавелли. Так, в «Истории Флоренции» он связывал установление во Флорентийской республике гражданских свобод, зафиксированных в «Установлениях справедливости» 1293 г., с активностью народа, а многие беды города считал следствием своекорыстных политических действий знати. В «Рассуждениях на первую декаду Тита Ливия» Макиавелли приходит к выводу: «... если рассмотреть все смуты, устраиваемые народами, и все смуты, устраиваемые государями, а равно и славные поступки тех и других, то мы увидим, что народ значительно превосходит государей достоинством и славой». Он заключает это сопоставление, подчёркивая заслуги народа в правовой плоскости: «В общем, чтобы покончить с этим предметом, скажу, что и монархические государства и республиканские существовали достаточно долго, причём и те и другие должны были соизмерять свои действия с законами, ибо государь, который руководствуется своими желаниями, безумен, да и народ, который следует своим прихотям, нельзя назвать мудрым. Но если говорить о государе, подчиняющемся законам, и о народе, связанном ими же, то в последнем отыщется больше доблести, чем в государе, если же рассмотреть поступки, диктуемые произволом, то народ натворит меньше ошибок, чем государь, к тому же они не будут столь тяжкими и легче

поддадутся исправлению»¹². Апология народа продолжается и тогда, когда автор «Рассуждений» ведёт речь о крайних проявлениях беззакония: «Жестокость толпы направлена против тех, кто, по её мнению, покушается на общее благо; жестокость государя - против тех, кто покушается, по его мнению, на его добро»¹³. Доблесть народа, или, в конечном счёте, достоинства республиканской системы правления, Макиавелли отмечает и в других случаях, к примеру, когда говорит о непостоянстве и переменчивости «массы», склонной к изменению политических предпочтений и потому допускающей возникновение тирании, но и здесь он считает народ менее отягощённым этим пороком, чем любой государь. Сбросивший узду закона государь, как считает Макиавелли, неблагодарнее, переменчивее и безрассуднее всякого народа. Различие в их действиях порождается не различием их природы, но большим или меньшим уважением законов, в рамках которых они живут.

Возвеличивая народ даже в большей степени, чем это делает Гвиччардини, Макиавелли как главный критерий использует отношение к законам, которое у народа, при всём его непостоянстве, по его мнению, более уважительно, нежели у государя. Макиавелли ставит народ в республике выше единовластного правителя, руководствуясь как главным критерием отношением к общему благу. В этом социально-нравственном плане государь уступает народу, а

¹² *Макиавелли Н.* Рассуждения о первой декаде Тита Ливия, Государь / Пер. с итал. М.А. Юсима. М., 2002. С. 133 (Рассуждения. Книга 1, глава LVIII).

¹³ Там же.

монархия выглядит менее привлекательной формой государства. При чтении «Рассуждений» напрашивается вывод о негативном отношении автора к единовластию как государственной системе, при которой не гарантированы ни соблюдение законов, ни ориентация самой власти прежде всего на общее благо, а не на личный интерес. И в этом плане его позиция близка Гвиччардини, который видел в субъективности монархической власти серьёзную угрозу для благополучия государства. При всех слабых сторонах республиканской власти, а их Макиавелли видит в немалом количестве и оценивает трезво, он отмечает немало достоинств и в системе единовластия. В «Рассуждениях» он явно отдаёт свои предпочтения республике, правлению народа. Политическим ориентиром для него, как и для Гвиччардини, служит форма «народной власти», сложившаяся во Флоренции, но к их времени давно уже нуждавшаяся в реформировании. Расхождения между двумя политическими мыслителями кроются в другом, а именно - в поисках более надёжной опоры для стабильного развития и процветания государства и общества.

Если Гвиччардини предлагает создать в республике сенат из компетентных граждан для принятия эффективных законов, а государям советует опираться на опытных и образованных советников, то Макиавелли, исходя во многом из итальянских политических реалий своего времени, предлагает в «Государе» иную схему: республиканская власть может обрести устойчивость, если и когда будет наведён порядок в обществе, а для этой цели необходим «новый государь», создающий «новый принципат». По его убеждению, творцом «нового принципата» может быть лишь

подлинный герой, сильная личность, наделённая *virtù* - доблестью, умом и волей, способная адекватно оценивать реальную действительность и принимать правильное, разумное решение. Успех любого правителя, полагал он, зависит от того, насколько тщательно и непредвзято изучена им конкретная ситуация, насколько адекватна ей выработанная на этой основе тактика достижения определённых целей, которая должна быть не только выстроена и продумана подобно произведению искусства, но и артистично воплощена в жизнь. При этом Макиавелли считал, что традиционные нормы морали не должны связывать действия такого политика, который опирается на трезвую оценку жизненных обстоятельств и соотносит с ней свои действия. Если цель – создание сильного государства, то стремиться к её достижению нужно благородными средствами, однако если этот высокий идеал недостижим в условиях существующей реальности, то допустимы крайние средства: «И надо понять, что государь, особенно новый, не может соблюдать всего, за что людей почитают хорошими, и бывает часто вынужден во имя спасения государства действовать против веры, против милосердия, против человечности, против религии. Однако его помыслы должны повиноваться воле переменчивого ветра судьбы и, как я сказал выше, не отклоняться от блага, но уметь приступить к необходимому злу»¹⁴. Как видно из этого пассажа, Макиавелли не абсолютизировал жёсткие и несправедливые методы правления, взятые в отрыве от патриотической цели, но искал для них оправдание в «переменчивом ветре судьбы»,

¹⁴ Там же. С. 411 (Государь, глава XVIII).

на которую возлагал ответственность за половину промахов и удач в деяниях умного и сильного правителя, как, впрочем, и в жизни каждого человека. Мог ли «новый государь» Макиавелли с его арсеналом политической науки, освобождённой от сковывающей морали, стать более пригодным для судеб слабой и погибающей республики, чем коллективный разум сенаторов Гвиччардини? Утопическая дымка окутывала оба проекта.

Можно наметить и другие линии сопоставления взглядов Макиавелли и Гвиччардини на единовластие: это проблемы компетентности и эффективности республиканского и монархического правления, опоры на «мудрых и знающих», необходимость в сложных ситуациях диктатуры для спасения государства, наконец, личностный фактор и нравственный облик власти. Ограничусь вопросом о подборе советников. Макиавелли придаёт этому принципиальное значение, но в несколько иной плоскости, чем Гвиччардини, для которого существенны высокая образованность, квалификация, ум и порядочность граждан, включаемых в сенат республики, или служащих у единовластного правителя. В «Государе» (глава XXII - О секретарях, приближённых к государям) Макиавелли утверждает: «Немаловажен для государя подбор служащих ему лиц, ибо их пригодность зависит от благоразумия правителя. Первое суждение об уме правящей особы можно составить, глядя на его окружение: если эти люди отличаются способностями и верностью, то его можно считать мудрым, ибо он сумел оценить их способности и сохранить их верность. В противном случае о государе можно составить отрицательное мнение, и первейшую ошибку он допускает

при этом выборе... Но для того, чтобы государь смог узнать советника, есть безошибочный способ. Когда ты видишь, что советник больше думает о себе, чем о тебе, и что во всех поступках он ищет собственной пользы, то таковой советник никогда не станет хорошим, и ты не сможешь доверять ему, ибо тот, кому государь вручает власть, должен думать не о себе, а о государе и даже не помянуть в беседе с ним ни о чём другом»¹⁵. Отличие от позиции Гвиччардини здесь очевидно: советники должны служить интересам государя, а не государства, да и высокой квалификации и опыта в политике от них, очевидно, не требуется - важна лишь преданность государю. Подлинным вершителем судеб государства оказывается «новый государь», а умные советники нужны для его имиджа.

В заключение хочу подчеркнуть следующее:

1. Не могу согласиться с нередкими в специальной литературе, в том числе в работах историков нашей страны, оценкой Гвиччардини как сторонника именно олигархической республики – этого у него нет. Главной для него всегда оставалась проблема профессионализма власти и её безупречные правовые основы, чему в государственной системе пополанской (демократической) республики могло бы способствовать учреждение ещё одного выборного органа - сената, лишённого, однако, законодательных прав. Монархическая власть представлялась Гвиччардини менее эффективной в силу присущей ей субъективности.

2. Макиавелли, как и Гвиччардини, был республиканцем, хотя видел в народном правлении немало

¹⁵ Там же. С. 428.

серьёзных недостатков, делавших государство во многих отношениях уязвимым. Его смущала импульсивность поведения народа, а порой и неустойчивость его политических пристрастий, что открывало путь тирании. Поэтому в особо опасных для общества случаях он допускал возможность установления диктатуры. В системе единовластия Макиавелли признавал немало достоинств, полагал необходимым и полезным утверждение монархии на определённом этапе развития республики – при создании прочного государства. Такой монархией должен был стать «новый принципат» во главе с доблестным, воистину героическим по масштабам свершений правителем, обладающим *virtù*. Однако порой противоречивые размышления о достоинствах и недостатках различных форм государства (они очевидны и в «Рассуждениях на первую декаду Тита Ливия», и в «Государе») всё же склоняли Макиавелли к республиканизму.

3. Гвиччардини в меньшей мере, чем Макиавелли ценил возможности единовластия и не проявлял колебания в этой связи. Хорошо устроенная республика неизменно оставалась главным его идеалом. Оба мыслителя, принимавшие активное участие в политических судьбах Италии своего времени, опирались в своих оценках единовластия и власти народной на исторический опыт страны с её традиционным государственным полиморфизмом. Их концепции имели прочную основу в политических реалиях, строились на последовательно светских принципах ренессансного мировоззрения с широким привлечением исторического материала античности и средневековой эпохи.

Paolo Carta
L'università degli studi di Trento, Italia

POLITICA E DIPLOMAZIA
MACHIAVELLI E GUICCIARDINI IN GRAMSCI

Ripensando alla «rubrica» *Passato e presente*, che scriveva nei suoi *Quaderni del carcere*, Antonio Gramsci sperava di poter estrarre «una serie di note» che fossero del «tipo dei *Ricordi politici e civili* del Guicciardini (tutte le proporzioni rispettate)». I «ricordi» riassumevano per lui «non tanto avvenimenti autobiografici in senso stretto... quanto esperienze civili e morali (moralì più nel senso etico-politico), strettamente connesse alla propria vita, ai suoi avvenimenti e considerate nel loro valore universale o nazionale»¹. In altri termini essi rendevano evidente, sulla scorta dell'esperienza diretta delle cose, ciò che «accade per lo più» e che quindi merita di esser tenuto in considerazione dall'uomo politico che intenda vivere a proprio agio nel mondo. I ricordi superavano perciò il dato autobiografico e storico, traducendolo in una regola, non necessariamente vincolante per il futuro, ma utile comunque ad affinare il discernimento e il giudizio politico. «L'importante», aggiungeva Gramsci, riprendendo queste considerazioni in un altro luogo dei *Quaderni*, «è di dar loro la stessa essenzialità e pedagogica universalità e chiarezza, ciò che a dire il vero non è poco, anzi è il tutto, sia stilisticamente, sia teoreticamente, cioè come ricerca di verità»².

¹ *Gramsci A. Quaderni del carcere / A c. di V. Gerratana. III. Torino: Einaudi, 1975. Q. 15 § 19. P. 1776.*

² *Ibidem, Q. 14 § 78. P. 1745.*

Quelle regole del Guicciardini testimoniavano dunque l'instancabile ricerca della verità che caratterizza la vita delle relazioni umane. Gramsci mostrava, in tal modo, di aver compreso meglio di chiunque altro le caratteristiche formali dei *Ricordi* e presentava le sue note del carcere inserendole nel contesto di una tradizione di scrittura breve, che trovava nell'opera guicciardiniana il suo momento culminante³. Fatte salve alcune eccezioni non sembra, tuttavia, che l'intuizione di Gramsci abbia goduto di grande fortuna presso gli studiosi del Rinascimento⁴.

Diversa è stata invece la sorte del suo giudizio sul rapporto Machiavelli-Guicciardini, che peraltro rinnovava e cristallizzava, sia pur in un ambito schiettamente politico, alcuni motivi del celebre saggio di De Sanctis su «l'uomo del Guicciardini». Secondo Gramsci, Guicciardini, pessimista, scettico e gretto, segnava un passo indietro nella scienza politica di fronte a un Machiavelli già tutto europeo e realista⁵. Lo scetticismo del Guicciardini, «non pessimismo dell'intelligenza», che invece poteva essere «unito a un ottimismo della volontà nei politici realistici attivi», e tale era, a suo giudizio, Machiavelli, aveva diverse origini. Innanzitutto l'abito del diplomatico, cioè di «una professione subalterna», subordinata, esecutivo-burocratica, costretta ad accettare una volontà estranea (quella politica del proprio governo o principe) e a interiorizzarla. Il diplomatico secondo Gramsci può sentire quella volontà come propria, in quanto corrisponde alle proprie convinzioni, ma può anche non

³ Mi permetto di rinviare a *Carta P.* Francesco Guicciardini tra diritto e politica. Padova: Cedam, 2008.

⁴ Unica eccezione di rilievo è il saggio di *Palumbo M.* Guicciardini, Gramsci e la forma-ricordo // *Modern Language Notes.* № 102 (1987). P. 76-95.

⁵ *Gramsci A.* Quaderni del carcere. Q 6 § 86, II. P. 762.

Carta P. Politica e diplomazia

sentirla tale: «l'essere la diplomazia divenuta necessariamente una professione specializzata ha portato a questa conseguenza, di poter staccare il diplomatico dalla politica dei governi mutevoli ecc. quindi scetticismo e, nell'elaborazione scientifica, pregiudizi extrascientifici». Gli scritti del Guicciardini gli apparivano pertanto più un segno dei tempi, che vere opere di scienza politica, e tale era stato appunto «il giudizio del De Sanctis»⁶.

Si tratta di una pagina essenziale per comprendere in che modo la lettura dell'opera machiavelliana alimentò il pensiero di Gramsci e nessuno intende negare l'impatto che questa interpretazione ebbe negli studi dedicati al Segretario fiorentino. È tuttavia difficile non riconoscere che la sua riflessione fosse, per certi versi, anacronistica e comunque viziata da un pregiudizio intorno al nesso politica-diplomazia. Nella politica, secondo Gramsci, «l'elemento volitivo ha un'importanza molto più grande che nella diplomazia», la quale, invece, «sanziona e tende a conservare le situazioni create dall'urto delle politiche statali». Quest'ultima è dunque creativa «solo per metafora» e il diplomatico, «per lo stesso abito professionale, è portato allo scetticismo e alla grettezza conservatrice»⁷. È insomma un «subalterno», con tutto ciò che questo termine significa nell'universo concettuale gramsciano. Il suo giudizio si risolve dunque nella capacità del singolo di agire autenticamente, mosso dai propri fini, non subordinando la propria azione ad alcuna volontà esterna, se non a quella che meglio si adatta alla riuscita di una impresa.

⁶ Ibidem.

⁷ Ibid. P 761.

Questo quadro presenta però una critica dell'abito diplomatico, che difficilmente può essere adattato all'universo politico nel quale agirono Machiavelli e Guicciardini. All'epoca la diplomazia non possedeva ancora le caratteristiche di una «professione specializzata». Personalità con svariate competenze ed esperienze potevano essere di volta in volta impiegate in qualità di diplomatici. Che Gramsci pensasse già a un orizzonte più tardo lo si comprende del resto proprio con la frequente sovrapposizione del suo giudizio su Guicciardini alle riflessioni dedicate a Cavour o a Clemenceau⁸. Sia Machiavelli sia Guicciardini, come si sa, ricoprirono importanti incarichi diplomatici, ma probabilmente queste esperienze incisero in modo decisivo più sul realismo politico del primo, che non sul pensiero e l'opera del secondo.

Benché determinante per gli sviluppi della carriera politica del Guicciardini, l'ambasciata in Spagna, cui egli fu destinato in qualità di giurista – fatto assai frequente nella tradizione fiorentina – non ebbe quel peso che Gramsci gli attribuì. Dal viaggio in Spagna Guicciardini ricavò note autobiografiche, primi abbozzi di ricordi, un diario e un'acuta e penetrante relazione. Durante quel periodo compose inoltre il *Discorso di Logroño*, una piccola gemma nella sua bibliografia politica, che per certi versi resta anche il più «machiavelliano» dei suoi scritti. Il *Discorso*, tuttavia, riproduceva idee che il giovane giurista prestatò alla diplomazia doveva aver già in buona parte maturato, quando addottoratosi e nel mezzo della pratica legale, si mise a scrivere le *Storie fiorentine*. Queste idee, che in qualche modo riproducevano le aspirazioni ottimatizie alla vigilia dell'istituzione del

⁸ Ibid. P. 764-767, 781-782.

Carta P. Politica e diplomazia

gonfalonierato a vita, almeno sul piano teorico, rimasero pressoché immutate fino all'ultimo periodo della sua vita. Un'opera di «ingegneria costituzionale», la si potrebbe chiamare, creativa come lo poteva essere un trattato politico e come lo sarà, sia pure in forma diversa, anche il suo più tardo *Dialogo del reggimento di Firenze*.

Fu invece il suo amico Machiavelli che riuscì, grazie agli incarichi diplomatici, ad affinare quella scienza politica, quel realismo, per dirla con Gramsci, il cui fondamento principale consisteva nell'osservazione e nell'acquisizione di sempre maggiore esperienza delle cose umane, essenziale per prevedere l'esito di un'impresa⁹. I due amici, però, come si tenterà di chiarire, si trovavano perfettamente d'accordo sul metro con cui l'uomo politico è chiamato a giudicare. Col tempo Machiavelli rivelò una particolare attitudine alla formulazione del giudizio, per la quale egli possedeva un vero e proprio talento naturale, e alla cui mancanza, il suo amico Guicciardini sopperiva affidandosi agli schemi più familiari, che gli provenivano dalla personale e solidissima formazione giuridica (i suoi duplici discorsi delineano, in tal modo, il suo sistema logico). Per Machiavelli, «extravagante di opinione dalle commune et inventore di cose nuove et insolite», si trattò di comprendere gli sviluppi e il successo di un'impresa politica «partendosi» forse «dagli ordini degli altri», «scrivendo cosa utile a chi la intende» e trovando più conveniente andare «drieto alla verità effettuale della cosa che alla sua immaginazione». Così nel celebre capitolo quindicesimo del

⁹. Najemy J.M. *Between Friends. Discourses of Power and Desire in the Machiavelli-Vettori Letters of 1513-1515*. Princeton: Princeton University Press, 1993. P. 62.

Principe egli espone «i principi fondamentali soggiacenti a tutte le sue osservazioni» politiche, tracciando «una linea di demarcazione stabile e chiara tra se stesso e i suoi predecessori ‘idealisti’»¹⁰. Tuttavia, se per lui non fu più possibile subordinare l’analisi politica ai tradizionali schemi «teologici e metafisici», ancora presenti nella trattatistica umanistica sull’ottimo principe, molto lo si deve anche al carattere dei quesiti che i Dieci gli presentarono durante le legazioni e ai quali egli fu chiamato a rispondere. A tali quesiti, originati da concreti problemi politici e diplomatici, non era possibile trovare risposta appellandosi unicamente alla dottrina tradizionale sull’auspicabile condotta dei principi e sulle loro virtù. Si richiedeva piuttosto la concreta capacità del diplomatico di congetturare e antivedere, o per dirla con Guicciardini, di ricorrere a quella «discrezione» che non può essere appresa sui libri. Fu dunque il diplomatico o, se si vuole, l’uomo al servizio della repubblica, a comprendere per primo i motivi per cui «colui che lascia quello che si fa per quello che si dovrebbe fare, impara piuttosto la ruina che la preservazione sua». Ed è nelle sue missioni diplomatiche che egli intuisce come, in politica, ciò che comunemente si tiene per virtù, può rivelarsi fatale alla riuscita di una impresa. Solo in seguito propose tali avvertimenti a beneficio del principe.

La legazione di Germania è particolarmente efficace per chiarire questi aspetti. Tra il gennaio e febbraio 1508 Machiavelli e il mandatario Francesco Vettori si ritrovarono, infatti, a tenere in mano le sorti della politica estera di Firenze e dunque il futuro della repubblica. Indipendentemente da come poi andarono a

¹⁰ *Gilbert F.* The Humanist Concept of the Prince and the Prince of Machiavelli // *The Journal of Modern History*. XI (1939). P. 449-483 poi in trad. it. in *Id.* Machiavelli e il suo tempo. Bologna: Il Mulino, 1999. P. 171-208. P. 171.

Carta P. Politica e diplomazia

finire le cose, i due furono chiamati a presentare l'offerta di una somma di denaro all'Imperatore eletto, in cambio del mantenimento dei domini della città, ma solo nel caso di una sua certa e vittoriosa «passata in Italia». Il 29 gennaio, i Dieci, sottolineando «l'onore, l'utile e il danno» per la repubblica – ad esempio nelle relazioni tra Firenze e la Francia – che sarebbe potuto derivare da un pagamento effettuato anzitempo o in caso di un mancato successo dell'impresa italiana di Massimiliano, non esitarono a rimettere «totalmente» al mandatario il giudizio sul da farsi: «bisogna che facci iudizio in sul fatto, e così noi ce ne rimettiamo totalmente in te, il quale nel pigliare partito, metterai in bilancio tutto il pro et il contro di questa cosa, e ne piglierai partito o nell'un modo o nell'altro, secondo il iudizio tuo [...] Come tu vedi è tutto posto in arbitrio tuo, con intenzione che tu abbi in ogni accidente e pro e contro ad fare per la città il meglio che tu potrai»¹¹. Tutto fu dunque lasciato all'arbitrio e al giudizio del diplomatico, che non poteva in quel caso fare alcun affidamento su valori e regole astratte di condotta. Vettori (e con lui Machiavelli) fu chiamato a giudicare partendo dai fatti, tali e quali gli si presentavano dinanzi agli occhi, e a prevederne con assoluta certezza gli sviluppi per il bene della città. Il minimo errore di valutazione, in quel frangente, si sarebbe rivelato fatale per il mantenimento del delicato equilibrio delle alleanze fiorentine, o almeno così allora pareva ai Dieci.

¹¹ *Machiavelli N.* Opere, II / A c. di C. Vivanti. Torino: Einaudi, 1999. P. 1087-1088. Tutte le citazioni delle opere machiavelliane, quando non altrimenti specificato, sono tratte dall'edizione in tre volumi curata da Corrado Vivanti, Torino: Einaudi, 1997-2005 (d'ora in avanti *Opere*).

Quali sono i criteri da seguire per fondare il proprio giudizio politico, in questo caso per «fare certo giudizio della passata», cioè per comprendere anticipatamente se l'impresa di un principe potrebbe avere successo o meno, dipendendo da ciò la sorte della repubblica per la quale si è al servizio? Machiavelli e Vettori lo giudicarono un quesito al quale non avrebbe saputo rispondere neppure «l'uomo più savio del mondo», eppure non esitarono a definire nella corrispondenza tutte le coordinate indispensabili ai fini di una valutazione «realistica» del problema. Era necessario innanzitutto comprendere le forze messe in campo dal principe, le sue alleanze, e come dirà Machiavelli nel rapporto sulla legazione, la sua natura. Si trattava di considerare le sue qualità, non più inserite nel quadro del complesso di virtù che delineano idealmente l'ottimo reggitore di Stati, ma rispetto alla finalità dell'impresa che egli ha posto in essere. Ecco ad esempio, che la liberalità, virtù riconosciuta e da tutti apprezzata anche in Massimiliano, poteva diventare nell'analisi del Machiavelli quel «vizio» in grado da solo di condurre un principe alla propria rovina.

Ed è da queste esperienze che nascono molti momenti delle sue opere politiche e in particolare del *Principe*. Egli sente l'esigenza, divenuta ormai improcrastinabile nel delicato e mutevole clima internazionale, di offrire un ausilio a quanti, principi o uomini di Stato, si sarebbero potuti ritrovare nella condizione di esprimere un giudizio politico, simile a quello richiesto nella lettera dei Dieci appena ricordata. Il «realismo» machiavelliano sta in gran parte qui, in quella necessità di riconsiderare, in termini schiettamente politici, le regole di condotta di un principe e quel catalogo di vizi e virtù, che desiderò comunque presentare a suo modo in chiusura del *Principe*,

modellandolo sia pur formalmente sulla scorta di una trattatistica precedente¹².

«Fermato il punto» al termine della missione con il *Rapporto*, in seguito rielaborato nel più articolato *Ritratto delle cose della Magna*, ritornò, infatti, sugli incontri e sulle testimonianze di quei mesi trascorsi a scrutare gli «apparecchiamenti» militari e a «conietturare le cose dell'imperatore», distillando da esempi ancora «freschissimi», regole utili per acuire il giudizio politico¹³. Quel modo di indagare fino nel profondo l'«anima delle cose» distingue non poco i suoi dispacci dalle relazioni senz'altro più diligenti ma tutte rivolte all'«esteriorità», vergate dai celebrati ambasciatori veneziani¹⁴. Egli è ben distante dalla superficialità che contraddistingue altri scritti diplomatici di oratori fiorentini¹⁵. E fu, infatti, proprio il metodo d'indagine del Machiavelli a dettare i criteri con i quali il '500 maturo osservò e tentò di comprendere i nuovi equilibri politici europei, imitato da tanti e anche dal suo amico Guicciardini.

L'invio di Machiavelli presso la corte imperiale alla fine del 1507 maturò in un clima tutt'altro che pacifico per Firenze. Fortemente voluto da Piero Soderini, che desiderava affiancare un suo uomo al Vettori, si inserì in un contesto nel quale agli ottimati

¹² Sull'assunzione da parte del Machiavelli di alcuni elementi formali tipici della trattatistica quattrocentesca sul principe, da lui criticata cfr. *Gilbert F. Machiavelli e il suo tempo*. P. 172.

¹³ Sulle due opere machiavelliane si veda *Marchand J.-J.* Niccolò Machiavelli, i primi scritti politici (1499-1512): nascita di un pensiero e di uno stile. Padova: Antenore, 1975.

¹⁴ *Ridolfi R.* Vita di Niccolò Machiavelli. Firenze: Sansoni, 1978. P. 165.

¹⁵ *Marchand J.-J.* Niccolò Machiavelli, i primi scritti politici. P. 165.

fiorentini appariva sempre più chiaro il «cattivo disegno» del gonfaloniere di «occupare la tirannide»¹⁶. Il Segretario fiorentino aveva il compito di raccogliere notizie, di ascoltare e riferire a Firenze, affinché la città potesse avere un quadro quanto più dettagliato possibile dei movimenti delle truppe imperiali. In realtà sappiamo che nella legazione Machiavelli collaborò in modo strettissimo con Vettori. Tutti i dispacci per Firenze, furono discussi ed elaborati da entrambi e questo aspetto, indipendentemente dalle responsabilità del mandatario che sottoscrive ogni missiva, è dichiarato esplicitamente ai Dieci, come nel caso della lettera dell'8 febbraio 1508 in cui si legge che a proposito dell'entità dell'offerta da proporre all'imperatore e del luogo del pagamento «ne avamo ragionato Niccolò ed io»¹⁷. Ma necessariamente alcuni passaggi, come è ad esempio il caso del resoconto della proclamazione di Massimiliano, costituiscono più la testimonianza dell'acume politico del cancelliere, che poté assistere personalmente all'evento.

Nella lettera dell'8 febbraio, che contiene tale descrizione, Vettori richiede ai Dieci che Machiavelli non sia, «per cosa al mondo», richiamato a Firenze. Desiderava averlo accanto, perché con il consiglio dell'amico più esperto le cose della Magna gli apparivano più chiare. Anche la sua posizione dinanzi alla città di Firenze, gli dovette sembrare con l'aiuto del cancelliere assai più al riparo, essendo in gioco una posta così delicata. La lettera, letta accanto al *Rapporto* e al *Ritratto delle cose della Magna*,

¹⁶ Per tutto ciò si veda ora ampiamente *Najemy J. M.* «Occupare la tirannide»: Machiavelli, the Militia, and Guicciardini's Accusation of Tyranny // *Della tirannia: Machiavelli con Bartolo / A c. di J. Barthas.* Firenze: Olschki, 2007. P. 75-108.

¹⁷ Opere, II. P. 1095.

Carta P. Politica e diplomazia

permette di cogliere i primi tentativi di elaborare un pensiero politico fondato sulla realtà «effettuale» delle cose.

Su che cosa era possibile fondare un giudizio sulla riuscita dell'impresa di Massimiliano? L'interrogativo sul quale i due dovettero discutere a lungo è anche quello che accompagna tutta la moderna scienza della politica.

La risposta è quasi il primo abbozzo di un trattato politico ben più articolato: «Ora io vorrei domandare il più savio uomo del mondo, che avessi la commissione che le Signorie vostre mi danno, quello farebbe; e confesso ingenue, se questa lettera fussi giunta tre dì fa, che, non che io avessi promesso el pagamento ad Trento, io lo arei promesso ad Spruch, e quando io lo avessi fatto e le cose intepidissimo o differissimo, vorrei sapere quello se ne fussi detto costì: ma senza intenderlo, io me lo indovino»¹⁸. «La gravezza» di una tale «commissione» appariva tale, che nessun uomo «se non fussi profeta, non si potrebbe aporre, se non per ventura; perché a discorrerla particolarmente, per quello che si vede dì per dì, non si può conoscerne altro che per la notizia soprascritta si vegga e discorrerla in universali, quel medesimo; ed io so che volendo vedere *secondo la ragione* se uno ha ad vincere una impresa o no, bisogna considerare la moltitudine e qualità di soldati che li ha, come li può tenere insieme, e che governi sieno e' sua, e dipoi estimare le forze del nimico». Si trattava dunque di giudicare *secondo ragione* quel che solo un *profeta* avrebbe potuto indovinare. E su questo punto, come si dirà, anche il suo amico Guicciardini era d'accordo.

Nessuno poteva dubitare della potenza bellica dell'imperatore, ma c'era da dubitare che Massimiliano riuscisse a

¹⁸ Ibid. P. 1098.

tenere insieme i suoi uomini, poiché non poteva farlo se «non per forza di danari». E a questo proposito, da un lato egli non ne possedeva e dall'altro il suo esser «liberale» fino all'eccesso, aggiungeva «difficoltà ad difficoltà». Se l'«essere liberale» è considerata una virtù nel principe, nondimeno, qualora non basti a «satisfare ad mille uomini, quando altri ha bisogno di ventimila», non produce alcun effetto. E pertanto la liberalità «non giova dove la non aggiugne»¹⁹. Nel capitolo XVI del *Principe*, «lasciando [...] indietro le cose circa uno principe immaginate, e discorrendo quelle che sono vere», Machiavelli scrisse, ripensando evidentemente a quanto ricavato dalla sua esperienza diplomatica: «Come sarebbe bene essere tenuto liberale: non di manco, la liberalità, usata in modo che tu sia tenuto, ti offende»²⁰. Nella lettera emerge inoltre l'immagine di un imperatore, ritenuto uomo di grande esperienza, che ha guadagnato più credito di qualunque suo avo, da cent'anni a questa parte. E tuttavia, e ciò è considerato un difetto in politica, egli «è tanto buono e umano signore che viene ad essere troppo facile e credulo» e da ciò nascono i dubbi sulla riuscita delle sue imprese²¹. La bontà in questo caso è presentata come d'ostacolo alla riuscita politica. Desiderando condurre a termine e con successo la sua impresa, è necessario che egli impari a non essere buono, pare suggerire il Machiavelli; che muti la sua natura, scriverà più tardi nel *Rapporto*²². E ciò era quanto gli avevano richiesto di giudicare i Dieci.

Se la sua impresa poteva avere qualche speranza di riuscita, questa si doveva piuttosto ricercare nelle due condizioni

¹⁹ Ibid. P. 1099.

²⁰ Opere, I. P. 160.

²¹ Opere, II. P. 1099.

²² Opere, I. P. 70.

Carta P. Politica e diplomazia

in cui si trovava l'Italia: «l'essere tutta esposta alle ribellioni e mutazioni, e avere triste armi»²³. E benché in Italia ci fossero i Francesi, che pure avevano un buon esercito, non potendo contare sull'aiuto degli Svizzeri, con i quali erano soliti vincere in battaglia, era pur sempre possibile che l'assalto dell'imperatore potesse andare a buon fine: «E così considerando le cose in genere, fanno medesimamente starmi sospeso a pigliare una tale deliberazione, perché a volere che la commissione abbi luogo, bisogna che lui assalti e che vinca»²⁴.

Nel *Rapporto delle cose della Magna*, chiuso il 17 giugno 1508, all'indomani del suo rientro a Firenze, Machiavelli dichiarava che la finalità del suo *Rapporto* era quella di riferire «alla mescolata» ciò che aveva sentito dire, presentandolo non come vero o ragionevole, ma solo come testimonianza, «parendomi l'ufizio d'un servitore sia porre innanzi al signor suo quanto egli intende, aciocché di quello vi sia di buono e' possi far capitale»²⁵. Si tratta di un metodo che Machiavelli codificò in seguito nel memoriale indirizzato a Raffaello Girolami, ambasciatore in Spagna presso l'imperatore²⁶.

Pur presentati come avvisi e pareri ascoltati da altri, vediamo quali sono, secondo Machiavelli, i requisiti necessari a Massimiliano per il successo dell'impresa italiana. In due soli modi l'imperatore può sperare in una riuscita del suo disegno: «o che mutassi natura, o che la Magna lo aiutasse» realmente²⁷. Il

²³ Opere, II. P. 1099.

²⁴ Ibidem.

²⁵ Ibidem.

²⁶ Come ha notato *Vivanti C.* Machiavelli e l'informazione diplomatica nel primo Cinquecento. P. 27-28. Cfr. Opere, I. P. 729-732.

²⁷ Opere, I. P. 71-72.

primo punto è quel che a noi più interessa. Se Massimiliano sapesse valersi bene del suo stato, scrive Machiavelli, non sarebbe secondo ad alcun potentato cristiano. L'ufficio imperiale gli garantisce entrate a sufficienza e, per di più, egli non deve spendere in uomini d'armi. L'abilità e il continuo esercizio alla guerra dei popoli tedeschi è un motivo costantemente evocato con straordinaria ammirazione dal Machiavelli. Si aggiungano inoltre i suoi legami con il re di Castiglia e con l'Inghilterra, i quali, se usati con profitto, garantirebbero la riuscita di «tutti i disegni d'Italia»²⁸. Il problema maggiore è dato dal fatto che Massimiliano, pur favorito dalle sue innumerevoli entrate, «non ha mai un soldo, e ch'è peggio, e' non si vede dove e' se ne vadino»²⁹. Con un ricordo del prete Luca Rinaldi, vescovo di Trieste e legato dell'imperatore a Venezia, che, finirà tale e quale nel ricordato capitolo XXIII del *Principe*, Machiavelli scrive che Massimiliano «non chiede consiglio a persona, ed è consigliato da ciascuno; vuol fare ogni cosa da sé, e nulla fa a suo modo, perché, non ostante che non iscopra mai i suoi secreti ad alcuno sponte, come la materia gli scuopre, lui è svolto da quegli che gli ha intorno e ritirato da quel suo primo ordine; e queste due parti, la liberalità e la facilità, che lo fanno laudare a molti, sono quelle che lo ruinano»³⁰. La sua venuta in Italia era dunque «ispaventevole», perché i bisogni crescevano e non mutando la sua natura liberale, quand'anche «le frondi degl'alberi d'Italia gli fossino diventati ducati», non gli sarebbero bastati³¹. Criticando esplicitamente quanti premevano per la conclusione immediata di un accordo in

²⁸ Ibid. P. 72.

²⁹ Ibidem.

³⁰ Ibidem.

³¹ Ibid. P. 73.

danaro, Machiavelli poteva dichiarare: «Molti giudicavano savi coloro che penavano più a darli denari la prima volta, perché egli non aveano a penare anche più a dargliene la seconda»³². Dagli «spessi suoi disordini, nascono gli spessi suoi bisogni, e dalli spessi suoi bisogni, le spesse domande, e da quelle le spesse diete, e dalla sua poca estimazione, le debili risoluzioni e debolissime esecuzioni»³³. Esprimendo quanto sapeva e quanto aveva imparato «per una lunga pratica e continua lezione delle cose del mondo», Machiavelli non mancò dunque di fare tesoro dell'esperienza diplomatica. Dalle valutazioni alle quali lo obbligava la serie di richieste presentate dai Dieci, in nome della repubblica di Firenze, emersero dunque i capisaldi di un metodo che fu poi rielaborato e messo in pratica nella stesura delle sue opere maggiori.

Il suo amico Guicciardini non dubitava che proprio questo fosse il metro da adottare nel caso in cui al diplomatico (o al consigliere) fosse stato richiesto di giudicare anticipatamente, e non certo «dagli effetti», sulla riuscita di un'impresa politica o bellica. Entrambi si trovavano d'accordo sulla responsabilità che in quel particolare contesto storico si richiedeva all'uomo al servizio dello Stato, chiamato a correre il rischio del giudizio, da fondare unicamente su ciò che è verosimile e su precisi criteri di ragionevolezza. Nessuno spazio è lasciato ciò «che si dovrebbe fare», ma solo a quel «che si fa». Come scrisse in seguito nel suo *Dialogo del reggimento di Firenze*, presentando le soluzioni per le due ferite mortali che laceravano Firenze nel 1494, «e' Medici

³² Ibidem.

³³ Ibidem.

fuorusciti» e la perdita di Pisa, non si trattava di parlare «cristianamente», ma «secondo la ragione ed uso degli stati»³⁴.

Particolarmente interessante a questo proposito è l'esame che Guicciardini presenta della fallimentare impresa militare di Clemente VII che condusse al sacco di Roma, nell'avvio della quale egli, in qualità di consigliere, ebbe un ruolo decisivo. Una vicenda in cui Firenze si trovò coinvolta direttamente, al contrario di quanto accadde in occasione dell'impresa di Massimiliano e a una tradizione cittadina ben consolidata. Questa particolarità è espressa dall'immaginario accusatore di Guicciardini in uno dei suoi scritti più articolati e complessi, l'orazione *Accusatoria*: «non comportava che si implicassi nella guerra tra questi principi grandi, ma che, come avevano sempre fatto e' nostri padri, attendessi a schermirsi e ricomperarsi da chi vinceva, secondo le occasione e le necessità. Non era ufficio nostro volere dare legge a Italia, volerci fare maestri e censori di chi aveva a starci, di chi aveva a uscirne; non mescolarci nella quistione de' maggiori re de' cristiani; abbiamo bisogno noi di intrattenerci con ognuno... Potevamo oziosi stare a vedere le guerre d'altri, ed alla fine comperare la pace e la salute nostra con infiniti danari manco, che non abbiamo el primo dì comperato la guerra e la ruina»³⁵. In un breve testo nel quale intendeva giustificare la politica del Papa, Guicciardini esordiva con una sentenza «approvatissima appresso a tutti e' savi» per cui gli «eventi delle cose non sono sicuro giudice delle deliberazione che fanno gli uomini», ma lo sono

³⁴ Guicciardini F. Dialogo del reggimento di Firenze / A c. di G. M. Anselmi e C. Varotti. Torino: Bollati Boringhieri, 1994. P. 230-231.

³⁵ Guicciardini F. Accusatoria // Scritti autobiografici e rari / A c. di R. Palmarocchi. Bari: Laterza, 1936. P. 241-242.

Carta P. Politica e diplomazia

unicamente «le ragioni che gli hanno mosso a deliberare»³⁶. Indipendentemente dagli esiti, dunque, non può dirsi che la deliberazione presa all'inizio «fosse imprudente e male considerata». In politica si può giudicare, infatti, soltanto considerando ciò che ragionevolmente può accadere. Nel caso di una guerra, scriveva Guicciardini, questa può intraprendersi, senza paura di essere accusati di «temerità», quando la necessità costringe a prendere le armi per liberarsi dai pericoli o per acquistare ciò che «giustamente se gli appartenessi». In entrambi i casi, tuttavia, deve essere prima considerata la «facilità» con cui l'obiettivo può essere raggiunto. «Le cose», cioè, devono essere «disposte in modo che verisimilmente si può sperare vittoria, o almeno non sia escluso totalmente della speranza». Mancando uno di questi «fondamenti», l'avvio di una guerra può considerarsi nient'altro che frutto di ambizione e leggerezza³⁷.

Nel caso concreto, segni «manifestissimi» mostravano la volontà dell'imperatore di impadronirsi dell'Italia e poiché l'aiuto certo delle maggiori potenze europee faceva sperare in una vittoria, che altro avrebbe dovuto fare il papa? «Aveva egli a volere più presto che in potestà di Cesare fussi sottoporre Italia, deprimere la persona sua o la autorità della Sedia apostolica, che mettersi a fare pruova di conservare la libertà della Chiesa e di tutti, e ridurre le cose in termine che gli stati di ciascuno fussino sicuri?»³⁸. Solo chi pensava che l'Imperatore «contento al suo, non fussi per turbare la quiete degli altri» avrebbe potuto

³⁶ *Id.* Giustificazione della politica di Clemente VII // Scritti politici e Ricordi / A c. di R. Palmarocchi. Bari: Laterza, 1933. P. 198.

³⁷ *Ibid.* P. 199.

³⁸ *Ibid.* P. 204.

sottoscrivere queste parole, oppure quanti credevano che «a uno pontefice romano, essendo vicario di Dio in terra ed avendo per principale obietto la salute delle anime, si appartenessi più presto lasciare ogni cosa in preda che implicarsi in guerre»³⁹. La deliberazione, affermava Guicciardini, era stata assunta considerando tutte queste ragioni, compresa la natura dell'Imperatore e quella dei principi italiani. Che Carlo V non avesse «a travagliare gli stati di alcuno, si poteva più presto sperare che affermare, non potendo alcuno prudente promettere quello che dipende da altri»⁴⁰:

Non si era ancora veduto di lui e della mente sua sì certa esperienza che assicurassi questa opinione; anzi dava ombra in contrario le dimostrazioni e le opere de' capitani suoi d'Italia, delle quali se bene venivano le querele agli orecchi suoi, non si vedeva farvi alcuna provisione; facevano dubio tante altre ragione discorse sopra, ed el considerare bene la natura de' principi, e' quali ancorché lungamente siano stati buoni ed alieni dalla ambizione, accade spesso che invitati dalle occasione, alterati dagli sdegni, spinti da' sospetti, mutano natura ed operano el contrario di quello che prima hanno avuto in animo; ed è anche vizio naturale degli uomini, che dove hanno qualche apparenza di ragione si persuadono facilmente le imprese sue essere giustissime e santissime. Ed in Cesare mancano forse colori di potere tirare a sé legittimamente tutta la autorità temporale? Poi che le legge dicono che lui è signore di tutto il mondo, ha gli esempi degli antichi Cesari...

³⁹ Ibidem.

⁴⁰ Ibid. P. 205.

Fu dunque una guerra necessaria, agli occhi di chi avrebbe dovuto giudicare anticipatamente sul da farsi, con speranza verosimile di vittoria, benché si trattasse solo di quella «speranza che si può avere nelle guerre, del fine delle quali non si può avere certezza alcuna, essendo tutte dubie e sottoposte alla potestà della fortuna». E il «dubio» della fortuna non rappresentava una «cagione sufficiente a fare ritirare e' principi da una impresa che pareva quasi vinta; perché questo è proprio della fortuna, essere instabile e incerto»⁴¹. Malgrado gli effetti drammatici, dunque, il giudizio iniziale restava fondato su ragioni che non potevano essere messe in discussione, e tanto bastava all'esame dell'uomo politico, non essendo in suo potere prevedere tutti gli accidenti e gli esiti ai quali sono sottoposti gli avvenimenti umani.

La questione ritorna nella orazione *Consolatoria*. L'amico immaginario, frutto pur sempre dalla penna di Guicciardini, rassicura l'autore incitandolo a non lasciarsi turbare dal ricordo di essere stato tra coloro che «confortarono» la guerra, dalla quale nacquero «tutte le ruine»⁴². Poiché il consiglio di intraprendere una guerra non fu mosso da «ambizione» o «malignità», l'esito non «ti debbe né può ... ragionevolmente cruciare o affliggere, perché in quelle cose s'ha a rimordere la coscienza dove cognosce colpa di volontà». Se errore ci fu, fu solo un «errore di giudizio, el quale in simili cose tanto incerte ed importanti accade spesso ed a più savi e più esperti di te»⁴³. L'uomo politico, dunque, il consigliere, così come il diplomatico, deve essere disposto a correre il rischio di giudicare e di sbagliare. Ciò che

⁴¹ Ibid. P. 208.

⁴² *Id.* *Consolatoria* // Scritti autobiografici e rari. P. 176.

⁴³ *Ibidem.*

segue è un'analisi delle circostanze non dissimile da quella presentata da Machiavelli e Vettori nella lettera dell'8 febbraio 1508⁴⁴:

Ognuno che considererà particolarmente le ragione che sono in questa materia, sarà costretto a confessare che atteso e' mali termini che erano usati al papa, el cammino della monarchia di Italia a che si vedeva andare Cesare, la opportunità grande che pareva che avessi el papa per avere seco el re di Francia e' viniziani, e la inclinazione a questa parte del re di Inghilterra; la debolezza che si mostrava negli imperiali per avere in Italia poca gente, essere senza danari e co' populi dello stato di Milano inimicissimi, e che le arme non si pigliarono né per ambizione né per altro fine che per liberarsi da questo pericolo; chi considererà, dico, queste ragione, sarà sforzato a confessare che rare volte fu per alcuno principe presa impresa né si giusta né si necessaria, né con maggiore speranza della vittoria. Né si gridava allora altro per ognuno e non manco per e' savi, che contro alla timidità ed irresoluzione del papa che pareva che andassi più lentamente che non si doveva a questa deliberazione.

Se insomma l'evento è «stato diverso dal giudizio, non per questo si debbe dare colpa a chi avessi consigliato la guerra, poi che le ragione erano tale che lo persuadevano a ogni savio». Troppo dura sarebbe la condizione a cui sono sottoposti «e' consiglieri de' principi, se fussono obligati a portare in consiglio non solo discorsi e considerazione umane, ma ancora o giudicii di astrologi, o pronostici di spiriti, o profezie di frati»⁴⁵. Quest'ultimo richiamo savonaroliano, che riecheggia la lettera del

⁴⁴ Ibid. P. 177.

⁴⁵ Ibidem.

Carta P. Politica e diplomazia

Machiavelli e Vettori ai Dieci, esprime tutto ciò che siamo soliti chiamare realismo politico. In ambito politico, nelle relazioni tra uomini e tra stati, si può giudicare solo secondo ragioni puramente «umane», secondo «quel che si fa», per dirla con Machiavelli. La responsabilità dell'uomo politico consiste, dunque, nel correre il rischio di giudicare, secondo ragione, e aiutare fin che è possibile a far sì che gli eventi corrispondano alla finalità che ha mosso il giudizio. Il realismo politico, che appartenne tanto al Machiavelli diplomatico, quanto al Guicciardini consigliere del pontefice, fu nient'altro che il tentativo di entrambi di fermare il punto sui nuovi caratteri del giudizio politico.

**АННОТАЦИЯ. ПОЛИТИКА И ДИПЛОМАТИЯ.
ГРАМШИ О МАКИАВЕЛЛИ И ГВИЧЧАРДИНИ**

Грамши видит в Гвиччардини больше дипломата, чем самостоятельного политика, но и Макиавелли, и Гвиччардини черпали в дипломатической практике опыт реальной политики, первый даже в большей степени, чем второй. С этой точки зрения автор рассматривает участие Макиавелли в посольстве к императору Максимилиану 1508 г. (вместе с Ф.Веттори). Анализируя «природу» Максимилиана, Макиавелли приходит к выводу, что его традиционно считающиеся позитивными человеческие качества, щедрость и готовность прислушиваться к чужим мнениям, губительны для начинаний императора в политике. Позднее эти наблюдения были обобщены в «Государе». Гвиччардини в своих сочинениях неоднократно замечает, что судить о политических делах возможно не столько по их результатам, сколько по разумным основаниям поступков. Оба политика говорят о том, что следует исходить из рациональной оценки ситуаций и выбирать наиболее приемлемый путь, хотя полный успех никогда заранее не гарантирован.

Gheorghe Stoica
Filip Stanciu
The University of South-East Europe Lumina,
Bucharest, Romania

**VLAD ȚEPEȘ AND CESARE BORGIA IN BETWEEN
HISTORIGRAPHICAL METAFICTION AND
MACHIAVELLI'S POLITICAL REALISM**

Five hundred years after “The Prince” was first published, all debate seems somehow superfluous, since generally speaking the exegetes of the great thinker have read and reread his entire work and pinpointed even the subtlest nuances of his discourse. In fact, we intended to place “The Prince” in a broader historical context, whose essential rays engendered and led to a synthesis of Machiavelli’s politics. At different intervals, still in a natural progressive connection, both Cesare Borgia and Vlad Tepes generated certain effects that shared, in a way or another, in shaping a model-image, the image of the Prince.

It is not by chance that we have chosen in order to exemplify the above paragraph two historical characters situated in time between the second half of the 15th century and the first decade of the following century. Additionally, these two historical characters find themselves geographically in relative opposition, one having lived on the South banks of the Inferior Danube, and the other in the centre of the Italian Peninsula.

On the one hand, we have chosen a character that, as Gennaro Sasso declared, occupied a rather modest place in Italy’s history of the first years of the 16th century, and, on the other

hand, we have chosen a man whose image has made a carrier ever since his death till nowadays, under the name of Dracula – Vlad Țepeș, Wallachia’s voivode.

Without dwelling excessively on the succession of the events, as they are related in the documents of their times, we shall only try to draw the attention on certain aspects evinced by a revival of the chronicles of those days or by the much cited stories about Dracula in a new reading key. For this purpose, we used various texts, without any ensuing comments, from the existing sources, in an attempt to open a new research path as to the controversial Romanian prince’s deeds, in a period of germination of political theories and in a pragmatic context using – before the term was coined – what would become the fulcrum of modern politics, at the beginning of the 16th century. In fact, just before Ranke’s “scientific history” emerged, literature and history were regarded as branches springing from the same tree of knowledge, a tree that sought to “interpret experience, for the purpose of guiding and elevating man”¹. Subsequently, the separation from which resulted the distinct disciplines of today literature and history, “despite the fact that the realist novel and Rankean historicism shared many similar beliefs about the possibility of writing factually about observable reality”², led to historic events built mainly on that type of interrogations addressed by the researcher to the events, aiming at “something that cannot be eradicated, that accrues and forces its way through”³.

¹ Nye A. *Theory of the Novel: A Historical Approach* / Ed. by Michael McKeon. 1943. P. 830

² White Th.H. *In Search of History: A Personal Adventure*. New York: Harper & Row, 1978. P. 25

³ Swift G. *Waterland*. London, 1983. P. 109

The above mentioned assertion applies to all the writings on Vlad Țepeș (Vlad the Impaler), contemporaneous with him or with us, writings which continue to remain inscrutable as to our queries. To what extent the alleged actions of the Romanian prince are veridical is one of the major issues of Romanian history and not only, considering that literary fiction or uninspired touristic marketing surpass the limits of the plausible (see Bram Stoker, the multitude of movies on this subject or, even worse, the “Dracula” industry from modern Romanian tourism).

Consequently, we shall try herein to define a portrait of Țepeș in the universally valid cultural layouts, determined by the opposition Apollonian / Dionysian. The term of Dionysian originates from the name of the God of wine and orgies and is in contraposition with Apollonian, and designates the disruption of the equilibrium, the lack of shape, the rummaging of instincts, violence reigning over reason. Nietzsche developed the theory of the two opposing spiritual and artistic principles and finally defined mythology by focussing on historical personalities, as a symbolical compendium of fear facing transiency. The tragic myth of Țepeș is therefore accounted for as “the embodiment of Dionysian wisdom through Apollonian artifices”, as it – the myth itself – is the quintessence of the universe without which any culture – the Romanian culture in our case – loses its creative vitality”⁴. In the same vein, we may speak of a classification of all characters, according to their degree of generality, into type, ectype and archetype. The symbolic and symbolized character too implies a bipolarity, the first meaning being explicit and the

⁴ De la Apollo la Faust. Dialog între civilizații, dialog între generații. Antologie / L. Blaga, I. Dobrogeanu-Gherea, I. Herdan. Bucharest: Meridiane, 1978. P. 7.

second one implicit. The symbolic character can only be classified with extreme difficulty: archetypal, Achilles-like, Odysseus-like, Apollonian, Dionysian, solar or lunar.

In our opinion, Vlad III the Impaler, descendent of the ancient Basarab dynasty, embodies best and most accurately “the symbolic and symbolized character”, accompanied by a myth that combines, on the one hand, the tragedy of a character who failed in his politics, but who, due to his very politics, became a symbol of the justice defender, a person who will symbolise, in time, the model (archetype) of the moral betterment of the Romanian society.

Why have we said that he failed in his politics, since the concept – the product of Machiavelli’s work – had not as yet even been coined? In a country where war was the most popular instrument of solving the issues of the ruler’s heredity and electivity – a singularity of the Romanian medieval statehood, ever since its foundation - , the words of Țepeș - “the blame rests in your shameful strife”, as long as “none (of the gentry) were young enough (to have known) only seven (rulers)”⁵ - become symbolic.

Vlad the Impaler (1431-1476), born under utterly medieval circumstances, in Sighisoara, was by filiation a catholic⁶. Vlad II, his father, who had been decorated with the Order of the Dragon, was called “Dracul” by the rival Romanian gentry”. After his accession to the throne of Wallachia, Vlad III would also naturally

⁵ *Beheim M.* Gedicht Ober den Woiwoden Wlad II Drakul Mit historischen und kritischen Erläuterungen / Ed. Gr. Conduratu. Bucharest, 1903. P. 40-41.

⁶ By line of descent, his father favouring the catholic Church, and having been decorated with the Order of the Dragon, a catholic order, Tepes himself being a member of this order.

bear the name of Draculya (probably the son of Dracul, the Devil, or of the Dragon), Draculea in Romanian, which was eventually transformed into Dracula. There is also an autochthonous explanation: the propensity for a certain kind of punishment, the impalement, granted him this cognomen, preserved by oral tradition as such (in Turkish - Kazikli, in Romanian - Țepeș). And I. Neculce would relate: “Adorned on Easter day, all were taken to Poienari, to work on the stronghold, until all their clothes actually broke off on their bodies and they all remained completely naked. That is why they gave him the name of Țepeluș. ("the little Impaler") And he reigned for 15 years”⁷.

His attempt of chastening the Wallachian gentry was accompanied by the application – in the same vein – of the provisions established by him for all the inhabitants of the country, disregarding their social rank. “And he hated evil in his country so badly – says a Slavonic narrative – that whoever committed an iniquity, a theft, an injustice or said a lie had little chances to remain alive. Be he a noble, a priest or a monk or an ordinary man or the possessor of a huge wealth, no one could redeem one’s death. And he was so feared that in a special spot of his own there were a spring and a well and to this well and to this spring many travellers came from many places and many people went to drink from the well and the spring, for the water was fresh and sweet here. And he brought in this desert place a cup and put it on the well, a magnificent big cup of gold. And whoever wanted to drink water, and drank from that cup, would put it back at its

⁷ *Neculce I. Legendele despre Vlad Țepeș: O samă de cuvinte. Bucharest: Minerva., M. Gregorian Edition, 1984. Vol. II. P. 21.*

place, and as long as time allowed it nobody dared take away that cup”⁸.

“The aggrandizement of the ruler’s authority” – a classical formula in the Romanian historiography – seems to have been a systematic programme of rehabilitating a society in which the disequilibrium of every kind was striking. To our mind, this extremely strict policy of the prince had to take into account the political life of the country subsequent to Mircea the Elder’s reign. The countless domestic military conflicts which lasted more than half a century between various boyar factions, direct or indirect successors of Mircea the Elder (the Danesti and the Draculesti clans), whose aim was to enthrone their own favourite pretenders, affected the whole potential of the country (the gentry, free men or bondsmen, the clergy, etc.) – a source of endless and devastating disturbances. It was an uncongenial way as to Romania’s morals of those times, consequently a “devilish” way that the Romanian prince had found in order to implement his programme with as few turbulences as possible.

Subduing everybody with “his authority and his equity, not letting any wrongdoing go unpunished”⁹, Vlad the Empaler roused the fury of the Wallachian gentry. Led by Albu the Great (1458-1459), Wallachia’s most prominent nobles tried to restore an atmosphere that favoured court intrigues. The mighty boyar of the county of Vâlcea, probably related to the Basarab dynasty, plotted to depose the ruler. The rebellious troops occupied the

⁸ *Cronicle slavo-române din secolele XV-XVI* / Published by Ion Bogdan. Bucharest: P.P. Panaitescu, 1959. P. 200-207.

⁹ *Dlugosz Jan. Documenta Romaniae Historica. A. Moldova. Vol. II.* Bucharest, 1975. Col. 417.

villages and the convents of Glodul and Hinta (localities that no longer exist) which he owned [...] “ever since the beginning of Wallachia [...]”¹⁰. Vlad encountered Albu the Great and defeated him “[...] and captured him and slain him and all his family”¹¹. So the Romanian prince stood against all threats, for his mission was to strengthen the entire social system, at all its levels. The Romanian prince’s cynicism and cruelty, as he was depicted in the numerous sources cited by the rich literature treating this subject, acquire different connotations through his very words or through the words ascribed to him: “You should know why I did what I did: firstly, so that nobody be burdened and nobody be poor in my country, but all be rich; secondly, I released them so that none of them ever confronts himself with poverty or distress”¹².

The reality of that epoch is described also by foreign texts, interpreted in various reading keys – the “classical” Byzantine chronicles, contemporary with our prince – which pay a special attention to the political basis on which Țepeș built his reign. “[...] For the Romanian nation enjoys disunity and easily decides to overturn their rulers”, tells us Doukas¹³, and Chalkokondylas adds that the Romanians “are used not to maintain the same princes, but to always change them according to their interest, and vest with powers sometimes a ruler, sometimes another one”.¹⁴ Chalkokondylas understands very well the mechanism of the state in those times: “And some of them (the pretenders), devised by

¹⁰ D.I.R., B. 17th century. Vol. III. P. 4.

¹¹ Idem.

¹² *Stoicescu N. Vlad Țepeș*. Bucharest: RSR, 1976. P. 47 (see also *Cronicile slavo-române*. P. 209).

¹³ *Doukas. Istoria turco-bizantină (1341-1462)*. Bucharest: V. Grecu, 1958. XXIX. P. 52.

¹⁴ *Chalkokondylas L. Expuneri istorice*. Bucharest: V. Grecu, 1958. IX. P. 283.

those of great ancestry and wealth, they try to make them princes of Dacia (i.e. Wallachia), with the intent that they might serve their interest and purpose if put on the throne”¹⁵. In other words, but stating the same thing, the Byzantine chronicler confirms the information given by I. Neculce: “By calling to him the gentry by turns, whom he suspected of being capable to take part in betrayals meant to change princes, one by one, he would disfigure and impale them, together with all their household, children, wives and servants.” Unfortunately, still in accordance with the aforementioned imbalances, the drastic methods used by the Romanian prince were not fruitful, since the Wallachian gentry “acknowledged that the youth (Radu the Beautiful) was preferable to them instead of prince Vlad and, taking the former’s side, they would gather at slow pace. And as soon as the other Dacians realised all this, promptly left Vlad and went to back up his brother”¹⁶. In like manner, the Turkish historian Tursun-bey (15th century) narrates: “When that merciless giaour and bloody tyrant became prince of Wallachia, he was forced by the Sublime Porte to pay big tributes. [...] However, he was a merciless tyrant as regards the giaours. His cruelty was so great that if someone in a village did an iniquity, he would have all the inhabitants of that village impaled, men, women and children altogether. In front of the wooden citadel (Agaç – Hisar) where he resided, he ordered a six-mile enclosure of two parallel rows of fences be built, around which he planted May bushes, saying he was making a garden. Then he filled the space between the two fences with impaled Hungarians, Moldavians and Wallachians. Aside from that, the

¹⁵ Idem.

¹⁶ Idem.

citadel being surrounded by forests, on each branch of the trees there were countless hanged men, and he had commanded that if a man removed a hanged corpse he himself should be hanged and take the corpse's place"¹⁷.

Following another train of thought, let us also mention that Wallachia's economic development led the prince to adopt a protectionist policy, by taking some judicious and concrete measures that were trying to ensure the security of commercial businesses and to limit or eliminate the monopoly of the Transylvanians. As such, according to a contemporary source, the traders that had come to a fair in Wallachia "went to the prince and told him they had earned nothing; and in order to compensate them, the prince bought all their merchandise"¹⁸. In fact, the economic challenges mingled with the political ones, be they domestic or external, that the Romanian voivode was confronted with. Taking part in the fights between the supporters of the Hunyadi family, led by Mihail Szilagy, that included the Transylvanian gentry, and the great Hungarian nobility, Țepeș secured an agreement with Brașov in which the principles of fair trade were clearly stated: "Let your people come, sell and buy freely, without worries or losses, as if they were in your own country; in the same way, our people shall go freely to your country with no losses"¹⁹.

The German tales on Vlad Țepeș-Dracula, as well as a series of Ottoman chronicles from the 15th-17th centuries and some

¹⁷ Cronici turcești privind Țările Române. Extrase. Vol. I: Sec. XV-mijlocul sec. XVII / Ed. by M. Guboglu and M. Mehmet. Bucharest, 1966. P. 67-68.

¹⁸ *Kardja C. Incunabule*. P. 10.

¹⁹ *Bogdan I. Relațiile Țării Românești cu Brașovul, și Țara Ungurească*. I. Bucharest, 1905. P. 93.

Byzantine chronicles from the 15th century come from an environment hostile to the Wallachian prince. Naturally, the main topic is the 1462 campaign of the sultan Mehmet II to the North of the Danube. In this respect, the former janissary Konstantin Mihalovič of Ostroviča writes in his memoirs (15th century) that, “setting off, the Young Devil voivode (Vlad Țepeș, A/N) began to gather an army. And as it was winter, the Danube was frozen and Dracul voivode crossed it with all his men and entered the emperor’s land, below Nikopol. And there he let his men free to plunder and kill both Turks and Christians, in villages and open cities, and caused great losses to the Turkish emperor. And he had the noses cut off to everybody, be they alive or already dead, to both men and women, and sent them to king Mathias of Hungary, boasting that all those noses corresponded to as many defeated and slain Turks. After that, he returned, met in Braila the emperor’s envoy that had no clue about what had happened. The envoy was captured with all his servants, 30 heads, and Țepeș had them chained in a tower. And on the third day he ordered that “Aliza beg” (Hamza-beg, A/N), the envoy of the emperor, be the first to be impaled, and around him all his servants”²⁰.

After Vlad Țepeș’s lightning fast military exploits to the South of the Danube, in Tursun-bey’s opinion, “glory made him trust his own strength too much, and [...] led by his arrogance and his appetite for haggle, he decided to cause great damage to Muslim countries”²¹.

According to another Turkish historian of the 15th century, Aîk-pasha-zade, the Romanian prince would not hesitate to use all

²⁰ Cronici turcești privind Țările Române. Extrase. Vol. I. P. 67.

²¹ Idem. P. 93.

the imaginable means in order to reach his goals: “What tricks did not prince Țepeș (Kazîklî)! do, / This unclean and foul and bloody mischievous (azîklu), / This wretch and foul Dracul-oglu, / Ravages and doesn’t say whether it is a good thing or a sin”. And he concludes that “this cursed giaour does much devilry”²².

In spite of the many invectives he addresses to Țepeș, Kemal-pasha-zade did not hesitate to acknowledge the qualities of the Wallachian prince, especially his military, but also his organisational and administrative skills. Thus, he educes that Vlad Țepeș was “famous among his equals for his soldiership (sipah salarlîk). He was also unique in his horsemanship, being first and foremost in the giaour country”²³.

The Byzantine chronicler Kritobulos of Imbros (16th century), a great admirer of the sultan Mehmet II, informs us that “while the emperor (the sultan, A/N) was musing about this matter, he was informed that Draculea, the Getae’s (Romanians’) ruler, was plotting to change the situation, rebelled and gathering quite a big army and many horsemen and weapons, rose against the emperor who some time ago had given him this reign”²⁴. Obviously, the Wallachian prince’s lack of fidelity, violence and cruelty are stressed by Kritobulos when narrating his campaign to the South of the Danube, in the winter of 1461-62. “Nonetheless, he kept his promises only for a short while, and thereafter he ignored all of them and showing his wickedness towards the man who had trusted in him, rioted against the emperor. First of all he secretly crossed the Istros with a numerous force, raided knavishly

²² Ibidem.

²³ Idem. P. 92.

²⁴ *Kritobulos of Imbros*. Din domnia lui Mehmet al II-les. Anii 1451-1467. Bucharest: V. Grecu, 1963. IV, 10, 1.

the entire realm of the emperor, which was his neighbour, more precisely the region between Nikopol and Vidin, pillaging and taking lots of spoils; and after having killed many people he crossed back [the Danube] and returned to his country”²⁵.

Add to all this his contempt for any diplomatic norms and his scorn for the statute of envoys, as well as for the observance of concluded treaties, which are all demerits ascribed by Kritobulos to Vlad Țepeș. Referring to these aspects, the Byzantine chronicler relates that “afterwards, when the emperor sent emissaries to him in order to remind him of the concluded treaties and to talk about peace, and to ask him what was the cause of that disloyalty, before finding out why they had come, he seized them and impaled them, roaring numerous despicable threats addressed to the emperor”²⁶.

The Romanian stories about Vlad the Impaler, as well as a series of reports belonging to Western humanists who lived at the Hungarian or at the Transylvanian court in the 16th century are quite different, but on a more attentive reading, they reveal the same qualities of emblematic character, whose main aim was a radical change of the medieval Romanian society. According to one of these Romanian stories, “prince Vlad was brave, of an unparalleled courage, but he was also merciless and a relentless persecutor of cowards and villains, as well as of the country’s enemies, whom he used to impale, and that is why the people nicknamed him Țepeș-Voda. He was a grandson of Mircea the Elder, and wished above all that his country be free and

²⁵ Idem.

²⁶ Idem.

independent from the Turks, and that is the reason why he was both cherished and feared by his soldiers”²⁷.

Another story tells us that Vlad Țepeș “was a truly cruel ruler. Whoever was caught lying, or mistreating old persons or oppressing the poor was speedily punished with the stake. The Turks who came now and then to sack our country were also chastened by being impaled”. The same kind of stories relates that “once upon a time there was a prince who reigned over Wallachia and he was called Vlad and dubbed Țepeș. This prince was very severe, but just. He could not stand the thieves, the liars and the idle. He did his best to do away with such people in his country”. Therefore, concludes the story in question, “there were no more lies, no more oppression, no more tipsiness or any other thing that corrupts a man”²⁸ in his country.

In a letter of 1524, the Ragusan diplomat Michael Bocignoli writes that “once upon a time they (the Wallachians, A/N) had a prince – a voivode, as they call him – bearing the name of Dragul, a skilful man, quite talented in soldierly matters. Not only did he bravely defend his country, but also in winter, when the Danube was frozen, as it often happens, he used to trespass on the Turks’ territories and plunder them, devastating [these territories] with fire and swords. All these things infuriated Mahomet, so he crossed the Danube to avenge these damages, entered Wallachia, [but] Dragul did not deign welcome him, for he had emptied the fields and the villages not only of people and cattle, but also of all the bare necessities of life so that they be

²⁷ *Stabarus I. Povestiri medievale despre Vlad TepeS-Draculea*. Bucharest, 1978. P. 128.

²⁸ *Idem*. P. 145.

able to survive in the middle of forests, surrounded by mires, whereas the Turkish army had to bring its food supplies from elsewhere. And Dragul, preparing a few horsemen during the night, [or] very frequently during the day, used to leave the woods and taking roundabout routes or paths only by him known, dashed unexpectedly on the Turks and killed many of them, who were looking for food or who had remained behind the main army: at times he would attack the bulk of the host when they expected the least, and after having slaughtered a good many of them, until they could gather again [to fight], he fled away and hid in the forest, not allowing the foe to fight on equal positions. That is why Mahomet, who had little supplies for his troops and who didn't want either to jeopardize his men by attacking Dragul who was staying secluded in the thickets, was compelled to retrace his steps, without any pray or victory, and after having lost a great many of his men"²⁹.

What the Ragusan diplomat evinces expressly in his letter is the fact that Vlad Țepeș was above all a ruler that did not resemble at all and was no embodiment of the previous Romanian rulers. "And the Romanian squires - argues Michael Bocignoli – freed from the fear of the enemy, forgetting all the boons bestowed on them by Dragul, began to plot evil conspiracies to slay Dragul, to dodge military service, to praise the Turks, to mire Dragul's feats, to declare that victory will turn someday more harmful to the victors than to the defeated, and to avow that they could not stand having the Turks as foes and to express their opinion that an alliance had to be concluded with them, even if

²⁹ Călători străini despre Țările Române / Ed. M. Holban. Vol. I. Bucharest, 1968. P. 126.

that meant to accept a tribute – while Dragul, on the contrary, was struggling to spur them not to beg the peace from the defeated [enemies], but to defend themselves with their weapons, [defending] therefore all their goods, and to persuade them to live in liberty, and finally to assert overtly that as long as he would be alive he would never permit that Wallachia become a tributary to the Turks. And since he was dwelling on this opinion, he was treacherously slain by the squires and replaced by someone else”³⁰.

The humanist Felix Petancic recounts that, “accompanied by a few [soldiers] chosen among the best, when Mahomet, the emperor of the Turks, had captured Great Wallachia and was about to seize Small Wallachia too, Dracula attacked him there at the second night watch, routed him, slaughtered his men and compelled him to backtrack, overwhelmed with shame”³¹.

Țepeș is the most warmly extolled by the scholar Anton Verancsics (Verantio), who spent most of his life in Transylvania and Hungary, where he held high positions in the hierarchy of the Church. Referring to the Romanians of Wallachia, he notes that “the Turks were the first to call them Draguls, from their most courageous prince, Dragula [...]. Thus Dragula too is a caressing diminutive from Drago, which means “the beloved”³²”.

As we have already mentioned, such favourable information about Vlad Țepeș can be found primarily in the Slavonic narrative entitled “The Story of Dracula Voivode”, written a few years after the prince’s death. Its author or,

³⁰ Idem. P. 68-72.

³¹ Idem. P. 93-94.

³² Idem. P. 125-126.

undoubtedly, a clergyman coming from the Orthodox milieu was acquainted with the German narratives and was undeniably influenced by them. The work itself begins with a not in the least flattering presentation of the Vlach prince, saying that “there was in Wallachia a Christian voivode of Greek confession, a certain Dracula in the Romanian language, and respectively devil in our language, for he was terribly wicked. His name was a perfect counterpart to his life”. The Vlach prince’s military talent, his courage and bravery, as well as his uncompromising nature when confronted with cowardice are other additional features ascribed by the author of the Slavonic narrative to Vlad Țepeș and are chiefly highlighted during his fights with the Turks. Reviewing this crucial aspect of Vlad Țepeș’s reign, the narrative insists that before the Ottomans’ offensive, “he gathered all the soldiers he possessed [30,900], and stroke the Turks during the night, and destroyed many of them, and as he could not have his fewer men confronted with a more vigorous army, he turned back. And he began to examine himself those who came back with him from that battle. Those who had been wounded from the front he praised them highly and called them his brave men, and those who had been injured from the rear he had them impaled and told them in the guise of a requiem, “You are not a man, but a woman”. And when he set out against the Turks, he addressed his entire army like that: “He who thinks of death he shall not come with me, but he shall stay here”³³.

The spirit of justice and honesty were other qualities for which Vlad Țepeș was so reputed for. Aside from these unquestionable qualities of Vlad Țepeș, the Slavonic chronicle

³³ Cronicile slavo-române din secolele XV-XVI. P. 200.

also depicts certain serious imperfections of the Wallachian prince. Among these, let us cite as most prominent his cruelty, thirst for blood, intolerance, and violence. Thus, when narrating the campaign in the Ottoman Empire, in the winter of 1461-62, the story details that “he marched for about five days in his country, and, out of the blue, he returned and began to plunder both cities and towns, and captured many people and slaughtered them, and some Turks were impaled and others were chopped into two pieces, and then they were burned, and no one was spared, not even the sucklings; he laid waste the whole country”³⁴.

Finally, let us now pinpoint another feature of Vlad Țepeș’s behaviour, criticized by the author of the Slavonic narrative, an attitude perfectly justifiable if we take into account the fact that the latter belonged to an Orthodox and ecclesiastical environment. Certainly, we have in view the versatility in matters of religion of the Wallachian voivode who, driven by his desire for power and glory, embraced the Catholic faith. “That voivode having passed away, tells the Slavonic story, the king sent a messenger to his cell to tell him that if he wished to become voivode in Wallachia, as before, then he had to convert to the Roman Church. If not, he was to die in prison. Dracula liked better the sweetness of the transient world than the everlasting and endless world, so he abjured his Orthodox faith, forsook the truth, cast aside the light, and received the darkness. Alas, he could not endure the passing hardships of the dungeon and he prepared himself for the everlasting agonies and forswore our Orthodox creed and accepted the Roman deception”³⁵.

³⁴ Idem. P. 205.

³⁵ Idem. P. 213.

Similar character traits of Vlad Țepeș, as well as qualities such as good organizer, foresightful, excellent strategist, a connoisseur of human psychology are also underlined by Doukas when he records the sultan's campaign in Wallachia, in the summer of 1462. On this occasion, tells the Byzantine chronicler, Țepeș attacked the definitely superior Ottoman forces: "The Romanian had all his subjects moved to narrow places in the mountains and in desert places and in other places covered by woods; and he left the fields desert and had the various kinds of cattle driven to the hinterland, near the Alans' and Huns' frontier; and himself together with the army he was leading was roaming all day long through thickets and forests. Crossing the Danube, the tyrant marched more than seven days and found nothing at all, not a living soul, not even the smallest animal, nothing to eat or to drink. And when he reached a nice spot resembling an orchard, he beheld thousands and thousands of poles planted in the soil and loaded not with fruit, but with dead people, and in the middle of them, he saw Chamza [...], also impaled, wearing as usual his purple and thin linen. Seeing this threat, the tyrant got frightened and after the tents were put up, being terribly afraid, he ordered his men to dig trenches and fill them with water, and spent all the night in the middle of those ditches. But the Romanian woke up before dawn, organized his men carefully, raided while it was still dark into the right wing of the camp, took possession of it and before daybreak slaughtered numberless Turks; and before sunrise, many Turks slew each other. And when the light first appeared the Romanians returned to their pens and went to sleep;

and the tyrant woke up abashed, crossed the Danube and set off for Adrianople”³⁶.

The information conveyed by Doukas is confirmed by the report of the papal legate in Buda, Niccolo di Modrussa, who also substantiates both the outstanding military skills of the Wallachian prince and the powerful impression Vlad Țepeș was producing among his adversaries. Thus, Modrussa notes that during that night attack, “after having caused an unbelievable massacre without losing in such a clash too many of his men, but having however lots of wounded, Dracul left the enemy’s camp before daybreak and returned to the same mountains [from where he had come], and no one dared chase him, such trouble had he given to and appalled everybody”³⁷.

This side of paroxysm firmness and harshness, always employed to strengthen central authority, are the first traits of character of the Wallachian prince that are particularly recorded by the Byzantine chronicler. Unlike his peers, Chalkokondyles does not consider that Vlad Țepeș’s cruelty and bloody and violent character are responsible for the harsh measures he had taken. He presents them rather as necessities dictated by state interests, his objective being that of consolidating domestic authority in his relation with a hostile and recalcitrant gentry, who wanted to check the ruler and cooperate with the Turks, on the one hand, and of setting the stage for the country’s independence, on the other hand, in matters of foreign politics. “Nevertheless, relates the Byzantine chronicler, no sooner did he reach the throne, that he first of all formed a personal guard, which was always keeping a

³⁶ *Doukas*. *Istoria turco-bizantină* (1341-1462). P. 55.

³⁷ *Chalkokondylas L. Expuneri istorice*. P. 283.

close watch on him. Afterwards, summoning his nobles one by one, those he suspected of being able to betray him and plot the overthrow of the voivode, mutilated and impaled them with all their household, children, wives and servants, so that, as far as we know, this sole man of all men succeeded in committing a dreadful massacre among his people. For in order to consolidate his reign, he killed in a short while twenty thousand men, women and children; and surrounding himself with a number of carefully chosen and faithful soldiers and infantrymen, offered them the money, wealth, and all the possessions and positions of the victims, so that, in time, a radical change was produced and this man succeeded in totally modifying the organization of Dacia (Wallachia, A/N). As to the Hungarians, and quite a lot of them too, who were rumoured of interfering in public affairs, sparing none of them, he executed them in large quantities. So when he reckoned that his reign over Dacia was fully consolidated, he thought of foreswearing the emperor”³⁸.

The draconian measures taken by Țepeș as to the government of his country, visible everywhere, as well as the people’s fidelity towards their ruler impressed both Mehmet II and the other Ottomans, arousing at the same time their admiration and fright. For instance, Chalkokondyles tells that on arriving in front of the royal court where the defenders of the fortress welcomed him with cannon fire, and seeing “a field of stakes about seventeen stadia long and about seven stadia wide”, in which “nearly twenty thousand men and women and children” were thrust [...] “a spectacle for the Turks and for the emperor himself”, the latter, “bewildered, was unceasingly saying that he

³⁸ Idem. P. 284.

could not take a country from the hands of a man capable of such achievements, and above all who knows to make such a use of his reign and his subjects. He was also saying that a man who is the author of such exploits is worth a great deal more. And the other Turks, viewing the hoard of impaled people, were horrified above words”³⁹.

The information on Vlad Țepeș provided by the German humanist Sebastian Münster (16th century) is at least as interesting and revealing. Although undoubtedly inspired by German stories, and by the tardy opinions which circulated in Western Europe on the Wallachian voivode, the information conveyed by Münster about this prince follows in Chalkokondyles’ and Michael Bocignoli’s footsteps, depicting Vlad Țepeș in a favourable light. The results of the Wallachian voivode’s domestic politics, although of a merciless severity akin to paroxysm, are however considered as positive by the German humanist. Consequently, Vlad Țepeș “behaved quite ruthlessly, still in this barbarian country anyone could live surrounded by all his fortunes, in the middle of the woods, without having to fear whatsoever”⁴⁰.

Apart from the numerous narratives on the historical events caused by or in which our prince took part, we can, in our opinion, pinpoint certain elements that turn our hero into a symbolical one, and symbolical did he remain in the collective consciousness, invoked by the Romanians up to our days only in moments of terrible ordeal.

Is he a historic character of the 15th century? Chronologically speaking, yes, he is. Nonetheless, the articulation

³⁹ Idem.

⁴⁰ Idem.

of his policy seems to have been made according to a modern political science handbook, posterior to Machiavelli. And we notice a central axis, namely his will to strengthen the prince's authority, disregarding the means he had to use: force, violence, moral pressure, etc. In this respect, each of the ruler's actions is exemplary, doomed to be a model for everyone, and worthy of being recorded as such in different narrative keys. Moreover, the elimination of the eligibility of the throne, and consequently of the intestine feuds of the gentry's factions, would lead to the stabilisation of Wallachia's political regime.

Țepeș seems to have realised that the whole Romanian society was ravaged by bad morals, a fact which explains the measures he took, regardless of the social rank of the people affected by his decisions.

Domestic policy is tightly connected to foreign policy. It is a truism with which we frequently operate nowadays. All the external actions of the Romanian prince were made with a view to the domestic political project he was pursuing. Interfering overtly in the disputes of Hungary's and Transylvania's nobility, he aimed to settle the suzerainty relationship with the royal crown of Hungary within acceptable parameters to Wallachia. The intelligent fusion of alliances with economic regulations led for a short period of time, yet with significant consequences during the reign of the princes that followed him on the throne, to beneficial effects for Wallachia. Furthermore, Țepeș's attempt of cutting the economic relations with the Ottoman Empire, whatever their nature might have been, represented an additional pressure factor exerted on the Vlach gentry, prone to cooperate, in this field too, with the Turks.

Finally, the introduction into the Romanian medieval military mechanism of a mercenary army – the army of the brave – is another element that enhances the idea of a well-structured political project, benefitting of both human and material resources, and backed up by the ideology of the “almighty” ruler, or, according to the Western formula, “the enlightened prince”.

This prince was unflinchingly determined to reach his objectives, an aspect among others captured by Turkish chroniclers, for he never hesitated “to destroy even his own fortune and to shed even his wife’s and his children’s blood. For a few crimes, he would bring great grief and for a small act of malice, he would impose harsh chastisement. For a few sins, he would inflict a severe punishment, / He had no mercy and clemency towards anyone”⁴¹. That is why in the Romanian collective consciousness Țepeș remains, up to the present day, the symbolic defender of social justice, the champion of his country’s independence, of the supremacy of law, disregarding the individual’s status, and to achieve all these he was ready to make use of all possible means.

As far as Cesare Borgia is concerned, almost everything comes from Niccolò Machiavelli. More precisely, from the seventh chapter of “The Prince”, a chapter dedicated to the new principalities that are acquired with someone else’s weapons. This seventh chapter is dedicated to Cesare Borgia, “called by the people duke Valentino, who obtained the principedom due the rank which had been doomed to his father, and who lost it soon after the latter’s disappearance, although he made use of all the means and measures taken by any far-seeing and capable man who wants

⁴¹ Cronici turcești privind Țările Române. Extrase. P. 66-67.

to strengthen his power in a country offered him by the arms and fortune of another. For, as I have already said, he who does not lay his foundations from the beginning may vigorously do it later, though with inconvenience to the constructor and risk to the building. And if we have a close look at each of the duke of Valentino's deeds we shall notice that he laid solid foundations to his future power and I dare say they are worth being examined, for I doubt I could give a new prince a better precept than the example of his actions. And if he did not benefit from his measures, it was not his fault, but the fault of an unusually and excessively ruthless fate"⁴². Machiavelli has also in mind his work dealing with the way Valentino eliminated his lieutenants in Sinigalia, or the reports concerning Valentino's legation sent to the Council of the Ten for Liberty, in October 1502 and February 1503⁴³.

When speaking of Cesare Borgia's deeds, Machiavelli adopts a rather familiar tone, although he chooses this prince as a model able to unify Italy. In Machiavelli's opinion, the mere pronunciation of Borgia's name roused fear among the people. He was that kind of man who would make use of his sword in many difficult situations, a man who destroyed entire families, who disunited many friends and allies through his numerous cleverly and shrewdly induced envies and enmities. In his "Prince", Machiavelli extolls this type of person and considers him worthy to be revered⁴⁴. Borgia becomes thus an example that should be followed and imitated. Such a thing might seem, in deed, a preposterous thing. Whoever could write such eulogies about such

⁴² *Machiavelli N.* Principele. Bucharest: Minerva, 1995. P. 32-33.

⁴³ *Idem.* P. 90.

⁴⁴ *Cutinelli-Rendina E.* Introduzione a Machiavelli. Roma: Laterza, 1999. P. 42.

a person could be taken for an insane or immoral individual. Nonetheless, if Machiavelli views Borgia as an icon when he speaks of the leaders of the people, the explanation lies in the fact that Machiavelli considered that the young prince was the most valiant and the ablest statesman of his time; and if Machiavelli recommended cunning in politics, he does it only in certain circumstances and only as a means of putting into practice the highest of all goals: the glory and survival of his country. It has nothing to do with immorality, as it might seem at first sight - on the contrary, we are in the presence of a genuine moralist and great patriot. And the very proof of his high morality and exceptional patriotism is Borgia's own life, an embodiment of self-sacrifice and suffering. Posterity confirmed Machiavelli's views and for more than 500 years history has never ceased to bring irrefutable evidence that the politics presented by Machiavelli to his new "Prince" was if not the most honest, it was at least the only one that could be effectively applied. The fundamental idea that he indefatigably defended was the unity and the foundation of his motherland. This idea is present in all his works and he pleaded vigorously for it wherever he could, as for instance in his "Florentine Histories", in the "Discourses", or in "The Art of War". But in order to implement it, Machiavelli needed an Italian prince, and who else could be more suitable for it than Cesare Borgia? Beside his passions and cruelties of every kind, Borgia combined military valour with an unparalleled political ability. Niccolò Machiavelli appreciated highly Cesare Borgia's personal life and political evolution and especially his military successes made the Florentine writer dwell so thoroughly on such a prince. It is to that new prince that he pays a considerable attention, glorifying his exploits, bravery, and tested

expertise in the art of war. It was mainly during 1499-1501 that Borgia led his most brilliant military actions, when, financed by his father, Pope Alexander VI, and with the help of the French troops, put at his disposal by Louis XII, Borgia conquered and unified the small principalities of Romagna, Imola, Forli, Rimini, Pesaro, Faenza. He also subdued Piombino and Urbino and would have probably continued his unifying actions, had not his plans been baffled by his father's illness and death, in 1503. Machiavelli passes over such a hazard, yet he lays a particular stress on the qualities of such a remarkable prince as Cesare Borgia.

About what Cesare Borgia undertook in such a way as to be depicted and examined by Machiavelli we also learn in "Legazioni e commisarie. Scritti di governo". Machiavelli analyses almost step by step Borgia's deeds while he was in Imola, Urbino and Romagna offering to Machiavelli the opportunity of making substantial remarks, studies and deep and penetrating reflections. These days were for Valentino dominated by uncertainties and danger, while, under his command, the duke's captains threatened the small states with the war⁴⁵. Machiavelli notices that he was "quite frightened... for he was disarmed in a war". But the political game played by Borgia relied on the support of France and on the support of the French king's armies, having therefore the "force" on his side⁴⁶. The author of "The Prince" proceeds here to a genuine examination and minute analysis of all these things, resulting thereby a "condottiere", a personification of someone doomed "to be the maker of a State and of a people-nation". In the 7th chapter of his "De

⁴⁵ *Sasso G.* Niccolò Machiavelli, *Pensiero politico*. Vol. I. Bologna: Il Mulino, 1993. P. 112-113.

⁴⁶ *Idem.* P. 125.

principatibus” he reckons that those “qualities” survived even after Borgia did no longer exist physically. It is however the passion for Borgia’s “fate” that would “substantiate” him from an ideational point of view. With Machiavelli, would Gramsci⁴⁷ later declare, the artistic form of the fantastic, due to which the doctrinaire and rational elements are being embodied by a condottiere, will plastically and “anthropomorphically” represent the symbol of the “collective will”.

In this case, the choice of the argument to be examined takes place before the reader’s eyes, with such clarity, lucidity, precision and rigour that the “Borgia case” finishes by becoming a “dominant” one. Consequently, the logic of “The Prince” is related to the emergence of the new principalities, where Valentino “conquered” territories profiting from Venice’s momentary lack of interest and from the constant support of his father, Pope Alexander VI. Thus, Cesare Borgia relies on “other people’s weapons”, as well as on “fortune’s” boons (the support of the French), nonetheless that was so precisely because Borgia’s power (through the intrinsic precariousness of the situation that entails his success) was based on the lightning fast political manoeuvres within the reach of the prince. The “character” examined by Machiavelli proves equal to the occasion, spares no “blows”, no obstacle or crime is able to stop him, so he becomes detestable to the public.

In fact, according to Machiavelli, the Valentino case is a phenomenon of gravitation towards the Prince, through his various reflections present in previous works and now rephrased in his masterpiece. There are numerous examples cited in “The

⁴⁷ Gramsci A. Quaderni del carcere. Edizione Einaudi, 1975. P. 1555.

Prince”, such as Borgia’s actions in Arezzo or Pisa. When dealing with what happened in Tuscany, Machiavelli advocates a political frontier that is part of the specific essence of the Florentine. The Valentino (Cesare Borgia) case is different: he is, undoubtedly, the insidious enemy of Florence’s territorial integrity.

Another important element in Machiavelli’s thinking is his conception on the army, which leads him to favour infantry, at the expense of the cavalry, as in “The Prince”, the “Discourses” or in “The Art of War”. In this case too, we notice the attention he pays to Cesare Borgia, an unrivalled master of the utilisation of infantry, at the detriment of fire weapons which he distrusts. From all this we may draw the conclusion that Machiavelli would occasionally prefer the Swiss, the Spanish or the Germans, exhibiting less sympathy for the French. In relation to such a situation, the Florentine thinker has also in view the ordinary citizens who become by accident princes, but who possess certain special qualities. However, he who counts less on destiny has more chances to keep his power. Among such individuals Machiavelli includes Valentino too. When examining their deeds and lives, we shall see that fate offered them the occasion to achieve great actions, opportunity which, in its turn, offered them the matter that had to be forged in the form by them desired. Machiavelli refers also to the fundamental concept of consensus, which is for him the premise of the stability and safeguard of the state.

He takes this aspect into account in his thoughts about Borgia, but what seems to me more important is the fact that in the 4th chapter of “The Prince”, he points out an important difference between “The Turkish Leader” and “The King of France”. He mentions this difference not only in order to “develop

the debate”, but especially to highlight the quality of social organisation (the political-institutional order). As such, two concepts are singled out: the domination of a tyrant and “the domination” in an articulated state “organised in groups and social order”. We are talking about a state that has institutions, in which the inhabitants are endowed with rights and powers as per their status. Those are “two ways of ruling”, as Machiavelli puts it, which the sultan of Turkey and the King of France⁴⁸ are illustrating nowadays. In the monarchy of the sultan there is only one leader, and the rest are servants, who governs by dividing his empire into sanjaks (an administrative unit), where he delegates all sorts of administrators, whom he changes and moves to his will. On the opposite side, the king of France is surrounded by nobles of old blood, recognised and loved by their subjects. They enjoy privileges inherited from their forefathers, which, if annulled by the king, would put the king himself in danger.

At the same time, with Cesare Borgia in the forefront, Machiavelli highlights the role played by appearance. In this case, he sheds some light on some aspects of politics as it is put into practice, the gears that move in the act of leadership in which the main concern of the ruler is to make an effect on the ruled. In fact, he is inspired by Cesare Borgia’s life, by the fact that he uses good manners and cruelty in order to govern. Machiavelli systematically interprets the political life, always striving to observe facts. Thus, an objective and critical analysis is made regarding the domination phenomena⁴⁹, starting from the study of the characteristic traits of political life. Machiavelli’s tone in this

⁴⁸ *Vivanti C.* Niccolò Machiavelli, I Tempi della politica. Roma, 2008. P. 87.

⁴⁹ *Marcu V.* Machiavelli. Bucharest: Eminescu, 1993. P. 131.

circumstance is neither demur nor speculative, it is the tone of a man confident of his statements. Such a certainty is given by the assuredness of his political actions⁵⁰. It is as if there were a bond between Machiavelli and Valentino, like the one between thought and action, the immediate enactment of instantaneous political intuitions. The pages written by the author of “The Prince” regarding this period are a close reflection of the state of facts. Torn between stupor and “fortuna”, Machiavelli can’t but mention the skill or even the elegance with which Cesare Borgia was fulfilling his plans in due time. But at the same time we can safely say that beyond his abilities, Cesare Borgia’s deeds can be compared to the great works of art of the Renaissance, for Borgia’s achievements can be seen as the definition of political art. It consists of imagination, tranquillity, promise, resolution, etc. They are “objects” that are more real than those created by professional artists. Machiavelli considers Borgia to have attained such an art by learning the lessons taught him by history, and by filtering them through his own intelligence and lucidity.

Indeed, the statesmanship possessed by Borgia had a major component, namely “force”. He was even an expert in this field, or at least that is how Machiavelli always saw him. Borgia was not only a person who would kill in a wink, he also established his power over his new conquests without necessarily having recourse to the force. Unlike his predecessors, he would not purely and simply spoil his subjects, he also wanted to educate them. He combined his crimes with a lucid awareness and with a remarkable sense of order. He simplified the legal system and the administration, regulated the pawnshops, ordered old slums be

⁵⁰ Villari L. Niccolò Machiavelli. Roma: Piemme, 2005. P. 96.

demolished, promised to have new streets and houses constructed, began to drain the marshy regions of Romagna, and discussed in this respect with Leonardo da Vinci, the first hydro technician of his time.⁵¹ Besides, Cesare's demagoguery needed not as many diversions as Lorenzo de Medici's in Florence; his blows would follow one another with a stunning speed, creating an anaesthetic effect, accrued by the villainy that accompanied them. At Borgia's command, his most faithful governors were beheaded for the cruelties they had committed at his suggestion, and their bodies were given to the mob that treated them sacrilegiously. He endeavoured to gain the sympathy of this mob and never forgot to stress the rights of the Church and the legitimacy of his measures. He hired to serve him the friends and the employees of the princes he had deposed, surrounded himself with a host of lordless soldiers, and offered his famous condottiere sums of money larger than it was usual. Machiavelli watched Cesare Borgia and made him a genuine theoretical model. We have in this case a sort of formula which is in fact Cesare Borgia himself. By observing Borgia, Machiavelli discovered and formulated the laws of terror⁵². He himself regarded these ways of governing as "awful" and offered his advice to all the people who wanted to enjoy peace, for Cesare Borgia knew only too well what he was doing. In a sole person (i.e. Cesare Borgia) did Machiavelli find in the utmost concentration the fundamental instinct of politics, namely selfishness. This selfishness, raised with ever newer forces in an upside down world, prey to all sorts of wars, was now overflowing from the being of the selfish Cesare, and was turning,

⁵¹ *Marcu V. Op. Cit. P. 132.*

⁵² *Idem. P. 168.*

due to certain objective conditions, into a new form of state governance – certainly, a quite immature form of government, unable to control its violent innate inclinations, indulging for the time being the orgy of its unbridled instincts. The immorality of the individual who was at its head represented a natural law of tyranny on its way to the structures of the modern State, a State which was progressively shaped, among others, by Cesare Borgia himself. He was that necessary “prince”, a human being and a beast at the same time. Matters went so until the death of Alexander VI, but afterwards all changed to the detriment of Cesare. Therefore Machiavelli’s analyses in his “Prince” embody his vision on the head of a State in his epoch. As Delio Cantimori also declared, we can find a few interesting things in “The Prince”, among which let us cite Machiavelli’s admiration for Valentino’s political and military skill. In their political realism, they all entail the opprobrium of those who lack the experience of vast readings and of clear and certain events or historical situations.

These are the main characteristics that Machiavelli discovered in Cesare Borgia.

Consequently, we may say that the image of the prince described by Machiavelli in “De principatibus” represents the model of a political “ruler” able to master a solid political technique, necessary to achieve that political unity, so important for the Italy of those days. In this respect, the 26th and last chapter is very illuminating. Cesare Borgia obtained the power through cruelty, the only way of making himself feared and revered, under the circumstances of the dukedoms, States and republics that existed at that time in the Italian Peninsula. Cesare Borgia was a master of the intrigue, using all kinds of “morals” in order to

secure his power, skilfully directing the game of power in his favour. Synthesizing Borgia's qualities, Machiavelli underlies the duke's bravery, his exceptional qualities, such as tenacity, with which he pursued his goals. Cesare Borgia used any possible actions and means to lay deep roots and create a solid foundation to his power. He did all these in such a short period of time that if fortune had continued to help him, he would have "overcome any difficulties". At the same time, he relied not only on the mastery of "information", but especially on "the art of dissimulation"⁵³. Appearance and dissimulation play an important part in Borgia's actions, and, up to nowadays, as well as in any unexpected, rapid political action. In this manner, Borgia succeeded to reorganise and unify Romagna, where he restored peace and loyalty, obtaining all these beneficial results with the help of his supposedly vice. From all that Cesare Borgia undertook, Machiavelli concluded that the will to act in certain moments with an exemplary severity is extremely important in maintaining order in civil or military matters.

Machiavelli's analyses, as well as certain other remarks on history, but also on the social reality of his time, made of the author of "The Prince" the founder and creator of realism in politics, a genuine pioneer into the "continent" of knowledge, as he himself stated in "Discourses on the First Ten Books of Titus Livy".

⁵³ Skinner Q. Machiavelli. Chisinau: Arc, 2001. P. 61.

Bibliography

Beheim M. Gedicht Ober den Woiwoden Wlad II Drakul Mit historischen und kritischen Erläuterungen. Bucharest: Gr. Conduratu, 1903.

Bogdan I. Relațiile Țării Românești cu Brașovul, și Țara Ungurească. I. Bucharest, 1905.

Călători străini despre Țările Române. Vol. I. Bucharest: M. Holban, 1968.

Chalkokondylas L. Expuneri istorice. Bucharest: V. Grecu, 1958. IX.

Cronici turcești privind Țările Române. Extrase. Vol. I: Sec. XV-mijlocul sec. XVII / Ed. by M. Guboglu, M. Mehmet. Bucharest, 1966.

Cronicile slavo-române din secolele XV-XVI / Published by Ion Bogdan. Bucharest: P.P. Panaitescu, 1959.

Cutinelli-Rendina E. Introduzione a Machiavelli, Roma: Laterza, 1999.

D.I.R. Documente privind Istoria României. B. Țara Românească. B. 17th century. Vol. III.

De la Apollo la Faust. Dialog între civilizații, dialog între generații. Antologie / L. Blaga, I. Dobrogeanu-Gherea, I. Herdan. Bucharest: Meridiane, 1978.

Dlugosz J. Historia polonica / Documenta Romaniae Historica. A. Moldova. Vol. II. Bucharest, 1975.

Documenta Romaniae Historica. A. Moldova / Ed. Dlugosz J. Vol. II. Bucharest, 1975.

Doukas. Istoria turco-bizantină (1341-1462). Bucharest: V. Grecu, 1958. XXIX.

Gramsci Antonio // Quaderni del carcere. Edizione Einaudi, 1975.

Kritobulos of Imbros. Din domnia lui Mehmet al II-les. Anii 1451-1467. Bucharest: V. Grecu, 1963. IV, 10, 1.

Machiavelli N. Principele. Bucharest: Minerva, 1995.

Marcu V. Machiavelli. Bucharest: Eminescu, 1993.

Neculce I. Legendele despre Vlad Țepeș: O samă de cuvinte, Bucharest: Minerva, M. Gregorian Edition, 1984. Vol. II.

Nye A. Theory of the Novel: A Historical Approach / Ed. by M. McKeon, 1943.

Sasso G. Niccolò Machiavelli, Pensiero politico. Vol.I. Bologna: Il Mulino, 1993.

Skinner Q. Machiavelli. Chisinau: Arc, 2001.

Stabarus I. Povestiri medievale despre Vlad Țepeș - Draculea, Bucharest, 1978.

Stoicescu N. Vlad Țepeș. Bucharest: RSR, 1976.

Swift G. Waterland. London, 1983.

Villari L. Niccolò Machiavelli. Roma: Piemme, 2005.

Vivanti C. Niccolò Machiavelli, I Tempi della politica. Roma, 2008.

White Th.H. In Search of History: A Personal Adventure. New York: Harper & Row, 1978.

**САВОНАРОЛА И МАКЪЯВЕЛЛИ:
ВЗГЛЯД НА ПОЛИТИКУ**

Традиционно фигуры Джироламо Савонаролы и Никколо Макьявелли рассматривались как антиподы, как символы двух прямо противоположных жизненных позиций и мировоззренческих установок. В самом деле, казалось бы, трудно найти более несхожие персонажи, которым выпало действовать в одном культурно-историческом пространстве (Макьявелли младше Савонаролы на семнадцать лет, в юности он слушал его проповеди, на его глазах разворачивалась финальная трагедия жизни Савонаролы).

Савонарола – монах-доминиканец, религиозный деятель и популярный проповедник, в силу исторических обстоятельств превратившийся в политика. Монашеская жизнь была для Савонаролы не просто идеалом, а, похоже, единственно правильным христианским выбором; он пытался внедрить ее принципы не только среди братии монастыря Сан Марко, но и среди всех флорентийцев. Главная идея его жизни и цель его проповеди – всеобщее обновление: сердец, жизни, Церкви, общества, в том числе его политического устройства. И, удивительным образом, ему почти удалось осуществить ее.

Хотя и на короткое время – менее чем на четыре года – Савонарола сумел немало сделать для превращения Флоренции в теократическую республику, град Божий, глава которого Христос. Выдающиеся политические способности

Савонаролы проявились в ноябре 1494 г., в один из самых драматических моментов истории Флоренции, когда ее судьба как самостоятельного государства висела на волоске. Изгнание из города Пьеро Медичи, сдавшего победоносно продвигавшемуся по Италии Карлу VIII ряд важных крепостей и городов, и возникшие в связи этим волнения горожан представляли реальную угрозу для существования Флоренции.

В этой сложной ситуации, при всеобщей растерянности и страхе Савонарола, входивший в состав посольства, отправленного Флоренцией во французский лагерь для переговоров, нашел подходящие слова для установления контакта с Карлом VIII: «Христианнейший король! Ты являешься орудием в руках Господа, который посылает тебя облегчить страдания Италии, как это я предсказал уже много лет тому назад. Он посылает тебя реформировать Церковь, которая лежит распростертою на земле. Но если ты не будешь справедлив и милосерд, если ты не отнесешься с уважением к Флоренции, к ее женщинам, к ее жителям, к ее свободе, если ты забудешь дело, на которое ты послан Богом, Он изберет другого для исполнения его. Над тобой же тяжка будет рука Его, и накажет Он тебя ужаснейшими несчастьями. Это все я говорю тебе от имени Божия»¹. Эти вполне чистосердечные слова являются образцом дипломатического искусства. Они не могли не польстить Карлу, пришедшему в Италию с завоевательными целями и вдруг услышавшему, что он орудие в руках Божиих.

¹ *Виллари П. Джироламо Савонарола и его время / Пер. с ит. Д.Н. Бережкова. М.: Ладомир, 1995 (репринт с изд. 1913 г.). Т. 1. Р. 174-175.*

Они определили его отношение к Флоренции. Пребывание французской армии в городе – с 17 по 28 ноября – обошлось без серьезных инцидентов. Прибавим, что именно Савонарола способствовал тому, чтобы это пребывание не затянулось, и побудил Карла следовать в Неаполь, цель его военного похода.

Савонарола, как ловкий политик, воспользовался созданным положением дел для проведения в жизнь давно лелеемых им планов общественного устройства. Все политические преобразования первоначально излагаются им в проповедях, принятию каждого закона, как правило, также предшествует проповедь Савонаролы на соответствующую тему (прежде всего, в цикле проповедей на книгу пророка Аггея). Позже опыт своей политической деятельности Савонарола обобщил в «Трактате об управлении городом Флоренцией» («Trattato circa il reggimento e governo della città di Firenze», 1498). В нем Савонарола объясняет, почему республиканское правление является оптимальным для Флоренции, и мотивирует неприемлемость тирании как государственного устройства. Он анализирует нравственные качества тиранов, исключая возможность справедливого и добродетельного правления. Одна из глав трактата так и называется – «О хитрости и худших свойствах тирана» («Della malizia e pessime condizioni del tiranno»). Савонарола отмечает их гордость, зависть, любовь к лести, сладострастие, сребролюбие, мнительность и мстительность, лицемерие и несправедливость. В результате при тиране не может быть стабильности, так как он правит по своей воле, подчиняющейся не разуму, а страстям («Insomma, sotto il tiranno non è cosa

stabile, perchè ogni cosa si regge secondo la sua volontà, la quale non è retta dalla ragione, ma dalla passione»²).

Основными принципами теократической республики Савонарола провозглашает смирение, милосердие и простоту. При этом он выступает решительно против участия клира в политической деятельности, вмешательства Церкви в дела управления государством. Вероятно, он считал, что сам он не оказывает влияния, если не сказать давления, на принятие политических решений, а занимается лишь исправлением нравов. Однако нельзя не признать, что многие пассажи в его проповедях скорее походят на политические речи, чем собственно на проповеди. Известно, что Савонарола контролировал процесс создания и функционирования республики в малейших деталях. Он намечает в проповедях необходимые политические преобразования: исполнительная власть принадлежит Синьории, законодательная – выборному Большому Совету, в состав которого входит Малый Совет или Совет восьмидесяти, призванный решать проблемы повседневной жизни. Образцом государственного устройства служит для Савонаролы Венецианская республика. Кроме того, Савонарола настаивает на проведении судебной реформы, прежде всего, отмены закона о «шести бобах», по которому любое политическое решение, в том числе смертные приговоры, принималось шестью голосами членов Совета восьми (отныне в подобных случаях требовалось одобрение всего Большого Совета). Он призывает реорганизовать систему налогов, восстановить торговый суд,

² *Savonarola G. Prediche sopra Aggeo. [В приложении – Trattato circa el reggimento e governo della città di Firenze] / A cura di L. Firpo; ed. nazionale. Roma: Bellardetti, 1965. P. 465.*

устроить ломбард с низкой процентной ставкой в помощь малоимущим гражданам. Он призывает Синьорию принять законы против содомии, азартных игр, роскошных женских нарядов, а также предлагает убрать из Церкви недостойных священнослужителей и удалить из города «все, что противоречит божественному культу» («*tutte quelle cose che sono contrarie al culto divino*»³).

Савонарола постоянно указывает на неразрывную связь политики с нравственностью. Его рассуждения на эту тему строятся по следующей схеме: злой человек, погрязший в грехах, несвободен, он раб дьявола, и, следовательно, не может быть хорошим гражданином и служить своему городу. Единственный выход – покаяние, это сквозная тема его проповедей. Только через покаяние возможно стяжать милость Божию и благодать. Но, подчеркивает Савонарола, получив прощение, надо и самим быть милостивыми к ближнему. И здесь проповедник вновь обращается к политической ситуации, призывая оказывать милость политическим врагам, простить сторонников Медичи, как Господь простил Флоренцию и избавил ее от французов. Необходимо отказаться от мести, особенно в таких ее жестоких проявлениях, как пытки; достаточно ограничиться требованием возместить материальный ущерб, нанесенный городу. Только так возможно достижение мира и гражданского единства, к чему Савонарола не устает призывать из проповеди в проповедь. Если не будет мира между горожанами, Флоренцию ждет гибель. Она слишком

³ *Savonarola*, 1965. P. 220.

Перечитывая Макиавелли

многолюдна и разнородна (Савонарола называет ее «университетом»⁴), раздоры в ней недопустимы.

Савонарола не раз напоминает флорентийцам, что подлинный глава их города – Господь, и государство будет сильным, только если в его основании будут лежать нравственные принципы. Он опровергает известную флорентийскую поговорку, гласящую, что государством нельзя управлять с помощью молитв:

«...e tu non lo credi questo e di' che le città e lo Stato non si governa con paternostri nè con le orazioni... Le tirannie son quelle che non si vogliono governare colle orazioni, nè col ben fare, ma lo Stato del populo di Dio sempre s'è governato colle orazioni e col ben vivere»⁵ («...не верь этому и не говори, что городами и Государством не управляют с помощью «Отче наш» и прочих молитв ... Это при тирании правят без молитв, а Государством народа Божия всегда правят с помощью молитв и добродетельной жизни»).

Поэтому все государственные законы должны ориентироваться на высший закон христианской любви, как утверждает Савонарола в одной из проповедей на псалом «Сколь благ»: «В самом деле, всякий частный закон есть мера, норма одного, именно данного поступка, а не другого. Не такова любовь христианская: она есть мера и закон для всего и для всех человеческих действий. Поэтому, кто имеет этот закон христианской любви, тот хорошо управляет и

⁴ *Savonarola*, 1965. P. 198.

⁵ *Savonarola*, 1965. P. 417.

своими действиями и действиями других, хорошо постигает все законы»⁶.

Для Савонаролы политическая реформа важна, но вторична, точнее, она важна только в русле единого всеобщего христианского обновления. Средствами к ее осуществлению являются праведная жизнь, покаяние, молитва, христианская любовь. Разумеется, с политической точки зрения такая позиция обречена на крах, тем более что Савонарола – вопреки замечанию Макьявелли об умении доминиканского проповедника приспосабливаться к обстоятельствам («*secondare i tempi*») – в вещах для него принципиально важных был совершенно не способен к компромиссу. Заметим, что и под пытками Савонарола не отказался от своих политических взглядов, тогда как в вопросе о своем пророческом статусе был вынужден уступить.

Никколо Макьявелли – политик-теоретик по преимуществу. По иронии судьбы столь высоко ценивший искусство приспособления к обстоятельствам, сам Макьявелли не сумел овладеть не раз менявшейся за его жизнь политической ситуацией. В результате ему не удалось реализовать на практике свой богатейший потенциал; его послужной список ограничивается должностью секретаря сначала второй флорентийской канцелярии, занимавшейся внутренней политикой, затем Комиссии Десяти, ведавшей внешней и военной политикой, позже – Комиссией Девяти, в которой он занимался вопросами народного ополчения, и под самый конец жизни – магистратуры по делам фортификации. Лишенный возможности практической деятельности,

⁶ *Виллари*, 1995. Т. 1. С. 136-137.

Макьявелли разрабатывает теорию управления государством (трактат «Государь»).

Его цель – это создание государства, в котором бы соблюдались законы и граждане могли рассчитывать на безопасность собственной жизни и имущества. Согласно Макьявелли, достичь этой цели возможно лишь при тирании, хотя в целом Макьявелли традиционно осуждает тиранов и неоднократно противопоставляет тиранические порядки свободным (ср. его слова о Цезаре и конце свободы в Риме в «Рассуждениях» I, гл. 37). Ход мысли Макьявелли противоположен рассуждениям Савонаролы. Доминиканский проповедник считал, что правление одного лучше, если этот человек добродетелен, но поскольку есть опасность, что не все правители добродетельны, лучше, чтобы государство управлялось многими. Макьявелли, высоко ставя народовластие (что отражено в его «Рассуждениях о первой декаде Тита Ливия»), говорит о невозможности осуществить его в испорченном городе, в среде развращенного народа. Две главы его «Рассуждений» так и называются: глава XVII – «Развращенный народ, обретя свободу, может сохранить ее с превеликим трудом»; и глава XVIII – «Каким образом в развращенном городе можно сохранить режим свободы, если он там есть, и восстановить, если его нет». Выход, согласно Макьявелли один – сильное единоличное правление, «чтобы людей дерзких и не подчиняющихся законам мог остановить глава государства своей почти царской властью»⁷.

⁷ *Макьявелли Н.* Сочинения исторические и политические. Сочинения художественные. Письма. М.: НФ: «Пушкинская библиотека», ООО «Издательство АСТ», 2004. С. 188.

Средства, предлагаемые Макьявелли для достижения поставленной цели, также разительно отличаются от выдвигаемых Савонаролой. Добродетель и праведная жизнь рассматриваются Макьявелли скорее как препятствие к управлению государством. Макьявелли не отрицает нравственные принципы как таковые, но считает их неприменимыми в сфере политики; государь вынужден действовать против них. «Ибо расстояние между тем, как люди живут и как должны бы жить, столь велико, что тот, кто отвергает действительное ради должного, действует скорее во вред себе, нежели на благо, так как, желая исповедовать добро во все случаях жизни, он неминуемо погибнет, сталкиваясь со множеством людей, чуждых добру. Из чего следует, что государь, если он хочет сохранить власть, должен приобрести умение отступать от добра и пользоваться этим умением смотря по надобности.[...]

Но раз в силу своей природы человек не может ни иметь одни добродетели, ни неуклонно им следовать, то благоразумному государю следует избегать тех пороков, которые могут лишить его государства, от остальных же – воздерживаться по мере сил, но не более»⁸ – пишет Макьявелли в XV главе «Государя». Из этого делается вывод о целесообразности жестокости для государя, проявлять которую Макьявелли советует сразу и быстро, опять-таки в целях сохранения власти.

Для этого же государю необходимо окружить себя хорошими советниками, для которых интересы государства стояли бы на первом месте. «Есть один безошибочный способ

⁸ Там же. С. 101.

узнать, чего стоит помощник. Если он больше заботится о себе, чем о государе, и во всяком деле ищет своей выгоды, он никогда не будет хорошим слугой государю, и тот никогда не сможет на него положиться»⁹ – пишет Макьявелли. Эти слова парадоксальным образом перекликаются с постоянными рассуждениями Савонаролы об общественном благе (*bene comune*), о том, что истинный гражданин должен предпочитать его собственному благу, личным интересам.

Если для Савонаролы непоколебимым ориентиром в жизни в целом, и политической, в частности, является Христос, то у Макьявелли такой опорой и своего рода противовесом превратностям судьбы должна стать протеистичность (определение М.Л. Андреева)¹⁰ государя, умение «отвечать особенностям времени»¹¹. Макьявелли подчеркивал, что важно не обладать какими-либо добродетелями, но «выглядеть обладающим ими»¹². В качестве примера Макьявелли приводит папу Александра VI – главную мишень инвектив Савонаролы и непосредственного виновника его гибели: «Александр VI всю жизнь изощрялся в обманах, но каждый раз находились люди, готовые ему верить. Во всем свете не было человека, который так бы клятвенно уверял, так убедительно обещал и так мало заботился об исполнении своих обещаний. Тем не менее обманы всегда удавались ему, как он желал, ибо он знал толк

⁹ Там же. С. 125.

¹⁰ *Андреев М.Л.* Никколо Макьявелли – История литературы Италии. М.: ИМЛИ РАН, 2010. Т.2, кн.2. С. 125.

¹¹ *Макьявелли*, 2004. С. 130.

¹² Там же. С. 108.

в этом деле»¹³. Говоря, по сути дела, об одних и тех же качествах папы Александра VI, Савонарола и Макьявелли дают им прямо противоположную оценку. Стоит отметить, что Макьявелли, считавший религию если не обманом, то чем-то весьма близким к нему, рассматривал ложь как неизбежный способ действий в религиозной сфере. Отсюда его ироническое отношение к Савонароле, «безоружному пророку», не сумевшему справиться с обстоятельствами.

Сопоставляя Савонаролу и Макьявелли, нельзя не остановиться на вопросе, касающемся отношения Макьявелли к Савонароле. Долгое время его рассматривали как однозначно отрицательное и насмешливое – исходя, главным образом, из антагоничности их жизненных позиций. Начиная с Де Санктиса и Кардуччи, в течение долгих десятилетий литературоведы и историки культуры повторяли слова о полном неприятии Макьявелли взглядов и деятельности доминиканского проповедника. Примером тому служат рассуждения Л. Руссо об антитетичности темпераментов этих двух личностей, одна из которых олицетворяет «чистую религию», другая – «чистую политику, науку, технику»¹⁴. Соответственным образом интерпретировались те места, где Макьявелли упоминает о Савонароле. Впервые о неоднозначном отношении Макьявелли к Савонароле, о «сочетании неодобрения и уважения» сказал Д. Вейнштейн¹⁵.

¹³ Там же. С. 107-108.

¹⁴ *Russo L. Machiavelli*. Bari, 1949 (3 ed.). P. 3-4.

¹⁵ *Weinstein D. Machiavelli and Savonarola – Studies on Machiavelli* / Ed. by Myron P. Gilmore. Firenze, 1972. P. 255-256.

В последние полтора десятилетия предпринимаются попытки по-новому взглянуть на этот вопрос. Итальянский исследователь М. Мартелли¹⁶ разработал «положительный» вариант его решения. Предложенный им анализ высказываний Макьявелли о Савонароле выглядит вполне убедительно. Известные слова из письма от 9 марта 1498 г. папскому послу Риччардо Бекки об умении Савонаролы «сообразовываться с обстоятельствами и приукрашивать свое вранье»¹⁷ в устах Макьявелли звучат как похвала, а не как порицание – доказывает исследователь. Известно, что флорентийский секретарь более всего ценил в государе умение приспособливаться к обстоятельствам; ложь, если она помогает делу и остается незамеченной, также рассматривалась как важное искусство. В качестве положительного примера приспособления к обстоятельствам Макьявелли приводит эпизод из последнего года жизни Савонаролы, когда тот, верно оценив враждебность новой Синьории, отказался от проповеди в церкви Санта Репарата, ретировался в свой монастырь и там обфрушился уже не на Папу, а на своих внутренних противников во Флоренции, угрожая горожанам неминуемыми бедами в случае прихода к власти тирана – именно это Макьявелли и называет украшенной ложью, весьма своевременной в той ситуации. Когда же положение изменилось, и Синьория выступила

¹⁶ *Martelli M. Machiavelli e Savonarola – Savonarola: democrazia, tirannide, profezia. Atti del terzo seminario (Pistoia, 23-24 maggio 1997) / A cura di G.C. Garfagnini. Pistoia, 1998. P. 67-90; Martelli M. Machiavelli e Savonarola: valutazione politica e valutazione religiosa – Girolamo Savonarola: l'uomo e il frate. Atti del Convegno storico internazionale (Todi, 11-14 ottobre 1998). Spoleto: Cisam, 1999. P. 121-160.*

¹⁷ *Макьявелли, 2004. С. 684.*

перед Папой в защиту Савонаролы, он вновь вернулся к прежнему образу действий. В письме к Ф. Гвиччардини от 17 мая 1521 г. Макьявелли упоминает о той же способности Савонаролы быть «*versuto*», переменчивым, изворотливым, ловким. И хотя все письмо написано в ироническо-шутливом тоне, эта оценка остается положительной, а не отрицательной. Элемент насмешки присутствует в описании действий доминиканского проповедника в поэме «Десятилетие» (первое), но и им Мартелли дает более мягкую интерпретацию, чем это принято.

Что касается собственно обвинений в адрес Савонаролы, то они сводятся к следующему: Савонарола не смог победить зависть («Рассуждения» III,30); не смог заставить верить себе в тот момент, когда ему перестали верить (ср. знаменитый образ «безоружного пророка», обреченного на поражение) («Государь», VI, 20-25); допустил нарушение им самим же инициированного закона, когда пятеро флорентийцев были казнены по обвинению в государственном преступлении, не получив разрешения обжаловать приговор; к тому же не осудил впоследствии случившегося. («Рассуждения» I,45).

Об очевидной неоднозначности отношения Макьявелли к Савонароле – со сдвигом в сторону «улучшения» – пишут и другие современные исследователи, например, И. Червелли¹⁸ и Дж. Кадони. Последний склонен видеть в обвинениях Макьявелли в адрес Савонаролы не только и не столько иронию, а, скорее, сожаление, что такой умный и

¹⁸ *Cervelli I. Savonarola, Machiavelli e il libro dell'Esodo – Savonarola: democrazia, tirannide, profezia. Atti del terzo seminario (Pistoia, 23-24 maggio 1997) / A cura di G.C. Garfagnini. Pistoia, 1998. P. 284-295.*

добродетельный человек проявил свой «властолюбивый и пристрастный нрав» (слова из «Рассуждений» I,45); горькое разочарование, что тот не воспользовался ситуацией и не стал тем, кем он бы мог стать¹⁹.

Подводя итоги, можно сказать, что несмотря на указание политических ошибок, допущенных Савонаролой, и на его общую чуждость, Макьявелли дает ему далеко не отрицательную оценку. Ср. такую характеристику: «Граждане Флоренции думают, что их нельзя отнести к числу невежественных или диких, тем не менее брат Джироламо Савонарола убедил их, что он беседовал с Богом. Я не стану обсуждать, правда то была или нет, потому что о таких людях должно говорить с уважением, скажу одно, что поверивших в это было бесконечное множество и для подкрепления веры ничего необыкновенного не потребовалось. Образ его жизни, учение и предмет, избранный им, обладали достаточной силой убеждения, чтобы они уверовали»²⁰. В тех же «Рассуждениях» Макьявелли отмечает, что сочинения Савонаролы «свидетельствуют о присущих ему учености, благоразумии и добродетели»²¹.

В заключение отметим, что Макьявелли, любивший свою «родину больше, чем собственную душу»²², как он пишет в одном из своих писем, не мог не оценить любви к Флоренции Савонаролы, мечтавшем о ее духовном и политическом возрождении, всеми доступными ему

¹⁹ *Cadoni G.* Qualche osservazione su Macchiavelli e Savonarola – <http://reocities.com/Athens/Academy/8537/macesav.htm>.

²⁰ Макиавелли, 2004. С. 172.

²¹ Там же. С. 172.

²² Там же. С. 713-714.

средствами пытавшемся приблизить время, когда она действительно станет «цветущим садом» – метафора, не раз используемая доминиканским проповедником. Тем более, что оба они одинаково оценивали бедственное положение Италии, дошедшей, по словам Макьявелли, весьма созвучным заявлениям Савонаролы, «до большего рабства, чем евреи; до большего унижения, чем персы; до большего разобщения, чем афиняне. Нет в ней ни главы, ни порядка; она разгромлена, разорена, истерзана, растоптана, повержена в прах»²³. Заключительные слова «Государя», выражающие надежду на будущее величие Италии, на торжество в ней доблести, перекликаются с пророчествами Савонаролы о будущей славе, духовном и материальном процветании Флоренции, которая станет во главе всеобщего обновления Италии²⁴.

Здесь приходит на память Данте, поместивший своего политического противника вождя гибеллинов Фаринату дельи Уберти в ад, но вложившего в его уста полные достоинства и законной гордости слова о его любви к Флоренции, которую он спас от разрушения после битвы при Монтаперти:

«Там был не только я, и в бой едва ли
Шел беспричинно хоть один боец.
Зато я был один, когда решали
Флоренцию стереть с лица земли;
Я спас ее, при поднятом забрале».
(Пер.М.Л. Лозинского)

²³ Там же. С. 132.

²⁴ Из отечественных работ, посвященных близкой тематике, можно упомянуть статью: *Ярославцев В.Г.* Джироламо Савонарола и Никколо Макиавелли (несостоявшийся диалог) // Максима Макиавелли. М., 2001. С. 76-88.

Циватый Вячеслав Григорьевич,
кандидат исторических наук,
Первый проректор Дипломатической академии
Украины при МИД Украины

**ДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ
НИККОЛО МАКИАВЕЛЛИ И ИНСТИТУТЫ
ЕВРОПЕЙСКОЙ ДИПЛОМАТИИ РАННЕГО НОВОГО
ВРЕМЕНИ (XVI-XVIII вв.)**

Одно из центральных мест в теории, истории и практике дипломатии как в раннее Новое время (XVI-XVIII вв.) так и в XXI веке занимают проблемы понимания сущности, функций и методов реализации государственной власти и моделей дипломатии.

В сфере внешних сношений дипломатия является средством реализации внешней политики. С этой проблематикой связаны оценочные суждения современников относительно различных государственно-правовых форм и типов правления, моделей дипломатии, институционализации политических процессов, объективной оценки реальности и создания идеалов при освещении задач и практической деятельности власти¹.

¹ См. подр.: *Pigman G.A. Contemporary Diplomacy.* – Washington, 2010; *Циватый В.Г. Проблема влади і владарі-державці у Західній Європі Середньовіччя та раннього Нового часу (політико-правові теорії та реальність) // Середньовічна Європа: погляд з кінця XX ст.* – Київ-Чернівці, 2000. – С. 57-62; *Livet G. L' équilibre européen de la fin du XV^e à la fin du XVIII^e siècle.* – P., 1976.

В древности «дипломатия» возникла как вербальная форма взаимодействия между сообществами людей. В отличие от риторики, которая отводила важнейшую роль ораторскому красноречию, т.е. акцент делался на форме и манере изложения текста, в «дипломатии» были важны обе стороны процесса: как способность говорить/излагать, так и способность слушать/воспринимать речь посланника другой стороны, т.е. акцент делался на информационном содержании текста. В этой связи чрезвычайно важным является понимание места и роли дипломатии в арсенале инструментов реализации внешней политики государства.

В современных условиях термин «дипломатия» применяется чаще всего в широком смысле, т.е. для обозначения модели взаимодействия государств в области международных (межгосударственных) отношений. Она характеризуется прежде всего отказом от насильственных мер в реализации национальных интересов и достижении внешнеполитических задач государств. Таким образом, дипломатия есть антипод другой модели взаимодействия суверенных государств – модели, которая базируется на применении насилия и принуждения.

Совсем другой была дипломатия раннего Нового времени (XVI-XVIII вв.), когда ещё не работали привычные нам институты, механизмы и технологии дипломатии. В этот период существовала особая модель межгосударственных отношений и институты дипломатии, теоретическое обоснование и разработка дипломатического инструментария для которых во многом принадлежит Никколо Макиавелли, который писал о власти в целом: «... удержать власть

поистине трудно, ... требуется и большая удача, и большое искусство»².

В этот период термин «дипломатия» использовался для обозначения средств и методов осуществления внешней политики государства. Дипломатия как «средство осуществления внешней политики» включала в себя совокупность невоенных практических мероприятий, приёмов и методов, применяемых с учётом конкретных условий и характера решаемых внешнеполитических задач межгосударственных отношений Средневековья и раннего Нового времени³.

Никколо Макиавелли (1469-1527) в своих работах и дипломатической практике понимал дипломатию в более узком толковании этого термина. Он использовал понятие дипломатии как функции, т.е. функциональной деятельности по осуществлению или управлению двусторонними или многосторонними отношениями и отождествлял дипломатию с техникой осуществления внешнеполитических задач, делая акцент на процессе реализации дипломатией своей функции: установлении формального контакта между государствами для ведения диалога, ведения переговоров, которые, например, в описании действий Чезаре Борджиа выглядят прикрытием его истинных намерений: «он заставлял вас

² Макиавелли Н. Государь / Пер. Г. Муравьёвой // Макиавелли Н. Государь: Сочинения. – М.: Изд-во ЭКСМО; Харьков: Изд-во «Фолио», 2007. – С. 55.

³ См. подр.: *Livet G. L' équilibre européen de la fin du XV^e à la fin du XVIII^e siècle.* – P., 1976.

/флорентинцев/ терять время на переговоры и никогда не хотел заключить с вами договор»⁴.

В 1498 году Макиавелли поступил на государственную службу и как посол погрузился в дела межгосударственные. В период с 1499 по 1512 годы он участвовал во множестве дипломатических миссий. Свою дипломатическую практику и дипломатическое мастерство оттачивал при дворах Людовика XII во Франции, Максимилиана I в Германии и при папском дворе в Риме⁵.

18 февраля 1498 года Никколо Макиавелли баллотировался на пост секретаря второй канцелярии республики и был побеждён кандидатом партии монаха-доминиканца Савонаролы. Но уже в апреле партия Савонаролы потерпела крах, а сам доминиканец 23 мая был казнён на площади Синьории. Через пять дней после этого события Н. Макиавелли, победив кандидата от Партии Медичи, был определён, а 18 июня утверждён секретарём второй канцелярии; 14 июля ему была также доверена канцелярия комиссии Десяти, ведавшая иностранными и военными делами. Никколо Макиавелли оправдал надежды, возлагавшиеся на него флорентийской Синьорией, и успешно справлялся со своими обязанностями. За четырнадцать лет он составил тысячи дипломатических писем, донесений,

⁴ *Макиавелли Н.* О том, как надлежит поступать с восставшими жителями Вальдикьяны / Пер. под ред. А. Дживелегова // *Макиавелли Н.* Государь: Сочинения. – С.12.

⁵ *Dumont J.* Corps universelle diplomatique du droit des gens. – Amsterdam, 1726. – Т. 3. – Pt. 2; *Flassan G.* Histoire général et raisonnée de la diplomatie française, ou de la politique de la France, depuis la fondation de la Monarchie, jusq'а à la fin du règne de Louis XVI. – Paris, 1811. – Т.1. – P. 458; *Encyclopedia of Public International Law [History].* – W., 1996.

правительственных распоряжений, военных приказов, проектов государственных законов; совершил тринадцать дипломатических и военно-дипломатических поездок с весьма сложными поручениями к различным итальянским государям и правительствам республик, к папе, императору и четырежды к французскому королю; как секретарь комиссии Десяти он был организатором и участником военных кампаний и инициатором создания республиканского ополчения⁶.

Нужно отметить, что Макиавелли не принадлежал к числу парадных послов, которых посылали в торжественных случаях, а был оратором-дипломатом, который, по его собственному выражению, «готовя пути Господу» и, не имея «средств и веса», добывается всего своими талантами и умом. Великий флорентиец не только выполнял официальные дипломатические поручения, но и внимательно оценивал обстановку и наблюдал за обычаями, традициями и поведением людей страны пребывания.

В 1512 году произошли драматические события, которые привели к гибели Флорентийскую республику и прервали активную и плодотворную политическую и дипломатическую деятельность Никколо Макиавелли. Макиавелли был обречён на вынужденное бездействие. Медичи ему не доверяли и в течение пятнадцати лет не допускали его к политической деятельности. В этот период Никколо Макиавелли занялся творчеством. В период ссылки (1513-1520) он написал «Государя», «Рассуждения о первой

⁶ См. подр.: Politics and Diplomacy in Early Modern Italy. The structure of diplomatic practice, 1450-1800. – New York: Cambridge University Press, 2000. – 256 p.

декаде Тита Ливия», «Рассуждения о способах упорядочения дел во Флоренции после смерти герцога Лоренцо», «Описание событий в городе Лукке», была начата «История Флоренции». Литературно-дипломатическая деятельность заменила ему деятельность политическую. Он уже до конца своей жизни не смог вернуться в систему управления Флорентийской республикой, но оставил своим современникам и потомкам многочисленные политические сочинения и труды по истории, теории и практике дипломатии и политике: «... история – наставница наших поступков...»⁷. 21 июня 1527 года Никколо Макиавелли скончался, а ещё через день его похоронили в церкви Санта-Кроче, ставшей флорентийским пантеоном.

Труды Макиавелли полны актуальных принципов, рекомендаций по поводу инструментов дипломатии⁸. Его теоретические и практические разработки не утратили своей актуальности и в XXI веке. Политики, дипломаты и учёные используют наследие Макиавелли в своей повседневной практике XXI века⁹.

Самоуверенность, смелость и гибкость сильного государя, политика, дипломата – вот от чего зависит, по мнению Никколо Макиавелли, успех, результативность и

⁷ *Макиавелли Н.* О том, как надлежит поступать с восставшими жителями Вальдикьяны / Пер. под ред. А. Дживелегова // *Макиавелли Н.* Государь: Сочинения. – С. 10.

⁸ См.: *Макиавелли Н.* Избранные сочинения. – М., 1982; *Макиавелли Н.* История Флоренции. – Л., 1987; *Макиавелли Н.* Государь. Искусство войны. – М., 2010; *Макиавелли Н.* Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия / Пер. Галина Муравьёва, Марк Юсим. – М., 2010.

⁹ См. подр.: *Pigman G.A.* Contemporary Diplomacy; *Юсим М.А.* Макиавелли. Мораль, политика, фортуна. – М., 2011. – 576 с.

эффективность проводимой им политики и реализации внешнеполитических задач государства. Это настоящее руководство по придворным и дипломатическим интригам, дипломатическим технологиям достижения успеха любой ценой и вседоступными средствами, например, вот что говорит Макиавелли о тиране Лукки Каструччо Кастракани: «Он пытался ... подкупить кое-кого из флорентийских дворян, чтобы ему ночью были открыты городские ворота...»; «если мог одержать победу хитростью, никогда не старался одержать её силою... славу даёт победа, а не способ, каким она далась»¹⁰.

В своём произведении «Государь» (1513), сделавшего его известным на века, Никколо Макиавелли анализирует и подробно описывает приёмы, методы и инструментарий дипломатии для управления государством, необходимые идеальному правителю. Макиавелли убеждён в том, что политика и дипломатия – это искусство, которое не зависит от морали и религии, когда речь идёт о средствах, а не о целях. Государь (Правитель) в идеальном образе Никколо Макиавелли всё время должен так или иначе удерживать в целостности функционально-властную универсальность посредством профессиональной компетентности, благодаря мудрости, умению вести переговоры, и делать взвешенные выводы из исторических сравнений. Государь должен научиться умению отступать от добра и справедливости и пользоваться этим в зависимости от многообразия факторов и жизненных обстоятельств: «... государь, если он хочет

¹⁰ Макиавелли Н. Жизнь Каструччо Кастракани из Лукки / Пер. под ред. А. Дживелегова // Макиавелли Н. Государь: Сочинения. – С. 37, 44.

сохранить власть, должен приобрести умение отступать от добра и пользоваться этим умением смотря по надобности»¹¹.

Важную роль Никколо Макиавелли придавал переговорному процессу. Искусство ведения переговоров в период раннего Нового времени (XVI-XVIII вв.) было главным инструментом межгосударственных отношений. А зачастую в этот период дипломатия попросту идентифицировалась с самим искусством ведения переговоров, т.е. искусным применением совокупности тактических методов и приёмов, а также знаний предмета переговоров, ориентированным на достижение конкретных целей (порою даже любой ценой), являющихся звеньями реализации стратегии (в данном случае – целей внешней политики государств раннего Нового времени)¹².

Никколо Макиавелли как теоретик и дипломат-практик своего времени отчётливо осознавал и умело анализировал процессы, происходящие в Западной Европе. Его поучения, рекомендации и практические действия в дипломатической сфере оказывали влияние на ход европейской политики на рубеже Средневековья и раннего Нового времени и заложили фундамент дальнейшей политико-дипломатической деятельности на протяжении последующих веков. Никколо Макиавелли отмечает, что наиболее ценным и дорогим для него являются его жизненные, политические и дипломатические умения и знания: «... приобретённые мною многолетним опытом в

¹¹ *Макиавелли Н. Государь // Макиавелли Н. Государь: Сочинения. – С. 92.*

¹² См.: *Кальер Ф. де. О способах ведения переговоров с государями: Перевод первого французского издания 1716 г. – М, 2000. – 208 с.*

делах настоящих и непрерывным изучением дел минувших»¹³.

В его работах мы можем проследить зачатки институтов дипломатии и классификации инструментов внешней политики государства: мирные инструменты внешней политики (многосторонние и односторонние) и силовые инструменты внешней политики. В своих трудах он описывает плюрилатеральные (многосторонние) контакты: прямые переговоры; медиацию (посредничество); переговорный процесс. Также он говорит о личной дипломатии (либо дипломатии односторонних контактов); шпионаже, пропаганде, экономической и политической интервенции и т.д.

Шпионаж, так часто практикуемый в эпоху Никколо Макиавелли, следует, несмотря на его природу, т.е. нелегальный характер деятельности агентов секретной службы одной страны, тем не менее, отнести к числу мирных инструментов внешней политики. Таким способом действовал тот же Каструччо, своего рода «образцовый государь»: «он не упускал случая увеличить свои владения не прибегая к открытой войне»¹⁴. Силовые инструменты внешней политики у Никколо Макиавелли обретают различные формы и методы – от угрозы, от сдерживания до военного давления, до войны: «... надлежало расстроить сложившийся порядок и посеять смуту среди государств, дабы беспрепятственно овладеть некоторыми из них»¹⁵.

¹³ Макиавелли Н. Государь // Макиавелли Н. Государь: Сочинения. – С. 51.

¹⁴ Макиавелли Н. Жизнь Каструччо Кастракани из Лукки // Макиавелли Н. Государь: Сочинения. – С. 33.

¹⁵ Макиавелли Н. Государь // Макиавелли Н. Государь: Сочинения. – С. 58.

Экономическая война также уже начинает пониматься современниками как силовой инструмент внешней политики государства.

Политико-дипломатические взгляды Никколо Макиавелли нашли своё воплощение, в частности, в труде «История Флоренции»¹⁶. В этом произведении он провозглашает и обосновывает мысль о том, что между проявлениями внутренней и внешней политики, между состоянием государства, его дипломатией и войнами существует непосредственная взаимосвязь, что война – это момент политической жизни, продолжение в других формах определённой политики. Эта мысль, которая сегодня звучит довольно тривиально, в XVI веке была абсолютно новаторской.

Дипломатия – и её институты – лишь один (хотя и наиболее типичный) мирный инструмент внешней политики государства. В свою очередь война является наиболее типичным силовым инструментом внешней политики: «...война есть единственная обязанность, которую правитель не может возложить на другого. Военное искусство наделено такой силой, что позволяет не только удержать власть тому, кто рождён государем, но и достичь власти тому, кто родился простым смертным»¹⁷. Институционализация дипломатической деятельности западноевропейских государств раннего Нового времени проходила этап своего

¹⁶ См.: *Макиавелли Н. История Флоренции* / Пер. Н. Рыковой. – М.: Наука, 1987. – 442с.

¹⁷ *Макиавелли Н. Государь // Макиавелли Н. Государь: Сочинения.* – С. 89-90.

становления с учётом военного фактора (от Итальянских войн и Тридцатилетней войны до войн Наполеоновских)¹⁸.

Дипломатия – это постоянно действующий институт профессиональных посредников (переговорщиков), дипломатов, создаваемый в каждом государстве с определёнными целями. К таким целям во все исторические эпохи относятся: установление и поддержание постоянных контактов между государствами; информирование и разъяснение официальной позиции своего правителя (государя) в стране пребывания; подготовка и ведение переговоров от имени и по поручению своего государства, с целью гармонизации интересов сторон и достижения соглашения; оказание некоторых публичных услуг гражданам своей страны, оказавшихся, по разным причинам, за её пределами и т.д.

Приёмы и методы дипломатии раннего Нового времени (XVI-XVIII вв.) – это весьма сложный дипломатический инструментарий, который нацелен на выполнение внешнеполитических задач государства и формирование его институтов дипломатии. Достижение целей дипломатической деятельности на практике, однако, зачастую сопряжено со значительными трудностями (яркие примеры чему мы находим в описаниях Никколо

¹⁸ См.: *Циватий В.Г.* Європейська зовнішня політика доби раннього Нового і Нового часу: проблеми інституціоналізації (теоретико-методологічний аспект) // Науковий вісник Дипломатичної академії України. – К., 2000. – Вип. 4. – С. 268-274; *Livet G.* L' équilibre européen de la fin du XV^e à la fin du XVIII^e siècle; *Ивонин Ю.Е.* У истоков европейской дипломатии нового времени. – Минск, 1984.

Макиавелли), и ее результаты могут не совпадать с ожиданиями и чаяниями.

В конце XV века Европа вступает в новый период межгосударственных отношений. Эти тенденции и новые правила дипломатической игры нашли чёткое отражение в событиях и перипетиях Итальянских войн (1494-1559)¹⁹. В новых политических условиях формируются и новые взгляды на внешнюю политику и дипломатию, её инструментарий, что о р зило ъ и в трудах о государстве и его внешней политике Никколо Макиавелли.

Его политический реализм и новые идеи вполне разделяли выдающиеся деятели и политики Средневековья и раннего Нового времени. События Итальянских войн стали своеобразной экспериментальной площадкой, на которой происходила апробация всех форм и методов дипломатии раннего Нового времени, представители которой проводили прелиминарные переговоры и готовили проекты будущих соглашений, постигали посольский церемониал и дипломатический протокол, систему дипломатических стереотипов, изучали «...какими средствами нападения и защиты располагает любое из государств...»²⁰.

Уже в конце XV – начале XVI веков в Западной Европе осуществляется быстрый переход к современной системе организации посольской службы – постоянным дипломатическим представительствам, были заложены основы институционализации внешней политики каждого

¹⁹ См. подр.: *Циватый В.Г.* Франко-испанские отношения конца XV – начала XVI века. Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. – Запорожье, 1995.

²⁰ *Макиавелли Н.* Государь // *Макиавелли Н.* Государь: Сочинения. – С. 82.

отдельного государства и европейской внешней политики в целом²¹.

Современник Итальянских войн (1494-1559) Никколо Макиавелли в своей переписке обсуждает многочисленные случаи из собственной дипломатической деятельности, когда степень заинтересованности государств в том или ином варианте решения проблем развития может варьироваться в зависимости от военного потенциала и уровня экономического развития государств-участников переговоров или военных действий, их роли и места в системе международных отношений на рубеже Средневековья и раннего Нового времени, внутренней и внешнеполитической ситуации²² и т.д.

Это осложняет выработку консенсуса и может привести к ассиметричному, неравному разрешению проблемы, т.е. к неравному распределению выгод и издержек (например, Като-Камбрезийский мирный договор 1559 года).

Дальнейшая история форм и методов дипломатии и институтов дипломатии XVI-XVIII веков, дипломатии XIX века полна примеров создания разного рода альянсов, блоков и союзов государств, противостоящих друг другу. В

²¹ См. подр.: Двор монарха в средневековой Европе: явления, модель, среда / Под ред. Н.А. Хачатурян. – М.-СПб., 2001. – Вып.1; *Ивонин Ю.Е.* Международные отношения в Западной и Центральной Европе XVI в. – Смоленск, 2001; Королевский двор в политической культуре средневековой Европы: Теория. Символика. Церемониал / Отв. ред. Н.А. Хачатурян. – М., 2004; *Lecoq J.* L'Idéal et la Différence: La perception de la personnalité littraire la Renaissance. – Genève, 1993; *Viroli M.* Machiavelli. – Roma, 1998.

²² См. подр.: *Namer E.* Machiavel. – P., 1961; *Юсим М.А.* Этика Макиавелли. – М., 1990.

подобной ситуации основной заботой дипломатии является сохранение существующего баланса сил. Века шли вперёд, но теоретическое и практическое наследие Никколо Макиавелли оставило свой след в истории межгосударственных отношений, как и его дипломатический инструментарий.

Дипломатический инструментарий – это совокупность средств и способов, применяемых для достижения или осуществления поставленных целей. С точки зрения Никколо Макиавелли такой инструментарий должен быть всегда гибким и прагматичным: «Надо уподобиться опытным стрелкам, которые, если видят, что мишень слишком удалена, берут гораздо выше, но не для того, чтобы стрела ушла вверх, а для того, чтобы зная силу лука, с помощью высокого прицела попасть в отдалённую цель»²³.

Идеи и правила Никколо Макиавелли стали привычным элементом современности, и зачастую те кто их использует, не догадываются, кто был их истинным автором. Национальный эгоизм, этноцентризм и другие формы политического эгоизма также не исчезли с политической арены и часто проявляются в ходе переговоров по выработке коллегиальных соглашений, нацеленных на защиту интересов государств²⁴.

Многие дипломатические постулаты Никколо Макиавелли воспринимаются сегодня как сами собой

²³ Макиавелли Н. Государь // Макиавелли Н. Государь: Сочинения. – С. 64.

²⁴ См. подр.: Pigman G.A. Contemporary Diplomacy; Lecoq J. L'Idéal et la Différence: La perception de la personnalité littéraire la Renaissance; Циватий В.Г. Європейська зовнішня політика доби раннього Нового і Нового часу. С. 268-274.

разумеющиеся, нашедшие своё воплощение и в дипломатической практике XX - начала XXI веков.

Мы приходим к выводу, что на сегодняшний день накоплен достаточно богатый, но пока довольно трудно сопоставимый эмпирический материал, в частности, в области дипломатической истории как Средневековья и раннего Нового времени, так и дипломатической истории XXI века. При этом следует отметить, что политические сочинения Никколо Макиавелли, написанные более пяти веков назад, наш современник прочтёт их сегодня уже по-своему, с учетом происшедших перемен.

Нам представляется, что для такого сопоставления целесообразной была бы разработка перечня компонентов единого дипломатического инструментария для всех исторических периодов, объединяющего в себе все перечисленные виды дипломатической деятельности.

Это помогло бы изучению истории дипломатии от эпохи раннего Нового времени (XVI-XVIII вв.) до современной дипломатии XXI века. В частности, в связи с этой проблематикой ранее мы уже говорили о внешнеполитическом компоненте дипломатии, о дипломатии как ценности, о морально-этической норме в дипломатии, потребностях личности, дипломатической мотивации, институтах и моделях дипломатии и т.д.

**Макиавеллизм
и антимаккиавеллизм
Контрреформации
(XVI в.)**

Enzo Baldini
Università degli studi di Torino, Italia

**MACHIAVELLI CONTRO I TURCHI.
MACHIAVELLISMO E ANTIMACHIAVELLISMO A
ROMA NEL DIBATTITO SULLA MINACCIA TURCA DI
FINE CINQUECENTO.
(Il testo della relazione)**

Anzitutto un sincero ringraziamento a tutti coloro che hanno reso possibile questo importante convegno che ci sta deliziando con relazioni di notevole interesse, in particolar modo al suo organizzatore principe, il caro Amico e Collega Mark Youssim, e all'autorevole Istituzione che ci ospita.

Come già il titolo lo evidenzia in tutta chiarezza, il mio intervento non è su come Machiavelli ha affrontato il problema turco nelle sue opere, ma dell'uso più o meno nascosto delle teorie del fiorentino nel dibattito romano sui Turchi di fine Cinquecento. Ma le considerazioni di Machiavelli sui Turchi sono già state fatto oggetto di studi rigorosi e puntuali; e mi fa piacere ricordare tra i presenti a questo convegno il contributo di Giorgio Scichilone. In ogni caso, né poteva essere altrimenti, Machiavelli ha utilizzato quasi sempre le peculiarità del "regno Turco" e del potere del sultano con il suo solito realismo, servendosene come *exempla* e come mezzo per rafforzare le proprie posizioni teoriche. Valga per tutti il riferimento al "Turco" che ha reso sicuro il suo dominio sulla Grecia e sull'Impero d'oriente perché dopo averlo conquistato vi si è subito insediato ("vi è andato ad abitare"),

evitando così uno degli errori esiziali che hanno fatto perdere il ducato di Milano al re di Francia Luigi XII.

Del resto, la minaccia turca, specie dopo la caduta di Costantinopoli, è stata di volta in volta rappresentata e usata in maniera strumentale: come un duro colpo inferto da Dio alla cristianità e ai principi cristiani lacerati dalle continue guerre intestine, come conseguente invito alla pace per poter rivolgere le armi contro il solo vero nemico che veniva dall'oriente, ma anche come attestazione emblematica dei pericoli che in piena Controriforma poteva arrecare l'eliminazione dell'onore aristocratico e del suo ruolo specifico della nobiltà nei nascenti Stati nazionali; oppure, nel dibattito secentesco sul repubblicanesimo, come esempio di barbarie orientale a fronte della libertà occidentale, e ancora come puro governo dispotico basato sulla paura, quindi da cancellare senza remissione, almeno tra i modelli e i sistemi politici occidentali ormai pienamente orientati verso forme di parlamentarismo e di costituzionalismo. Ma con questo siamo già nel Settecento inoltrato, vale a dire molto lontano dal periodo sul quale voglio qui soffermarmi.

Nella fitta trattatistica politica della seconda metà del Cinquecento, quella generata in particolar modo dalle guerre di religione francesi, i Turchi sono però anche usati come una sorta di prezioso laboratorio politico all'interno del quale sezionare e criticare istituzioni politiche, ordini militari e pratiche di governo dei nascenti stati nazionali. Un laboratorio molto utile proprio perché non rischioso; in grado cioè di sfuggire a censure e tribunali inquisitoriali proprio perché, almeno in apparenza prendeva in esame il sistema militare, politico e amministrativo turco, che, ovviamente, poteva, anzi, doveva essere condannato senza appello; in realtà buona parte di questi testi politici erano

scritti per riflettere in maniera traslata (a volte neanche particolarmente camuffata) sull'inadeguatezza e sugli errori insiti negli Stati cristiani, sull'inevitabile crollo dell'ordine politico che tali errori avrebbero potuto generare e, soprattutto, sulle possibilità di emendarli.

In tutto questo si inseriva in maniera prepotente Machiavelli, apertamente additato come vero "maestro" delle iniquità dei Turchi, ma che di fatto ricompariva sotto ben altra veste nelle riflessioni sul sistema militare e politico turco. La potenza turca era infatti usata in alcune di queste opere non solo come una sorta di banco di prova sul quale verificare la bontà e la funzionalità le "pestifere" dottrine del fiorentino, ma addirittura come strumento per riproporle in maniera sfrontata e temeraria, proprio perché lo schermo dietro il quale tale operazione era celata rendeva pressoché nulli i pericoli di incappare negli strali dell'inflessibile e potente Inquisizione romana. Anzi, il tutto poteva aver luogo, come nel caso di Francesco Patrizi da Cherso, senza ricorrere ai paludamenti che hanno caratterizzato una parte significativa della letteratura italiana sulla Ragion di Stato.

Proprio di questo voglio parlare, cercando di spiegare, o almeno di far intuire, la complessità di questo fenomeno e le notevoli difficoltà che si incontrano quando si vuole ripercorrerlo nelle sue articolazioni poliedriche e apparentemente contraddittorie, e non mi riferisco solo all'ormai ampiamente ribadito machiavellismo italiano dell'età della Controriforma, ben nascosto sotto forme di antimachiavellismo.

Un riferimento al "machiavelliano" Giovio diventa a questo punto indispensabile; un riferimento, va da sé, al Giovio dei *Commentari delle cose dei Turchi* del 1532, che ebbero vasta eco e fortuna.

Ben noto è il realismo che caratterizza quest'opera, nella quale i Turchi vengono più volte elogiati e non solo per la loro formidabile macchina militare, ma per il valore politico delle scelte operate da sultani come Selim I, prudente e capace nell'usare "la sua crudeltà", oltre che "rarissimo uomo nell'arte militare e nel reggimento de' popoli". Ma gli elogi erano rivolti addirittura anche a Maometto II (pur con ovvie riserve) e in particolare a Solimano il Magnifico, "legittimo successore di Costantino Imperatore", privo di molti vizi dei suoi predecessori e "sopra tutto religioso et liberale".

Alcune di queste frasi avranno di certo riportato alla nostra mente espressioni di Machiavelli, e mi riferisco non solo alle "crudeltà bene usate" di Selim I. In realtà, sappiamo che Giovio aveva familiarità con personaggi e ambienti fiorentini frequentati da Machiavelli e che conosceva molto bene le opere di questi, in particolare l'*Arte della guerra*. Giovio è senza ombra di dubbio "machiavelliano" sia nel suo impianto teorico, sia nelle sue analisi storiche. Ne consegue che la fortuna dei suoi *Commentari* nel dibattito politico italiano di fine Cinquecento sembra giustificare il fatto che gli accenti machiavelliani nelle considerazioni sul turco non fossero desunti direttamente da Machiavelli, ma mediati attraverso l'opera di Giovio che li conteneva in maniera decisamente consistente.

Non è così, o meglio, non è sempre così. Ci sono altri autori che attingono a piene mani a Machiavelli nelle loro opere sui Turchi e il primo fra tutti è René de Lucinge, che peraltro conosceva molto bene anche le opere di Giovio, da lui additato come uno dei due storici italiani che non hanno uguali nel mondo (l'altro è Francesco Guicciardini).

L'opera di Lucinge alla quale faccio riferimento è *De la naissance, durée et chute des estats* pubblicata a Parigi nel 1588; un'opera che godette anche di un consistente successo tra i contemporanei come attestano sia le coeve traduzioni in italiano, latino e inglese, sia il suo parziale inserimento nel *Tesoro politico*, sia il fatto che Montaigne l'abbia abbondantemente utilizzata nelle integrazioni apportate ai suoi *Essais*.

La traduzione italiana uscì a Ferrara nel 1590, vale a dire un anno dopo la pubblicazione della *Ragion di Stato* di Botero, il quale nel 1585 aveva stabilito a Parigi stretti contatti umani e culturali con Lucinge, assorbendo peraltro dal realismo politico di questi un'impronta decisiva per la sua successiva produzione politica. Il titolo *Histoire de l'origine, progresz et declin de l'Empire des Turcs* col quale la *Naissance* fu ristampata a Parigi nel 1614 coglie con maggiore puntualità il contenuto e le caratteristiche dell'opera: un titolo però che, almeno inizialmente, non ebbe il consenso di Lucinge, visto fu scelto dall'autore di un plagio da lui scoperto proprio mentre l'opera stava per essere pubblicata. Una ulteriore e chiara conferma del fatto che egli intendeva far circolare sotto un titolo decisamente più asettico, ma proprio per questo più funzionale e incisivo, un'opera che, pur trattando dell'impero turco, conteneva in realtà una serie di analisi che dovevano servire anzitutto per i sovrani cristiani e per il consolidamento dei loro Stati.

Lucinge proclamava la sua ammirazione per la rapidità e la determinazione con cui i Turchi avevano conquistato, accresciuto e consolidato il loro impero, e lo faceva con realistiche valutazioni politiche che non tenevano troppo conto dei principi morali. I Turchi diventavano così una sorta di modello di virtù e prudenza pratica, che naturalmente non doveva essere imitato alla lettera, ma

che, in ogni caso, costituiva un utile punto di riferimento per i principi cristiani. E non era soltanto la loro tecnica militare ad imporsi con tutte le sue valenze positive; anche i modi e i metodi, più o meno violenti, con cui avevano saputo tener compatto e ben ordinato l'impero venivano lucidamente esaminati con scientifico rigore e riportati a più generali linee teoriche: prima fra tutti la religione, indispensabile strumento di governo, “della quale i principi devono necessariamente servirsi per conservare i loro popoli nell'obbedienza e adorazione di un solo dio, sia esso vero o falso”.

Ovviamente, Lucinge (che pure non si salvava da affermazioni retoriche e da luoghi comuni, specie nell'ultima parte della sua opera) attaccava con veemenza l'empietà di Machiavelli, né tralasciava di criticare le sue concezioni militari; questo non gli impediva di seguirne le orme, di riprendere numerose sue affermazioni (naturalmente senza citare la fonte), e persino di tradurre brani dai suoi scritti. Esattamente come faranno alcuni pensatori italiani della Ragion di Stato e come faranno a Roma addirittura stretti collaboratori di papi.

L'influsso dell'opera di Lucinge nella Roma di fine Cinquecento fu tutt'altro che marginale, in particolar modo nei primi anni del pontificato di Clemente VIII, quando nel 1593 ebbe inizio la “lunga guerra” turca che continuò sino al 1606, con alterne vicende e persino con violenti scontri anche tra imperatore e principi cristiani per il predominio territoriale dei territori danubiani dell'Europa orientale.

Il terrore suscitato dalla nuova avanzata turca, peraltro abilmente alimentato, era particolarmente tangibile nella capitale della cristianità, né poteva essere altrimenti. Proprio a partire dal 1593 furono stampati a Roma (ma in misura minore anche a

Baldini E. Machiavelli contro i Turchi

Venezia, Ferrara, Bologna e Firenze) numerosissimi testi, molti dei quali in forma di “avvisi”, relazioni, lettere, ragguagli, volti a informare sugli esiti degli scontri, ma anche a orientare la Curia romana e i potentati europei, presso i quali rimbalzavano inevitabilmente attraverso i loro ambasciatori. Ancor più numerosi furono i testi manoscritti che ebbero parimenti una circolazione notevole e in taluni casi ancora più mirata. Penso a scritti di autori considerati oggi impropriamente minori, come quelli di Girolamo Frachetta, Giovan Battista Crispo, Fabio Albergati, Scipione Ammirato e molti altri, che agivano sulla base di obiettivi ben precisi e pienamente in linea con la politica di principi e sovrani italiani ed europei dei quali erano servitori.

Tuttavia, nella Roma di Clemente VIII il problema della guerra contro i Turchi si mescolò ben presto con numerosi altri problemi politici, culturali e religiosi. Primo fra tutti quello della conclusione delle guerre di religione francesi e della ribenedizione dell’“eretico” Enrico di Navarra come re cristianissimo di Francia: un problema enorme che agitava potentati europei, così come fazioni di cardinali e di prelati. C’era poi lo scontro violento sulla pubblicazione del nuovo Indice dei libri proibiti, uno scontro tutto interno alle componenti della Chiesa romana e in particolare tra la potente Congregazione dell’Inquisizione e quella dell’Indice; e infine il forte attacco portato all’aristotelismo dominante, al tomismo e per taluni aspetti ai dettami tridentini nel nome di un platonismo che con Platone aveva ben poco a che vedere.

Né va dimenticata l’esigenza espressa da più parti di dare vita a una teoria politica pienamente cattolica, da contrapporre non solo all’ormai innominabile eppure sempre presente Machiavelli, ma soprattutto ai suoi degni allievi francesi tra i quali sveltava Bodin, sempre più identificato e sovrapposto (suo

malgrado) con il “sulfureo” Segretario fiorentino. Né è casuale il fatto che nel 1588 uscì a Genova la traduzione italiana della *République* di Bodin e che pochi mesi più tardi, nel 1589, Giovanni Botero rispose con la sua *Ragion di Stato*, che segnò l'avvio alla fitta trattatistica che riprende il titolo dell'opera.

Ovviamente, l'elenco dei gravi conflitti che agitavano allora Roma e la cristianità era decisamente ben più ampio, come ho già avuto modo di precisare in altra sede, ma furono soprattutto quelli qui indicati ad avere una stretta connessione con quella parte del dibattito politico romano sui Turchi fortemente radicato sulle dottrine di Machiavelli.

In una Roma agitata da tante minacce e da contrapposizioni feroci, nel giugno del 1594 l'autorevole e potente monsignor Minuccio Minucci pronunciava una relazione sulla neutralità che si chiudeva con considerazioni sulla spedizione di Carlo V ad Algeri contro i Turchi; e lo faceva in un'ambiziosa accademia romana, che si riuniva proprio nel palazzo del Papa. Apparentemente nulla di straordinariamente insolito, visto che proprio in quei mesi il tema della guerra contro l'impero ottomano era al centro dell'attenzione di tutta la Curia pontificia così come del composito ambiente che brulicava intorno ad essa. In realtà, il problema era costituito dalla neonata Accademia dove la relazione fu tenuta e soprattutto dalla sua conclusione, che conteneva critiche molto severe e scoperte contro Carlo V.

Secondo l'ambasciatore a Roma dell'imperatore Rodolfo II e ancor più secondo il gruppo di cardinali, prelati, cortigiani e uomini di cultura di parte imperiale, questo era intollerabile, tanto da chiedere subito la rimozione di Minucci dalla carica che ricopriva in Curia. Né era cosa da poco, dal momento che si trattava di una carica molto importante: Minucci, era infatti

Baldini E. Machiavelli contro i Turchi

Segretario di Stato della Curia romana per il mondo tedesco e per quello slavo, cioè proprio per i territori dove infuriava la guerra contro i Turchi. E questo dal quando nel 1591, Gregorio XIV divise la Segreteria di Stato in tre sezioni, affidandone una proprio a Minucci, che aveva ormai una lunga consuetudine col mondo tedesco e danubiano, dei quali aveva una conoscenza approfondita, congiunta con una raffinata competenza diplomatica. Del resto, era anche segretario della Congregazione germanica, ma era anche informatore del duca di Ferrara Alfonso II, stretto collaboratore dell'ambizioso cardinal nipote Cinzio Aldobrandini, capo riconosciuto (insieme con Monsignor Goffredo Lomellini) della dinamica fazione romana favorevole alla ribenedizione di Enrico IV come re di Francia e quindi ostile alla politica spagnola, ma soprattutto era molto legato al duca di Baviera, del quale era agente a Roma: ricopriva cioè importanti cariche istituzionali nella Curia romana, dove però agiva (in trasparente conflitto di interessi, diremmo oggi) anche come rappresentante di un autorevole principe tedesco, peraltro feroce avversario dell'Imperatore.

La reazione di quest'ultimo era quindi scontata, ma fu insolitamente molto dura, anche per lo scontro che si stava consumando nei territori danubiani e che lo vedeva impegnato in prima persona: contro Minucci fu ordita a Roma una campagna diffamatoria con attacchi personali di tale violenza che lo stesso pontefice (e con lui Cinzio Aldobrandini) si trovò costretto a prendere le sue difese, senza però riuscire a rimuovere il veto imperiale contro la sua nomina cardinalizia che era quasi data per scontata. Del resto, Minucci godeva dell'appoggio di papa Clemente VIII, del quale aveva influenzato e continuava a influenzare in maniera decisiva le scelte operate nei confronti

della Germania e dell'Europa orientale, quindi nella guerra contro i Turchi.

Cosa aveva detto Minucci di tanta gravità? E soprattutto cosa aveva l'Accademia nella quale pronunciò la sua relazione di così scandaloso al punto che da corti autorevoli se ne chiese l'immediata chiusura?

L'Accademia era la prima (e sarà anche l'ultima) nata per affrontare e dibattere questioni strettamente politiche (negli avvisi e nei dispacci degli ambasciatori che se ne occuparono subito con estrema attenzione) viene indicata come "Accademia di cose politiche" o anche di "Notti vaticane", visto che si riuniva negli appartamenti del cardinal Cinzio Aldobrandini di sera, tutte le settimane di lunedì, dopo una cena offerta dal cardinale, che ne era ovviamente l'animatore. Minucci tenne la terza lezione, l'unica che ci è giunta fortunatamente in forma manoscritta, ma non trattò della neutralità in termini accademici (cioè retorici sulla base delle Accademie romane del tempo), lo fece con puntuali riferimenti a situazioni e sovrani del presente o di un passato ancora vivo e lacerante; e in tema di neutralità le scelte dei principi e degli Stati cristiani nei confronti del Turco balzava in prima linea ed erano quelle immediatamente affrontate. Imprudenza estrema, visto il realismo e i toni tipicamente machiavelliani del suo intervento: cosa peraltro molto singolare visto che solo qualche anno prima, nel 1588, vale a dire proprio nell'anno della pubblicazione in italiano della *République* di Bodin, muoveva feroci critiche al pensatore francese (e quindi anche a Machiavelli di questi maestro) e lo faceva non a caso in una lettera ad Antonio Possevino, che gli aveva mandato in lettura il proprio *Iudicium* contro Bodin e Machiavelli (tra gli altri) per averne un giudizio prima di stamparlo.

Baldini E. Machiavelli contro i Turchi

Ecco allora che uno degli esponenti di un gruppo compatto che organizzò un feroce e sistematico attacco a Machiavelli e Bodin (un binomio solo in apparenza perché il vero oggetto delle critiche era il Segretario fiorentino) sul finire degli anni '80 del Cinquecento, non appena si trovava ad affrontare il problema della guerra contro il Turco si serviva a piene mani di Machiavelli, peraltro con riferimenti scoperti, con espressioni machiavelliane e con scoperto riferimento alla “giustizia di Trasmaco” (pure condannata), “la quale si regolava tutta dall'utile della repubblica et secondo quella che hoggi si chiama ragione di Stato, la quale non sempre s'accorda con la ragione del Cielo”. Certo, Minucci ribadiva con enfasi che la giustizia divina doveva essere la sola a guidare le scelte dei potenti; tuttavia, se queste saranno prese contro tale giustizia dovranno attendersi il duro “giudizio di Dio” e “l'esecuzione della sua sentenza”. Ed era appunto quanto era accaduto a Carlo V, che non andò in soccorso “al re Ferdinando suo fratello” nonostante le istanze dei ministri e del papa, lasciò “l'Ungheria in pericolo, onde divenne manifesta preda de barbari, se n'andò con l'armata all'impresa d'Algeri”. E “tutti sanno qual fu allora il giuditio di Dio qual fu l'essecutione della sentenza”, vale a dire la disfatta della spedizione imperiale.

Realismo estremo, ma anche condanna molto dura che non poteva certo restare senza conseguenze, che si abatterono anche contro un'Accademia che non poteva permettersi di dibattere questioni politiche.

Ma non basta. Come precisa ripetutamente lo stesso Minucci, il primo a prendere la parola fu Francesco Patrizi da Cherso, con una dotta prolusione sul Turco e su come lo si doveva fronteggiare, un tema ricorrente in maniera quasi ossessiva nei pensieri e negli scritti del filosofo in quel periodo, visto che aveva

già in stampa il primo dei due volumi dell'opera *Paralleli militari* (Roma, 1594-1595), nel quale trattava quasi esclusivamente del Turco, delle valore e della potenza delle sue armate, ma soprattutto lo faceva con ricorrenti frasi di Machiavelli, del quale, in maniera quasi irridente, riprendeva titoli di suoi scritti come ben ci ha ricordato Cesare Vasoli. Ma, quel che più conta, col suo intervento Patrizi inaugurò l'Accademia il 30 maggio 1594, vale a dire quattro giorni prima della data fissata per la sua decisiva apparizione davanti alla Congregazione dell'Indice, per presentare la versione emendata della sua *Nova de universis philosophia* e le sue *Declarationes* a difesa. Il 6 giugno parlerà il dotto letterato Antonio Querenghi, il 13 giugno Minucci, seguito da dal parimenti influente monsignor Goffredo Lomellini, che affronterà il 20 giugno lo spinoso tema della ragion di Stato e che non esiterà ad attaccare duramente Botero.

Anche se non abbiamo i testi delle altre relazioni, sappiamo dagli avvisi e dai dispacci che circolarono, che Machiavelli e il Turco erano costantemente uniti in una simbiosi che si estendeva immediatamente alla Ragion di Stato: a quella “machiavelliana”, ovviamente. Ce lo conferma la rielaborazione che Lomellini, anche per la dura reazione del Granduca di Toscana, uno dei suoi protettori, iniziò a trasformare la sua relazione in un trattato non ultimato, ma pervenutoci. Apparentemente Lomellini costruiva le proprie argomentazioni in una prospettiva formalmente aristotelica, mentre di fatto si serviva ripetutamente per tale scopo di dottrine platoniche; anzi, si serviva di Platone per bilanciare la sistematica giustificazione della validità degli insegnamenti di Machiavelli, che Lomellini difendeva con determinazione, pur se con qualche inevitabile censura dettata dalla cautela.

Certo, Machiavelli aveva errato in fatto di religione, ma non nelle sue considerazioni politiche. Lomellini era del resto esplicito: Machiavelli non intendeva in alcun modo insegnare la falsa Ragion di Stato che gli era attribuita; al contrario egli insegna “a fugir il male e loda et antepone sempre il bene, preferisce assolutamente il governo de' principi buoni a quello de' tristi”.

Proprio come Minucci, Lomellini ricopriva più ruoli: era ascoltato e potente chierico di Camera del papa, ma era anche ambasciatore della Repubblica di Genova (che era pienamente nell'orbita spagnola), assiduo informatore del granduca di Toscana, molto vicino invece a Enrico di Navarra (il futuro Enrico IV re di Francia), oltre che agente romano del marchese di Pisani che giocava un ruolo molto delicato tra i nobili francesi vicini al nuovo sovrano francese. Inoltre, era, insieme con Minucci il capo riconosciuto dei fautori di Enrico di Navarra nella Curia romana.

Oltre che con Machiavelli e col platonismo, il problema turco dei primi anni della “lunga guerra” si trovava ad intrecciarsi con la questione francese. Del resto Enrico di Navarra era entrato in Parigi il 22 marzo del 1594, pochi mesi prima che prendesse l'avvio l'Accademia di cose politiche di Cinzio Aldobrandini che peraltro avrebbe cessato di esistere a inizio luglio, subissata dalle polemiche generate dai problemi che stavano deflagrando a Roma come sulle sponde del Danubio.

Non a caso, il filosofo ferrarese Antonio Montecatini, che presenziò ripetutamente all'Accademia del card. Aldobrandini, era stato mandato a Roma dal duca di Ferrara per sollecitare un intervento del papa in favore della composizione delle guerre francesi (ovviamente con vantaggio del nuovo sovrano) perché tutti i principi cristiani potessero dedicarsi unicamente alla guerra contro i Turchi.

Spero di aver mostrato quanto complessi e articolati (se non contraddittori) fossero gli atteggiamenti e gli indirizzi all'interno della Curia romana, addirittura su argomenti scottanti e sulfurei come quello di Machiavelli e del suo uso, in questo caso negli scritti che incitavano alla guerra contro il Turco, anche se qui ho dovuto solo limitarmi a pochi autori e a un ambito molto ristretto. Inoltre, mi auguro che sia risultato chiaro non solo che personaggi centrali della Curia romana si siano trovati a giocare su diversi scacchieri, ma soprattutto che non di rado antimachiavellismo e machiavellismo finirono debordare dal consolidato schema interpretativo tende a ridurli a violenti attacchi e a usi paludati del Segretario fiorentino, nella logica di un machiavellismo tanto diffuso quanto nascosto. In realtà, le considerazioni che ho qui svolto suonano per molteplici aspetti come una conferma della compresenza negli stessi autori, e addirittura in membri della curia romana, di machiavellismo e antimachiavellismo, entrambi tutt'altro che celati, ma espressi in contesti e momenti diversi: in questo caso grazie anche alle riflessioni su come arrestare la terrorizzante avanzata dei Turchi.

Un'ultima considerazione. Possevino scrisse il suo *Iudicium* contro gli empi e sovversivi "politici" francesi e contro il loro maestro Machiavelli dietro richiesta di Cesare Baronio, che agiva per conto del card. Gian Antonio Facchinetti, il futuro papa Innocenzo IX, tanto legato a Minucci.

Ebbene, nel settembre del 1596, subito dopo la conflittuale promulgazione dell'Indice dei libri proibiti di Clemente VIII (nel quale, ovviamente, veniva confermata la condanna più dura alle opere di Machiavelli), lo stesso card. Baronio che era intervenuto su Possevino, da poco membro della Congregazione dell'Indice, propone e ottiene, almeno in via preliminare, la correzione delle

Baldini E. Machiavelli contro i Turchi

opere di Machiavelli in vista della loro riedizione espurgata. Solo il duro e inflessibile intervento del card. Santoro, di fatto capo della Congregazione dell'Inquisizione bloccò immediatamente l'incauta iniziativa di Baronio. Ma forse anche questo fatto costituisce una conferma della notevole complessità delle opzioni che si paravano di fronte alla Curia romana di fine Cinquecento e del duro lavoro che incombe sugli studiosi per una loro approfondita ricostruzione.

Ю.В. Иванова
ИГИТИ им. А. В. Полетаева,
НИУ ВШЭ

**ДВА КРИТИКА МАКИАВЕЛЛИ ЭПОХИ
КОНТРЕФОРМАЦИИ:
OT RAGIONE DI STATO K SIGNA TEMPORALIS
FELICITATIS¹**

*Политическое предполагает идею, ибо нет политики
без авторитета и нет авторитета без этоса убеждения.*

*Карл Шмитт. Римский католицизм и политическая
форма*

Неоднократно исследователи истории политической мысли обвиняли авторов Контрреформации – оппонентов Макиавелли в том, что они оказались больше макиавеллистами, чем сам Макиавелли. В частности, Джузеппе Тоффанин писал: «Ненавистный тиран «Государя», заслуживающий казни, не отличается от святого суверена из «Государственного интереса»² ничем, кроме того лишь, что

¹ В данной научной работе использованы результаты, полученные в ходе выполнения проекта «Категория *raggione di Stato* в историографии и политико-философской литературе XVI – первой половины XVII вв.» (№ 10-01-0090), реализованного в рамках программы «Научный Фонд НИУ ВШЭ» в 2010-2012 гг.

² Имеется в виду сочинение Джованни Ботеро (с.1544–1617) *Della ragione di Stato*, впервые изданное в 1589 г. (далее мы цитируем его по электронной версии:

<http://www.bibliotecaitaliana.it/xtf/view?docId=bibit000589/bibit000589.xml>). Книга Ботеро «О государственном интересе» пользовалась большой популярностью и выдержала множество изданий. На итальянском языке при жизни автора она выходила четырежды: в 1589 г. в Венеции, в 1590 г.

Перечитывая Макиавелли

последний удостоился благоволения папы»³. В то время как сами антимаккиавеллисты полагали, что создают апологии тех классических моделей политического поведения и искусства государственного управления, которые были выстроены еще Отцами Церкви. Об этом свидетельствует, в частности, количество ссылок на Св. Писание и тексты патристического корпуса в их сочинениях. Более того: эти модели представлялись им освященными двойным авторитетом – как учителей Церкви, так и классиков политической мысли античности. Действительно, после первого знакомства с творчеством Джованни Ботеро или Томмазо Боцио, главных персонажей этого очерка, можно счесть их труды серией усилий, направленных на реставрацию древнеклассической и ортодоксально-христианской версий этики, – после того, как Макиавелли проделал критический анализ обеих этих версий, осуществил целую серию мысленных экспериментов на историческом материале, а также на материале событий актуальной современности, и показал границы, лакуны и противоречия известных его эпохе этических систем. Однако более пристальное изучение этих сочинений заставляет понять, что чем значительнее были апологетические и реставрационные усилия антимаккиавеллистов Контрреформации, тем глубже оказывался разрыв между ними, с одной стороны, и классической и святоотеческой

в Риме, в 1596 г. в Милане и в 1598 г. снова в Венеции; известны также переводы сочинения на испанский (изд. 1593), французский (изд. 1599), латинский (изд. 1602) и немецкий (изд. 1657) языки. Подробнее см.: *Firpo L. Botero, Giovanni // Dizionario biografico degli Italiani. V. 13 (1971); [http://www.treccani.it/enciclopedia/giovanni-botero_\(Dizionario-Biografico\)/](http://www.treccani.it/enciclopedia/giovanni-botero_(Dizionario-Biografico)/)*

³ *Toffanin G. Machiavelli e il "Tacitismo". La "Politica storica" al tempo della controriforma. Napoli: Guida editori, 1972. P. 99-100.*

этической и политической мыслью, актуальность которой они хотели доказать, - с другой. Их критика в адрес Макиавелли – прямая, называющая авторов и предметы их рассмотрения своими именами, как в сочинениях Томмазо Боцио, или же имплицитная, перерастающая из оппонирования в оригинальную позитивную программу государственного строительства, как происходит у Джованни Ботеро, - представляется нам особенно интересной в тех отношениях, в которых оба противника Макиавелли оказываются его учениками и последователями. Мы не задаемся вопросом о том, было ли это ученичество со врательным и в какой степени. Во всяком случае, мы предпочитаем воздержаться от именованя этих искренних католиков и убежденных защитников интересов Церкви и Св. Престола макиавеллистами: во-первых, потому, что они не вполне понимали тексты Макиавелли, а во-вторых, потому, что оба они положили огромные усилия на то, чтобы показать несостоятельность доктрины, которую приняли за учение Макиавелли. Если их и можно в чем-то обвинить, так лишь в том, что в своих этико-политических построениях они не в силах превозмочь Макиавелли – не его тезисы, которые они успешно и последовательно опровергают, но ту особую *логику политического*, у истоков которой он стоит. Оба автора оказались словно зачарованы этой новой логикой, позволяющей находить тонкое равновесие между универсальным и окказиональным, улавливать изменения, вносимые временем и историей в прежде казавшиеся незыблемыми смыслы, - и потому открывающей невиданные ранее возможности для понимания *поведения людей*, а значит, и для понимания принципов исторического мира и

политической жизни. На нескольких примерах из сочинений Джованни Ботеро и Томмазо Боцио мы постараемся показать, как полемическая рецепция специфического образа политического мышления, обнаруживаемого этими авторами в ходе чтения сочинений Макиавелли, определяет смысл их собственных историко-политических построений, часто оказывающийся в итоге весьма далеким от того, что вменяли своим текстам сами авторы.

Идущий от античности взгляд на политику, нашедший отражение, в частности, у Аристотеля и затем у Цицерона, состоит в том, что это благороднейшая из наук, которая превращает граждан в хороших правителей и охранителей (*rectores et conservatores*) государства, - наука об искусстве жить в городе среди множества очень разных людей и сообща решать общие проблемы⁴. Открытость, которая должна иметь место в осмыслении любых общественных проблем, формировании и принятии решений, - это смысловая доминанта понимания политической жизни, также возникшая в античности и воспринятая мыслителями Треченто. Публичность политики, понимаемая и как демократическое участие в управлении, и как информированность общества о планах и решениях тех, кто им управляет, имеет коррелят в языке, отождествляющем политику и этику. Такое

⁴ Доменико Таранто, вслед за Маурицио Вироли с его монографией 1992 г. (*Viroli M. From Politics to Reason of State: The Acquisition and Transformation of the Language of Politics 1250-1600. Cambridge: Cambridge University Press, 1992*), дает краткий очерк превращения понятия *политики* из аристотелианской «превосходной науки» об общественном благе в искусство реализации субъективных интересов, каковым она стала в первой половине Чинквеченто: *Taranto D. Sulla politica della raggion di Stato // Studi Storici, Anno 35, No. 2 (Apr. - Jun., 1994). P. 575-588.*

идеалистическое представление о государстве и государственном управлении остается живо до тех пор, пока интересы всех субъектов государственной жизни пребывают в гармонии друг с другом. А основанное на этой гармонии государство служит аристотелевой цели, дополнительно легитимированной авторитетом св. Фомы, – счастьем всех граждан.

Едва ли правильно будет сказать, что Макиавелли как-то радикально пересматривает указанную Аристотелем цель существования государства. Скорее, в своем рассмотрении государства и власти он отправляется от другого пункта, чем классики. Истоком и фоном его построений всегда оказывается угроза «крушения и гибели» государства, а не его среднее, нормальное состояние. Грант Майндл, воспроизводя мнение Шелдона Волина, предполагает, что нормальность и «золотая середина» у Макиавелли просто не вызывает интереса⁵. Если классики писали о законном (как правило, получившем власть по наследству) правителе, то он пишет *addenda* к тому, о чем уже написали классики: о незаконном правителе, получившем власть путем непосредственного насилия, вынужденном удерживать ее любыми средствами и открыто отождествляющем с собственной властью завоеванное государство. «Реализм здесь становится экстремизмом; ординарное поглощается экстраординарным»⁶. В таких условиях реализовать аристотелеву цель общежития – привести всех граждан к счастью – означает не дать им лучшее вместо хорошего, а

⁵ *Mindle G.B. Machiavelli's Realism // Review of Politics. V. 47. № 2 (Apr., 1985). P. 212–230.*

⁶ *Ibid. P. 214.*

вместе с ними выжить в несовместимых с жизнью условиях. Об избытке благ думать уже не приходится – надлежит заботиться, скорее, о том, чтобы пережить катастрофу. Катастрофа может пониматься буквально (завоевание государства другим государством и его гибель) или метафорически – в нравственном смысле: вспомним начало III книги «Рассуждений о первой декаде Тита Ливия», где хорошо устроенному государству рекомендуется каждые десять лет возобновлять репрессии, чтобы таким образом напоминать о своих изначальных *правильных* установлениях и возвращаться к ним, ибо именно это позволит предотвратить развращение граждан.

Перманентно неблагоприятный политический прогноз – почти обязательные крушение и гибель, из перспективы которых рассматривается судьба всякого государства, - имеет своим основанием несовершенство человеческой природы. По большому счету, люди для Макиавелли разбиваются на две неравные категории. Есть немногочисленная каста героев, обладающих *virtù* – доблестью-добродетелью, содержание которой определить очень трудно (число исследований, посвященных *virtù* у Макиавелли, велико и продолжает увеличиваться с каждым годом)⁷. Это, в первую очередь, основатели религий, а вслед за ними – «основатели республик и царств» (Рассуждения..., I, 10). Все это люди, достойные уважения, - лучшие представители человеческой породы. Но подавляющее большинство людей – это злобная, завистливая,

⁷ См., например: *Gilbert F. On Machiavelli's Idea of Virtù // Renaissance News. V. IV. № 4. P. 53 – 55; Kahn V. A. Machiavellian Rhetoric: From the Counter-Reformation to Milton. Princeton: Princeton University Press, 1994. P. 22.*

продажная, непостоянная в своих пристрастиях толпа⁸. Здравомыслящий политический деятель должен исходить из минималистской антропологии, он обязан уметь диагностировать и обращать себе на пользу элементарные основания человеческих поступков; наряду с прочим – создавать зазор между буквальным смыслом политического действия и его подлинным, интенциональным смыслом. То есть воздействовать на людей *косвенным* образом: через политические спектакли, путем симуляции благочестивых намерений и добродетелей или просто прибегая ко лжи. Политическое искусство *in extremis* нуждается в *поэтике манипуляции*. Это не просто рекомендация – это заключение, основанное на историческом опыте. Богатый резервуар примеров судьбоносных политических манипуляций – это история религий от Нумы Помпилия до римских понтификов эпохи самого Макиавелли. Однако манипуляция может быть более или менее успешной: например, осуществленная Католической церковью ложная интерпретация христианства

⁸ «Ибо о людях в целом можно сказать, что они неблагодарны и непостоянны, склонны к лицемерию и обману, что их отпугивает опасность и влечет нажива: пока ты делаешь добро, они твои всей душой, обещают ничего для тебя не щадить: ни крови, ни жизни, ни детей, ни имущества, но когда у тебя явится в них нужда, они тотчас от тебя отвернутся. И худо придется тому государю, который, доверясь их посулам, не примет никаких мер на случай опасности. Ибо дружбу, которая дается за деньги, а не приобретается величием и благородством души, можно купить, но нельзя удержать, чтобы воспользоваться ею в трудное время. Кроме того, люди меньше остерегаются обидеть того, кто внушает им любовь, нежели того, кто внушает им страх, ибо любовь поддерживается благодарностью, которой люди, будучи дурны, могут пренебречь ради своей выгоды, тогда как страх поддерживается угрозой наказания, которой пренебречь невозможно (Государь, XVII / Пер. Г.Д. Муравьевой)».

в пользу *ozio* (досужей праздности и эскейпизма), а не в пользу *virtù*, - это манипуляция, заслуживающая всяческого осуждения, хотя и вполне удавшаяся ее авторам⁹.

Что значит интерпретировать христианство «в пользу *virtù*»? Разные исследователи предлагали разные ответы на этот вопрос. Краткий очерк исследовательских мнений об отношении Макиавелли к религии вообще и к христианству в частности можно увидеть в статье Джона Найджеми¹⁰. В Макиавелли видели апологета язычества, поборника новой «религии Отечества» и т.д. Я остановлюсь на одной концепции – довольно спорной и даже несколько шокирующей, но, безусловно, не лишенной интереса. Вики Салливан проводит параллели между предписаниями «Государя» и евангельскими текстами¹¹. Автор показывает, что главный пример поведения для государя Макиавелли – это Бог, как его понимают христиане (наверное, точнее будет сказать: христиане, недалеко ушедшие от иудаизма). Исследовательница видит коррелят христианского понимания Бога как единственной причины всех вещей в совете Макиавелли такому правителю, который не пожелает учредить ни республику, ни монархию, а лишь собственную тиранию: смести с лица земли все прежние обычаи и установления и ввести абсолютно новые, сделать так, чтобы в государстве не оказалось ничего такого, что не исходило бы

⁹ Рассуждения, II, 2.

¹⁰ *Najemy J. M. Papius and the Chickens, or Machiavelli on the Necessity of Interpreting Religion // Journal of the History of Ideas. Vol. 60. No. 4 (Oct., 1999). P. 659-663.*

¹¹ *Sullivan V. B. Neither Christian nor Pagan: Machiavelli's Treatment of Religion in the "Discourses" // Polity. Vol. 26. No. 2 (Winter, 1993). P. 259-280.*

от монарха. В рассуждениях о военачальнике, выигравшем битву для своего сюзерена, возгордившемся этим и именно потому обреченном на гибель, Салливан находит сходство с первородным грехом и произволом Бога, осуществляющего выбор между грешниками: перед Богом виновны все и все заслуживают Его наказания, но не все будут наказаны. Кто был первым, станет последним, и никто не должен приписывать себе собственных заслуг, даже собственных духовных подвигов: они имеют цену в глазах Господа лишь тогда, когда грешник понимает, что источник его добрых дел – только в Господе. Подобным образом, согласно Макиавелли, удачливый полководец может спасти свою жизнь от казни только в том случае, если признает, что власть государя была настоящей причиной этих побед. Бог, который «возвеличивает ничтожных и смиренных» и «прогоняет ни с чем богатых», - то есть такой Бог, который учреждает новый порядок по своему и ничьему более усмотрению, - вот идеал государя, вот образец, которым государь должен руководствоваться в практической политике. По мнению Салливан, Макиавелли тем самым хочет сказать своему читателю, что у христианства следует взять лучшее, что оно может дать, - фигуру абсолютной власти, а также изначально присущих всем подданным страха и вины перед ней, - и это гениальное христианское изобретение положить в основание новой религии. По Салливан, Макиавелли претендует на грандиозную манипуляцию, результатом которой станет преобразование человеческой природы – в первую очередь, благодаря такому мощному и непостижимому средству, как «правильно интерпретированная» христианская религия. Однако следует понимать, что преобразование антропологии,

воспитание населения при помощи новой «религии *цйт*» – это все-таки глобальный проект, в каком-то смысле идеал, возделенный, но едва ли достижимый. А в ординарной повседневности государю все-таки приходится иметь дело с подданными, чья антропология заведомо ущербна, и ее изъяны придется преодолевать каждый раз манипулятивными средствами гораздо более скромного масштаба.

Этот разрыв между антропологией, долженствующей возникнуть в результате правильного истолкования смысла христианства, - и антропологией сегодняшней, ординарной, как кажется, в первую очередь наследуется таким важным оппонентом Макиавелли, как Джованни Ботеро. Он как будто бы инфицирует мысль Ботеро и становится не проговариваемой презумпцией его рассуждений. Ботеро упоминает Макиавелли лишь в кратком введении к одному из важнейших своих трудов – «О государственном интересе» (*Della ragione di Stato*)¹², а в другом программном труде, «О причинах мощи и величия городов» (*Delle cause della grandezza e magnificienza delle città*, 1588), и вовсе не говорит о нем, и может показаться, что Ботеро о Макиавелли здесь даже и не помнит. Однако хорошо известно, что Макиавелли был в числе тех мыслителей, которых очень занимала проблема достижения городами-государствами «мощи и

¹² См. сноску 1. О функционировании термина *ragione di Stato* в период, непосредственно предшествовавший появлению сочинения Ботеро, см.: *Descendre R. L'état du monde. Giovanni Botero entre raison d'État et géopolitique*. Genève: Librairie Droz, 2009. P. 58 и далее.

величия», - и Ботеро едва ли совсем этого не знает или не принимает в расчет¹³.

¹³ Макиавелли пишет: «Когда народ, руководимый государем или сам собою, принужден по причине мора, голода или войны покинуть родные места и искать себе нового пристанища, тогда основатели городов вольны в выборе: поселить ли его в городах, расположенных на землях, им приобретенных, - как поступил Моисей; или же во вновь построенных – как сделал Эней. И в том познается доблесть (*la virtù*) основателя и фортуна основанного им города, каковая может заслуживать восхищения в большей или меньшей степени, в зависимости от того, окажется ли более или менее доблестным тот, кто положил ей начало. И доблесть его познается в двух отношениях: во-первых, в выборе места, во-вторых, в учреждении законов. И так как люди действуют или в силу необходимости, или на основании выбора, и очевидно, ~~бывшая~~ доблесть – там, где власть выбора имеет меньшую силу, то следует рассудить, не лучше ли будет избрать для того, чтобы основать город, места бесплодные, - дабы люди, понуждаемые добывать себе все необходимое и в меньшей степени преданные досугу, жили в большей сплоченности, имея, по причине скудости мест их обитания, меньше поводов к раздорам, - как это и обстоит в Рагузе и еще во многих городах, возведенных в подобных местах. И таковой выбор был бы, без сомнения, наиболее мудрым и разумным, если бы люди могли довольствоваться тем, что имеют, и не стремились бы помыкать другими. Но раз уж люди не могут оградить себя от опасностей иначе, нежели с помощью силы, то необходимо избегать бесплодных мест и селиться в местах самых что ни на есть изобильных природными благами. И там, умножив свои силы благодаря плодородию местности, город сможет и защищаться от тех, кто захочет напасть на него, и подавить тех, кто будет противостоять его величию. И тогда в праздности, к которой располагает место, следует ввести такие законы, чтобы они заставляли народ испытывать те нужды, которых место само по себе не порождает, и подражать тем мудрецам, что, проживая в странах плодороднейших и изобильнейших, способных сделать людей праздными и негодными ни к каким делам доблести, установили воинскую повинность для тех, кто мог быть солдатом, - чтобы воспрепятствовать тому ущербу, причиной коему могла бы сделаться приятность места через досужую праздность. И те, что сделались солдатами по их установлению, оказались воинами гораздо лучшими, чем бывают в странах с суровым климатом и от природы бесплодных» (Рассуждения, I, 1 – пер. наш). Фр. Гвиччардини в своих «Замечаниях о

Перечитывая Макиавелли

В первых строках труда «О государственном интересе» Ботеро обещает изобрести противовес способам рассуждать о *ragion di Stato*, обнаруживаемым у Тацита, Макиавелли и их сторонников. Краеугольный камень, на котором он собирается строить свою критику макиавеллиевой концепции, - польза. Даже животные обладают инстинктом, который влечет их к полезному и гонит от вредного, так что странно, что люди (в частности, Никколо Макиавелли) такого инстинкта лишены.

Риторика спасительного насилия Макиавелли у Ботеро сменяется риторикой благодетельного контроля. Если Макиавелли строил свой язык на отрицании классической

Рассуждениях Макиавелли о первой декаде Тита Ливия» (*Considerazioni intorno ai Discorsi di Machiavelli sopra la Prima Deca di Tito Livio*) отвечает Макиавелли: «Главное основание мощи и богатства городов – то, что в них есть зажиточный народ (*grosso populo*). Но едва ли сможет прирасти таковым народом город, который будет поставлен в месте бесплодном, лишенном столь благотворного воздуха, каков он во Флоренции, или же близости моря, как то обстоит в Венеции. И потому лучше основывать город в местности плодородной – ведь туда легко станут стекаться жители. Но если бы возможно было заставить жителей остаться на некоем месте, не вовсе бесплодном, но и не то чтобы тучном, то доблестным (*virtuoso*) город, вне всякого сомнения, скорее сделала бы нужда обеспечивать себя всем необходимым, нежели добрые законы: ведь последние могут изменяться по произволу людей, в то время как нужда – закон и стимул постоянный. И такова была судьба Рима, ибо Рим хотя и был основан в месте плодородном, однако же не имел в окрестностях сельских угодий и был окружен сильными народами, а потому принужден расширять свои владения благодаря воинской доблести и заключению соглашений. То, что здесь сказано, относится не к тем городам, что желают жить согласно учению философов, а к тем, которые хотят быть управляемыми согласно обычаю, общему для всего мира, как это и на самом деле необходимо, - а в противном случае грозит им впасть в немощь и сделаться добычей и рабами соседей» (Замечания, I, 1 – пер. наш).

этики, то Ботеро строит его, как кажется, даже не столько на реабилитации этого языка, сколько на отрицании языка Макиавелли. Часто темы и положения *Della Ragion di Stato* являются ответами-опровержениями, отсылающими к своему источнику – аналогичным им темам и тезисам «Государя» и «Рассуждений». Так, Ботеро особенно заботится об удобствах и удовольствиях подданных потому, что Макиавелли говорит о страхе, который они должны испытывать, и необходимости насилия над ними¹⁴. Вопрос в том, позволяет ли в данном

¹⁴ [О пользе]: «И эта причина [польза – Ю.И.] имеет такую силу объединять людей в одном месте, что без ее вмешательства никакие другие причины не в силах сделать город великим: ни власть – потому что если то место, где люди обоснуются для совместной жизни, подчинившись чьей-то власти, они не сочтут для себя удобным, они на нем не задержатся; ни нужда – потому что объединения людей растут и множатся на протяжении многих лет, в нужде есть примесь насилия, а насилие не может производить добрые плоды в течение долгого времени. Поэтому и выходит, что не претерпевают роста не только города, но также и завоеванные Государства и владения, если они долго удерживаются одними лишь силой и насилием. Они подобны потокам, не имеющим, в отличие от больших рек, истока, из которого в них непрерывно поступала бы вода: по воле случая в мгновение ока они то переполняются, то оскудевают, - во время половодья величественные в своем беге, после они иссыхают до того, что обнажается дно. Таковы были завоевания татар, многократно опустошавших Азию; Александра Великого, Аттилы, великого Тамерлана, Карла VIII и Людовика XII, короля Франции. А причиной здесь то, что природа наша столь дружелюбна ко всему, что ей удобно, и так охоча до этого, что для нее вовсе невозможно приобрести что-то, что лишено удобства, и удовольствоваться этим, если только это не необходимо. И как растения, даже если корни их прочно держатся в земле, тем не менее не могут долго жить и сохраняться, если их росту не благоприятствует небо и если их не орошает дождь, - так и сообщества людей, возникшие в силу одной лишь необходимости, не просуществуют долго, если люди не найдут в этом для себя удобства. Много меньше тому способствует удовольствие и наслаждение, ибо человек рожден, чтобы действовать, и большинство

случае *двойное отрицание* Ботеро заново утвердить подвергнутые критике классические ценности – или же оно дает какой-то другой эффект? Если да, то как его следует определить?

Если Макиавелли рекомендует власти позиционировать себя, показывая подданным страшные спектакли (вспомним, к примеру, казнь Рамиро д'Орко из VII главы «Государя»), то Ботеро рекомендует зрелища мирные и приятные: хорошую архитектуру, красивые открытые ландшафты, спортивные состязания среди молодежи. В сочинении «О причинах мощи и величия городов» Ботеро много говорит об «удобстве» (*commodit* удовольствии (*piacere*), стремление к которым может привлечь людей в недавно основанный город. Он знаток «удобства» и разных его видов. В его социологической концепции удобство – главная потребность подданных и главный рычаг управления ими. Изучив эту основную потребность, власть может достичь своих целей, вплоть до регуляции численности населения в разных административных субъектах государства (Ботеро считается первым теоретиком демографии – вопросы

людей прилежит полезным занятиям, а праздных среди них мало и они ничего не стоят, к тому же праздность их зиждется на труде и сноровке других, и удовольствия не может быть без удобства – ведь одно является как бы плодом другого. Итак, предположив, что польза – это то, от чего, как от главной причины, рождается величие города, нам надлежит рассмотреть теперь, какого рода удобство или польза более всего значимо для той цели, о которой мы рассуждаем, – ибо польза сама по себе не проста и бывает не одного только вида, но многих форм и разновидностей. Итак, скажем, что величие города во многом способствуется удобство места, плодородие почвы и легкость сообщения» (О государственном интересе, I, 7 – здесь и далее цитаты из сочинений Дж. Ботеро и Т. Боцио приводятся в нашем переводе).

регулирования рождаемости и стимуляции населения к миграциям рассматриваются в III книге «О причинах...»). В рекомендациях по привлечению населения в города и по обустройству городской жизни Ботеро не оставляет без внимания даже самые незначительные, казалось бы, детали организации социальной жизни. Например, в городе следует учредить университет, но так как студенты – народ беспокойный, склонный к дракам, азартным играм и пьянству, нужно спланировать городские ландшафты так, чтобы они не просто препятствовали бесчинствам, но и способствовали облагораживанию нравов, а дороги и сельские ландшафты – так, чтобы они были удобны и приятны путешествующим купцам и их возможным клиентам¹⁵. Важную роль Ботеро отводит демографическим, социологическим и географическим знаниям: чтобы находить правильные меры воздействия на население и быть уверенным в лояльности подданных (или принимать надежные меры безопасности, если подданные нелояльны), нужно хорошо знать свойства разных классов и социальных групп, проживающих на территории государства.

В трактате «О государственном интересе» содержится эпизод, который сильно дисгармонирует с общим духом сочинения – весьма рациональным – и с манерой автора детально анализировать проблемы государственного управления и подробно излагать рецепты их решения. Это история возвышения дома Габсбургов. Она возникает в контексте рассуждений о том, как государи должны относиться к церкви и ее служителям:

¹⁵ О причинах, II, 4; II, 8.

«Основание величия австрийских князей заключено единственно лишь в их исключительном благочестии. В книгах можно прочесть о том, как однажды, охотясь под проливным дождем, граф Рудольф Габсбург повстречал священника, который шел куда-то в одиночестве, и, спросив его, куда он направляется и какова причина столь несвоевременного его путешествия, услышал в ответ, что тот несет святейшее причастие больному. Тотчас же спешившись, Рудольф смиренно склонился перед Иисусом Христом, сокрытым под видом и формою хлеба, укрыл своим плащом священнику плечи, чтобы дождь не так сильно досаждал ему, и с величайшим благоговением понес святейшую гостию. Добрый священник, восхищенный и вежеством графа, и его благочестием, возблагодарил его обетованиями вечной жизни и умолял Величайшего Бога, чтобы Он воздал ему изобилием Своих милостей. Удивительная вещь: спустя малое время из графа Рудольф сделался императором, а наследники его стали эрцгерцогами Австрийскими, государями Нидерландов, королями Испании и монархами Нового Света, повелителями бесчисленных государств и стран бескрайних»¹⁶.

Из этой трогательной истории Ботеро делает вывод: «Религия есть основание всякого господства (grecipato): ведь если всякая власть – от Бога, а благодать и любовь Бога нельзя стяжать иначе как через посредство религии, то любое другое основание его будет весьма зыбким. Религия делает государя угодным Богу, и чего убоится тот, на чьей стороне –

¹⁶ Della ragion di Stato, I, Della religione.

Бог? И добродетель (bontà) государя часто бывает причиною процветания народов»¹⁷.

Нельзя не признаться, что история Рудольфа Габсбурга, рассказанная Ботеро, поражает своим примитивизмом. Место ей могло бы найтись в благочестивой книжке, предназначенной для дамского чтения. И тем не менее она попадает в одно из первых сочинений, посвященных систематическому анализу категории *государственного интереса*. Особенно удивительно, что в тексте Ботеро всего несколько страниц отделяет ее от знаменитого пассажа о том, как полезно христианство в деле эффективного управления государством:

«Но среди всех законов нет другого столь же благоприятного для государей, как закон христианский, ибо этот закон подчиняет государям не только тела и силы подданных, как по дбает, но также их души и умы, и связывает не только руки, но р авно и чувства, и мысли, и повелевает, чтобы они повиновались не одним лишь кротким, но и жестоким государям, и чтобы сносили все, лишь бы не нарушать мира в государстве. И не может быть никаких обстоятельств, при которых подданный освобождался бы от повиновения государю, если только повиновение не будет противно закону природы или Бога. Но даже и в таких случаях закон требует сделать все, что возможно, прежде чем открыто отказаться от повиновения. И великий пример тому – христиане ранней Церкви: ибо, хотя их и преследовали и подвергали всевозможным пыткам, однако же нигде нельзя прочесть, чтобы они устроили когда-либо мятеж в Империи

¹⁷ Ibid.

или восстали прошив своих государей: дыбу, огонь и железо, жестокость и ярость тиранов и палачей переносили они ради сохранения мира. И не следует думать, будто все это происходило потому лишь, что у них недоставало сил сопротивляться: ведь бывало так, что и целые легионы слагали оружие, предавая себя суровой казни, и, что не менее удивительно, не переставали каждый день молить Бога о том, чтобы Он сохранил Империю римлян. Да и в наши времена мы можем видеть, как католиков угнетают еретики в Шотландии, в Англии, во Франции, во Фландрии и во многих землях Германии, и в этом – знак истинности католической веры, которая делает подданных покорными государям, и связывает их умы, и обращает их в ревнителей мира и врагов мятежей и смут»¹⁸.

Очевидно, дело совсем не в том, что автор, только что проговорившийся о том, зачем христианство нужно разумному государю на самом деле, вдруг решает осуществить демарш и в угоду цензуре помещает среди своих прагматических выкладок благочестивую сказку. Дело в том, что он создает особую политико-теологическую логику, которая позволяет ему бесконфликтно совместить христианство как вполне имманентистски понимаемую технологию управления – и христианство как трансцендентный источник власти и, вместе с тем, ее эсхатологический горизонт.

Промысел Бога, согласно учению Церкви, одновременно и объемлет все мироздание и все судьбы человечества, и проникает в мельчайшие частицы вселенной,

¹⁸ Op. cit., II, Modi di propagar la religione.

касается самых незначительных вещей. И власть действует так же. В конструкции Ботеро она движется от абсолютного верха, от своего трансцендентного источника – Бога – к своей земле и к своему народу: к душам и телам подданных, со всеми мельчайшими частностями необходимых ежедневных забот. Ни один уголок земли и ни одна человеческая душа не должны остаться *terra incognita* для взгляда и действия власти. Христианская власть, выступая эманацией божественного господства над землей и людьми, перенимает у своего «образца» не только свойство *универсальности*, *тотальности* распространения своего всеведения, но и свойство *непрестанной*, *неусыпной активности*. Создававшиеся в XVI в. описания земли (одно из которых, *Relazioni universali*, 1591-1598, принадлежит перу все того же Джованни Ботеро) отвечают той интуиции, которая стремится охватить единым взором все, чем можно владеть на земле¹⁹. А трактаты об управлении, возникающие в ту же эпоху, стремятся каталогизировать все возможные виды деятельности, которую могут осуществлять жители государства, и все возможные виды заботы власти о своих людях: все, что государство способно узнать о своей земле и о своих подданных и над чем оно может установить контроль²⁰. Тем самым власть исполняет свою вполне

¹⁹ О связи географических и топографических знаний с имперскими амбициями в эпоху Ботеро см.: *Headley J.M. Geography and Empire in the Late Renaissance: Botero's Assignment, Western Universalism, and the Civilizing Process // Renaissance Quarterly. Vol. 53. No. 4 (Winter, 2000). P. 1119-1155.*

²⁰ Анализ литературы об искусстве государственного управления, созданной во Франции XVI-XVII вв., посвящен, в частности, один из циклов лекций М. Фуко, прочитанных в Коллеж де Франс. Недавно был

Перечитывая Макиавелли

христианскую задачу. Известно, что каждое движение духа или тела всякого человека делается известно Господу на Страшном Суде, поэтому цель власти – привести людей к Нему в таком состоянии, чтобы никто из них не был Им отвергнут. Тщательность контроля над подданными, проявляемая в повседневных мелких заботах о них, - это всего лишь пропедевтика, демонастрация того, что будет происходить, когда настанет Судный день. Степень проникновения в жизнь каждого рядового смертного, стремление регулировать каждый момент его ординарного существования отвечает важности итоговой задачи: эсхатологический горизонт постепенно становится привычным фоном ординарных бюрократических процедур и повседневного централизованного распределения трудовых, воинских, интеллектуальных и прочих конструктивных усилий подданных.

Макиавелли думал, что правитель, наделенный властью способен заставить подданных действовать вопреки их испорченной природе. Ботеро пропагандирует насилие беспрецедентное: постоянно контролируемое и строго дозированное властью упражнение в добродетели, осуществляемое через удобство и удовольствие. Прямое насилие понимается как неэффективная мера и потому даже в отношении самых нелояльных подданных применяется редко. А ведь среди жителей государства могут найтись и такие – *indomiti*, «непокоренные»: злостные иноверцы или еретики,

издан русский перевод этих лекций: Фуко М. Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанный в Коллеж де Франс в 1977-1978 учебном году / Пер. с франц. Н.В. Суслова, А.В. Шестакова, В.Ю. Быстрова. СПб.: Наука, 2011.

отвергающие католическую религию и установления католического государя²¹. Ботеро советует обходиться с ними со всей возможной любовью, чтобы склонить на свою сторону. Но если еретики и иноверцы проявляют упорство, тогда следует «сделать низкими» их души – *avvilire le loro anime*. И для этого у Ботеро тоже есть целая система мер: продумано все – от дозволенной одежды до повседневных занятий, которые можно разрешать или запрещать этой опасной части населения²².

²¹ Della ragion, V, Degl' infideli et eretici; Dell' indomiti.

²² [О том, как сделать душу низкой]: «Этому способствует лишение всего того, что укрепляет дух и вселяет отвагу, - каковы блеск знатности и преимущество крови, езда на конях, сурово запрещенная христианам, поработанным турками, воинское дело и упражнения с оружием, запрещенные Диоклетианом и другими преследователями Церкви верным, а также Теодорихом, королем готов, - италийцам. И пусть не будет им позволено занимать какие бы то ни было должности в государстве; и пусть носят они не такое платье, каковое можно было бы счесть дорогостоящим, или величественным, или солидным, - но, скорее, бедняцкое, убогое и скверное, ибо обыкновенно ничто так не унижает людей, как недостойное одеяние <...>. Весьма полезно для этой цели также изнурять людей работой, как поступал Фараон с иудеями, или поручать им унизительные обязанности, как делали иудеи с гаваонитянами и римляне с калабрийцами, - или занимать их механическим трудом (*essercitii mecanici*), каковы земледелие и ремесла, ибо земледелие заставляет человека прикипать сердцем к наделу и усадьбе, так что он более не способен воспарять мыслью ввысь... И потом, механические искусства привязывают его к мастерской, от которой зависят все его доходы и состояние, и так как благо ремесленников – в том, чтобы распродавать плоды своих трудов, то ремесленники по необходимости являются друзьями мира, благодаря которому купеческие дела процветают и торговые пути бывают безопасны; из чего мы и видим, что города, населенные преимущественно ремесленниками и купцами, больше всего любят мир и покой.

Древние тираны присовокупляли к вышереченным способам еще женское воспитание юношей, как рассказывает Дионисий Галикарнасский об

Перечитывая Макиавелли

Нельзя не отметить парадоксальность инженерно-управленческого мышления, демонстрируемого Ботеро. Возникает вопрос: при столь разумном и проникающем в самые незначительные проблемы повседневной жизни управлении, насколько свободными остаются граждане в своем выборе добродетельной жизни? Ведь продуманное до мелочей топографическое и хозяйственное устройство их города не позволяет им даже сыграть в азартную игру или ввязаться в уличную драку. Чего же на самом деле стоит *sub specie aeternitatis* эта вынужденная добродетель, насаждаемая методами, которые мы сейчас с полным правом могли бы назвать психотропными?

Аристократе, тиране Кум. Аристократе, желая, чтобы сыновья тех, кого он некогда уничтожил, никогда не смели поднять головы, но всегда оставались низкими духом и ничтожными людьми, заставлял воспитывать их как женщин до исполнения им двадцати лет: они носили туники длинные, до пят, и широкие, волосы тоже длинные и кудрявые, головы увенчивали цветами и употребляли все возможные средства, чтобы сделать лица более нежными или мягкими, чем были у них от природы; с женщинами обращались с безразличием – ведь все их чувства и обыкновения имели в себе нечто женственное. Пользуясь этим изобретением, тиран упражнялся в превращении юношей в развратных девок, подобно тому как Цирцея обращала мужей в зверей <...> Не премину сказать, что и музыка нежная и исполненная изящества делает мужей женоподобными и низкими: так, старейшины аркадян, которых суровость условий жизни в их стране наделила нравом диким и буйным, для того, чтобы смягчить их души и сделать их более кроткими, ввели музыку и песни, среди коих самыми нежными и изящными оказались гармонии пятого и седьмого тона, в древности весьма любимые лидийцами и ионийцами, людьми в высшей степени преданными праздности и удовольствиям, - почему Аристотель и запрещает в своем сочинении о государстве такого рода пение и хочет, чтобы в ходу была гармония дорическая, строящаяся на первом тоне» (О государственном интересе, V).

Гиперактивность и многозаботливость власти, осуществляющей благодетельный контроль над подданными, маскирует инверсию целей этой власти. Забота о соблюдении закона Христова во всех моментах жизни подданных подменяется *просто* заботой –погруженностью в повседневный процесс управления; контроль ортодоксальности и благочестия становится *просто* контролем – до мелочей продуманной работой по укреплению власти здесь и теперь. Сила и притягательность «дисциплинарной власти» у Ботеро основывается на нелегитимном сопряжении: минималистская антропология и фаворизация манипулятивных мер, находимые у Макиавелли, сочетаются с классической телеологией политического действия – направленностью на достижение всеобщего счастья граждан. На место радикального и непривлекательного для многих террористического режима, описываемого Макиавелли, встает христианское государство всеобщей праведности, соединенной с благополучием.

Второй пример полемической рецепции Макиавелли, протекающей на фоне зачарованности его логикой, - творчество Томмазо Боцио (1548-1610). Ему довелось снискать гораздо меньшую известность, чем Джованни Ботеро. Он был членом конгрегации Римского Оратория и значительную часть своей жизни работал в Риме. Очевидно, по поручению папы Климента VIII Боцио написал ряд весьма объемных сочинений, целью которых было опровержение всего лишь нескольких тезисов Макиавелли и апология сторон католического учения, критикуемых автором «Государя»²³.

²³ De robore bellico diuturnis et amplis catholicorum regnis adversus

В исследовательском и апологетическом стиле Боцио легко опознается опыт работы в коллективе сотрудников Чезаре Баронио, создателя грандиозного компендиума «Церковных анналов» (*Annales Ecclesiastici*). Историографический проект Баронио был призван показать тождественность установлений современной Церкви учению, институтам и обрядовой практике Церкви на протяжении всей ее истории от апостольских времен и таким образом доказать истинность католического вероучения. Боцио наследует у этого проекта универсалистские претензии и апологетический пафос и выбирает для изложения своей политической концепции жанр, который можно было бы назвать историографическим эпосом. Уже в первом своем значительном сочинении – «О знаках Божией Церкви против всех ересей» (*De signis Ecclesiae Dei contra omnes haereses*, 1591) – Томмазо Боцио разрабатывает концепцию «знамений», или «знаков», каковые суть манифестации добродетелей Церкви (или же пороков ее противников) и правильности пути, избираемого ею на протяжении ее истории. «Знамения» - очень широкое понятие. Это могут быть проявления Божией мудрости – в частности, возможность интерпретации событий Ветхого Завета как прообразов событий новозаветных (принцип, на котором

Machiavellum (1593), *De imperio virtutis h. e. Imperium pendere a veris et non simulatis virtutibus libri duo adversum Nicholaum Machiavellum* (1593), *De antiquo et novo Italiae statu libri IV, adversum Nicholaum Machiavellum* (1595); *De ruinis gentium et Regnorum adversus impios Politicos libri VIII* (1598). В своем последнем труде, *De temporali Ecclesie monarchia et iurisdictione... adversus impios politicos et huius temporis hereticos* (1602), Боцио рассматривает актуальные в его время вопросы о характере и границах власти Св. Престола и светских государей.

основывается типологическая экзегеза: например, понимание отношений Адама и Евы как прообразования любви Христа и Его Церкви). Это могут быть также всевозможные достоинства и преимущества, которые открывает Церковь в себе на процессе своего существования. Одно из важнейших *signa* – способность воинствующей Церкви распространяться по всей ойкумене (ведь Боцио пишет в эпоху завоеваний Нового Света). Среди прочих знаков есть и *signa temporalis felicitatis* – «знамения счастья в нынешнем веке». Это манифестации успешности Церкви и ее верных в земной жизни. Этот род *signa* для Боцио очень важен: он обращается к ним в нескольких сочинениях. Особенно примечателен пассаж о *signa temporalis felicitatis* в VI книге сочинения «О гибели народов и Царств» (*De ruinis gentium et Regnorum*): те блага, которые традиционно понимались как награда за веру в загробной жизни, Боцио истолковывает как поощрение верных уже в жизни земной²⁴.

²⁴ «Послушаем, как Он [Христос – Ю.И.] в Евангелии от Марка говорит Своим ученикам: Аминь, говорю вам, нет никого, кто оставил бы дом, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или сыновей, или земли свои ради Евангелия и не получил бы сторицей в нынешнее же время все это – и дома, и братьев, и сестер, и матерей, и сыновей, и земли с охотничьими угодами, и в будущем веке жизнь вечную. Здесь Христос наияснейшим образом открывает, что последовавшим за Ним дастся в удел счастье века сего, ибо Он говорит «и земли, и дома» - как поясняют Святые и ученые мужи, это речено о монахах, чтобы они сообща владели бесчисленными землями и домами и пользовались преданнейшим служением многих людей, которые будут им вместо близких (так пишет, среди прочих, Кассиан в «Собеседовании» двадцать пятом «О самоумерщвлении»). Кроме того, из тех же самых слов святые мужи выводят тот смысл, что Бог для иных оставивших все ради Евангелия провидением Своим умножит то, в чем они могут нуждаться из вещей века сего, - так, Павел говорит, что Апостолы ничего не имеют, но владеют всем, и Св. Иоанн

Перечитывая Макиавелли

Концепт *signa temporalis felicitatis* оказывается ключевым в полемике Боцио с Макиавелли и макиавеллистами. Ни в коем случае нельзя сказать, будто Боцио первым догадался разоблачать Макиавелли имманентистскими методами. Ведь мы уже читали у Ботеро, что даже простой животный инстинкт самосохранения вполне может свидетельствовать, что Макиавелли заблуждается. А еще раньше об этом писал французский критик Макиавелли Инносан Жантийе²⁵. Но Боцио достигает виртуозности в богословской аргументации и энциклопедизма в охвате материала, привлекаемого в ходе доказательства. Если Ботеро предпочитал работать с тотальностью пространственной, топографической и географической, то Боцио имеет дело с тотальностью исторической. Чтобы опровергнуть два-три тезиса Макиавелли, он разворачивает полноценную оригинальную версию интересующего его аспекта всемирной истории: такова, например, история «счастья века сего» в трактате «О гибели народов и Царств», растянувшаяся на несколько сотен

Златоуст полагает, что эти слова сказаны о вещах нынешнего века. Наконец, из тех же слов заключают, что Бог тем несовершенным, которые оставили что-то, но не все, ради Евангелия, умножит это во сто крат; и такое дает Он обещание стойким в вере и справедливости, что каждому позволено будет снискать награду в соответствии со своей природой: несовершенным будут предложены дары несовершенные, а совершенным – совершенные. Так истолковывают сии слова Свв. Иоанн Златоуст и Фома вслед за Оригеном, а равно и другие в комментариях к этому месту, и Св. Амвросий в кн. 7 «Толкования на Евангелие от Луки», гл. 1.» - *Bozio T. De ruinis gentium et Regnorum adversus impios Politicos libri VIII. Coloniae Agrippinae: Apud Ioannem Gymnicum, 1598. P. 537* (пер. наш).

²⁵ См. об этом: *Kahn V.A. Reading Machiavelli: Innocent Gentillet's Discourse on Method // Political Theory. – V. 22. – № 4. – 1994. – P. 539–560.*

страниц. Это сочинение начинается с тезиса почти скандального, особенно в контексте антипротестантских полемик, в котором действует Боцио: «Религия по характеру относящихся к ней действий, направленных на служение божественной мудрости, представляет собою, о Святейший Отец, цель, некоторым образом действующую, и форму человеческого счастья, однако же не такого, которое состоит в одних лишь благах души, но также и того, что состоит в благах телесных и внешних, называемых временными: в самом деле, оно возникает из всей полноты таковых благ (*ex universis panque istis ea conflatur*). Ибо человек состоит из души, но также и из тела»²⁶. Это переопределение религии как средства достижения мирских благ не должно нас удивлять: первым шагом к этой семантической трансформации стала реинтерпретация религии как наиболее эффективного средства манипуляции у Макиавелли, а вторым – концепция религии как наилучшей формы «благотельного контроля», «связывающей не только тела, но и души подданных» у Ботеро.

Имманентистскую аргументацию использует Боцио, и когда пишет сочинение «О воинской силе...», отвечая на антихристианские высказывания Макиавелли о пользе кровавых жертвоприношений для укрепления воинского духа и о стимуляции любви к славе, принятой у язычников и забытой у христиан. Боцио возражает, что именно христиане всегда были лучшими воинами, а папы лучше всех правителей заботились о развитии военного дела (например, они основали уникальный институт – ордена рыцарей-

²⁶ Ibid. [*Epistola dedicatoria*].

монахов, целиком посвятивших себя военным упражнениям и подвигам²⁷). Но прямо сравнивать *кроважность* языческих и христианских воинов, причем в пользу христиан, было бы едва ли уместно, поэтому Боцио идет другим путем. Он приводит массу примеров, доказывающих, что христианские (вернее, католические) воины всегда побеждали, причем самым гуманным способом и не неся потерь. В то время как так называемые блестящие победы язычников – Цезаря, Александра – были явно преувеличены историками, и из противоречий между разными писателями это хорошо понятно. А политические конфликты, и тем более аннексии, всегда оказывались наказанием тех народов, которые отпадали от истинной Церкви. Главное же и неоспоримое доказательство военной мощи католиков – распространение власти католических государей во все концы ойкумены. Боцио намеренно искажает облик исторических событий: доказывает, что мир в его эпоху оказался чудесным образом завоеван католиками совсем без пролития крови. Боцио не останавливается, даже когда ему приходится приукрашивать события совсем недавнего прошлого: в его сочинении можно найти повествования о битвах, в которых враги католиков потеряли сотни тысяч воинов, а католики – не более десятка. Здесь трудно не увидеть тот же ход мысли, который уже продемонстрировал Ботеро, когда он не считал лишней на страницах своего труда «О государственном интересе» благочестивую историю Рудольфа Габсбурга.

²⁷ Adjicimus tamen, ab illo perfectum, ut religiosi militum coetus, atque ordines instituerentur, qui toti essent secundum divina rite procurata in bellicis expeditionibus, atque exercitationibus ab omni rerum quarumlibet administratione semoti. – *Bozio T. De robore bellico*. P. 12 (Cap. I).

Согласно Боцио выходит, что христианской власти, точнее, власти римского понтифика, уже не нужно никакого *ragione di Stato* с *arcana Imperii*, потому что такая успешная власть не нуждается в тайнах и тайных планах (которые еще были уместны в построениях Ботеро). Ей не нужно и требовать доверия от подданных. Ведь, как известно, среди *arcana imperii* самая главная тайна – это знание власти о собственном бессилии. А победа власти понтифика во всех отношениях очевидна и безусловна, следовательно, у нее этой главной из тайн, тайны бессилия, быть не может. Эсхатологический горизонт, у Ботеро уже различимый, у Боцио донельзя приблизился – он почти совпадает с настоящим. Ведь обстоятельства настоящего времени уже не позволяют сомневаться: Церковь не только будет торжествовать в будущей жизни, она прообразует это грядущее духовное торжество вполне материальным торжеством в нынешнем веке – военными победами католических воинов и нерушимым материальным благополучием верных.

В конструкциях Ботеро и Боцио христианство тяготеет к тому, чтобы из содержательного учения сделаться, с одной стороны, резервуаром авторитета – способом самоидентификации власти понтифика, авторитетного самоназывания этой власти, - а с другой стороны, простой техникой осуществления этой власти, техникой убеждения и контроля. Отсюда есть очень важное следствие. Как бы ни были горьки упреки Макиавелли в адрес римских понтификов, на самом деле понтифики, как их изображают Ботеро и Боцио, заслуживают упреков еще худших. Апологеты папской власти не просто оставили от религии

только *технику* и *имя*. Они еще и неимоверно расширили и абсолютизировали *имя* религии, отождествив при этом с ней собственную власть и амбиции этой власти, стремящейся сделать своим доменом всю вселенную. Источник авторитета христианской церкви (и власти понтификов тоже) оказался подменен: теперь это не уверенность в превосходстве и святости христианской доктрины, а – используя этот термин в значении, в котором употреблял его Карл Шмитт, - *репрезентация* тотальности, превосходящей всякую доктрину и всякую святость. Католическая церковь превращается под пером апологетов Контрреформации в репрезентант тотальности – в символ *чистой идеи тотальности*, в идеал безграничного господства, внутри которого стираются всякие различия: между настоящим и будущим, уже осуществленным и только еще запланированным, между материальным и духовным, между внутренним и внешним, своим и чужим; между действием, выражающим собственные побуждения личности, и действием, ей навязанным; между личной совестью и ответственностью – и бдительностью государства, осуществляющего извне контроль личной совести каждого гражданина.

Julia V. Ivanova,
Poletayev Institute for Historical Studies in the Humanities,
Higher School of Economics

**THE ANTIMACHIAVELLISM OF THE COUNTER-
REFORMATION: FROM *RAGIONE DI STATO*
TO *SIGNA TEMPORALIS FELICITATIS***

In the last decades of the 16th century, Giovanni Botero (ca. 1544-1617) and Tommaso Bozio (1548-1610) put forward versions of political science that, in their opinion, disproved the principal points of Machiavelli's political doctrine. In my paper I am going to address primarily Botero's treatises *Della raggion di Stato* (1589) and *Delle cause della grandezza e magnificienza delle città* (1588), and Bozio's *De robore bellico diuturnis et amplis catholicorum regnis adversus Machiavellum* (1593) and *De ruinis gentium et Regnorum adversus impios Politicos libri VIII* (1598).

I am going to focus on some of Botero and Bozio's ways of reasoning which, while enabling them to criticize Machiavelli's political doctrine (although I never mean to say their reading of his texts was adequate!), demonstrate the extent to which these Counter-Reformation thinkers and apologists of the Holy See's authority depend in their concepts on the author of *The Prince* and *The Discourses on Livy*. Of course, this paper cannot cover all the illustrative instances of this kind. Therefore, I will only cite the ones that, in my opinion, allow us to see the ways in which certain points of the so-called 'Machiavelli doctrine', while being criticized (see example #1), were 'smuggled' by Botero into his theory of governance and by Bozio into his new versions of

church history. These new political theories were based on ‘strong’ arguments that were attributed to Machiavelli and most sharply criticized because they obviously contradicted to Christian morality.

1) *Justification of manipulative governance.*

Anthropological and sociological ideas repeatedly articulated in the writings of Machiavelli justified the ruler using violence against his subjects. In Botero, Machiavelli’s rhetoric of salutary violence was replaced by a rhetoric of benevolent control. Whereas Machiavelli based his discourse on rejecting classical ethics, Botero based his on negating the discourse of Machiavelli rather than on rehabilitating the classical ethic discourse. Quite often, themes and provisions of the *Raggion di Stato* are rebuttals referring to similar themes and provisions in *The Prince*: quite obviously, Botero speaks of the comforts and pleasures for subjects because Machiavelli speaks of the fear they should have and the necessity of violence against them (see Example #2 - [Dell’utilità]). Whereas Machiavelli recommends the ruler to show his subjects terrible performances like Ramiro d’Orco’s execution, Botero recommends things peaceful and pleasant like good architecture, beautiful open landscapes, Carlo Borromeo-style religious feasts and sports. In his model of society, pleasure and convenience are the main needs of the subjects. Good knowledge of these needs allows the ruler to achieve all his goals and even to regulate the population numbers in different provinces of the state. Botero develops most sophisticated measures of ‘indirect’ control over the population, i.e. a kind of control that is executed not by way of orders, encouragement or punishment, but by creating an environment in which people can’t but behave the way the authorities want them to (s. example #3 for the

establishment of a university and overcoming with the help of landscape planning the inconvenience of the city being filled by hard-to-control hyperactive youth, and example #4 for recommendations concerning the demoralization of disloyal subjects).

2) *The secular use of the Christian religion.*

J. Najemy and V. Sullivan's interpretations of Machiavelli's attitude towards Christianity in general and to Roman Catholicism in particular allow us to gauge the extent to which Botero depends on Machiavelli in his thesis on the usefulness of the Christian religion for rulers, both Catholic and non-Catholic (see example #5). They also make it possible to clarify the genesis of Bozio's *signa Ecclesiae* doctrine, including the section concerning *signa temporalis felicitatis* and the immanentist interpretation of what the Gospel promises to the faithful (see example #6).

Analyzing the composition of Botero's *Della raggion di Stato* we see how a specific political and theological logic is constructed in this work which makes it possible to seamlessly combine Christianity as a control know-how understood in an immanentist way, on the one hand, and Christianity as a transcendent source of authority and, at the same time, its eschatological horizon, on the other (see example #7 - the story about the rise of the house of Habsburg, only a few pages away from the abovementioned case made for the secular usefulness of Christianity, #5).

3) *The idea of Christianity as the idea of total power.*

Posing as emanation of God's authority over the world and mankind, Christian authorities model themselves on Him not only in being *universal* and *ubiquitous*, with their omniscience

extending from global historic processes to the smallest details of the most insignificant man's everyday life, but also in being incessantly and unsleepingly *active*. In Botero, the strength and the appeal of the 'disciplinary power' is based on an illegitimate pairing: minimalist anthropology and preference for manipulative measures found in Machiavelli are combined with classical teleology of political action. A Christian state of universal righteousness coupled with well-being takes the place of the Machiavellian terrorist regime that is radical and unattractive for many. A thorough control over the subjects that manifests itself in patronizing them on a daily basis is just propaedeutics, a demo of what will happen during the Last Judgment. This high degree of penetration into the life of every ordinary mortal and the desire to regulate every moment of their ordinary existence matches the importance of the ultimate task. The eschatological horizon is gradually turning into a habitual backdrop for ordinary bureaucratic procedures and centralized day-to-day dispatching of the subjects' work, military, intellectual and other constructive efforts. Christian authorities take care of all societal institutions, even those whose presence in a Christian state always represented a problem for theologians (for example, refuting Machiavelli's thesis that Christian soldiers lack heroic spirit and love of freedom as a result of popes' misinterpreting Christianity to favor *ozio* rather than *virtù*, Bozio makes a case for Christian warriors excelling all others at the art of war, which, he insists, is primarily thanks to the Roman pontiffs who founded military monastic orders, an unprecedented institution serving solely the aim of promoting the art of war: see example #8).

Botero prefers to work with social and spatial totality (cf. his *Relazioni universali*, 1591, for geographic totality), whereas

Bozio deals with historical totality. In order to refute two or three of Machiavelli's points, he deploys whole new versions of world history: a history of proving the righteousness and the power of the Catholic Church and the truth of its teachings; a history of mankind in terms of improving the arts of politics and warfare; a history of human happiness from paganism to Bozio's times. The main proof of the Church and the pontiffs' authority being established by God is, according to Bozio, the spread of Catholicism throughout the known world. His version of world history has it that Catholic nations always conquered non-Catholics, and only nations that fell away from Catholicism and allowed heretics or non-Christians to rise were defeated. Bozio does not even shrink from paltering with facts of recent past. He tells about battles in which Catholics allegedly lost but a dozen of soldiers while their enemies lost hundreds of thousands. This kind of reasoning strikingly resembles that of Botero, who incorporates the pious story of Rudolph of Habsburg in his *Della raggione di Stato*.

In Botero and Bozio's discourse, Christianity tends to turn from a meaningful teaching into a source of authority (i.e. an authoritative self-identification of the pontiff) and, on the other hand, into a simple technique of persuasion and control to implement the pope's authority. One very important consequence of this is that, apart from their tendency to reduce religion to mere *technique* and *name*, apologists of papal authority also excessively expand and absolutize the *name* of religion, identifying religion with their own authority and with this authority's ambition to turn the entire universe to its domain. The source of the ecclesiastical authority (and of the pontiffs' power, too) is thus substituted: the belief in absolute supremacy and sanctity of the Christian doctrine

gives place to what Carl Schmitt called *representation of a totality* transcending all doctrines and all sanctity. In the writings of Counter-Reformation apologists, the Catholic Church turns into a symbol of *the pure idea of totality*, an ideal of unlimited domination that erases all differences between the present and the future, between the already implemented and the yet planned, between the material and the spiritual, between the inner and the outer, between one's own and other people's things, between self-motivated and forced actions, between the conscience and sense of responsibility of a person and the vigilance of the state exercising external control of each citizen's conscience.

Quotations from Giovanni Botero's writings are taken from electronic versions in the Biblioteca italiana (URL:

Della ragion di Stato -

<http://www.bibliotecaitaliana.it/xtf/view?docId=bibit000589/bibit000589.xml>;

Delle cause della grandezza e magnificienza delle città -

<http://www.bibliotecaitaliana.it/xtf/view?docId=bibit000780/bibit000780.xml>)

Botero's book went through numerous editions. The four Italian lifetime editions are Venice 1589, Rome 1590, Milan 1596 and again Venice 1598. Translations into Spanish (1593), French (1599), Latin (1602), and German (1657) are known. See Firpo L. Botero, Giovanni // Dizionario biografico degli Italiani. V. 13 (1971) (URL: <http://www.treccani.it/enciclopedia/giovanni-botero> (Dizionario-Biografico)/) for details.

Quotations from Giovanni Botero's writings are taken from:

Иванова Ю.В. Два критика Макиавелли

Bozio T. De ruinis gentium et Regnorum adversus impios Politicos libri VIII. Coloniae Agrippinae: Apud Ioannem Gymnicum, MDXCVIII.

Bozio T. De robore bellico diuturnis et amplis catholicorum regnis liber unus adversus Machiavellum. Romae: Ex Typographia Bartholomaei Bonfadini, MDXCIII.

Bozio T. De signis Ecclesiae Dei contra omnes haereses libri XXIII. Romae: Ex bibliotheca Jacobi Tornerij, MDXCI.

Selected Bibliography

Descendre R. L'état du monde. Giovanni Botero entre raison d'État et géopolitique. Genève: Librairie Droz, 2009.

Headley J.M. Geography and Empire in the Late Renaissance: Botero's Assignment, Western Universalism, and the Civilizing Process // *Renaissance Quarterly*. Vol. 53. No. 4 (Winter, 2000). P. 1119-1155.

Najemy J.M. Papirius and the Chickens, or Machiavelli on the Necessity of Interpreting Religion // *Journal of the History of Ideas*. Vol. 60. No. 4 (Oct., 1999). P. 659-663.

Sullivan V.B. Neither Christian nor Pagan: Machiavelli's Treatment of Religion in the "Discourses" // *Polity*. Vol. 26. No. 2 (Winter, 1993). P. 259-280.

И.Я. Эльфонд

Саратовский государственный университет социально-
экономических наук

ПРОБЛЕМА РЕЦЕПЦИИ УЧЕНИЯ МАКИАВЕЛЛИ ВО ФРАНЦИИ И ГЕНЕЗИС МАКИАВЕЛЛИЗМА.

В пропаганде и мифотворчестве периода гражданских войн XVI в. во Франции важным элементом становится поиск идейного врага-вдохновителя бедствий. Ксенофобия (италофобия) глубоко укореняется во Франции и именно в этом контексте особое внимание политических теоретиков снискало творчество величайшего политического мыслителя Н. Макиавелли. Ни в одной стране Европы имя Макиавелли не было овеяно такой зловещей славой уже в XVI в., как во Франции. Его наследие быстро приобрело популярность с выраженным негативным оттенком как раз в период гражданских войн. А имя Макиавелли постепенно становится нарицательным, фактически синонимом черного злодея и вдохновителя любых злодеяний, хотя его произведения в переводе на французский были изданы во Франции незадолго до начала этих войн: «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия» увидели свет во Франции в 1548, а самое известное его сочинение «Государь» было опубликовано в 1553 г. (в двух вариантах), то есть всего за 9 лет до начала гражданских войн. Имя Макиавелли в многообразной по идеям, жанрам и направленности политической литературе Франции было

крайне непопулярно¹ и не будет преувеличением заявить, что негативное отношение к учению Макиавелли усиливалось по мере углубления политического кризиса и гражданских войн. Отношение к личности Макиавелли, особая интерпретация его учения, известная под именем макиавеллизма, и политика, соответствующая этой интерпретации, а также безоговорочное осуждение этого учения (антимакиавеллизм) во Франции традиционно связываются с протестантской пропагандой², но при этом снимается вопрос о причинах этих оценок не только протестантов, но и католической партии и «политиков», о связи теоретических установок и политической практики. Вопрос о рецепции наследия Макиавелли гораздо шире и связан с общей линией развития идеологии во Франции этой эпохи и новыми тенденциями в европейской духовной жизни. Неслучайно, что в последние десятилетия значительно усиливается интерес и к наследию Макиавелли и к макиавеллизму.

Для понимания важности этого вопроса следует учесть, что большинство протестантов, хотя и не говорили об этом открыто довольно долго, идентифицировали тиранию с французской монархией не только в религиозной политике.

¹ См. *Kelley D. Murd'rous Machiavel in France // Political Science Quaterly. 1970 (LXXXV). P. 545-559. Mastellone S. Machiavellismo et venalità in Francia. Firenze, 1972. Machiavellismo et antimachiavellismo. Firenze, 1972.*

² Ср. «Имя великого флорентийца стало приобретать одиозный оттенок как раз в это время в ходе идейной борьбы протестантов и католиков во Франции. Тогда появился и термин «макиавеллизм» как обозначение политики, в которой гугеноты обвиняли Екатерину Медичи, ее коронованных сыновей и окружавших ее итальянцев». *Юсим М.А. Макиавелли в России. Мораль и политика на протяжении пяти столетий М., 1998. С. 11.*

Резкая критика политики правительства идеологами оппозиции сопровождалась пропагандой антиитальянских настроений. Первоначально публицисты ограничивались заявлениями о невозможности для французских государей править по принципам Макиавелли или слушать подобных советников (читай, итальянцев).

Эти два момента и вызывали пристальный интерес к учению Макиавелли. Первые упоминания о наследии Макиавелли встречаются во французской публицистике в ходе Памфлетных войн 60-х годов. Критика власти в этих обычно анонимных сочинениях связывается с идеей о засилье иностранцев (последователей Макиавелли). Италофобия была неотделима от обвинения в пропаганде тирании, тирания идентифицировалась с современной им монархией, а ксенократия (даже гинекократия!) – с правлением Екатерины Медичи. Памфлетисты всех лагерей не брезговали в силу этого и критикой Макиавелли. Этим действительно раньше занялись протестанты, для которых важным моментом в пропаганде становится антиитальянская направленность в целом. Поэтому в ряде памфлетов доказывается, что во Францию проникает идейное влияние теоретиков тирании, а проводниками его объявлялись итальянцы. Естественно, что в предпринятой идеологами протестантов кампании против иностранцев, против ксенократии широко использовались выпады против учения Макиавелли; с точки зрения многочисленных памфлетистов, иностранцы разлагают французских правителей при помощи идей Макиавелли: «вам

подсказывают опасные злокозненные суждения (как прежде иным государям) чтобы привести к неминуемой гибели»³.

Однако, очень быстро к критике Макиавелли подключаются и католики в целях дискредитации своего политического противника. Впервые они выступили против Макиавелли в памфлете «Ответ на некое сочинение, изданное адмиралом», относящемся к 1568 г.⁴. Негативные оценки Макиавелли как создателя и пропагандиста учения о тирании, атеизма и т.п. сложились во всех лагерях и во многом объяснялись италофобией. Особенно часто имя Макиавелли начинает упоминаться протестантскими публицистами после Варфоломеевской ночи. Уже в первом из программных памфлетов эпохи «Будильник французов» в жестком осуждении королевской власти и ее носителей во Франции утверждалось, что политика носителей власти опиралась на учение флорентийского мыслителя; протестанты прямо обвиняют корону в тирании, а Макиавелли – в идейном обосновании этой тирании: «Они – способные ученики Макиавелли»⁵. Тогда-то и становится популярным образ Екатерины Медичи – злодейки, флорентинки, предательницы интересов французского народа и его палача, которая использовала пагубное учение своего соотечественника; по мнению публицистов, «королева достойно следовала за своим Макиавелли»⁶.

³ Requête et remontrance du peuple adressante au Roy. [S./l.,] 1567. P. 8.

⁴ Responce à un certain escrit publiè par l'Amiral et ces adherens, pretendans couvrir et excuser le rupture qu'ils ont faite de l'edict de pacification. P., 1568.

⁵ Reveille-Matin des François et de leur voisins. (Edinbourg), 1574. P. 141-142.

⁶ Discours merueilleux de la vie , actions et deportement de Catherine de Medicis, royne-mère. Genève, 1575. P. 39.

Концепция, выдвинутая протестантами, оказалась живучей и впоследствии использовалась идеологами Католической Лиги, последние, усердно подыскивая доводы против своих врагов политиков, то есть умеренных католиков, обвинили их в равнодушии к религии, и, следовательно, в атеизме или лицемерии. И то, и другое ультракатолики объявили идейным влиянием учения Макиавелли: «Они вечно используют положения Макиавелли и придерживаются любой религии исключительно ради личной выгоды и своих доходов». Призывы же к миру впоследствии объявлялись вредными для Франции; вместо того, чтобы «использовать медицину Гиппократов для больного государства, используются методы Макиавелли»⁷.

Таким образом, уже в первый период гражданских войн во французской политической публицистике, как в протестантской, так и католической, сложилось (а в дальнейшем популяризировалось) резко негативное мнение о Макиавелли как о создателе и пропагандисте учения о тирании, атеизма, аморализма, приспособленчества. В тот момент его учение о государстве, как и исторические взгляды, не интересовали публицистов, что объяснялось и накалом страстей и задачами публицистики. Похоже, что многие из них и не читали сочинения Макиавелли. По сути дела, Макиавелли обвинялся в проповеди аморализма. Однако, негативное отношение к мыслителю (и его сочинениям) еще более усиливается в период после Варфоломеевской ночи, когда политическая идеология

⁷ *Dorlean L. Advertissement des catholiques anglois aux françois catholiques. P., 1586. P. 10r.*

опирается на идеи тираноборчества и конструируется мрачный образ «*le gou-turan*», восходящий к тексту «Государя». Весьма сомнительно, чтобы и эти авторы детально изучали наследие Макиавелли, они предпочитали некую тенденциозно отобранную выжимку из его идей. Но работу по критическому анализу, отбору цитат и даже фальсификации учения Макиавелли должен был кто-то проделать. Взял на себя этот весьма своеобразный и, как показала история, перспективный труд один из политических идеологов гугенотов И.Жантье.

Он упрощенно перелагал идеи великого флорентинца, резко заостряя их и одновременно вырабатывая основные приемы и формулируя идеи антимаккиавеллизма под знаком неприятия аморализма. Жантье выступал против учения Макиавелли с первых своих шагов на пропагандистском поприще. Уже в сочинении «Ремонстрация королю» повторил уже ставшую трюизмом в протестантской публицистике идею о том, что причина всех бедствий страны – это засилье ксенократии, действующей по программе, составленной Макиавелли как указание для тиранов; согласно ему, «следование предписаниям Макиавелли стало причиной гражданских войн и смятения в королевстве»⁸. Таким образом, для стабилизации общества «необходимо навечно изгнать Макиавелли из Франции»⁹. Радикальность этих требований Жантье никого не убедила. Поэтому в дальнейшем он проделал гигантский труд по опровержению учения Макиавелли и идентификации личности самого

⁸ *Gentillet I. Remonstrance au Roy. Frankfurt, 1574.*

⁹ *Gentillet I. Remonstrance au Roy. P.151.*

мыслителя с образом его государя. В 1576 г. в Женеве вышел трактат, вошедший в историю под коротким названием «Анти-Макиавелли», хотя сам автор раскрыл его содержание в длинном названии, отражавшем его позицию: «Анти-Макиавелли или речь о средствах доброго правления и поддержания благого мира в королевстве или другом государстве»¹⁰. Жантийе открыто продекларировал тезис о том, что именно учение Макиавелли является первопричиной всех бедствий Франции и ставил своей задачей показать, что государство и власть должны быть противоположны тому, что писал Макиавелли, намереваясь вскрыть идейный источник ситуации во Франции. Уже во введении к своему трактату, посвященному наследнику престола герцогу Анжуйскому (главе партии «политиков»), он прямо связывает учение Макиавелли с бедствиями Франции во время гражданских войн, объявив учение великого флорентинца источником тирании. Цель сочинения сформулирована автором однозначно: «опровергнуть доктрину Макиавелли»¹¹. Трактат был рассчитан на массовую аудиторию, а потому написан на французском языке и за короткий срок выдержал 5 изданий, а в 1605 был осужден и запрещен католической церковью.

Несостоятельность доводов Макиавелли доказывается несколькими способами. Жантийе заявляет, что Макиавелли

¹⁰ *Gentillet I. Anti-Machiavel ou discourse sur les moyens de bien gouverner et maintenir en bonne paix un Royaume ou autre principauté. Genève, 1576.* В работе использовалось позднейшее издание Э. Пате: *Gentillet I. Anti-Machiavel ou discourse sur les moyens de bien gouverner et maintenir en bonne paix un Royaume ou autre principauté. Genève, 1968.* Далее ссылки на это издание даются как *Gentillet I. Anti-Machiavel.*

¹¹ *Ibid.* P. 31.

«невежествен в политической науке». Это мнимое невежество автор связывает с недостатком политического опыта, поскольку «Макиавелли ничего не мог видеть в свое время, кроме склок нескольких итальянских государств»¹². Логика автора удивительна – с одной стороны, «память о нем больше заслуживает того, чтобы ее погребли в полном забвении, чем освежали»¹³. Но при этом Жантийе пишет огромное по размерам сочинение, посвященное Макиавелли.

Ненависть к Макиавелли в основном подогревается глубокой убежденностью Жантийе в том, что «Франция сегодня управляется по доктрине Макиавелли». Суть этого управления, равно как и доктрины Макиавелли, Жантийе излагает предельно просто; он признает, что «Макиавелли более сведущ в отношении государства, впавшего в тиранию, чем любой из авторов, которых довелось читать». Следовательно, те, кто следует принципам Макиавелли, разъясняет Жантийе, являются сторонниками и апологетами тирании, поскольку Макиавелли «писал, чтобы ввести тиранию в практику государей»¹⁴. Проблема тирании, ее типологии, исторические примеры тиранов и сопоставление их с примерами государей Макиавелли занимают значительную часть трактата¹⁵.

Более того, антимакиавеллизм органически связывается в трактате не только с тиранией, но и италобобией – Жантийе внушает ненависть к итальянцам, доказывая, что Францией

¹² Ibid. P. 32.

¹³ Ibid. P.33.

¹⁴ Ibid. P.271.

¹⁵ См. *Эльфонд И.Я.* Проблема тирании в трактате И. Жантийе «Анти-Макиавелли» // Макиавелли: pro et contra. СПб., 2002. С. 583-595.

правят именно они: «эти итальянцы, которые в настоящее время управляют Францией, четко придерживаются того мнения, что максимы Макиавелли – истина»¹⁶. Антиитальянские выпады завершаются показательным обобщением: «подобно тому, как драгоценные камни ценятся дороже всего, поскольку они редки, так и благородные итальянцы должны почитаться, поскольку их очень мало». Автор трактата неоднократно позволяет себе недвусмысленные аллюзии в адрес Екатерины Медичи; в его представлении именно она – проводница идей Макиавелли на государственном уровне. Автор приходит в ярость от идеала государя Макиавелли и обвиняет Макиавелли в развращении правителей, Несостоятельность идеала государя Макиавелли для Жантийе подтверждается и примерами, которые приведены в тексте самого Макиавелли.

Жантийе продолжает развивать уже сложившиеся в гугенотской историографии и публицистике традиции, – то есть использует голословные обвинения и ругань в адрес, как самого Макиавелли, так и его последователей во Франции. С редким упорством он повторяет, что именно «доктрина Макиавелли является причиной самой значительного и отвратительного разложения, которое ныне утвердилось во Франции». Макиавелли объявляется виновником всех бедствий Франции: «все, что происходит во Франции: атеизм, содомия, предательство, жестокость и все прочие пороки, разве не от Макиавелли они идут и не от предательства со стороны (представителей) его народа?»¹⁷. Все рекомендации

¹⁶ *Gentillet I. Anti-Machiavel. P. 150.*

¹⁷ *Gentillet I. Anti-Machiavel. P. 323.*

Макиавелли идут только во вред правильному правлению и разлагают государей: «великие и благородные государи, которые почитались величайшими в свое время в мире (Цезарь, Александр Великий, Кир, Карл Великий), использовали способы правления, противоположные советам Макиавелли».

При этом характерно, что Жантийе полагает, что учение Макиавелли вышло далеко за рамки гуманитарного знания, он провозглашает эту доктрину неким универсальным средством утверждения тирании.

Как противовес учению Макиавелли Жантийе приводит учение о тирании и власти знаменитого юриста-постглоссатора Бартоло Сассофerratо и говорит об очень скромных задачах Макиавелли – «воспитывать (former) итальянских тиранов». Таким образом, хотя Жантийе и стремился обрисовать учение Макиавелли и его самого как универсальное «зло под солнцем», он действительно владел оригинальным текстом и понимал, что рекомендации Макиавелли определялись итальянской социально-политической конъюнктурой своего времени. Это понимание не мешало ему решительно осуждать учение и далее открыто передергивать тексты Макиавелли. Он доказывает, что Макиавелли призывал государей воспитывать в себе самые скверные человеческие качества и последовательно следовать им; согласно ему, «Макиавелли хочет сказать, что жестокость, предательство, нечестивость, хитрость, разврат не просто должны быть свойственны государю, но он в случае необходимости должен еще приобрести привычку упражняться во всем этом».

Совершенно особым в критике Жантйе приемом является отождествление личности самого Макиавелли с его идеалом правителя, в его изображении Макиавелли не только оправдывает пороки государей, но сам лично олицетворяет этот идеал: «Макиавелли хочет сказать, что для него только порок является обычаем, он дает скверные советы, но в его обычае самому следовать за пороком». В итоге Жантйе призывает всех, для кого мораль не является пустым звуком, «с отвращением отвергнуть столь омерзительную доктрину, как та, которую предлагает Макиавелли».

Таким образом, Жантйе выразил предельно детально и отчетливо сложившуюся во французской политической литературе традицию – учение Макиавелли решительно осуждается, в нем отвергается буквально все, личность Макиавелли отождествляется с его идеалом правителя, и сам он, следовательно, есть воплощение порока. А политическая теория Макиавелли неприемлема, поскольку она пропагандирует тиранию и способствует ее утверждению. Главным же недостатком является то, что эта тирания благодаря проискам итальянцев укоренилась во Франции и разрушает все ее традиции, способствуя ликвидации государственного порядка, а в конечном итоге и гибели страны. По сути, он суммирует все негативные суждения и оценки, которые уже нашли выражение в политической литературе эпохи. Но свою славу «ниспровергателя Макиавелли» Жантйе приобрел благодаря иному.

Огромный, трудно воспринимаемый трактат едва ли получил бы такой общественный резонанс, если бы не специфический прием, который был использован Жантйе.

Вероятнее, всего он и не пытался сконструировать особую версию учения Макиавелли, скорее всего, просто хотел сделать свое гигантское, растянутое сочинение более доходчивым. Поэтому каждую главу своего трактата автор озаглавил хлесткой цитатой, либо прямо выхваченной из текста Макиавелли, либо просто усиленной Жантйе в нужном ему направлении. Всего таких «цитат» было 50. Эти заглавия должны были поражать читателя своим цинизмом. В особенности это относится к заглавиям разделов третьей части трактата, посвященной политике государя, а в интерпретации Жантйе и его нравственным качествам. Из тридцати семи глав последнего раздела более тридцати названий носили крайне тенденциозный характер. Жантйе рисует буквально чудовищный облик государя. Метод автора довольно ясен: он просто опускает ненужные ему фрагменты, где Макиавелли разъясняет свою позицию; в этих максимах он претендует на доказательство универсальности рекомендаций Макиавелли. Иногда, чтобы добиться требуемого эффекта, он прямо искажает смысл цитат Макиавелли, усиливая их смысл: «жестокость, которая ведет к доброму концу, не должна осуждаться», «государь не должен страшиться предательства, обмана и притворства»¹⁸. Не брезгает он и приписыванием Макиавелли цитат других

¹⁸ Сравнить с оригиналом Макиавелли: «порицать надо того, кто жесток для того, чтобы портить, а не того, кто бывает таковым, чтобы исправлять» (Disc.,1,9) (Пер. Р. Хлодовского. См.: *Макиавелли Н.* Рассуждения о первой декаде Тита Ливия // *Макиавелли Н.* Избранные сочинения. М., 1982. С. 399); «ради сохранения государства государь часто бывает вынужден идти против своего слова, против милосердия, доброты и благочестия» (Pr., XVIII). (Пер. Г. Муравьевой. См.: *Макиавелли Н.* Государь // Там же. С. 352.)

авторов, в частности, максимы Тита Ливия: «война справедлива, если она необходима».

Однако главное значение творения Жантйе заключалось не в названиях. Каждая глава сочинения предваряется небольшой преамбулой, в которой он разъясняет заголовок. Эти-то фрагменты и представляли собой изложение положений макиавеллизма и по сути своей являлись упрощением подлинного учения Макиавелли, причем трактовка их достаточно далеко уходит от оригинала. Интерпретация отдельных положений Макиавелли привела в сущности к созданию особой версии политической теории великого флорентинца и ее вульгаризации, если не фальсификации. Жантйе четко сформулировал положения того, что позднее станут называть макиавеллизмом, и приписал эти положения Макиавелли.

Жантйе не ограничился конструированием положений макиавеллизма, но и изложил основные приемы и идеи антимаккиавеллизма. Основную часть сочинения представляют попытки автора опровергнуть сформулированные им же положения, приписываемые Макиавелли, с морализирующих позиций. Но заголовки и преамбулы оказались более яркими и более доступными, чем их многословное опровержение. Пожалуй, именно с этого времени само слово «макиавеллист» во Франции (а затем и в Европе) становится не столько обозначением последователей Макиавелли, сколько синонимом циника, лицемера и злодея. Именно в этом духе и интерпретировалось учение Макиавелли и поминалось его имя во французской публицистике в 80-е гг. XVI в., причем наиболее резко в

процессе углубления религиозных войн выступили ультракатолики – последователи Католической Лиги. Они воспользовались клише, созданным протестантами, поскольку оно очень подходило для критики двора Генриха III. Именно католики в 80-е годы открыто называют должностных лиц монархии макиавеллистами. Одновременно обвинение в макиавеллизме – это и обвинение в полной нравственной деградации: «Беарнец опечалил макиавеллистов покойного короля, его советников, злейших и величайших негодяев»¹⁹. Их политика, с точки зрения публицистов Лиги, – «указание, которое дает атеист Макиавелли своему тирану в трактате, озаглавленном им «Государь»»²⁰. Таким образом, концепция, выдвинутая протестантами, оказалась живучей.

Роль Жантйе в деле формирования идейных основ макиавеллизма оказалась исключительно велика, настолько, что даже иезуиты брали материал для критики Макиавелли не по самим его сочинениям, а по той интерпретации его теории, которую дал Жантйе. Это наглядно подтверждается сочинением А. Поссевина, где Макиавелли оказывается в компании с тремя французами – Лану, Дюплесси-Морнэ и Боденом. Жантйе прямо не упоминается Поссевином, для него этот автор – «один из кальвинистов, бежав в Женеву, издал книгу и назвал ее «Анти-Макиавелли», скрыв свое имя». Поссевин оценивал выше сочинение Жантйе, чем сами протестанты, утверждая, что тот «побивает Макиавелли

¹⁹ Responce à l'Anti-Espagnol, semé ces jours passes par les rues et carrfours de la ville de Lyon de la part des conjures qui avoyent conspire de livrer la dicte ville en le puissance des heretiques. Lyon, 1590. P. 38.

²⁰ Ibid. P. 37.

некоторыми доводами, почерпнутыми из древних историй»²¹. И только историк Э. Пакье не разделял восторженное отношение к творению Жантийе, справедливо разглядев за критикой Макиавелли попытки оправдать гражданские войны. В письме к секретарю короля он довольно скептически оценивает трактат: «вы одобряете автора «Анти-Макиавелли», но и он впадает в крайности. И если он желал поднять подданных против своего суверена, то я приговариваю и его книгу сразу же»²².

Однако восприятие и осуждение Макиавелли как политического теоретика во Франции этой эпохи опиралось, по сути, на один его трактат «Государь» (даже на отдельные его главы). Только крупнейшие историки и политики эпохи обратились и к другим его произведениям. Но и для них, как и для протестантов, фигура Макиавелли оказалась одиозной и, несомненно, иные из них, воспринимали не столько самого Макиавелли, сколько интерпретацию его учения гугенотами, то есть объективно выступили скорее против макиавеллизма. Макиавеллизм идентифицируется у этих авторов с пропагандой тирании или деятельностью исторических личностей, которую можно квалифицировать как тираническую. Зловещий отблеск «Государя» определил и их оценки других сочинений.

²¹ *Поссевино А.* Предостережение относительно писания как Макиавелли, так и того, кто написал против него «Антимакиавелли», имя же свое не указал. / Приложение к статье: *Юсим М.А.* «Ревностный гонитель памяти Макиавелевой» // Средние века. М., 1993. Вып. 56. С. 249.

²² *Pasquier E.* Les lettres. Vol. I. L. IX. Ep. 5. P., 1619. P. 551.

Наиболее отчетливо это отношение прослеживается у известного историка-эрудита Э.Пакье²³. Оно определялось отношением Пакье к идеалу правителя, сформулированному в «Государе» и к гражданским войнам. Пакье, как и большинство мыслителей Франции той эпохи, разделял учение Бартоло Сассоферрато о тиранах. Образ тирана по образу действий историк связывает, прежде всего, с историей Средневековья, именно в эту эпоху тирания представляет собой трансформацию законных государей в тиранов. Резко негативное отношение к тирану по образу действий в «Изысканиях о Франции» Пакье связывал с историей Средневековья. Он детально рисует образы государей-тиранов, наиболее ярким литературным портретом франкской королевы Фредегонды, которая, по убеждению историка, воплощала в себе идеал государя, выдвинутый Макиавелли²⁴. Не менее показательна оценка правления Манфреда Гогенштауфена: он назван не только тираном-узурпатором власти, но и «макиавеллистом»²⁵. В своих оценках Пакье допускает анахронизм, сицилийскому королю XIII столетия приписывается политика, сформулированная для исторических условий XVI в. Тем самым Пакье квалифицирует макиавеллизм (по его мнению, подлинное учение Макиавелли) уже как универсальное явление; как определенную систему взглядов, оправдывающую и обосновывающую тиранию, не зависящую от региона или

²³ См. *Battista A.M. Machiavelli et Pasquier // Rivista internazionale di filosofia del diritto.* 1961 (38). P. 491-516, и ее же позднейшую монографию. *Idem. Politica e morale nella Francia dell'eta moderna.* Genova, 1998.

²⁴ *Pasquier E. Les Recherches de la France.* P., 1643. P. 930.

²⁵ *Ibid.* P. 778.

эпохи. Последнее весьма показательно, ибо Пакье невольно свидетельствует о том, что в представлении французов XVI в. учение Макиавелли перерастает свое подлинное значение в умах современников. И, хотя и принимает мрачно-зловещую окраску, становится обобщающим и пригодным для анализа любой эпохи.

Собственно Пакье связывает с именем Макиавелли имена достаточно одиозные для французов (Манфред, политический противник Карла Анжуйского, был отлучен от церкви) и сам прокламирует собственные цели – для него не столь важны оценки деятельности Фредегонды или Манфреда, сколько дискредитация учения Макиавелли в глазах своих современников и, прежде всего государей. Вместе с тем, Пакье в значительной мере опирается на учение Макиавелли о государе и власти в своем политическом сочинении «Рассуждение о государе» (1560), хотя во многом отталкивается от него и косвенно полемизирует²⁶.

Позиция историка ярко проявилась в его малоизвестном письме, адресованном секретарю короля Шандону и полностью посвященном наследию Макиавелли. Пакье опасается того, что учение Макиавелли (точнее макиавеллизм) может ввести правителей в соблазн, и потому ставит перед собой чисто назидательную задачу - осудить и мыслителя, и его учение. Эмоциональные оценки («ужасающее суждение») связаны с любопытным моментом:

²⁶ «Рассуждение о государе» является опровержением самого духа Макиавелли. См.: *Dahlinger. E. Pasquier on Ethics and history. New-York, 2007.* P. 84. См. также: *Parkin J. Machuavellism in Etienne Pasquier's Pourparler du Prince // Modern Language review. V. 68. № 3 (July, 1973). P. 530-544.*

Пакье понял, что Макиавелли отделил политику от морали (а мораль для него неотрывна от христианства). Потому-то историк и не понимает, как подобное «пришло в голову человека, считающего себя христианином», но отмечает, что тот «показал нам, что в любом деле следует отделять пользу (utilité) от чести (honneur)», добавляя, что под понятием «честь» лично понимает, «все, что относится к virtù (добродетели)»²⁷. Неслучайно он упоминает о том, что ««Государь» содержит в придачу еще и безбожие (impiété)». Вред главы «О коварстве (scélératesse)» он усматривает в развращении правителя, то есть в том, что Макиавелли демонстрирует, как «тот, кто должен являть подлинный образ Божий на земле, способен достичь верховной власти путем злодейств»²⁸.

Историк не отрицает, что Бог иногда допускает приход к власти с помощью «экстраординарных средств» и властитель способен воспользоваться абсолютной властью против своих подданных, но, оспаривая тезисы Макиавелли, напоминает о том, что все такие правители плохо кончали. Согласно Пакье, «Бог хочет, чтобы дурные государи приняли печальный конец»²⁹. И вот здесь он прямо вступает в полемику с Макиавелли на основании анализа «Рассуждений о первой декаде Тита Ливия». Несомненно, что Пакье знал трактат Макиавелли «Discorsi», но оценки его, как и интерпретация текста самого Ливия, были крайне своеобразны: историк

²⁷ *Pasquier E. Les Lettres. P., 1619. V. I. L. IX. Ep. 5. P. 539.* Пакье не датировал своих писем. Данное письмо могло быть написано только после выхода в свет сочинения «Анти-Макиавелли» И. Жантийе (1576).

²⁸ *Ibid. P. 540.*

²⁹ *Ibid. P. 550.*

выбирает фрагменты, которые доказывают его видение: узурпаторы власти неизбежно караются Богом. Трактовка этих книг Ливия у Макиавелли приводит в ярость Пакье: «Меня переполняет гнев против этого великого Макиавелли». Пакье иначе трактует книги Тита Ливия и несогласен с позицией флорентийского мыслителя, признавая при этом влияние сочинения Ливия на воззрения Макиавелли. По его мнению, сочинения Тита Ливия оказали огромное воздействие на концепцию Макиавелли, но тот сумел извлечь из них иные выводы, изложенные им во введении, чем те, которые разделял сам Пакье. Речь идет, судя по всему о мысли Макиавелли: «достоин уважения не просто тот, кто стоит во главе государства, но тот, кто умеет им управлять»³⁰. Обвинение в фальсификации и неверной интерпретации античной истории строится на осуждении методов анализа текста гуманистом; в представлении Пакье, Макиавелли «занимается тем, что извлекает из текста Ливия причудливую вытяжку, игнорируя то, что служит поучением королям и суверенным государям»³¹. Как примеры дурных властителей Пакье приводит судьбы Амулия, Ромула, обоих Тарквиниев (именно в связи с трактовкой их деятельности Макиавелли). Так, судьба Ромула «на мой взгляд, была наказанием, данным правосудием Бога, карой за злодеяния, совершенные ради власти в отношении Рема, сабинян и Тация»³². С точки

³⁰ Макиавелли Н. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия // Макиавелли Н. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. Государь. М., РОССПЭН, 2002. С. 8.

³¹ Pasquier E. Les Lettres. P., 1619. V. I. L. IX. Ep. 5. P. 548 (в тексте этого издания ошибка в пагинации, на самом деле это страница 540)

³² Ibid. P. 544.

зрения Пакье, гибель первых римских царей обусловлена волей и справедливой карой Бога, поскольку «все эти государи пришли к власти в своих владениях (estats) путем злодейства и тем же путем пытались ее удержать»³³. Историк критикует Макиавелли за односторонний подбор примеров. Ливий, как он отмечает, приводит и другие, более положительные: Нуму, Тулла Гостилия, Анка Марция, которые обладали многими достоинствами, завершили свой жизненный путь благополучно и которые правили так, как «это подобает хорошим царям».

Таким образом, историк обвинял Макиавелли в пристрастной интерпретации Ливия в политических целях и констатировал вредоносность для монархии трактовки Ливия у Макиавелли. Причем Пакье указывает, что Макиавелли сознательно использует такой подход: «мудрые авторы... изображают [правителей] как воинов и благоразумных людей, чтобы они служили зеркалом и примером»³⁴. Макиавелли же, демонстрирует Пакье, поступает наоборот. Судя по всему, Пакье считал Макиавелли противником монархии, поскольку вывод делается неожиданный: французский историк считает, что Макиавелли останавливается на злодействах римских царей для оправдания перехода к республике: «Юний Брут вследствие разложения монархии создал государство, в котором смешивалась власть знати (potentats) и народ (peuple)»³⁵. И эта трактовка фактического материала Ливия показывает, по

³³ Ibid. P. 541.

³⁴ Ibid. P. 549.

³⁵ Ibid. P. 548.

мнению Пакье, что концепция данного сочинения вполне корреспондируется с «главой о коварстве» «Государя».

Пакье не ограничивается этим и связывает учение Макиавелли с макиавеллизмом, По его мнению, учение Макиавелли разлагающе действует прежде всего на придворные сферы, а потому он желал бы, чтобы примером для монарха служили достойные люди, а не «этот злосчастный автор, который очень дорог почти всем нашим придворным и почитается ими»³⁶. Более того, он употребляет сам термин «макиавеллист», подразумевая под ним последователей учения Макиавелли (подобно тому, как делал это в «Изысканиях о Франции») ³⁷. Тем самым добропорядочный католик, историк и юрист, отождествляет макиавеллизм с определенной социальной общностью - придворными кругами. Тем не менее Пакье не выступает и как последователь антимаккиавеллизма, он далеко не разделял, как отмечалось выше, восторженное отношение к творению Жантийе.

Письмо Пакье показательно. Прежде всего, сам жанр обусловил необычайно эмоциональный характер, гуманист действительно выражает свои личные переживания, это – не наигранный рассчитанный пафос памфлетистов. И подобные эмоции (не слишком присущие историку) свидетельствуют о глубоком неприятии интеллектуалами эпохи религиозных войн наследия Макиавелли. При этом следует учесть, что как историк и политический мыслитель Пакье не мог не осознавать значимость учения Макиавелли, так что можно

³⁶ Ibid. P. 551.

³⁷ Ibid. P. 550. Parlez à un machiavellist...

предположить, что за этой яростью стоит страх, испытываемый Пакье перед возможным дальнейшим развитием политической ситуации во Франции, и протест против всего того, что может ее еще усугубить. Это доказывается и его оценками сочинения И. Жантийе. Не менее важно, что историк выстраивает свои оценки на основании анализа важнейших сочинений Макиавелли и сопоставлении его текстов с текстом Тита Ливия.

В целом же оценки Пакье доказывают, прежде всего, насколько широко распространились и как глубоко внедрились в сознание даже образованных людей не только идеи тираноборчества, сформулированные гугенотами, но и положения, связанные с негативной интерпретацией теории Макиавелли. Объективно Пакье выступает против Макиавелли в той же плоскости, что и Жантийе. Для него Макиавелли неприемлем как защитник и апологет тирании, он сводит его вклад в политическую мысль к описанию того, как «государь может получить княжество благодаря злодеяниям»³⁸. Его восстанавливает против Макиавелли даже интерпретация Тита Ливия но, прежде всего, пропаганда аморализма и тирании; Макиавелли «в качестве примера величайшего государя дает нам самого скверного из них: Цезаря Борджиа»³⁹. Сам Пакье – убежденный противник тирании, он немалое место уделил ее критике еще в трактате «Рассуждение о государе», а страсти гражданских войн, похоже, только укрепляют умного и тонкого, ироничного историка в абсолютном неприятии крупнейшего мыслителя

³⁸ Ibidem.

³⁹ Ibid. P. 549.

своего времени. Пакье не только не видит боли и горечи автора «Государя», он приговаривает его книгу: «Я бросил бы в огонь его сочинение»⁴⁰.

Можно заметить, что усиление нетерпимости к Макиавелли и его учению, а еще чаще интерпретации этого учения идет по нарастающей и доходит до своего апогея в 80-ые годы. Даже у Ж. Бодена, наиболее глубокого мыслителя эпохи, наблюдается та же эволюция. В своем первом сочинении «Метод для легкого изучения истории» Боден отзывается о мысли Макиавелли с большим уважением⁴¹, но в трактате «О государстве», он неоднократно прямо и косвенно полемизирует с флорентийцем. Во «Введении» к изданию 1578 г. Боден открыто заявляет, что выступает не только против защитников тираноборчества, но и против апологетов тирании, первым из которых называет Макиавелли⁴². Для него Макиавелли атеист, который «основой своего государства считает нечестие и отсутствие справедливости, обвиняя религию в том, что она несовместима с государством». Боден оценивает «Государя» аналогично Пакье; он говорит о «сладком яде, разлитом в его книге «Государь»»⁴³. Собственно говоря, в основном его неприятие учения Макиавелли (в случае с Боденом несомненно и знание оригинальных текстов Макиавелли и самостоятельные оценки наследия флорентийца) связано с вопросами об идеальном государстве и правителе. Боден не предает Макиавелли поруганию (обычная формула –

⁴⁰ Ibid. P. 539.

⁴¹ *Birley R.* Counter-Reformation Prince. L., 1990. P. 18

⁴² *Bodin J.* De la république les six livres. P., 1578. P. Aiiiv- Aiiij.

⁴³ Ibid. P. Aii-v.

«Макиавелли заблуждается»⁴⁴), он суховат и логичен, однако весь параграф о государе и тиране третьей книги «О государстве» представляет собой косвенное опровержение пресловутой 19 главы «Государя». Боден в данном вопросе ближе стоит к тираноборцам, чем к флорентийскому мыслителю. Те черты, которые Макиавелли определяет в качестве необходимых государю, Боден приписывает тирану и, самое главное, при разработке образа идеального правителя, возвращается к уже пройденному этапу развития политической мысли, связывая политику и христианскую мораль.

Его образ идеального монарха представляет собой некий каталог добродетелей: «государь должен быть жалостливым по отношению к обиженным, смелым при принятии решений, мудрым во всех своих предприятиях, скромным в преуспевании, постоянным среди изменчивого, рассудительным в речах, разумным в совете, заботливым по отношению к собственным подданным, приятным для друзей, грозным для врагов, милостивым к слабым, беспощадным к злым и справедливым со всеми»⁴⁵. Возможно, что Боден не столько порицал царствующего монарха Генриха III, сколько выстраивал свой политический идеал по принципу «от противного», отталкиваясь от текста «Государя». Каждый элемент этого идеала оказывается антитезой характеристики государя Макиавелли.

В прямую полемику Боден вступает с Макиавелли по весьма показательному вопросу – о месте и роли народа в

⁴⁴ Ibid. P. 503.

⁴⁵ Ibid. P. 202.

истории и политике. В латинском тексте «О государстве» отчетливо ощущается эволюция воззрений автора по сравнению с первым изданием (1576). Изменения коснулись, прежде всего, его отношения к демократической республике. Боден пришел к выводу, что суверенитет народа есть явление, противоречащее законам Бога и природы. А демократическая республика неизбежно переходит в анархию или тиранию, при демократии «возникает анархия, которая хуже самой жестокой тирании»⁴⁶. Добавленная в латинском издании глава «О порядке» как организующей основе мира связана явно с его отношением к идеальному государству: «ничего не может существовать более восхитительного для ума, или более полезного, чем сам порядок»; эта идея вселенского порядка распространяется и на государство, целью которого является, чтобы «подданный или гражданин пребывал в подобном же возвышенном и прекрасном порядке, чтобы первые были соединены с последними, а средние слои – и с теми и с другими, а в итоге все состояли в справедливом союзе и единстве в государстве»⁴⁷. Отсюда-то и отношение к гражданским распрям, к «скверному раздору, уничтожающему гармонию в государстве»⁴⁸. А при демократии Боден видит нестабильность и склонность к раздорам уже в силу наличия народного суверенитета. Народ, по его определению, - «многоголовая гидра»⁴⁹. Этим объясняется резко негативное отношение к демократии. Жесткая характеристика, данная Боденом демократической

⁴⁶ Bodin J. De Republica . P., 1586. P. 176.

⁴⁷ Ibid. P. 348.

⁴⁸ Ibid. P. 455.

⁴⁹ Ibid. P. 684.

республике как царству произвола и невежества, опирается по преимуществу на факты флорентийской истории. Боден знал «Историю Флоренции», во всяком случае, он в трактате «О государстве» полемизирует с трактовкой Макиавелли именно флорентийской истории, в частности с его оценками исторической роли флорентийской демократии. Но оценки связаны не морализированным обвинением в адрес Макиавелли, а с глубоким неприятием Боденом демократии как формы политического устройства. Он утверждал, что оценки Макиавелли форм государства лицеприятны: «в чем Макиавелли был неправ более всего, так это в том, что демократическая республика – наилучшее государство»⁵⁰. Вторым расхождением в сфере политической теории между Боденом и Макиавелли оказалось решение вопроса о смешанном государстве. Боден, отстаивая свое учение о суверенитете как верховной и неделегируемой власти, опровергал точку зрения других мыслителей, в том числе и Макиавелли на наилучшее государство, представляющее смесь элементов монархии, аристократии и демократии⁵¹.

Критика Макиавелли не мешала французам принимать важнейшие положения его теории, хотя он не всегда называет источник мысли. Для него аксиомой являлось то, что изменения в государстве вызывались борьбой знати и народа. Он даже усиливает ее, говоря не о конкретных слоях, а о полярных силах в обществе, «крайностей» по его выражению, хотя и не сочувствовал никаким из форм этой борьбы: «не вызывает сомнений, что крайности всегда враждебны друг

⁵⁰ *Bodin J. De la république les six livres. P., 1578. P. 690.*

⁵¹ *Ibid. P. 185.*

другу и всегда находятся между собой в раздоре и противоречиях; мы наблюдаем это в отношениях между знатью и народом, между богатыми и бедными, однако, в едином государстве подобные различия предоставляют возможности для изменений в государстве»⁵². Таким образом, Боден опирается на учение Макиавелли в одном из важнейших для него вопросов теории государства, в решении проблемы социальной борьбы и социального переворота. Отношение Бодена к Макиавелли, хотя и негативное, но расхождения касаются скорее взглядов на решение проблем политической теории, чем пагубности учения Макиавелли или параллелей между государем флорентийца и политической практикой в современной Бодену Франции.

Таким образом, отношение Бодена к Макиавелли, хотя и негативное, но расхождения касаются скорее взглядов на решение проблем политической теории, чем пагубности учения Макиавелли или параллелей между государем флорентийца и политической практикой в современной Бодену Франции. Неслучайно иезуиты впоследствии оценивали Бодена как последователя Макиавелли.

Во Франции практически все теоретики эпохи гражданских войн не только относились к учению Макиавелли резко негативно, но, по сути дела, сама рецепция идей Макиавелли во Франции основывалась на той вульгаризирующей и искажающей учение Макиавелли интерпретации, которая была сконструирована гугенотской пропагандой, подхвачена католической и вошла в историю под именем макиавеллизма. Идеи макиавеллизма внедрились

⁵² Ibid. P. 394. Ср. *Макиавелли Н.* История Флоренции. Л., 1973. С. 61.

Перечитывая Макиавелли

в массовое сознание и заслоняли (особенно в политической публицистике), постепенно вытесняя, подлинное учение Макиавелли. Опровержение макиавеллизма – антимаккиавеллизм вызвало много шума, но новых идей фактически не выдвинуло. Рецепция идей Макиавелли во Франции была связана в основном с его сочинением «Государь», оценка его творчества быстро приобретает негативный характер под влиянием политической конъюнктуры эпохи и требований политической пропаганды даже в случае обращения к наследию Макиавелли крупными политическими теоретиками и историками эпохи и трактовке ими других сочинений великого мыслителя.

Моралистическая же критика в адрес «идеолога жестокости и разврата» пережила XVI в. Эта традиция широко распространилась в европейской культуре благодаря художественной литературе и театру. Косвенную критику макиавеллизма (по преимуществу как практического руководства к действию) можно найти и у Марло, и у Шекспира⁵³, а эпоха Просвещения снова поставила вопрос о соотношении политики и морали, о государе-тиране. Неслучайно версия французской публицистики была повторена в памфлете Фридриха Великого с тем же названием, что у Жантйе (написанном, кстати, на французском языке), а Гете вывел в «Эгмонте» среди персонажей секретаря Маргариты Пармской Макиавелли

⁵³ Персонаж Шекспира Глостер (будущий Ричард III) при изложении своей программы злодейств намеревается превзойти в своих действиях именно Макиавелли. *Shakespeare W. King Henry VI. Part III // Shakespeare W. Works. Moscow, 1937. V.II. P. 682. «Set the murd'rous Machiavel to school».*

(реально существовавшее лицо) именно как носителя идей макиавеллизма. Более того, отголоски сложившейся традиции можно заметить и в позднейшие времена: Макиавелли подвергался резкой критике, к примеру, в России 30-ых годов XX в. И если для Л. Каменева Макиавелли – «слуга флорентийской олигархии»⁵⁴, то для небезызвестного А.Я. Вышинского флорентийский гуманист – «прожженный плут», «щенок и деревенщина», но одновременно «духовный наставник» политических оппонентов Сталина⁵⁵. Генетически же эта традиция осуждения Макиавелли как идеолога политического цинизма и коварства восходит к версии учения, созданной идеологами эпохи французских религиозных войн XVI в.

⁵⁴ *Каменев Л.* Предисловие к 1-му тому собрания сочинений Макиавелли // *Николо Макиавелли: Pro et contra.* СПб., 2002. С. 504.

⁵⁵ *Вышинский А.Я.* Обвинительная речь на процессе троцкистско-зиновьевского террористического центра. М., 1936. С. 32, 34.

**Восприятие
Макиавелли
в Новое время**

Русаковский О.В.
аспирант, Тюбинген / Москва

**«НАСТАВНИК “СОЛДАТСКОГО ДЬЯВОЛА”»: К
ИНТЕРПРЕТАЦИИ «ГОСУДАРЯ» В НЕМЕЦКОЙ
ПРОТЕСТАНТСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ ЭПОХИ
ТРИДЦАТИЛЕТНЕЙ ВОЙНЫ.**

История рецепции «Государя» Германии Раннего Нового времени, в частности, в немецких протестантских государствах, привлекает обычно значительно меньше внимания, чем «макиавеллистические» и «антимакиавеллистические» сочинения католических авторов. Первый полный немецкий перевод главного сочинения Макиавелли был выполнен лишь в 1692 г.¹, а упоминания Макиавелли у протестантских публицистов XVII в., по всей видимости, весьма редки². Вместе с тем обращает на себя внимание тот факт, что большая часть изданий латинского перевода «Государя», выполненного в 1560 г., была осуществлена именно в немецкоязычных протестантских городах (Базеле, Франкфурте и Ганновере)³ и была, несомненно, хорошо знакома немецкому читателю.

¹ Spazzarini S. The first German Translation // The First Translations of Machiavelli's Prince. From the sixteenth to the first half of the nineteenth century / Ed. by R. De Pol. Amsterdam, 2010. P. 207 – 246.

² См., например, негативный отзыв о Макиавелли у известного лютеранского теолога 1-ой пол. XVII в. Иоганна Валентина Андрес: Procacci G. Machiavelli nella cultura Europea dell'età moderna. Roma, 1995. P. 256 – 257.

³ Mordeglia C. The first Latin translation // The First Translations. P. 59 – 82.

Наследие великого флорентинца не могло не вызывать интереса в условиях бурных политических кризисов, происходивших в немецких землях в XVII в., прежде всего, Тридцатилетней войны – первого общеевропейского военного конфликта Нового времени.

В настоящей статье я постараюсь рассказать об одном примере использования «Государя» в лютеранской публицистике эпохи Тридцатилетней войны. Речь пойдет о сравнительно мало известном трактате саксонского богослова Арнольда Менгеринга «Солдатский Дьявол» (1632)⁴. Уроженец Галле Арнольд Менгеринг (1596 – 1647) окончил университет Виттенберга, в 1622 году получил степень доктора богословия в Йене, после чего занимал пост проповедника в ряде городов Саксонии. В 1631 году он получил должность третьего придворного проповедника в Дрездене при дворе саксонского курфюрста Иоганна Георга,⁵ которую занимал до 1635 г. Впоследствии он был переведен в придворную капеллу в Альтенбурге, а в 1640 г. стал суперинтендантом и директором гимназии в родном Галле, где и скончался в 1647 г. Менгеринг был плодовитым и широко издаваемым при жизни автором. В молодости он опубликовал несколько латинских богословских трактатов, а впоследствии проявил себя преимущественно как моралист и политический публицист. Менгеринг был компилятором, разрабатывавшим хорошо известные богословские и

⁴ О Менгеринге см. Mengerling, Arnold // Biographisch – Bibliographisches Kirchenlexikon. Bd. 5. Herzberg, 1993. Sp. 1259 – 1261.

⁵ О курфюрсте Иоганне Георге и Саксонии 1-ой половины XVII в. см.: *Прокопьев А.Ю.* Иоганн Георг I, курфюрст Саксонии (1585 – 1656). Власть и элита в конфессиональной Германии. СПб., 2011.

морально-этические положения, и не претендовал на роль самостоятельного мыслителя. Он ориентировался на жанровые и стилистические традиции лютеранской нравоучительной литературы, а позицию по актуальным вопросам соразмерял с весьма часто менявшейся политической ориентацией саксонского двора. Таким образом, Менгеринг интересен прежде всего как весьма эрудированный и осторожный автор, излагавший для достаточно широкой читающей публики (т.е. для высших и средних слоев городского населения) суждения и оценки, которые в большинстве своем уже были достаточно хорошо известны в лютеранской публицистике и считались нормативными.

«Белиал Войны или Солдатский Дьявол» можно назвать главным, и, несомненно, самым популярным сочинением Менгеринга. Первое его издание относится к 1632 г., за ним последовали два переиздания в 1637 и 1641 гг. и еще одно – в конце XVII в. (1686).⁶ Подобный интерес к трактату был вызван его злободневной проблематикой. Менгеринг рассматривает в своем сочинении два основных вопроса: каким должен быть идеальный христианский воин и каковы причины и последствия нравственного падения

⁶ В своей работе я пользовался изданием *Mengering A. Perversa ultimo seculi militia, oder Kriegs-Belial, der Soldaten-Teuffel, nach Gottes Wort und gemeinem Lauff der letzten Zeit beschrieben. Altenburgk in Meissen, 1641. O «Солдатском Дьяволе» см.: Kaufmann Th. Dreissigjähriger Krieg und Westfälischer Friede. Kirchengeschichtliche Studien zur lutherischen Konfessionskultur. Tübingen, 1998. S. 108; Burschel P. Söldner im Nordwestdeutschland des 16. und 17. Jahrhunderts. Sozialgeschichtliche Studien. Göttingen, 1994. S. 47.*

современных автору и его читателям немецких солдат-наемников. Оба этих вопроса активно обсуждались как католическими, так и протестантскими авторами XVI – начала XVII вв., в частности, что было особенно важно для Менгеринга, касался этой темы сам Мартин Лютер⁷. К моменту выхода «Солдатского Дьявола» в немецких землях уже 15 лет продолжалась Тридцатилетняя война, в которую родная для Менгеринга Саксония вступила только в 1631 г., но уже успела подвергнуться неоднократному разорению со стороны как неприятеля (войск императора и католических князей), так и союзной шведской армии. Бесчинства солдат, которые и сегодня определяют образ Тридцатилетней войны в немецком историческом сознании, были излюбленной темой протестантской публицистики тех лет.

«Солдатский Дьявол» продолжает традицию т. н. «Teufelsbücher» (дословно: «книги о дьяволе») – жанра, весьма популярного в лютеранской нравоучительной литературе XVI – XVII вв.⁸. Подобные сочинения строились по однотипной схеме. В центре любого из них находилась группа подлежащих порицанию пороков, которые проистекали из какого-либо занятия или были присущи какой-либо профессиональной или социальной группе. Эти пороки персонифицировались в фигуре соответствующего «Дьявола». Так, «Солдатский Дьявол» призван был воплотить все недостатки, присущие современным Менгерингу

⁷ Luther M. Ob kriegsleutte auch ynn seligem stande seyn künden // Luther M. Martin Luthers Werke. Kritische Gesamtausgabe. Bd. 19. Weimar, 1897. S. 623 – 662.

⁸ См., например: Roos K. The devil in 16th century German literature. The Teufelsbücher. Bern, 1972.

наемникам. В трактате подробно рассказывается о происхождении «Солдатского Дьявола», его внешнем виде, привычках и т. д.

XVIII глава трактата посвящена воспитанию «Солдатского Дьявола»⁹. Менгеринг замечает: «Если же мы спросим, кто же должен был быть наставником нашего Солдатского Дьявола в его юности, и какого автора он наиусерднейшим образом штудирует до самого последнего времени <...>, то я в своем невежестве полагаю, что подобным наставником был не кто иной как флорентийский секретарь Никколо Макиавелли, который в своей книге «О государе» преисполнился замыслом усердно воспитать его подобным образом в присущем ему складе и манере. От него нынешний Солдатский Дьявол обучился в юности большинству синтаксических правил в созидании дурного и разрушении благого <...>»¹⁰. Далее Менгеринг приводит ряд отрывков из латинского перевода «Государя», снабдив их довольно вольным переводом на немецкий и собственным комментарием, который и образует якобы «синтаксические

⁹ *Mengering A. Soldaten-Teuffel. S. 416 – 432. Von des Soldaten-Teuffels Zucht-, Hof- und Lehrmeister.*

¹⁰ *Ibid. S. 417: Wenn wir denn demnach fragen/ was doch unser SoldatenTeuffel in seiner Jugend vor einen Praeceptorum müsse gehabt haben/ und was für einen Autorem er noch biß auff diese Stunde am fleißigsten zu lesen pflege/ wiewol ihrer auch viel unter jhnen seyn mögen/ die weder schreiben noch lesen können/ so halte ich in meiner Einfalt dafür/ es sey desselben Lehrmeister wol niemand anders gewesen/ als jener Florentinischer Schreiber Nicolaus Machiavellus/ der ihm solche Gattung mit fleiß zu erziehen/ und nach seiner Humor und Manier zu gewöhnen/ in seinem Buch De Principe sonderlich hat angelegen sein lassen. Von dem mag der heutige SoldatenTeuffel in seiner Jugend die meisten regulas Syntacticas in construendo malo et destruendo bono erlernen und begriffen haben.*

правила» (т.е., в данном случае, основные принципы поведения) Солдатского Дьявола. Приемы обращения Менгеринга с текстом Макиавелли весьма примечательны.

Прежде всего, следует отметить, что Менгеринг был знаком с «Государем» не в оригинале, а в латинском переводе. (На материале сочинений Менгеринга нельзя с уверенностью заключить, в какой степени он владел итальянским; других итальянских авторов он также цитирует в латинских переводах.) Менгеринг приводит цитаты с постраничными ссылками, но не указывает, каким именно изданием он пользовался в своей работе. Несомненно, впрочем, что он работал с единственным существовавшим к тому времени полным латинским переводом «Государя», выполненным в 1560 г. Сильвестро Тельи и воспроизведенным ко времени написания «Солдатского Дьявола» в 12 изданиях. Большая их часть, как уже упоминалось, вышла в свет в немецких землях и вполне могла быть доступна Менгерингу. Переводы фрагментов «Государя», помещенные в «Солдатском Дьяволе», выполнены, таким образом, не с оригинала и заведомо неточны.

Кроме того, стоит учитывать пропасть, лежавшую между лаконизмом «Государя» и стилистической избыточностью и пышностью, свойственными немецкой барочной прозе XVII в. Менгеринг в силу стоявших перед ним задач и особенностей стиля заведомо более экспрессивен и склонен к воздействию на чувства читателя, чем Макиавелли. Так, например, и без того достаточно красноречивый, но короткий и лишенный в оригинале эмоциональной окраски пассаж о том, что наемное войско

«кормится добычей, грабежом, поборами и чужим добром» саксонский теолог пересказывает весьма пространно: «Следует придать солдатам боевой пыл и смотреть на учиняемые ими разбой и воровство сквозь пальцы, чтобы поддерживать в них присутствие духа; подобное следует всюду практиковать и попустительствовать этому, чтобы держать этих буйных людей в повиновении»¹¹.

В изобилии использует Менгеринг и лексические клише, чуждые Макиавелли, но типичные для немецкой протестантской публицистики эпохи Тридцатилетней войны. Подобная подмена касается таких эмоционально окрашенных выражений как «тирания, свирепость, буйство». Так, пассаж из VIII главы «Государя» «тот, кто овладевает государством, должен предусмотреть все обиды, чтобы покончить с ними разом, а не возобновлять изо дня в день» переведен следующим образом: «Тот, кто захватил страну, должен сначала употребить всю свою ярость и тиранство...»¹², что, конечно, заметно меняет его смысл.

¹¹ Ibid. S. 428: Man muß den Soldaten einen guten Damascken Muth machen/ und zu ihrer Rauberey und Dieberey durch die Finger sehen/ daß sie bey der Lust bleiben/ man muß allerley practizieren und passieren lassen/ daß man das heftige Volck beysammen behalte. В оригинале: *Machiavelli N. Il principe // Machiavelli N. Opere / Ed. a cura di M. Martelli. Vol. I. Roma, 2006. P. 53 – 321. Здесь P. 224: ...e quello principe che va con li esseciti, che si pasce di prede, di sacchi e di taglie...* Здесь и далее цитируется в переводе Г. Муравьевой по изданию *Макиавелли Н. Избранные произведения. М., 1982.*

¹² *Mengering A. Soldaten-Teuffel. S. 427: Wenn man ein Land überfällt/ so lorn zum Anfang und auff einmal allen Grimm und Tyranny außschütten...* Оригинал: *Machiavelli N. Il principe...* P. 161: Onde è da notare che nel pigliare uno stato, debbe lo occupatore di esso discorrere tutte quelle offese che

Перечитывая Макиавелли

Подобные примеры, разумеются, позволяют говорить не о переводах, а лишь о переложениях отдельных пассажей Макиавелли, сделанных Менгерингом. Гораздо существеннее, однако, то, что в своем переложении Менгеринг намеренно допускает ряд систематических подмен, существенно искажающих смысл оригинала. Так, например, там, где у Макиавелли речь идет о «князьях» («*príncipi*», «*principes*»), Менгеринг раз за разом говорит об офицерах и солдатах. Вследствие этого действия, которые в оригинале Макиавелли советует совершать суверенному правителю в переложении Менгеринга предстают своеволием солдатни, которое флорентийский мыслитель, якобы, призывает поощрять. Например (глава V), указание Макиавелли о том, что правители и вожди (в качестве примеров приводятся Моисей, Кир, Ромул и Тесей), полагающиеся на вооруженную силу, которую они могут применять по собственному усмотрению, подвергаются меньшей опасности, чем те, кто вынужден искать благосклонности толпы, Менгеринг переводит так: «Если солдаты и офицеры остаются сами себе господами, будут предоставлены своей собственной воле и располагают при этом властью и силой, то дела их идут так хорошо, что они не будут знать никаких забот»¹³.

li è necessitato fare e tutte farle a un tratto per non avere a ritornarvi ogni dí e potere, non le innovando, assicurare li òmini e guadagnarseli col beneficargli.

¹³ *Mengering A. Soldaten-Teuffel. S. 423: Wenn Soldaten und KriegsOfficirer ihre eigne Herren seyn/ und ihres willens gelassen werden/ haben auch die Macht und den Nachdruck/ denn stehts umb sie wol/ daß sie sich keine grawe Haar dürffen machen lassen.*

Легко понять, что при подобных приемах работы с текстом в него можно вложить любые идеи, не имеющие ничего общего с его реальным содержанием. Так и произошло в действительности. Менгеринг стремится представить Макиавелли, во-первых, апологетом солдатского своеволия, во-вторых – последовательным сторонником применения военной силы как оптимального способа решения любых политических проблем. Обе эти оценки неверны. Прежде всего, Макиавелли был непримиримым противником практики использования наемных войск, считая их неэффективными и опасными для нанявшего их государства. В XII главе «Государя» он высказался на их счет вполне определенно: Наемники «честолюбивы, распущенны, склонны к раздорам, задиристы с друзьями и трусливы с врагом, вероломны и нечестивы»¹⁴, именно они «довели Италию до позора и рабства»¹⁵.

Менгеринг, однако, игнорирует эти очевидные указания Макиавелли; вместо них он цитирует следующий пассаж: «В дальнейшем они (итальянские кондотьеры – О. Р.) проявили необычайную изворотливость для того, чтобы избавить себя и солдат от опасностей и тягот военной жизни: в стычках они не убивают друг друга, а берут в плен и не требуют выкупа». Этот упрек Макиавелли наемникам Менгеринг выдает за похвалу и заключает: «Таковы старые

¹⁴ *Machiavelli N. Il principe. P. 184: ...le sono disunite, ambiziose, senza disciplina, infidele, gagliarde fra gli amici, fra' nimici vile, non timore di Dio, non fede con gli òmini...*

¹⁵ *Ibid. P. 197: ...tanto che gli hanno condotta Italia stiava e vituperata.*

добрые солдаты, тем надежнее можно воевать и сдаваться в плен»¹⁶.

Несколько сложнее обстоит дело с попытками Менгеринга изобразить Макиавелли апологетом максимально широкого применения насилия в политике, в частности, вооруженной оккупации захваченных территорий. В III главе «Государя» Макиавелли советует правителю поселиться в завоеванной стране и добавляет: «Другое отличное средство – учредить в одном-двух местах колонии, связывающие новые земли с государством завоевателя. Кроме этой есть лишь одна возможность – разместить в стране значительное количество кавалерии и пехоты. Колонии не требуют больших издержек, устройство и содержание их почти ничего не стоит государю, и разоряют они лишь тех жителей, чьи поля и жилища отходят новым поселенцам, то есть горстку людей...». Менгеринг переводит этот отрывок следующим образом: «Если хочешь удержать покоренную страну в повиновении, то ты должен или разместить в разных местах в гарнизонах значительное количество кавалерии и пехоты, или же постепенно вводить в нее иных поселенцев»¹⁷. Нетрудно

¹⁶ *Mengering A. Soldaten-Teuffel. S. 427: So gibt's gute alte Soldaten/ und kann man desto sicherer kriegen/ und sich fangen lassen. Оригинал: Machiavelli N. Il principe. P. 196 – 197: Avevano oltre a questo usato ogni industria per levare a sé e a' soldati la fatica e la paura, non si amazzando nelle zuffe, ma pigliandosi prigionii e senza taglia...*

¹⁷ *Mengering A. Soldaten-Teuffel. S. 418: Wenn man bezwungene Lande in Devotion erhalten wolle/ müsse man entweder ein zimbliche Anzahl Reuter und Knechte in Guarnison hin und wieder legen und behalten/ oder aber andere Landsassen und Einwohner allmehlich einführen. Оригинал: Machiavelli N. Il principe. P. 77 – 79: L' altro migliore remedio è mandare colonie in uno o in dua luoghi che sieno quasi còmpendi di quello stato, perché è necessario o fare questo o tenervi assai gente d' arme e fanti. Nelle colonie non si spende molto e,*

заметить, что в переводе Менгеринга вооруженная оккупация и устройство гарнизонов (т. е. методы, хорошо знакомые его современникам по событиям Тридцатилетней войны) поставлены на первое место, а проект учреждения колоний упомянут вскользь. В действительности же Макиавелли считал нежелательными именно гарнизоны и рекомендует прибегать к ним лишь как к последнему средству.

Следующий пассаж из V главы «Государя» Макиавелли переводит в целом корректно, но прерывает цитату, значительно изменяя тем самым ее смысл. «Ибо в действительности нет способа надежно овладеть городом иначе, как подвергнув его разрушению».¹⁸ Казалось бы, это высказывание вполне красноречиво и передано в «Солдатском Дьяволе» верно, но дело в том, что Макиавелли относит его не ко всякому городу, а только к независимой республике, что впоследствии подробно объясняет. Менгеринг опускает это важное уточнение, вновь отказывая флорентийскому автору в способности к компромиссным решениям.

Можно подвести некоторые итоги. Очевидно, что собственно содержание «Государя» и возможности опровержения реальных взглядов Макиавелли не

sanza sua spesa o poca, ve le manda e tiene e solamente offende coloro a chi toglie e' campi e le case per darle a' nuovi abitatori, che sono una minima parte di quello stato e quelli che li offende...

¹⁸ *Mengering A. Soldaten-Teuffel. S. 423: Es sey kein sicherer und besserer Rath oder Mittel/ die Städte und Länder zu besitzen und behalten/ als das unterst zu oberst kehren/ und sie dermassen mitnehmen/ daß sie sich nimmer wieder erholen können. Оригинал: Machiavelli N. Il principe. P. 109: ...perché in verità non ci è modo sicuro a possederle altro che la ruina...*

интересовали Менгеринга. Ему было необходимо найти фигуру, пользовавшуюся устоявшейся дурной славой, и заставить ее озвучить определенный набор подлежавших порицанию положений. Сами эти положения не имели отношения к Макиавелли, а актуализировали для Менгеринга и его читателей привычные им пропагандистские топосы. Таким образом, анализируемый фрагмент сложно назвать «антимакиавеллистическим» текстом в собственном смысле этого слова. С другой стороны, сам выбор флорентийского мыслителя на роль учителя «Солдатского Дьявола» весьма интересен и требует отдельного объяснения.

Как уже было сказано, Менгеринг в большинстве случаев не выражал собственное мнение, а излагал и иллюстрировал идеи, бывшие общим местом в лютеранской публицистике и нравоучительной литературе. Интересно было бы понять, каковы были источники, на основании которых он мог составить свое негативное мнение о Макиавелли. Рассматриваемый фрагмент не содержит упоминаний каких-либо иных источников, кроме латинского перевода «Государя», хотя обычно Менгеринг довольно охотно вставлял в текст ссылки на используемых авторов. Очевидно, что авторитетного для него лютеранского критика Макиавелли не существовало. Примечательно также, что в анализируемом фрагменте «Солдатского Дьявола» отсутствуют элементы конфессиональной полемики. Менгеринг уделяет много места симпатии Макиавелли к Цезарю Борджиа, но не использует цитируемые фрагменты ни для того, чтобы представить флорентийского автора апологетом светской власти пап и nepотизма (что было бы, разумеется, неверно), ни для того, чтобы обличить папство,

как это делал, например, знаменитый лютеранский публицист и историк XVI в., составитель «Магдебургских центурий» Матвей Влашич¹⁹.

Весьма интересной представляется возможность влияния на Менгеринга противников Макиавелли из числа католических богословов. Менгеринг, несомненно, был довольно хорошо знаком с посттридентской теологией и публицистикой, на что указывает значительное число ссылок на соответствующие тексты, приводимых им в полемических целях. Он неоднократно цитирует или, по крайней мере, упоминает латинские сочинения иезуитов, как немецких, так и итальянских, в частности, Поссевино, оставившего короткий трактат против автора «Государя»²⁰. Можно допустить, что Менгеринг мог познакомиться с резко негативными отзывами о Макиавелли именно у кого-то из многочисленных католических критиков великого флорентинца и использовать его суждение в своем трактате, не называя, разумеется, свой истинный источник (или источники). Подобное предположение, впрочем, едва ли может быть достоверно доказано или опровергнуто. Не удастся найти и следов влияния Менгеринга на последующую немецкую антимачиавеллистическую традицию, формировавшуюся уже в эпоху Просвещения.

¹⁹ См. *Procacci G.* Machiavelli nella cultura Europea. P. 131.

²⁰ *Possevino A.* Iudicium de Nuae, Iohannis Bodini, Philippe-Mornaei et Machiavelli scriptis. Roma, 1592.

Rusakovskiy O.
Tübingen / Moscow

**“THE SCHOULMASTER OF ‘THE SOLDIERS’ DEVIL”:
AN INTERPRETATION OF ‘THE PRINCE’ IN A
GERMAN LUTHERAN WRITING OF THE 17TH
CENTURY.**

Some characteristics of interpretation of Machiavelli’s works in German protestant writings of the 17th century can be analysed on the example of moralising treatise ‘Belial of War or The Soldiers’ Devil’ (‘KriegsBelial oder der Soldatenteufel’, 1632) by Lutheran theologian Arnold Mengerling (1596 – 1647). Mengerling served as preacher at the Saxon court for some time and published some popular writings, which were addressed to literate townpeople. ‘The Soldiers’ Devil’ deals with moral degradation of mercenaries, which was very actual for the German society in the time of the Thirty Years’ War. According with the traditions of the genre of ‘Teufelsbücher’, which was quite popular in the early modern Lutheran literature, Mengerling creates a fictional character of ‘the Soldiers’ Devil’, who personalizes all vices and assaults, which military men practiced.

Machiavelli is cited by Mengerling in the 18th chapter of his main work as ‘schoolmaster of the Soldiers’ Devil’, in fact as teacher of all contemporary military men. Mengerling makes some quotations from ‘The Prince’ in Latin translation to confirm this opinion and supplies them with his own German renderings and short, sometimes rather caustic remarks. He seems not to be interested in the real content of the Machiavelli’s work and the potentials of its critic, but makes some changes in its text and puts

in the Florentine's mouth some ideas, which he has to dispute. The cited quotations are usually out of context, their translations are intentionally loose, seem to be too affective and appeal to topoi of the contemporary protestant writing. Menger's remarks often completely pervert Machiavelli's thoughts.

Menger represents Machiavelli as a strong proponent of military means in policy, in particular of the long-term military occupation and destruction of enemy countryside and cities. (In fact the author of 'The Prince' was very cautious discussing these issues.) The Florentine is also accused as an advocate of the use of mercenaries, what was absolutely incorrect. So 'The Soldiers' Devil' represents not 'anti-Machiavellian' rhetoric proper. Menger only uses the name of the author of 'The Prince' and attributes to him a certain complex of statements, which the great Florentine never defended. The choice of Machiavelli for this role is however very significant.

В.М. Володарский
МГУ им. М.В. Ломоносова

**СОЧИНЕНИЕ ФРИДРИХА II ПРУССКОГО
«АНТИ МАКИАВЕЛЛИ». МЕТОДЫ АРГУМЕНТАЦИИ
(РЕЗЮМЕ)**

Ещё в бытность свою кронпринцем будущий король Фридрих II попытался подвергнуть острой критике политические и этические взгляды Макиавелли, нашедшие выражение в его сочинении «Государь». Книга вышла в свет анонимно, когда Фридрих уже стал королём, в процессе её подготовки в правках текста участвовал Вольтер. Книга Фридриха, в которой на каждую главу перепечатанного в ней «Государя» Макиавелли последовательно давались собственные замечания и соображения, стала одной из самых читаемых в 18 веке, а со временем за ней закрепилось представление как классике антимаккиавеллизма. В российской историографии, однако, до сих пор нет ни одного исследования, специально посвящённого анализу этого сочинения, как нет и современного его перевода; единственный, и не слишком удачный, перевод на русский язык, сделанный ещё в XVIII в. Я.Хорошкевичем, был издан в 1779 г. и за неимением иного уже дважды воспроизводился в изданиях последних лет. В данном докладе рассматриваются специфика критики «Государя» Фридрихом и характер его аргументирования своей позиции. Кронпринц, отлично образованный, испытавший сильное воздействие просветительской идеологии, обращается к античной и

Перечитывая Макиавелли

библейской истории, политической истории разных стран Европы, примерам современности, вопросам экономики, философии, психологии и другим областям знания, в ряде случаев соглашаясь с Макиавелли, но в целом отмечая его политические концепции и особенно обрушиваясь на его мораль, по мнению Фридриха бесчеловечную и опасную. Одним из примеров рассматриваемых в докладе аргументов полемики Фридриха является его сопоставление в своих целях Голландии и России. Раннее сочинение Фридриха, дающее представление об одной из линий восприятия идей Макиавелли в Германии, интересно и как веха в духовном развитии короля, впоследствии неоднократно проводившего политику в духе раскритикованного им макиавеллизма.

V.M. Volodarskij

L'OPERA DI FEDERICO II DI PRUSSIA “ANTI-MACCHIAVELLI”. I METODI DI ARGOMENTAZIONE.

(Sommarjo)

Essendo ancora principe ereditario il futuro re Federico II ha fatto un tentativo di sottoporre a una critica acuta le idee politiche ed etiche di Machiavelli da lui espresse nel trattato “Il Principe”. Il libro fu stampato senza nome dell'autore, quando Federico ormai era re; mentre lo stava preparando e correggendo disponeva dell'assistenza di Voltaire. Il libro di Federico, dove ogni capitolo del “Principe” di Machiavelli ristampato dentro il testo era fornito a fronte dalle osservazioni e sentenze proprie dell'autore, diventò uno di più letti nel 700'. Col tempo acquisì la reputazione di classico antimachiavellico. Nella storiografia russa, tuttavia, non c'è fino ad oggi neanche un saggio specifico dedicato all'analisi dell'opera, come d'altronde non esiste una traduzione in lingua moderna. L'unica traduzione in russo non molto felice e stata eseguita ancora nel XVIII e pubblicata nel 1779. In mancanza di meglio fu ristampata recentemente due volte. Nella relazione presente viene esaminata la specificità della critica del “Principe” da parte di Federico e il carattere dell'argomentazione della sua posizione. Il Kronprinz, compiutamente educato e fortemente influenzato dalle idee illuministe, si riferisce alla storia antica e biblica; alla storia politica di vari paesi europei; agli esempi moderni, alle questioni di economia, filosofia, psicologia e degli altri settori del sapere. In alcuni casi Federico concorda con Machiavelli, ma in genere

rifiuta i suoi concetti politici e soprattutto si scaglia contro la sua morale, inumana e pericolosa, secondo Federico. Un esempio della tecnica polemica di Federico esaminato della relazione consiste nel confronto sotto l'angolazione necessaria della Russia con l'Olanda. L'opera giovanile di Federico costituisce un indizio di come venissero comprese le idee di Machiavelli in Germania ed e' anche interessante dal punto di vista dell'evoluzione spirituale del re il quale piu' tardi spesso segui' le orme del machiavellismo da lui prima criticato.

Gennaro Barbuto
Università degli studi di Napoli Federico II, Italia

**GIAMBATTISTA VICO E MACHIAVELLI
IL “CENTAURO” E IL “TUONO”**

1. Il rapporto fra Giambattista Vico e Machiavelli ha polarizzato l'attenzione degli studiosi del Segretario fiorentino da quando Benedetto Croce, in un celebre saggio a metà degli anni '20¹, considerò entrambi i pensatori quali eponimi della filosofia politica moderna. Lo scritto di Croce aveva, così come per altri aspetti della sua ricerca e della sua teoria, un antecedente nel magistero desanctisiano. Nella Storia della letteratura italiana, De Sanctis, impegnato a suggerire nel nuovo clima post-risorgimentale una proposta di riforma intellettuale e civile incentrata sulle migliori tradizioni nazionali, tracciava un percorso virtuoso nella cultura italiana, da Machiavelli a Bruno, Telesio, Campanella, Vico, i quali, da diversi punti di vista ma convergenti, avevano indicato quale fosse la strada maestra: il nesso ideale-reale².

Soprattutto Machiavelli e Vico, il primo più attento a una analisi psicologica, il secondo suggestionato da una grandiosa visione metafisico-provvidenzialistica, avevano insegnato a valutare eventi e persone, calando gli ideali nella concretezza e

¹ Croce B. Machiavelli e Vico. La politica e l'etica // *Id.* Etica e politica. Bari, 1981. P. 204-209 (I ed. - 1931; come spiegava Croce nell'”Avvertenza”, i Frammenti di etica erano stati pubblicati in volume nel '22, gli Elementi di politica, sempre in volume, nel '24).

² Mi sia permesso rinviare a *Barbuto G.M.* Ambivalenze del Moderno. De Sanctis e le tradizioni politiche italiane. Napoli: Liguori, 2000. P. 100-121.

nella ruvidezza della vita storica e politica. Non ideali astratti, ma che fossero commisurati a quel senso del “limite”, che significava verifica della loro effettualità. Era questa l’eredità preziosa (continuata e sviluppata da Manzoni) che, secondo De Sanctis, gli italiani, all’indomani dell’Unità e per scongiurare il rischio che gli ideali risorgimentali si disperdessero fra illusori velleitarismi e ciniche pratiche di potere, dovevano tesaurizzare.

L’ascendenza desanctisiana era non solo arricchita, approfondita e integrata alla luce del sistema teoretico da Croce edificato nel primo decennio del ‘900, completato nell’11 dalla monografia vichiana, ma era drammatizzata dalla temperie storica bellica e post-bellica, che aveva imposto nuovi pensieri sulla durezza della politica, sulla ineludibilità della forza, ma anche sulla necessità di non arrestarsi a questi aspetti del potere. Un ulteriore indizio di quella eredità erano anche la rievocazione e la censura crociane dell’“uomo del Guicciardini”, da De Sanctis contrapposto a Machiavelli e identificato, per il suo perseguimento del “particolare”, come radice maligna della storia italiana

Secondo Croce, Machiavelli era stato il fondatore dell’autonomia della politica, scoprendo che essa ha delle leggi sue proprie, mentre Vico avrebbe inserito e sublimato la politica nella eticità dello sviluppo storico. Croce, che parlava di “inconsapevole vichismo del Machiavelli” e di “non voluto machiavellismo del Vico”, non solo rivendicava all’Italia la primogenitura della scienza politica moderna, ma anche si presentava come il filosofo che continuava e adempiva questo lascito.

Lo stesso libro dedicato a Vico era stata il riscatto di un pensatore non ancora riconosciuto nel suo valore, ma tale

operazione era stata condotta, legando l'autore della Scienza Nuova alla stagione idealistica ottocentesca e allo storicismo crociano. Il legame era plausibile, valorizzando quanto dell'opera vichiana potesse esser trascelto a precorrimiento di quella crociana e trascurando o trasvalutando le parti ritenute caduche, debitorici dei pregiudizi e dei ritardi culturali dell'epoca sei-settecentesca. Ad esempio, l'idea di Provvidenza poteva conservare il suo nucleo semantico solo preservandola nella sua sostanza concettuale (la varietà-unità dei momenti dello Spirito nella storia) e rifiutandone la lettera aduggiata da concezioni cattolico-controriformistiche³.

Anche nella Storia dell'età barocca in Italia⁴, di poco posteriore allo scritto sui due pensatori politici italiani, Croce confermava ed elaborava le sue intuizioni, eleggendo Vico a punto di confluenza della corrente filosofica e gnoseologica rinascimentale (da Ficino a Campanella), di quella politica machiavelliana, e anche di quella barocca, in particolare nella sua espressione tacitista e in quella che aveva tentato una armonizzazione fra prudenza politica e virtù etica (Ludovico Zuccolo)⁵.

Da allora, le formule crociane hanno avuto vasta e duratura fortuna, soprattutto nella manualistica, e sono state le misure

³ Sul valore implicitamente, metaforicamente teoretico da Croce attribuito alla nozione di Provvidenza, possono leggersi i due "frammenti di etica": "L'individuo, la Grazia e la Provvidenza" e "La Provvidenza" (in quest'ultimo è richiamato appunto Vico) (*Croce B. Etica e politica*. P. 92-97).

⁴ *Id.* Storia dell'età barocca in Italia / A cura di G.Galasso, Milano: Adelphi, 1993 (I ed. - 1929). P. 292-296.

⁵ Questa opera di Croce era esplicitamente citata nelle pagine destinate a Machiavelli e Vico, nell'edizione del '31 di Etica e politica. P. 207.

critiche con le quali confrontarsi nei decenni del secondo dopoguerra, sia nella storiografia di ispirazione cattolica sia in quella di formazione marxista. Per quanto riguarda la prima, molto rilevante dagli anni '60 in poi è la posizione di Augusto Del Noce⁶.

L'originalità filosofica e storiografica di Del Noce, rispetto alla coeva cultura cattolica, consistette nel distacco da posizioni restaurative all'insegna del neotomismo e nella profonda e sofferta meditazione sui totalitarismi e sulle loro radici moderne.

Tale atteggiamento lo portò a non eludere il problema della modernità con una semplice e sommaria condanna, ma a lumeggiarne i diversi esiti. Infatti, negli anni '60 si cimentò in una inedita e profonda ricostruzione della storia della filosofia moderna a partire dalla confutazione dell'ateismo. Ne scaturì anche una rilettura di Vico in polemica con Croce e i suoi proseliti. Del Noce addebitava a Croce un depauperamento della teoria vichiana della storia, valutata solo come un presagio

⁶ Su Del Noce e Vico sono da leggersi soprattutto il saggio su Il problema di Pascal e l'ateismo contemporaneo (1964), in *Id.* Il problema dell'ateismo, Bologna: Il Mulino, 1990 (I ed. - 1964) in specie le P. 497 e ss., e La riscoperta di Vico e il superamento di Machiavelli (1980) e anche Vico e la storiografia cattolica, in *Id.* Da Cartesio a Rosmini / A cura di F.Mercadante e B.Casadei, Milano: Giuffrè, 1992. P. 503-530. In quest'ultimo saggio Del Noce traeva spunto da due libri, molto da lui apprezzati, di Rocco Montano, riscontrando in essi una sintonia con le sue tesi: Il superamento di Machiavelli: l'idea dello Stato e della politica da Machiavelli a Vico. Napoli: G.B.Vico editrice, 1977 e *Id.* G.B. Vico. Fenomenologia della Storia, del Linguaggio e della Politica. Napoli: G.B.Vico editrice, 1977. Soprattutto nel primo testo Rocco Montano, allievo di Giuseppe Toffanin (autore molto influente sulla nozione delnociana di un Umanesimo in accordo con il cristianesimo), aveva rilevato come la politica machiavelliana, priva di un avallo morale e religioso, fosse stata inserita dalla Controriforma ma, in modo eminente, da Vico nell'ethos di un popolo e, quindi, illuminata dai principi cattolici.

dell'immanentismo storicistico senza alcuna egida provvidenziale. Per giunta, notava il filosofo torinese, Croce aveva erroneamente considerato Vico un continuatore di Machiavelli e insieme a Marx componente di una triade di apologeti della forza e del realismo politico.

Augusto Del Noce, invece, accreditava una diversa concezione della filosofia moderna, intesa come una dialettica fra un pensiero ateo e immanentistico culminato in Marx, Nietzsche e Gentile, e una tradizione cattolica, da Cartesio a Malebranche a Pascal a Vico, culminata in Rosmini e Gioberti. Da tale specola Vico assolveva un ruolo principale, in particolare in rapporto a Machiavelli. Vico aveva recuperato a una visione cristiana e scientifica la storia e la politica, che Cartesio aveva espulso dal suo razionalismo. Vico aveva riscattato dallo scetticismo dissacrante del libertinismo, responsabile di una radicalizzazione dell'eredità machiavelliana, la vita associata degli uomini, inscrivendola in una visione provvidenziale della storia.

La irrilevanza del cristianesimo e di Cristo nella Scienza Nuova era da Del Noce giustificata, in quanto il filosofo napoletano aveva seguito il corso provvidenziale attraverso le vie naturali, fra le quali era il perseguimento delle utilità umane. Ora, chiariva Del Noce, mentre Machiavelli si era fermato a questo grado meramente realistico della vita sociale e politica, Vico, influenzato dall'occasionalismo di Malebranche ma riconsiderandolo nella sua visione della storia, aveva metamorfosato le utilità umane in occasioni per l'esplicarsi della Provvidenza. Dunque, non un Vico continuatore di Machiavelli, ma filosofo del suo superamento.

Del Noce si differenziava anche dalla tradizionale esegesi cattolica del pensatore napoletano. Mentre quest'ultima, anch'essa in antitesi a Croce, riportava Vico al passato, leggendolo secondo un aggiornato tomismo (Franco Amerio)⁷ o lo acclimatava a una età barocca (Lorenzo Giusso)⁸ non approfondendo la complessa problematica dell'ateismo moderno e dei suoi antagonisti, Del Noce vedeva in Vico un filosofo politico appartenente ai nuovi orizzonti del pensiero, che era proceduto oltre la nuova politica machiavelliana, da una parte, e la scienza e la filosofia di Galileo e Cartesio, dall'altra. La interpretazione di Del Noce della relazione fra Machiavelli e Vico appare come una inconsapevole *aufhebung*: Vico non come oppositore della modernità, ma come sua assimilazione-oltrepassamento.

Da opposto punto di vista, la storiografia marxista, in seguito alla pubblicazione del famoso quaderno di Antonio Gramsci su Machiavelli (grazie al quale il Segretario veniva liberato dalla manipolazione mussoliniana e fascista), sottoponeva la lettura crociana a una revisione, dalla quale sarebbe uscita una nuova immagine non solo di Machiavelli, ma anche di Vico, del quale uno dei maggiori interpreti fu Nicola Badaloni, a cominciare dalla *Introduzione a Giambattista Vico* edita da Feltrinelli nel '61. Bisogna, inoltre, tener presente che la storiografia marxista inseriva Machiavelli e Vico nell'albero genealogico del pensiero di sinistra, anche perché Marx aveva espresso giudizi molto lusinghieri sia sul Segretario fiorentino che sull'autore della

⁷ Amerio R. Vico. Brescia: La Scuola, 1944; *Id.* Introduzione allo studio di Giambattista Vico. Torino: Società editrice, 1947.

⁸ Giusso L. Giambattista Vico fra l'Umanesimo e l'Occasionalismo. Roma: Perrella, 1940; *Id.* La filosofia di Giambattista Vico e l'età barocca. Roma: Perrella, 1943.

Barbuto G. Giambattista Vico e Machiavelli

Scienza Nuova, che egli aveva letto sulla traduzione in francese di una nobildonna italiana esule e patriota, Cristina di Belgioioso.

2. Negli anni '80 e '90, il dittico Machiavelli-Vico ha subito nuove interpretazioni, alla luce, questa volta, del dibattito filosofico dei primi decenni del Novecento, da Meinecke ad Adler a Horkheimer (Roberto Esposito) e della più aggiornata critica sulla cultura machiavellica e antimachiavellica seicentesca (Enrico Nuzzo)⁹.

⁹ Negli ultimi anni risultano molto cospicui i riferimenti al rapporto fra Machiavelli e Vico, in particolare riguardo alla influenza del Segretario fiorentino nella biografia vichiana del Carafa e riguardo alla trattazione da parte dei due autori della storia romana, nella monografia di *Caporali R.* "Heroes gentium", Sapienza e politica in Vico. Bologna: Il Mulino, 1992, che è una organica ricostruzione dell'intero percorso filosofico del pensatore napoletano; dello stesso autore si veda *La tenerezza e la barbarie. Studi su Vico.* Napoli, Liguori, 2006. Uno studio notevole che tematizza l'aspetto politico nel pensiero vichiano, con riferimenti a Machiavelli e alla ragion di Stato, è il libro di *Montanari M.* Vico e la politica dei moderni / Prefazione di B. de Giovanni. Bari: Palomar, 1995 in particolare P. 204 e ss.; dello stesso autore si veda anche *Politica e storia: saggi su Vico, Croce e Gramsci.* Bari: Publierre, 2007. La relazione fra i due scrittori politici ha coinvolto sia la storiografia americana che quella francese. Nella prima sono da vedersi *Morrison J.* Vico and Machiavelli // Vico: Past and Present, Atlantic Highlands / Ed. G. Tagliacozzo. New York: University Press, 1981. P. 1-14; e sulla ricezione gramsciana di Machiavelli confrontata con quella vichiana di Vico *Struever N.S.* Purity as Danger: Gramsci's Machiavelli, Croce'Vico // Machiavelli and the Discourse of Literature / Ed. A.R. Ascoli and V. Kahn. Ithaca-London: Cornell University Press, 1993. P. 275-289; nella medesima raccolta di saggi *Mazzotta G.* Machiavelli and Vico. P. 259-274 e dello stesso autore *La nuova mappa del mondo. La filosofia poetica di Giambattista Vico.* Torino: Einaudi, 1999, in cui, rimarcando la critica vichiana alla tradizione epicureo-machiavelliana e che Machiavelli aveva evidenziato la distruzione delle precedenti civiltà da parte delle sette religiose (come il cristianesimo con l'Antico mentre per Vico il cristianesimo aveva preservato e promosso l'eredità classica), sostiene che "l'atteggiamento di Vico è di coniugare Platone e Tacito, rimpiazzando le simulazioni del machiavellismo nel piano di unificazione dell'Europa cristiana"

Esposito nel suo importante volume¹⁰, divaricando la scienza del potere machiavelliana da quella della storia di Vico, ha illustrato in quest'ultimo sia il superamento dell'antimachiavellismo cinque-seicentesco, che, nonostante i suoi tentativi di ricostituire un sapere politico non condizionato dalla scissione fra potere assoluto e corpo sociale, si era esaurito in un paradigma conservativo¹¹, sia del tecnicismo geometrizzante e

(P. 208); si legga ancora *Labrie A.* Giambattista Vico and the Machiavelliana Tradition (una rilettura del rapporto fra i due nella scia della storiografia ispirata a Quentin Skinner) // *Leerssen J., Spiering M.* Machiavelli: Figure-Reputation // *Yearbook of European Studies – Annuaire d'Etudes Européennes.* Amsterdam-Atalanta: G.A., 1996. P. 27-62. Per quanto attiene alla Francia, una discussione della relazione fra i due pensatori su temi caratterizzanti quali il conflitto e il ritorno alle origini, che Machiavelli interpreta come una necessità per rinverdire e fare rinascere un organismo politico mentre Vico lo legge come un ricorso barbaro dopo una catastrofe storica, è svolta da *Remaud O.* Conflits, lois et Mémoire. Vico et Machiavel // *Revue philosophique de la France et de l'étrangère/ CXXIII*, 1999. P. 35-60; sempre per la Francia si veda anche il recente volume di *Girard P.* Giambattista Vico. Rationalité et politique. Une lecture de la "Scienza Nuova". Paris: Presses de l'Université Paris-Sorbonne, 2008 che alle P. 291-306 si sofferma sulla logica vichiana del conflitto.

¹⁰ La politica e la storia. Machiavelli e Vico. Napoli: Liguori, 1980. La costanza dell'interesse filosofico di Esposito verso l'opera vichiana si distende per oltre un trentennio Da Vico e Rousseau e il moderno Stato borghese. Bari: Dedalo, 1976 al paragrafo dedicato al filosofo napoletano "Il corpo della storia" // *Id.* Il pensiero vivente. Originalità e attualità della filosofia italiana. Torino: Einaudi, 2010. P. 71-84, denso di notevoli spunti e sollecitazioni critiche.

¹¹ Come afferma l'autore in uno studio di poco posteriore, per Vico, "la verità, la mente, non è elemento che si aggiunga dall'esterno, dall'alto di uno spazio separato e sottratto alla invadenza delle cose e del loro movimento, ma è la loro essenza, la loro virtù, la loro vis... opposizione dunque della mediazione, artificiale, strumentale della Ragion di Stato... E' l'insieme" a valorizzare il corpo. E l'insieme" ha sempre, deve avere, la saldezza materiale dell'idea. L'eternità, l'irrelatività, la 'ricorrenza' dell'idea 'riempie', colma, l'abisso del "peccato", il vuoto della scissione; e riaggrega, ricostituisce, reintegra la corrispondenza del tempo; non più, secondo il formalismo giusnaturalistico, dalla natura alla società, ma dalla società alla società, naturalmente...

meccanicistico hobbesiano e della sua separazione fra soggetto e oggetto. Vico, invece, attraverso una immersione della episteme nella vita e nella storia, si era affrancato dal “decisionismo machiavelliano”, per il quale “solo il potere è soggetto”. Questa visione machiavelliana costituirebbe il limite della concezione del Segretario fiorentino di una autonomia del potere politico, il quale, mediante un uso funzionale della soggettività del sapere, domina l’altro da sé.

Quando Vico nel De constantia rimprovera Machiavelli di non aver compreso l’essenza degli istituti di Roma antica, vuol dire appunto che il Segretario fiorentino non ne ha colto “la complessità generale del suo senso strutturale” e quindi propone uno scioglimento storico delle dialettiche civili “in un più vasto confronto di riferimenti sociali”¹². In Vico, Stato e società si ricompongono nelle dinamiche storiche, anche attraverso il riconoscimento della produttività dell’ascesa delle masse nell’ambito della compagini istituzionali.

Un contributo fondamentale alla delucidazione sia della relazione fra Vico e Machiavelli che della incidenza di machiavellismo e antimachiavellismo nella cultura napoletana coeva è stato offerto da Enrico Nuzzo¹³. L’autore mette a frutto

Quest’idea che solidifica la “fluidità dell’utilità materiale”, che ‘forma’ il divenire delle cose, quest’ordine che struttura la storia, è chiamato da Vico ‘provvidenza’.” (Politica e tecnica nel ‘600: l’antimachiavellismo fino a Vico // *Giovanni B. de, Esposito R., Zarone G.* Divenire della ragione moderna. Cartesio Spinoza Vico. Napoli: Liguori, 1981. P. 227-229).

¹² *Esposito R.* La politica e la storia. P. 37.

¹³ *Nuzzo E.* Tra ‘frode’ e autoinganno. Aspetti e figure del machiavellismo nella cultura napoletana ai tempi di Vico // Machiavelli e la cultura politica del meridione d’Italia (Atti del Convegno, Napoli, 27-28 novembre 1997) / A cura di G. Borrelli. Napoli: Archivio di Stato, 2001. P. 87-127. Dello stesso autore

tutta una serie di apporti essenziali, che negli ultimi decenni, nella scia del magistero di Pietro Piovani e di Fulvio Tessitore, sono stati forniti a illuminare la multiversa cultura napoletana fra seconda metà del Seicento e inizi del Settecento, molto sensibile e ricettiva dei maggiori influssi della moderna scienza e filosofia europee¹⁴, come testimonia esemplarmente la ricchissima biblioteca di Giuseppe Valletta.

In questa vivacissima temperie intellettuale, scandita in differenti fasi politiche dagli ultimi decenni del Viceregno spagnolo al circa trentennio austriaco fino alla monarchia borbonica, si intrecciavano le nuove ricerche sperimentali della

sono da leggersi le notevolissime raccolte di studi vichiani: Tra ordine della storia e storicità. Saggi sulla storia dei saperi in Vico. Roma: Edizioni di Storia e Letteratura, 2001; Tra religione e prudenza. La “filosofia pratica” di Giambattista Vico. Roma: Edizioni di Storia e Letteratura, 2007; e ancora Vico e la ragion di Stato // *Borrelli G.* Prudenza civile, bene comune, guerra giusta. Percorsi della ragion di Stato tra Seicento e Settecento (Atti del Convegno internazionale, Napoli, 22-24 maggio 1996). Napoli: Archivio della Ragion di Stato, 1999. P. 313-348. Di precipuo interesse è il saggio di Enrico Nuzzo su Gli ‘eroi ossimorici’ di Vico (2004), in *Id.* Tra religione e prudenza. P. 119-148.

¹⁴ Su tale periodo cfr.: *Giovanni B. de.* Filosofia e diritto // *D’Andrea F.* Contributo alla storia del prechivismo. Milano: Giuffré, 1958; *Badaloni N.* Introduzione a G.B. Vico. Milano: Feltrinelli, 1961; *Giovanni B. de.* La vita intellettuale a Napoli fra la metà del ‘600 e la restaurazione del Regno // AA.VV. La storia di Napoli. Vol. VI, T.I. Napoli: Società editrice Storia di Napoli-ESI, 1971. P. 403-500; *Mastellone S.* Pensiero politico e vita culturale a Napoli nella seconda metà del Seicento. Messina-Firenze, 1965; *Id.* Francesco D’Andrea, politico e giurista (1648-1698). Firenze: Olschki, 1969; *Galasso G.* Napoli spagnola dopo Masaniello: politica, cultura, società. Napoli: ESI, 1972; La filosofia in soccorso de’ governi. Napoli: Guida, 1989 (con saggi fondamentali su Doria e Vico); *Id.* Alla periferia dell’Impero. Il Regno di Napoli nel periodo spagnolo (XVI-XVII secolo). Torino: Einaudi, 1994; *Torrini M.* L’Accademia degli Investiganti. Napoli 1663-1670 // *Quaderni storici.* XII, 48. 1981. P. 845-883; *Naddeo B.A.* Vico and Naples. The Urban Origins of Modern Social Theory. Cornell University Press, 2001.

cultura “investigante”; un cartesianesimo declinato in diverse guise (da un razionalismo mai dogmatico alle scienze della vita, alla Lebenswelt, e a un cartesianesimo metafisico commisto a platonismo) amalgamato con la lezione galileiana ma anche con il lascito della filosofia meridionale di Telesio Bruno e Campanella; una storiografia filologico-erudita indirizzata agli studi giuridici, nei quali era altrettanto risentita l’eco del moderno giusnaturalismo; un tacitismo spesso inestricabile con un machiavellismo più o meno dissimulato o apertamente stigmatizzato¹⁵; correnti religiose variegate dal quietismo al giansenismo¹⁶; sopravvivenze tardobarocche contestate dalla nuova letteratura di ispirazione arcadica.

Questi nuovi fermenti culturali, i quali erano espressione anche dell’emergere ed affermarsi del nuovo ceto civile e di quello togato¹⁷, provocarono una reazione violenta da parte delle gerarchie ecclesiastiche e della antiquata teologia arroccata su di un rigido tomismo, come dimostrarono Le lettere apologetiche

¹⁵ Tacito e tacitismi in Italia da Machiavelli a Vico / A cura di S. Suppa. Napoli: Archivio della Ragion di Stato, 2003; *Taranto D.* Per un repertorio bibliografico delle scritture politiche italiane della seconda metà del Seicento // Archivio della Ragion di Stato. 3. 1995. P. 5-94; *Id.* Sull’antimachiavellismo italiano nella seconda metà del Seicento // Il pensiero politico. XXIX. 1996. P. 374-390.

¹⁶ *De Maio R.* Società e vita religiosa a Napoli nell’età moderna. Napoli: ESI, 1971.

¹⁷ Per una interpretazione dell’opera vichiana rispetto alle vicende politiche e alle polemiche antifeudali si veda *Giarrizzo G.* Vico. La politica e la storia. Napoli: Guida, 1981; per una puntuale discussione critica di questo libro cfr. *Galasso G.* Per un itinerario a Vico // *Id.* La filosofia in soccorso de’ governi. P. 257-296.

dell'Aletino e il processo agli ateisti¹⁸, alcuni dei quali furono amici di Vico. A tutto questo non fu senz'altro insensibile Vico, per quanto cercasse di distaccarsi negli anni della maturità dagli sviluppi intellettuali più compromettenti ed eterodossi.

Nell'ampia ricognizione storiografica di Enrico Nuzzo si evidenzia la non univoca presenza machiavelliana nei più rappresentativi intellettuali del tempo. Il saggio si incentra su una analisi della “fenomenologia dell'inganno” con le sue implicite connessioni a temi quali l'utile, la malizia, la frode. Si passa, così, dal renatista Gregorio Caloprese¹⁹ che, pur aperto alle tendenze innovatrici d'oltralpe, manifestava una netta ripulsa verso Machiavelli e i moderni politici; all'atteggiamento di “radicale” antimachiavellismo del Gravina²⁰, grande giurista, esperto del moderno giusnaturalismo e della metodologia storico-erudita incentrata sul diritto romano che egli articolava e sistematizzava in un quadro organico politicamente orientato a una giustificazione dello ius sapientioris, e promotore di una nuova

¹⁸ *Osbat L.* L'Inquisizione a Napoli. Roma: Edizioni di storia e letteratura, 1974.

¹⁹ Cfr. *Nuzzo E.* Verso la “vita civile”. Antropologia e politica nelle lezioni accademiche di Gregorio Caloprese e Paolo Mattia Doria. Napoli: Guida, 2004; *Caloprese G.* Opere / A cura e con introduzioni di F. Lomonaco e A. Mirto, Napoli: Giannini, 2004.

²⁰ Su cui si vedano gli importanti volumi di *Lomonaco F.* Le “orationes di G. Gravina, scienza, sapienza e diritto. Napoli: La Città del Sole, 1997; Filosofia diritto e storia in Gianvincenzo Gravina. Roma: Edizioni di Storia e Letteratura, 2006; lo stesso autore ha curato la ristampa anastatica di *Gravina G.* *Originum juris civilis libri tres* (1713), presentazione di F. Tessitore, Napoli: Liguori, 2004; sempre sul Gravina cfr. *San Mauro C.* Gianvincenzo Gravina e il “De romano imperio liber secundus”. Napoli: Guida, 2004; *Id.* Gianvincenzo Gravina giurista e politico. Con un'appendice di scritti inediti. Milano: F. Angeli, 2006.

estetica arcadica²¹; a Paolo Mattia Doria²², dalla cui opera emergeva una “contraddittorietà” e una coesistenza di un modello civile con una dimensione normativa, attinta al suo cartesianesimo e al suo platonismo, e la non completa chiusura nei confronti di Machiavelli se non per i suoi argomenti meno addomesticabili, come quello della giustificazione del conflitto, in quanto il pensatore genovese palesava una concezione armonica della politica e un modello conservativo, caratterizzato dalla preservazione della quiete, proprio della trattatistica politica italiana tardo-cinquecentesca e seicentesca²³

Riguardo, infine, specificamente a Vico, Nuzzo sottolinea, una inclinazione teorico-politica, incardinata nella apologia dell’ordine provvidenziale nel corso storico e della persistenza del “vis veri”, alternativa a quella di Machiavelli, e il ripudio netto e inequivocabile della impostura sacerdotale, della frode e dell’inganno, tranne l’autoinganno dei bestioni primitivi nella immaginazione degli dei.

²¹ Sull’estetica del Gravina sono stati determinanti i volumi di *Quondam A. Cultura e ideologia* in Gianvincenzo Gravina. Milano: Mursia, 1968; *Id. Filosofia della luce e luminosi* nelle “Ecloghe” del Gravina. Napoli: Guida, 1971.

²² Cfr. i saggi di *Suppa S. L’Accademia di Medinacoeli fra tradizione investigante e nuova scienza civile*. Napoli: Istituto per gli studi storici, 1971; *Id. Governo, conflitto, ragione nell’Accademia di Medinacoeli // Machiavelli e la cultura politica meridionale / A cura di G. Borrelli*. P. 73-86; *Id. Ragion di Stato, machiavellismo e antimachiavellismo in Paolo Mattia Doria // Borrelli G. Prudenza civile, bene comune, guerra giusta*. P. 289-312.

²³ *Nuzzo E. I percorsi della “quiete”. Aspetti della trattatistica politica meridionale del primo Settecento nella crisi dell’“aristotelismo politico” // Bollettino del Centro di Studi Vichiani*. XVI. 1986. P. 7-93. Su questo tema nella cultura politica italiana è da leggere *Borrelli G. Non far novità. Alle radici della cultura italiana della conservazione politica*. Napoli: Bibliopolis, 2004.

3. Il mio intervento prenderà l'abbrivo e svilupperà, con particolare riferimento all'ultima edizione della Scienza Nuova, un aspetto peculiare del rapporto fra Vico e Machiavelli, ossia la rilevanza, nella nascita e costituzione del politico, del sapere mitico, metaforico, perché ritengo che sia una chiave di lettura privilegiata per comprendere il confronto fra i due pensatori. E' superfluo ricordare che nel capitolo XVIII del Principe, che secondo la famosa definizione gramsciana è un "mito vivente", Machiavelli, in pagine che avrebbero suscitato un ampio scandalo nel XVI e XVII secolo, descrive il politico mediante la metafora del Centauro²⁴. La riflessione di Machiavelli è calamitata dalla edificazione dei nuovi Stati e, infatti, quando nel suo opuscolo propone un modello di principe nuovo, raffigura Cesare Borgia che, nella mitizzazione del Segretario fiorentino, era stata la maggiore attuazione delle virtù del Centauro.

²⁴ I centauri, invece, nella *Scienza Nuova* sono nella antica Roma i plebei i cui connubi erano more ferarum, prima che in seguito alle loro lotte ricevessero il riconoscimento giuridico: "Pane satiro vuol afferrare Siringa, ninfa... valorosa nel canto, e si trova aver abbracciato le canne; e, come Pane di Siringa, così Issione, innamorato di Giunone, dea delle nozze solenni, invece di lei abbraccia una nube. Talché significano le canne la leggerezza, la nube la vanità de' matrimoni naturali; onde da tal nube si dissero nati i centauri, cioè a dire i plebei, i quali sono i mostri di discordanti nature che dice Livio, i quali a' Lafiti, mentre celebrano tra loro le nozze, rapiscono loro le spose. Così Mida (il quale... abbiám trovato plebeo) porta nascoste l'orecchie d'asino, e le canne ch'afferra Pane (cioè i matrimoni naturali) le scuoprano: appunto come i patrizi romani approvano a' lor plebei ciascun di loro esser mostro, perché essi "agitabant connubia more ferarum" (*Vico. Scienza Nuova 1744 // Id. Opere / A cura di A. Battistini. Milano: Mondadori, 1990. Vol. I. Cpv. 649. P. 741; d'ora in poi l'edizione a cura di Andrea Battistini della Scienza Nuova del 1744 sarà citata con la sigla SN*). Sui monstra nelle opere vichiane si veda il libro di *Sanna M.* La "fantasia che è l'occhio dell'ingegno". La questione della verità e della sua rappresentazione // *Vico. Napoli: Guida, 2001. P. 80 e ss.*

La metafora del Centauro è l'esempio di un tipico procedimento conoscitivo di Machiavelli, della sua potente immaginazione. Questa facoltà nella sua opera non è certo la immaginazione stigmatizzata in Principe XV, che seduce con repubbliche e principati irreali, alla quale il Segretario fiorentino contrappone la "verità effettuale", ma è il salto, la tensione conoscitiva che lega particolare a universale:

“Immaginazione: e vale a dire la capacità di salire di colpo, dal fatto particolare ad un problema d'ordine generale, di cogliere immediatamente le connessioni – eterne, non contingenti – tra questo e quell'evento politico: perché gli uni e gli altri eventi non sono che momenti di un'attività eterna dell'uomo, l'agire politico sempre identico nei suoi stimoli e nei suoi fini”²⁵.

Nel “prevalere del momento immaginativo su quello logico”, nella “primazia dell'intuizione sul momento puramente logico” Chabod individuava l'asse epistemologico della prosa machiavelliana e come esempio richiamava la metafora, appunto, della donna-fortuna vinta dal giovanile impeto principesco²⁶.

²⁵ Chabod F. *Metodo e stile di Machiavelli* (1955) // *Id. Scritti su Machiavelli*. Torino: Einaudi, 1982 (I ed. - 1964). P. 380.

²⁶ Ivi, P. 385-387; sempre a P. 387 Chabod sostiene che “questo immaginar politico, e cioè il creare politico, rimase sino all'ultimo la grazia e il tormento insieme del Machiavelli”. Sul linguaggio metaforico nell'opera machiavelliana e in quella di Vico, rilevanti sono i saggi di *Nuzzo E.* Tra metafore ‘naturali’ e metafore ‘civili’: gli itinerari della conoscenza in *Giambattista Vico // Aria, terra, acqua, fuoco: i quattro elementi e le loro metafore. Luft, Erde, Wasser, Feuer: die vier Elemente und ihre Metaphern / A cura di F.Rigotti – P.Schiera.* Bologna – Berlin: Il Mulino – Duncker & Humboldt, 1996. P. 167-211 e *Le ‘cose umane’ tra ‘mutazioni’ e ‘ordini’ in Machiavelli. Rappresentazioni concettuali e figure metaforiche // Archivio di storia della cultura.* XII. 2000. P. 3-26.; sempre di *Nuzzo* si leggano, da un punto di vista più teorico, *Metaforologia e storicità.* Su alcuni problemi e prospettive di ricerca, in

Questo intuitivo attingimento dell'universale, però, nella pagina machiavelliana sempre si commisura al variare degli eventi e si modifica a seconda delle differenti congiunture. E' una immaginazione politica che è sia l'intuizione che consente all'analista di non smarrirsi fra i particolari "accidenti", ma di svelarne il senso, sia la creazione politica che consente di fondare lo Stato, proiettandosi verso il futuro.

La metafora, dunque, del principe nuovo rappresenta, per Machiavelli, la fondazione e rifondazione di uno Stato, quando, come il Fiorentino dice esplicitamente nella rubrica di Discorsi I 9, per il perseguimento del "bene comune", "è necessario essere solo a volere ordinare una repubblica di nuovo, o al tutto fuor degli antichi suoi ordini riformarla". In questo capitolo, così come in Principe VI, sono elogiati i grandi legislatori, da Romolo a Mosè. Al principe nuovo (è lo stesso Machiavelli a spiegarlo) di fronte all'alternativa fra l'"umore" ottimatizio, ambizioso e infido, e quello popolare, desideroso solo di non essere avvilito e mantener salvi roba e onore, conviene preferire il secondo. Infatti, il 'filo-popolare' Machiavelli, in Discorsi I 58, laddove sostiene che "la moltitudine è più savia e costante di uno principe", scandisce due momenti della politica e differenti protagonismi: "se i principi sono superiori a' popoli nello ordinare leggi, formare vite civili, ordinare statuti ed ordini nuovi; i popoli sono tanto superiori nel mantenere le cose ordinate, ch'egli aggiungono senza dubbio alla gloria di coloro che l'ordinano".

Cacciatore // Ermeneutica Fenomenologia Storia / A cura di P. Colonnello, D. Jervolino. Napoli: Liguori, 2001. P. 107-133; Metàforas y lenguajes en la historia de la filosofia política // Deus mortalis. Cuaderno de Filosofia Política. 2006. № 5.

Anche Vico pone all'inizio della politica, anzi della storia, un mito. Nella Scienza Nuova, infatti, racconta che gli uomini primitivi, i giganti²⁷, dopo il diluvio universale erranti come bestioni senza alcuna regola, avevano inaugurato il loro processo di civilizzazione con una metafora, con un mito, ovvero erano stati atterriti da un tuono, da loro identificato con l'autorità divina. Racconta Vico che molti anni dopo il diluvio, finalmente la terra "disseccata dall'umidore dell'universale inondazione", emise esalazioni secche. E allora

"il cielo finalmente folgorò, tuonò con folgori e tuoni spaventosissimi... pochi giganti, che dovetter esser gli più robusti, ch'erano dispersi per gli boschi posti sull'alture de' monti, siccome le fiere più robuste ivi hanno i loro covili, eglino, spaventati ed attoniti dal grande effetto di che non sapevano la cagione, alzarono gli occhi ed avvertirono il cielo. E perché in tal caso la natura della mente umana porta ch'ella attribuisca all'effetto la sua natura, come si è detto nelle Degnità, e la natura loro era in tale stato, d'uomini tutti robuste forze di corpo, che urlando, brontolando, spiegavano le loro violentissime passioni; si finsero il cielo esser un gran corpo animato, che per tale aspetto chiamarono Giove"²⁸.

²⁷ Sulle fonti vichiane, sul Diritto Universale e sulle diverse edizioni della *Scienza Nuova*, in relazione a questi esseri dalla corporatura abnorme, si veda *Mazzola R. I giganti (1994-1995) // Id. Metafisica storia erudizione. Saggi su Giambattista Vico. Napoli: Le Càriti, 2007. P. 53-89.*

²⁸ *Vico. SN. Cpv. 377. P. 511.* Il brano si trova, in forma diversa, nelle tre edizioni dell'opera vichiana, che ora si possono leggere insieme in *Vico. La Scienza Nuova. Le tre edizioni del 1725, 1730 e 1744 / A cura di M. Sanna e V. Vitiello, con saggio introduttivo di V. Vitiello. Milano: Bompiani, 2012.* Enrico Nuzzo ha giustamente notato che nel *De constantia iurisprudentis* la storia dei Giapeti è radicalmente separata da quelle di Camiti e Semiti, maggiormente

Propriamente quella del tuono-Giove è una metonimia, l'effetto per la causa, ma in realtà può considerarsi una metafora, il mito originario della civiltà umana, perché, come spiega Vico medesimo, fra tutti i tropi, “la più luminosa, e perché più luminosa, e più spesso è la metafora, ch'allora è vieppiù lodata quando alle cose insensate ella dà senso e passione”²⁹.

La metafora in Vico ha una importanza primaria così come per la trattatistica barocca, ma in un senso capovolto. La metafora barocca è figura retorica, ma anche intellettualistico e sorprendente ‘guizzo’ conoscitivo di poeti eruditi di una civiltà raffinata. Essa è il frutto di una logica combinatoria, è una operazione dell'intelletto, da cui nasce l'“argutezza” che, secondo la definizione del suo maggior teorico, Emanuele Tesauro, è un “ingegnoso concetto”. E' un artificio mentale consono a una

collegate fra di loro; infatti, solo i Giapeti “fulmine excitandi fuere ut caelum crederent deum eiusque voluntatem putarent Iovem” [*Vico*. Opere giuridiche / A intr. Di N. Badaloni, a cura di P. Cristofolini. Firenze: Sansoni, 1974. P. 435). Sempre Nuzzo ha osservato che “nonostante nell'opus magnum sempre più Vico tenda ad accomunare la discendenza di Cam e Jafet, ma anche quella di Sem che non fossero i “soli ebrei”, ancora nella “Tavola cronologica” che appare nelle due ultime versioni della Scienza Nuova, solo ‘Giapeto’ è indicato come colui “dal quale provengon’ i Giganti” (*Nuzzo E*. I caratteri dei popoli nella nuova scienza delle nazioni di Vico. Tra causalità sacra, causalità storica, causalità naturale // Razionalità e modernità in Vico (Atti del convegno all'Università Milano-Bicocca, 8-10 giugno 2011) / A cura di M. Vanzulli. Milano: Mimesis, 2012. P. 167).

²⁹ Ivi. Cpv. 404. P. 587-588; cfr. “Ex omnibus tropis sive splendore spectes sive usum, facile princeps metaphora... Praecipuam promerent laudem illae, quae rebus sensu carentibus animum dant et motum [Il principale fra tutti è senza dubbio la “metafora”, sia dal punto di vista dello splendore sia da quello dell'uso... Degne di massima lode sono le metafore che attribuiscono anima e movimento a cose insensate e inanimate” (*Id*. Institutiones oratoriae / Testo critico versione e commento di G. Crifò. Napoli: Istituto Suor Orsola Benincasa, 1989. P. 314-315).

società di corte, risultando affine, per caratteri e scopi, al gioco, alla festa, al teatro³⁰.

La metafora vichiana, invece, è consentanea all'origine della civiltà umana, a "que' primi uomini, le menti de' quali di nulla erano assottigliate, di nulla spiritualezzate, perch'erano tutte immerse ne' sensi, tutte rintuzzate nelle passioni, tutte seppellite ne' corpi"³¹, uomini dalla "corpulentissima fantasia"³². Il tuono divino segna una frattura antropologica, provocando il gesto inaugurale della storia umana.

Ma Giove non è solo la prima metafora, con la quale i primitivi bestioni espressero in un corpo animato il loro timor Dei, ma è anche il primo mito, il primo "carattere divino", il "primo universale fantastico"³³, che ingenera la civile convivenza.

4. Dunque, sia nel discorso machiavelliano che in quello di Vico, all'origine della politica, troviamo due miti: due metafore fondatrici: Nel Principe il Centauro; nella Scienza Nuova il tuono. Ma, mentre nel capitolo machiavelliano il Centauro scaturisce dalla immaginazione dell'autore, nella Scienza Nuova il tuono è un mito originato dalla "vasta immaginativa"³⁴ degli uomini primitivi. Ebbene, l'immaginazione ovvero l'ingegno, e non l'intellectus, è la facoltà propria dei bestioni primitivi. Ed è grazie

³⁰ Sulla metafora barocca rinvio ai magistrali studi di Ezio Raimondi, in particolare a quelli raccolti nella sua silloge, *Letteratura barocca. Studi sul Seicento italiano*. Firenze: Olschki, 1991 (I ed. - 1961).

³¹ SN. Cpv. 379. P. 572.

³² Ivi. Cpv, 376. P. 570.

³³ Ivi. Cpv. 381. P. 574.

³⁴ Vico. SN. Cpv. 379. P. 572.

all'ingegno che essi produssero miti, ossia universali fantastici e, quindi, diedero inizio alle prime comunità civili.

L'ingegno, nella definizione del filosofo napoletano nell'incipit del IV capitolo del De Antiquissima italarum sapientia, mette in relazione fra di loro cose lontane ed opposte: "Ingenium facultas est in unum dissita, diversa coniungendi"³⁵.

³⁵ "La più parte de' dotti d'oggi di fervono in studi, che soli reputan severi e gravi, e di metodi e di critiche; ma metodi che disperdon affatto l'intendimento, di cui proprio è di veder il tutto di ciascheduna cosa e di vederlo tutto insieme... e, per vederne il tutto, debbe considerarla per tutti i rapporti ch'ella può mai avere con altre cose dell'universo, e tra quella che vuole perfettamente intendere e cose affatto disparate e lontanissime ritrovarvi all'istante alcuna comunità di ragione, nello che consiste tutta la virtù dell'ingegno" (Vico. Opere. Vol. I. P. 331); cfr.: "con la spessa lezione di oratori, di storici e di poeti dilettava l'ingegno di osservare tra lontanissime cose nodi che in qualche ragion comune le stringessero insieme, che sono i bei nastri dell'eloquenza che fanno dilettevoli l'acutezze" (Id. Autobiografia // Id. Opere. P. 16). Sul nesso tra fantasia, ingegno, mito, metafora nell'opera vichiana esiste una ricca bibliografia. Sono di cospicuo interesse i saggi di Giuseppe Cacciatore, che ha insistito sul valore non solo gnoseologico di tale nesso, ma anche antropologico-pratico: Vico e Dilthey. La storia dell'esperienza umana come relazione fra conoscere e fare // Id. Storicismo problematico e metodo critico. Napoli, 1993. P. 17 e ss.; Simbolo e storia in Vico e Cassirer // Vico und die Zeichen. Vico e i segni / A cura di J.Trabant. Tuebingen: Guenter Narr, 1995. P. 257-269; Poesia e storia in Vico // Il mondo di Vico/Vico nel mondo. In ricordo di Giorgio Tagliacozzo / A cura di F. Ratto. Perugia, 2000. P. 143-156; Formas y figuras del ingenio en Cervantes y Vico / Tr. di M.L. Mollo // Quadernos de Filosofia i Ciència. 37. 2007. P. 57-70; Vico: narraciòn històrica y narraciòn fantàstica (2003) / Tr. Di J. Sànchez Espillaque // Quadernos sobre Vico. 23 (2009)/24 (2010). P. 15-31; sono decisivi nella illustrazione di tale nesso i contributi di Dorflès G. Mito e metafora in Cassirer e Vico // Il Pensiero. XII. 1968; Pareyson L. La dottrina vichiana dell'ingegno // Id. L'esperienza artistica. Saggi di storia dell'estetica. Milano: Marzorati, 1974. P. 39-75; Battistini A. La dignità della retorica. Pisa: Pacini, 1975; Id. La sapienza retorica di Giambattista Vico. Milano-Napoli: Guerini e Associati, 1995; Id. Vico tra antichi e moderni. Bologna: Il Mulino, 2004; Verene D.Ph. Vico. La scienza della fantasia / A cura di F.Voltaggio, pref. di V.Mathieu. Roma:

Armando, 1984 (ed. or. - 1981); *Id.* La logica corporea degli universali fantastici // Vico und die Zeichen. P. 93-100; *Mooney M.J.* Vico e la tradizione della retorica. Bologna: Il Mulino, 1992 (I ed. - Princeton, 1985); *Cantelli G.* *Mente Corpo Linguaggio. Saggio sull'interpretazione vichiana del mito.* Firenze: Sansoni, 1986; *Di Cesare D.* Il concetto di metafora in Giambattista Vico // Bollettino del Centro di studi vichiani. № XVI. 1986; *Costa G.* Genesi del concetto vichiano di fantasia // Phantasia-Immaginatio, V colloquio internazionale / A cura di M. Fattori. Roma, 1988; *Grassi E.* Vico e l'Umanesimo / Intr. all'ed.it. di A. Verri, pref. di D.P. Verene. Milano: Guerini e Associati, 1992 (I ed. - New York, 1990); *Botturi F.* Tempo linguaggio e azione. Le strutture vichiane della "Storia ideale eterna". Napoli: Guida, 1996. P. 68-76, 87-93; *Gensini S.* Ingenium. Note sul contesto storico-teorico di un nesso vichiano // Vico und die Zeichen. P. 237-256; *Sanna M.* La "fantasia che è l'occhio dell'ingegno". La questione della verità e della sua rappresentazione in Vico. Napoli: Guida, 2001; *Trabant J.* Ingegno e paternità // Ingenium propria hominis natura / A cura di S. Gensini e A. Martone. Napoli: Liguori, 2002. P. 265-279; Il sapere poetico e gli universali fantastici: la presenza di Vico nella riflessione filosofica contemporanea, Atti del Convegno tenutosi a Napoli, 23-25 maggio 2002 / A cura di Cacciatore et alii. Napoli: Guida, 2004; *Girard P.* L'ingenium chez Gracian et Vico // Bollettino del Centro di Studi vichiani. a.XXXV. 2005. P. 103-121. Un precipuo impegno esegetico è offerto dal Papini con l'analisi della funzione del linguaggio allegorico nella Scienza Nuova e delle sue interrelazioni con la mentalità 'tensionale' alla ricerca di estreme armonie tipica del barocco: *Papini M.* Il geroglifico della storia. Significato e funzione della dipintura della "Scienza Nuova" di G.B.Vico. Bologna: Cappelli, 1984; *Id.* "Arbor humanae linguae". L'etimologico di G.B.Vico come chiave ermeneutica della storia del mondo. Bologna: Cappelli, 1984; *Id.* Uomini di sterco e di nitro // Bollettino del Centro di Studi Vichiani. XX. 1990. P. 9-76; *Id.* Opzione barocca per il "De antiquissima" // Vico e il pensiero contemporaneo / A cura di A.Verri. Lecce: Milella, 1991. P. 350-376. Sul rapporto fra estetica vichiana e barocco si leggano *Patella G.* Senso, corpo, poesia. G.B.Vico e l'origine dell'estetica moderna. Milano: Guerini e Associati, 1995 e *Id.* G.B.Vico. Tra Barocco e Postmoderno. Milano: Mimesis, 2005; *Cerchiai G.* Il "padre divino di ogni ritrovato". Aspetti dell'idea vichiana di ingegno // *Vanzulli M.* Razionalità e modernità in Giambattista Vico. Milano: Mimesis, 2011. P. 33-49; *Sevilla J.M.* Prolegòmenos para una crítica de la razón problemática. Motivos en Vico y Ortega, presentación de E. Hidalgo-Serna. (Barcelona): Anthropos Editorial, Rubí, 2011. P. 195 e ss. Un libro molto affascinante e per molti aspetti pionieristico, che evidenziò la rilevanza

Dunque, l'ingegno, al quale Vico si sentiva predisposto per natura³⁶, è il primo legame gnoseologico e politico fra uomini diversi e separati fra di loro. Come ribadisce nelle *Vici Vindiciae*, l'ingegno, che è il "divinum omnium inventionum parentem" e avvicina la mente umana alla mente divina, instaura un rapporto fra proposizioni separate e distinte, che a prima vista non sembrano avere alcuna relazione³⁷. Qui entriamo nel vivo della pagina sia vichiana sia machiavelliana, perché in entrambi i pensatori la politica e, più in generale il mondo umano, è concepita come una tensione fra opposti. Ed è su questo tema che vorrei concentrare il discorso, al di là dei molteplici percorsi esegetici, finalizzati a indagare le tracce machiavelliane e la loro rielaborazione nel discorso vichiano.

dei miti nella Scienza Nuova è quello di *Paci E.* *Ingens sylvae*. Saggio sulla filosofia di Giambattista Vico. Milano: Mondadori, 1949.

³⁶ Vico attribuisce alla rovinosa caduta infantile "una natura malinconica ed acre, qual dee essere degli uomini ingegnosi e profondi, che per l'ingegno balenino in acutezze, per la riflessione non si diettinno dell'arguzie e del falso" (*Vita di Giambattista Vico scritta da sé medesimo // Vico. Opere. P. 5*). L'umore malinconico, indice fisiologico del genio risente di echi rinascimentali, presenti in specie in quella tradizione neoplatonica fiorentina non irrilevante nella formazione filosofica e letteraria di Vico. Sulla malinconia nel Rinascimento rinvio al classico volume di *Klibansky R., Panofsky E., Saxl F.* *Saturno e la melanconia. Studi su storia della filosofia naturale, medicina, religione e arte / Tr. di R. Federici, nuova ed. ampl. Torino: Einaudi, 2002.*

³⁷ *Vico. Vici Vindiciae, Id. Varia.* Il "De mente heroica" e gli scritti latini minori / A cura di G.G. Visconti. Napoli: Guida, 1996. P. 61. Nell'apologia dell'ingegno Vico trova un valido alleato in Bacone quale alternativa all'astratto intellettualismo cartesiano, infruibile a fini civili e politici. Giustamente Mario Agrimi ha evidenziato che "il Bacone di Vico è quindi maestro di una scienza ingenua e attiva" (*M. Agrimi. Vico: la tradizione ermetica e il mito dell'Egitto. Il nesso politica-religione. Vico e Bacone // Id. Ricerche e discussioni vichiane. Lanciano: Editrice Itinerari, 1984. P. 36*).

Machiavelli ha una concezione eraclitea della vita storica, in quanto tutto il corso delle vicende umane è attraversato da un furioso divenire, sul quale domina pòlemos, inteso come conflitto nelle sue diverse manifestazioni. Le principali figure di queste tensioni di opposti sono i binomi bestia-uomo (il Centauro appunto), caso-occasione, libertà-necessità, virtù-fortuna, dal Segretario fiorentino raffigurato da un'altra sua metafora: il fiume che straripa se non sono stati predisposti adeguati argini. Il pensiero di Machiavelli è come una ellissi in cui i due fuochi devono necessariamente convivere e acquistano senso non nel loro isolamento ma solo nel loro coesistere. A queste antinomie si aggiunge quella esaltata, in polemica con una vetusta tradizione, nel capitolo quarto del primo libro dei Discorsi, cioè le lotte sociali e civili fra patrizi e plebei, che avevano garantito all'antica Roma libertà e potenza.

Tuttavia, Machiavelli è ben consapevole che tutte le antinomie della politica rischierebbero di disgregare uno Stato se non ci fossero dei fattori unitari. Questi fattori unitari non risolvono, non annullano i diversi conflitti (sarebbe una mera illusione), ma li tengono insieme in una tensione proficua e non distruttiva, come era accaduto nella Firenze medievale (dilaniata da scontri faziosi senza alcun esito per il bene comune), da Machiavelli contrapposta alla virtuosa Roma antica.

Quali sono questi fattori unitari? Essenzialmente tre: armi, leggi e religione. Le armi suscitano l'attenzione sofferta da parte di Machiavelli, che, durante i fervidi anni della sua attività politica, aveva sperimentato davanti alle mura di Pisa la inaffidabilità e la inefficacia delle milizie mercenarie e ausiliarie. Ma le armi proprie assumono, per Machiavelli, anche e soprattutto

un significato politico, in quanto esse favoriscono la formazione di una coscienza civile nel popolo.

Secondo punto: le leggi. La legge, secondo Machiavelli, come dimostra in particolare Discorsi I, 2 nasce dal caso, dagli eventi, dalla contrapposizione fra gli uomini. Infatti, in quel capitolo fondamentale dei Discorsi, la ferocitas del centauro è riecheggiata dalla ferinitas delle origini della storia umana, quando, come Machiavelli racconta suggestionato dalla lettura lucreziana, gli uomini, essendo prima pochi, vissero “dispersi a similitudine delle bestie”, poi, “moltiplicando la generazione”, si radunarono e riconobbero come loro capo colui che fosse più forte e coraggioso.

Dalla ubbidienza e dalla gratitudine verso il capo, che difendeva la comunità, e dalla consapevolezza degli uomini di evitare ingiurie fra di loro e verso chi li comandava, nacquero “la cognizione delle cose oneste e buone”, “le leggi” e la “cognizione della giustizia”. Giustizia, quindi, che non nasce e non si iscrive in un ordine divino, ma scaturisce dalla primigenia ferinitas, dal “caso”, dai contrasti fra i gruppi umani, dalla forza e dal riconoscimento di quanto sia utile a tutti.

Dunque, la legge e, più in generale, la politica, anche qui in contrasto con radicate, persistenti e prevalenti tradizioni medievali e umanistiche, soprattutto di ascendenza aristotelico-tomistica, non ha alcun fundamentum: né naturale (la pòlis completamente ed entelechia della natura umana), né metafisico, né teologico. Il Centauro (inteso in senso lato, compendio di ferinitas e humanitas, il quale drammaticamente emerge soprattutto nei momenti primigeni e fondativi della storia umana e della politica) riesce a far convergere le antinomie e i conflitti in

un punto di accordo per il bene comune. Altrimenti è inevitabile la “ruina”.

Infine, ma non per importanza (anzi, per Machiavelli, è assolutamente primario), terzo fattore di unità: la religione, che assume due accezioni. E’, innanzi tutto, timore della divinità, terrore di infrangere il giuramento divino che non fa indietreggiare il soldato nemmeno davanti al rischio mortale. La religione, in questo senso, è mysterium tremendum. Ma la religione, nella prospettiva di Machiavelli, al quale non interessa la religione come fede, come vita interiore, come apertura alla trascendenza, ma nei suoi effetti nelle dinamiche politiche, è, sulla base dell’exemplum romano antico, l’etica civile, l’ethos di un popolo.

5. Anche per Giambattista Vico, le armi rivestono un ruolo non secondario nella storia. Non poteva essere diversamente per un pensatore, che aveva puntualmente descritto le virtù guerriere nella biografia del Carafa, dove è così forte l’eco machiavelliana. Per di più, Vico, sulla scia della riflessione di Grozio, aveva rivolto la propria attenzione al disciplinamento giuridico delle guerre fra le nazioni, le quali nel sei-settecento, diversamente dal tempo di Machiavelli, operavano nell’ambito di quello che Carl Schmitt avrebbe chiamato lo ius publicum europaeum.

La critica di Vico ai teorici del diritto naturale³⁸, come Grozio, è di avere isolato il diritto dalla storia, di averlo ipostatizzato mediante la ipotesi fallace di una umanità delle origini già bella e formata. Al contrario, per Vico, la legge nasce,

³⁸ Sul diritto naturale nell’opera vichiana si veda *Lomonaco F.* Diritto naturale e storia. Note su Gravina e Vico // Archivio di storia della cultura. a.XIII. 2000. P. 27-51.

alla stessa stregua di Machiavelli, dalle contese fra gli uomini, dai loro contrasti sociali. Vico addirittura stringe in un nodo etimologico, infondato ma tanto più rilevante, pòlis e pòlemos:

“Si narra distintamente ciò che ‘n confuso Platone [Leggi I, 2, 626a] disse: “le repubbliche esser nate sulla pianta dell’armi”; a cui dev’unirsi ciò ch’Aristotile ci disse sopra nelle Degnità [LXXXVI]: che nelle repubbliche eroiche i nobili giuravano d’esser eterni nemici alla plebe; e ne restò proprietà eterna, per la quale ora diciamo i servidori esser nemici pagati de’ loro padroni. La qual istoria i greci ci conservarono in questa etimologia, per la quale, appo essi, da pòlis, “città”, pòlemos è appellata la “guerra””³⁹.

Tale conflittualità è dimostrata con evidenza dalla storia romana antica:

“La storia romana appare dialettizzata da eventi fondamentalmente legati se non alla lotta di classe, alla lotta di classi, o almeno a lotte scaturenti da gruppi sociali successivamente affermantissimi bisogni e diritti diversi e avversi fra loro. Così, la più paludata delle storie si lacera nella drammaticità intima di contrasti che non esitano a sconvolgere i quadri più tradizionali”⁴⁰.

³⁹ Vico. SN (Ed. Battistini). Cap. 588. P. 701; cfr. Ivi. Cap. 639. P. 736.

⁴⁰ Piovani P. Il debito di Vico verso Roma (1969) // *Id.* La filosofia nuova di Vico / A cura di F. Tessitore. Napoli: Morano, 1990. P. 108. E’ da vedersi anche il fondamentale saggio di *Momigliano A.* La nuova storia romana di G.B.Vico // *Rivista storica italiana*. a.LXXVII, fasc. IV. 1965, P. 773-790, nel quale si dimostra la estraneità di Vico rispetto alla contemporanea storiografia e alla erudizione storico-filologica dell’Italia centro-settentrionale, da Bacchini a Muratori a Maffei, influenzata dal nuovo metodo paleografico e diplomatico di Mabillon e Montafaucon, che si esercitava non sulla storia romana, ma sulle origini dei popoli italici e sul Medioevo e giustamente si evidenzia la rilevanza delle lotte agrarie dell’antica Roma nelle pagine vichiane; dello stesso storico si

Barbuto G. Giambattista Vico e Machiavelli

La storia dell'antica Roma sia in Vico che in Machiavelli ha un ruolo basilare. Ma il Segretario fiorentino la legge attraverso la mediazione degli storici, soprattutto Tito Livio, e mitizza l'età repubblicana. Vico, che si avvale della sua formazione giuridica e della cospicua tradizione napoletana sei-settecentesca, dal Valletta all'Aulisio, che aveva insegnato, seppur in diversi modi, ad apprezzare la storicità dell'ordinamento giuridico, la interpreta attraverso il diritto romano, che egli definisce come il poema omerico degli antichi romani. Ancora, a Machiavelli, Vico rimprovera di aver confidato troppo nella "magnanimità della plebe" romana⁴¹. Ma, per entrambi, le leggi romane derivano dalla lotta dei plebei contro i patrizi, per il loro riconoscimento giuridico e politico.

Ma questi conflitti, per i quali si passa da una libertà di parte, quella signorile, a una libertà partecipata, quella popolare, non devono degenerare in guerre civili, quando la contesa non si risolve con le leggi ma con le armi, quando la "moltitudine avara" comanda "leggi per arricchire, quali in Roma furono l'agrarie de' Gracchi"⁴². E non a caso la vicenda dei Gracchi è negativamente valutata anche da Machiavelli, il quale, attestandosi sul principio di mantenere ricco il pubblico e povero il privato, registra il degradarsi delle ambizioni dei plebei dagli "onori" alle "sustanze" (Discorsi, I 37).

veda "Scienza Nuova": Roman "Bestioni" and Roman "Eroi" // *Id.* Terzo contributo alla storia degli studi classici e del mondo antico. Roma: Edizioni di Storia e Letteratura, 1966 (I). P. 153-177. Inoltre, è da leggersi il volume di un altro maestro della storiografia del mondo antico: *Mazzarino S. Vico, l'annalistica e il diritto*. Napoli: Guida, 1971.

⁴¹ Ivi. Cpv. 1003. P. 907.

⁴² Ivi. Cpv. 288. P. 533.

Ma è proprio sul significato profondo da attribuire alla legge, al diritto che emerge la fondamentale differenza fra Machiavelli e Vico. Riguarda proprio il terzo fattore di unità, la religione, come è, appunto, dimostrato dalle metafore del Centauro e del tuono.

Innanzitutto, si tenga presente che, come è stato più volte ribadito dalla critica, la religione nelle pagine machiavelliane può nascere da una accorta manovra di pedagogia politica da parte del principe-Centauro, che, simulando una comunicazione con la divinità, ad esempio Numa Pompilio con la Ninfa Egeria, forma gli animi del popolo a un comune sentire civile e religioso. A Machiavelli non interessa nemmeno se tale comunicazione sia veritiera o meno. A proposito di Savonarola, infatti, che suscita pagine molto meditate nel Principe e nei Discorsi⁴³, il Segretario fiorentino non si preoccupa se fosse stato o meno un vero profeta, mentre ritiene pertinente al suo discorso l'influenza che il frate domenicano aveva esercitato sui comportamenti religiosi e politici dei fiorentini.

Ovviamente tale impostazione machiavelliana, incline a sdruciolare verso i temi della impostura religiosa, come di fatto era avvenuto nella libellistica libertina più apertamente polemica ed eterodossa, è decisamente estranea alla concezione di Vico, per il quale, anzi, il sentire religioso nasce non per inganno, ma quale conquista della primigenia civiltà da parte dei bestioni primitivi, atterriti dal fragore del tuono e dagli squarci di luce accecante

⁴³ Cfr. *Barbuto G.* Machiavelli e la questione savonaroliana // AA.VV. Società, cultura e vita religiosa in età moderna. Studi in onore di Romeo De Maio, Centro di studi sorani "Vincenzo Patriarca". Sora, 2011. P. 47-60.

Barbuto G. Giambattista Vico e Machiavelli

aperti nel cielo dai fulmini: “Le false religioni non nacquero da impostura d’altrui ma da propria credulità”⁴⁴.

Tali divergenze, però, non sono sufficienti a spiegare sul punto determinante della religione il divario fra Vico e Machiavelli. C’è una ragione di fondo, che non consente affatto di sovrapporre le posizioni vichiane sulla religione a quelle machiavelliane.

Il Centauro è la metafora della politica che per Machiavelli è tensione fra antinomie che si esprimono tutte in questo mondo, nella immanenza. Uomo e bestia, virtù e fortuna, libertà e necessità, caso e occasione, conflitti civili e legge, sono tutte polarità, che non travalicano la storia terrena.

La metafora del tuono, che per Vico istituisce il vivere civile e dunque politico, mette in tensione il mondo umano col mondo divino, immanenza e trascendenza. Dal Giove primigenio è tratta la legge. Vico lo dimostra con una delle sue etimologie azzardate (ma estremamente rivelative del suo pensiero): “”Ious”, Giove, e, contratto, si disse ius”⁴⁵. Il terrore originario provocato dal fulmine e dal tuono genera la civiltà umana sotto ogni aspetto. Infatti, i giganti “sì incominciarono a celebrare la naturale curiosità, ch’è figliuola dell’ignoranza e madre della scienza la quale partorisce, nell’aprire che fa della mente all’uomo, la meraviglia”⁴⁶.

Per di più, da tale freudiana Urszene, da tale trauma nasce il primo linguaggio gestuale e, in seguito, onomatopeico e poi quello poetico:

⁴⁴ *Vico*. SN (Ed. Battistini), degnità XL. P. 510.

⁴⁵ SN, par. 489. P. 635.

⁴⁶ Ivi, par. 377. P. 571-572.

”i primi poeti teologi si finsero la prima favola divina, la più grande di quante mai se ne finsero appresso, cioè Giove, re e padre degli uomini e degli dèi, ed in atto di fulminante... i primi uomini, che parlavan per cenni, dalla loro natura credettero i fulmini, i tuoni fossero cenni di Giove (onde poi da “nuo”, “cennare” fu detta “numen” la “divina volontà”, con una troppo sublime idea e degna da spiegare la maestà divina), che Giove comandasse co’ cenni, e tali cenni fossero parole reali, e che la natura fusse la lingua di Giove”⁴⁷.

Ma, soprattutto, i bestioni primitivi, “terrore defixi”, danno vita a diritto, proprietà e comunità civile:

“Giove co’ fulmini, de’ quali sono i maggiori auspici, aveva atterrato o mandato sotterra entro le grotte de’ monti i primi giganti, e con atterrargli aveva loro dato la buona fortuna di diventare signori de’ fondi di quelle terre ove nascosti si ritruovaron fermati, e ne provennero signori delle prime repubbliche”⁴⁸.

Tali discrasie spiegano anche la notevole convergenza-divergenza fra i due pensatori su una questione cruciale, che apparentemente nelle rispettive pagine si presenta in modo affine, vale a dire la rifondazione di una repubblica radicalmente corrotta, dove ormai la legge è diventata un mero simulacro. Per Machiavelli (Discorsi I, 18), occorre una rifondazione affidata a un principe, che con modi straordinari (con la violenza e con le armi) sappia tenere “in qualche modo frenati” uomini ormai dediti ai “cattivi costumi”, ripristinando l’autorità delle leggi in una

⁴⁷ Ivi, par. 379. P. 572-573.

⁴⁸ Ivi, par. 491. P. 636.

Barbuto G. Giambattista Vico e Machiavelli

comunità civile eslege e pervasa da una libertà degenerata in licenza.

Anche nella valutazione di Vico, un popolo corrotto, una repubblica popolare, diventata la tirannide dell'arbitrio e del prevalere esclusivo del privato sul pubblico, necessita di un'autorità regia:

“Corrompendosi ancora gli Stati popolari, e quindi ancor le filosofie (le quali cadendo nello scetticismo, si diedero gli stolti dotti a calomniare la verità), e nascendo quindi una falsa eloquenza, apparecchiata egualmente a sostener nelle cause entrambe le parti opposte – provenne che, mal usando l'eloquenza (come i tribuni della plebe nella romana) e non più contentandosi i cittadini delle ricchezze per farne ordine, ne vollero fare potenza; come furiosi austri il mare, commovendo civili guerre nelle loro repubbliche, le mandarono ad un totale disordine, e sì, da una perfetta libertà, le fecero cadere sotto una perfetta tirannide (la quale è peggiore di tutte) ch'è l'anarchia, ovvero la sfrenata libertà de' popoli interi. Al quale gran malore delle città adopera la provvidenza uno di questi tre grandi rimedi⁴⁹ con quell'ordine di cose umane civili. Imperciocchè dispone, prima, di ritrovarsi dentro essi popoli uno che, come Augusto, vi surga e vi si stabilisca monarca, il quale, poichè tutti gli ordini e tutte le leggi ritrovate per la libertà punto non più valsero a regolarla e tenerlavi dentro in freno, egli abbia in sua mano tutti gli ordini e tutte le leggi con la forza dell'ami; ed al contrario essa forma dello

⁴⁹ Gli altri due sono o la conquista da parte di una nazione più civile o il ricorso alla barbarie, una barbarie, questa volta non più primitiva (quella dei bestioni), ma determinata da una riflessione razionale rivolta a un individualismo sfrenato e a una civiltà la cui raffinatezza si è trasformata in particolarismo esclusivo.

stato monarchico, la volontà de' monarchi, in quel loro infinito imperio, stringa dentro l'ordine naturale di mantenere contenti i popoli e soddisfatti della loro religione e della loro natural libertà, senza la quale universal soddisfazione e contentezza de' popoli gli Stati monarchici non sono né durevoli né sicuri”⁵⁰.

In entrambi gli autori, dunque, di fronte a una profonda corruzione occorre un “freno”, un katechon, individuato in “uno solo”, un principe (per ambedue popolare, il quale umili la superbia dei potenti, tutelando proprietà vita e libertà del popolo ma nello stesso tempo ne impedisca la insolenza e i licenziosi atteggiamenti) che ponga fine a una situazione politica sull'orlo della catastrofe. Ma questa tensione rifondativa fra un popolo decaduto, da una parte, e “ordini” e “leggi”, tutelate con mano sicura da un principe, dall'altra, è inquadrata in prospettive

⁵⁰ SN, parr. 1102-1104. P. 966; cfr.: “Cotale legge regia naturale è conceputa con questa formola naturale di eterna utilità: che, poiché nelle repubbliche libere tutti guardano a' loro privati interessi, a' quali fanno servire le loro pubbliche armi in eccidio delle loro nazioni, perché si conservin le nazioni, vi surga un solo (come tra' romani un Augusto), che con la forza dell'armi richiami a sé tutte le cure pubbliche e lasci a' soggetti curarsi le loro cose private, e tale e tanta cura abbiano delle pubbliche qual e quanta il monarca lor ne permetta; e così si salvino i popoli, ch'anderebbono altrimenti a distruggersi... perché nelle repubbliche libere per portarsi un potente alla monarchia vi deve parteggiare il popolo, perciò le monarchie per natura si governano popolarmente: prima con le ggi, con le quali i monarchi vogliono i soggetti tutti uguagliati; dipoi per quella proprietà monarchica, ch'i sovrani, con umiliar i potenti, tengono libera e e sicura la moltitudine dalle lor oppressioni; appresso per quell'altra di mantenerla soddisfatta e contenta circa il sostentamento che bisogna alla vita e circa gli usi della libertà naturale; e finalmente co' privilegi, ch'i monarchi concedono o ad intieri ordini (che si chiamano “privilegi di libertà”) o a particolari persone, con promuovere fuori d'ordine uomini di straordinario merito agli onori civili (che sono leggi singolari dettate dalla natural equità). Onde le monarchie sono le più conformi all'umana natura della spiegata ragione” (Ivi, par. 1008. P. 911-912).

antitetiche dal pensatore napoletano e da Machiavelli. Per quest'ultimo, la questione si risolve o fallisce in un ambito esclusivamente terreno, senza egide trascendenti che ne garantiscano un esito positivo. Questo spiega anche il tono quasi 'disperato' di Discorsi I 18 ("In che modo in una città corrotta si potesse mantenere uno stato libero, essendovi; o, non vi essendo, ordinarvelo"), l'insistenza machiavelliana sulla quasi impossibilità di una impresa rigenerativa effettuata da un principe, che debba, dovendo usare modi eccezionali e cattivi, essere cattivo, ma che sia, nello stesso tempo, rivolto al bene della città.

Non così per Vico, anche se è altrettanto consapevole delle tragedie storiche e politiche attraverso le quali la Provvidenza agisce. Per giunta, l'autore della Scienza Nuova, contrariamente al 'repubblicano' Segretario, predilige la monarchia, il compiuto dispiegamento del cammino dei popoli verso civiltà e ragione compiuta. Per tale ragione, mentre lo scrittore primocinquecentesco lamenta un'età di decadenza rispetto alla virtuosa repubblica dell'antica Roma, Vico celebra un'età prospera, perché in un Continente dove tranne poche eccezioni governano le monarchie, "dappertutto l'Europa cristiana sfolgora di tanta umanità che vi si abbonda di tutti i beni che possano felicitare l'umana vita, non meno per gli agi del corpo che per gli piaceri così della mente come dell'animo"⁵¹. E, mentre Machiavelli oppone alla virtù antica generata dalla religione pagana alla corruzione moderna provocata dal cristianesimo (o almeno da una sua malvagia interpretazione dovuta all'avidità temporale della Chiesa), il Napoletano con soddisfazione registra proprio nella religione cristiana il motivo della prosperità europea.

⁵¹ Ivi, par. 1094. P. 956.

6. Sulla base di queste diversità, non sorprendono le critiche di Giambattista Vico a Machiavelli, in vari punti della Scienza Nuova, ma anche nelle sue opere giuridiche. Essenzialmente due: Machiavelli considera la storia e la politica dominate dalla utilità, dal mero perseguimento del proprio utile da parte degli uomini. Inoltre, Machiavelli, insiste Vico, affida la storia umana al mero gioco capriccioso del caso. Secondo Vico, invece, il piano della immanenza risulta incomprensibile se non si fa appello alla Provvidenza divina.

E' molto sintomatico che tutto l'antimachiavellismo cattolico, massime gesuitico, che si era 'armato' su iniziativa della stessa curia romana dalla fine del Cinquecento in poi, contrapponesse la concezione politica di Machiavelli a una visione della storia guidata dalla Provvidenza divina, che si incarnava nella Chiesa cattolica e, in particolare, nel suo apice, il papato. Dunque, la politica subiva la tutela ecclesiastica, perché la Chiesa e il papato erano la voce della volontà divina. Molto diversa la interpretazione della Provvidenza da parte di Vico, che (non si dimentichi) sarebbe stato sottoposto fra il 1729 e il 1730 a un procedimento inquisitoriale, senza però esito⁵², e sarebbe stato

⁵² *Costa G.* Vico e l'Inquisizione // *Nouvelles de la République des Lettres*. 1999 (II). P. 93-124; *Id.* Ancora su Vico e l'Inquisizione: postilla storico-filologica. *Ivi.* III, 2000. P. 162-167; *Miranda G. de.* "Nihil decisum fuit". Il Sant'Uffizio e la "Scienza nuova" di Vico: un'irrealizzata edizione patavina tra l'"imprimatu" del 1725 e quello del 1730 // *Bollettino del Centro di Studi Vichiani*. XXVIII-XXIX. P. 5-69; *Id.* Vico e il Sant'Uffizio // *AA.VV.* L'Inquisizione e gli storici: un cantiere aperto. Roma: Accademia Nazionale dei Lincei, 2000. P. 429-436; *Caporali R.* Rivendicazioni e doppiezze (a proposito delle Vici Vindiciae) // *Id.* La tenerezza e la barbarie. P. 1-28.

duramente attaccato dalla critica cattolica sette-ottocentesca, proprio riguardo al tema dell'erramento ferino⁵³.

Nella visione di Vico, la Provvidenza è un mistero, del quale nessun uomo e tanto meno una istituzione o un potere politico o una Ragione assoluta possano arrogarsi la pretesa di essere i veri e unici interpreti e mediatori. E' la stessa fragilità umana, derivante dal peccato originale, a impedire una comprensione della Provvidenza.

La metafora rende visibile la Provvidenza. Come ha illustrato Carl Schmitt in un saggio magistrale del 1917⁵⁴, la visibilità è la peculiarità essenziale della Chiesa cattolica. Consiste nella sua mediazione fra Cristo e il mondo, così come il Verbo fatto carne è la mediazione fra Dio e la storia umana. Ebbene in nessuna epoca storica del cristianesimo quanto nella Controriforma, la visibilità è stata tanto ribadita dalla Chiesa. Le tante chiese barocche, con la loro splendida arte e imponente architettura, del centro storico di Napoli, fra le quali Vico da sempre viveva e frequentava dimostravano con una concretezza evidente la visibilità, l'auctoritas mediatrice e visibile del cattolicesimo. La controversia controriformistica con i protestanti, al di là delle loro diverse ramificazioni dottrinali, era incentrata sull'ufficio sacramentale del sacerdozio sulla insostituibilità della mediazione ecclesiastica e, in modo speciale, papale.

La Chiesa, secondo ancora le parole di Carl Schmitt, dimora in questo mondo ma non appartiene ad esso ed è visibile

⁵³ Si veda, ad esempio, *Finetti G.F.* Difesa dell'autorità della Sacra Scrittura contro Giambattista Vico (1768) / A cura di B. Croce. Bari: Laterza, 1936.

⁵⁴ *Shmitt C.* La visibilità della Chiesa. Una riflessione scolastica // *Id.* Cattolicesimo romano e forma politica / A cura di C.Galli. Milano: Giuffrè, 1986. P. 71-85.

ma anche invisibile in quanto corpus mysticum. Essa si fa tramite fra il Cristiano e Dio, liberando il peccatore dall'immediato e angosciante rapporto, proposto da Lutero in poi, con il suo Redentore. La Chiesa, dunque, essendo complexio oppositorum, fa presente, rap-presenta (non mera e vacua rappresentanza moderna), il divino⁵⁵.

Anche Vico era molto sensibile al tema della visibilità. Anche se, educato alla scuola capuista, fu critico dei suoi eccessi, non fu affatto estraneo al grande seicento barocco napoletano e la Scienza Nuova è stata brillantemente definita una cattedrale barocca (Arnaldo Momigliano). Ma, soprattutto, l'ascendenza barocca e la visibilità vichiana è sin dal vestibolo dell'opera dimostrata con la dipintura allegorica e con la considerevole sua esposizione. Anzi, come è evidenziato nella recente edizione della Scienza Nuova del '25, del '30 e del '44, a cura di Manuela Sanna, la visibilità vichiana si segnala anche attraverso la scelta dei caratteri tipografici, secondo stilemi propri della mentalità barocca.

E, ancora più rilevante, nella stessa trama concettuale del suo capolavoro, la Provvidenza si fa manifesta nella corporeità, nella materialità del linguaggio e della storia degli uomini. Ma, nel contempo, la sua invisibilità è tutelata e non è mai appropriabile da interprete o istituzione di potere. La sua soglia mondana confina ed è salvaguardata dal mistero trascendente, che è custodito nella imperscrutabile volontà divina. "Ineffabili" sono i "decreti" della grazia divina⁵⁶.

⁵⁵ *Id.* Cattolicesimo romano.

⁵⁶ *Vico.* SN. Cpv. 1046. P. 933.

Nelle pagine machiavelliane, l'attenzione alla visibilità non è affatto assente, bensì vivissima, come attesta proprio il capitolo 18 del Principe sul Centauro. Le 'maschere' leonine e volpine, che il principe deve indossare rientrano in una attitudine alla di "simulazione" e di "dissimulazione", ovvero di ostentata apparenza e del suo risvolto celato nell'ombra. A Machiavelli non sfugge che al principe, anche quando la necessità di salvare lo Stato impone di entrare nel male, comunque occorre "parere di avere" le qualità della fede, integrità, pietà umanità, religione. Infatti, "li uomini in universali iudicano più alli occhi che alle mani; perché tocca a vedere a ognuno, a sentire a pochi: ognuno vede quello che tu pari, pochi sentono quello che tu se". Ma quello che, per il Segretario, rimane un discorso tutto vincolato alle contingenze della politica, nella Scienza Nuova diventa "teologia civile", strategia provvidenziale.

Come ha ben detto uno dei più fini interpreti del filosofo napoletano, la Provvidenza vichiana è una misura ideale, una "utopia" che agisce nel dramma delle vicende umane:

"Di fronte a questo individuo umano preso nel piano inclinato delle sue cadute, Vico vede la storia come ordine... Un simile ordine ordinato, posto di fronte a un simile individuo, è una vera utopia... Ora, posta l'utopia reale del mondo storico ordinato: posto l'individuo che è il bestione di Hobbes, nasce il problema: com'è nata questa città sociale? La cura di Vico è coglierla in quel primo filo d'alba in cui l'individuo, il bestione, comincia a pensare umanamente: questa è la nascita dell'uomo nell'individuo. Quando nasce questo primo filo di pensiero, nasce, con esso, la storia. Vico è il poeta dell'alba. Il giorno fatto, il giorno pieno, tutto ciò che è dispiegato non lo interessa. Lo

interessa il nascere del primo filo di luce: il pensiero umano nascente. E nasce dal terrore del bestione davanti all'esperienza di morte nella quale egli si trova"⁵⁷.

E, si potrebbe postillare, Vico è attratto dall'origine dell'umanità, perché, così come afferma nella degnità XIV, "natura di cose altro non è che nascimento di esse in certi tempi e con certe guise". I primordi dell'umanità sono ricostruiti da Vico secondo un duplice procedimento conoscitivo: per un lato, si potrebbe dire, mutuando la formula coniata da Carlo Ginzburg, il "paradigma indiziario", mediante tracce sedimentate negli antichi miti e poemi (è il versante filologico dell'indagine); dall'altro lato (il versante filosofico), un paradigma gnoseologico, mediante le "le modificazioni della nostra medesima mente umana"⁵⁸.

Solo con questa ancipite strategia è possibile inoltrarsi "in tal densa notte di tenebre ond'è coverta la prima da noi lontanissima antichità"⁵⁹. E' una impresa conoscitiva ardua, che fa dire a Vico, contro la "boria delle nazioni" che rivendicano di essere state le prime al mondo, e contro la "boria dei dotti", che con palese anacronismo trasferiscono alle prime fasi della civiltà umana le loro acquisizioni teoriche, che "per questa ricerca, si dee

⁵⁷ Capograssi G. L'attualità di Vico // L'attualità dei filosofi classici. Età moderna / A cura di A. Guzzo. Milano: Bocca, 1943. P. 91. Capograssi, nel dibattito che fece seguito a questa sua relazione, osservò giustamente che "la grande lacuna di Vico è, come è stato notato, che non parla mai del cristianesimo. Proprio perché cristiano, egli guarda all'uomo prima del cristianesimo" (Ivi. P. 94); di Capograssi si veda anche Dominio, libertà e tutela nel "De Uno" // AA.VV. Per il secondo centenario della "Scienza Nuova" di G.B.Vico (1725-1925) / A cura della "Rivista internazionale di filosofia del diritto". Roma, 1925. P. 137-152.

⁵⁸ Ivi, par. 331. P. 542.

⁵⁹ Ivi, par. 331. P. 551.

far conto come se non vi fossero libri al mondo⁶⁰. Una dichiarazione orgogliosa e coraggiosa, che intende sottolineare la originalità dell'opera vichiana, così come Machiavelli, in una prima redazione del Proemio al primo libro dei Discorsi, con un compiacimento, che ha echi lucreziani, e paragoni derivanti dalle nuove scoperte, soprattutto quelle di Amerigo Vespucci, afferma:

“Ancora che, per la invida natura degli uomini, sia sempre suto non altrimenti pericoloso trovare modi ed ordini nuovi, che si fusse cercare acque e terre incognite, per essere quelli più pronti a biasimare che a laudare le azioni d'altri; nondimanco, spinto da quel naturale desiderio che fu sempre in me di operare, senza alcuno rispetto, quelle cose che io creda rechino comune beneficio a ciascuno, ho deliberato entrare per una via, la quale, non essendo suta ancora da alcuno trita, se la mi arrecherà fastidio e difficoltà, mi porrebbe ancora arrecare premio, mediante quelli che umanamente di queste mie fatiche il fine considerassino”⁶¹.

La rivendicazione vichiana di aver ‘bruciato’ le biblioteche nel riandare alle origini, come è stato notato dal Battistini⁶² nel suo eccellente commento, non è tanto veritiera quanto piuttosto la ripresa, tipicamente seicentesca (da Bacone a Cartesio), di un topos. Ma, al di là di queste annotazioni, preme rilevare che, per Vico, la ricostruzione, seppur parziale ed estremamente difficile, delle origini non è affatto un vagheggiamento nostalgico né un mito idolatrico, il quale annichilisce la storia.

⁶⁰ Ivi. Pag. 540.

⁶¹ *Machiavelli N.* Discorsi sopra la prima “Deca” di Tito Livio / A cura di G.M. Anselmi e C. Varotti, Torino: Bollati Boringhieri, 1993. P. 19.

⁶² Che giustamente rinvia anche a Pasquale Soccio, curatore dell'edizione vichiana di Autobiografia Poesie Scienza Nuova. Milano: Garzanti, 1983. P. 311.

E non è nemmeno l'origine adamitica ante lapsum, che nella visione utopistico-millenaristica di Campanella (la quale consente al filosofo calabrese di censurare la fallace scienza politica machiavelliana non vidimata da una garanzia divina), deve essere ripristinata dal profeta alla fine della storia in un ricongiungimento di archè e tèlos⁶³. Machiavelli aveva presupposto la cattiveria degli uomini, arrischiando la scandalosa tesi di un principe Centauro che introiettasse questo male. La politica machiavelliana si radica nel male non per compiacersene, ma per governarlo, assicurandolo entro "ordini" e con "leggi" che garantiscano libertà e giustizia. Ma la politica, per il Fiorentino, pur essendo nobilissima e quasi divina arte, non può presumere di guidare un "corpo misto" verso sentieri celesti e paradisiaci. Non così Campanella, il quale, difendendo la Città del Sole, sostiene che la palingenesi dell'origine adamitica, annullando dopo la vittoria finale sull'Anticristo i conflitti storici e politici, è assicurata dall'opera redentrice del Cristo⁶⁴.

Tutt'altra è la prospettiva di Vico. Per il filosofo napoletano, l'origine è un mito operante nella storia⁶⁵. Il tuono-

⁶³ Su altri aspetti del rapporto fra Vico e Campanella si veda *Corsano A. T. Campanella e G.B. Vico // Giornale critico della filosofia italiana. Terza serie. Vol. XXII. a. XLVII. 1968. P. 1-16.*

⁶⁴ "Plato ideam reipublicae descripsit, quae licet in totum observari non possit sub natura corripita, ut dicunt theologi recentiores, tamen in statu innocentiae optime servari poterat. Christum autem nos ad statum innocentiae revocavit". (Quaestio quarta de optima republica // *Campanella T. La Città del Sole e Questione quarta sull'ottima repubblica / A cura di G. Ernst. Milano: Rizzoli, 1996. P. 102.* Sulla questione dell'Anticristo e sul millenarismo di Campanella, mi sia permesso rinviare a *Barbuto G. Il Principe e l'Anticristo. Gesuiti e ideologie politiche. Napoli: Guida, 1994. P. 81-106.*

⁶⁵ Sul tema dell'origine è da leggere *Carillo G. Vico. Origine e genealogia dell'ordine. Napoli: Editoriale Scientifica, 2000.*

Barbuto G. Giambattista Vico e Machiavelli

Giove è l'etimo della civiltà umana: connettendo (conflitto e unione nello stesso tempo) cielo e terra, immanenza e trascendenza⁶⁶, Provvidenza e storia, è lo stigma della politica, così come, per Machiavelli, nella metafora del Centauro è significata la fondazione dello Stato, attraverso però un processo conficcato nella mera mondanità.

La Provvidenza, che umanisticamente fa dell'uomo l'essere con lo sguardo rivolto verso il cielo, interviene non sulla storia, ma dentro la storia umana senza che alcuno, nemmeno il profeta campanelliano, possa presumere di comunicarne i fini⁶⁷.

⁶⁶ Per il plesso concettuale vichiano fra storia sacra e storia umana, infinito e finito, natura e corporeità del linguaggio, si veda *Vitiello V. Vico. Storia, linguaggio, natura.* Roma: Edizioni di Storia e Letteratura, 2008. Sul tema dell'infinito si veda *Cacciatore G. L'infinito nella storia: saggi su Vico.* Napoli: Edizioni scientifiche italiane, 2009.

⁶⁷ “La religione di Vico si pone accanto o dentro la storia per garantire l'ordine, che può conseguirsi solo quando l'uomo individua il fondamento di se stesso in modo da vincere la immediatezza della sua empiricità e delle sue utilità (le *anfractuosae vitae*). La religione mira a garantire l'uomo che si fa umanità (ossia supera la barbarie originaria), e tuttavia neppure a questa Vico assicura la certezza della salvezza perché se così fosse verrebbe tolta la ragione della ricerca dell'ordine, che è la ragione stessa dell'uomo e della umanità appunto in quanto ricerca ed evoluzione. Mi sembra che questo sia il significato del solenne e conclusivo avviso che l'uomo “se non siasi pio daddovero non può essere saggio”. La religione di Vico è cioè intrisa di un profondo agostiniano pessimismo tragico-morale, che è ciò che toglie alla sua storia il carattere teleologico (e ciò avviene anche per la religione) nel senso di un determinismo finalistico e affida storia e religione a una teologia della storia, che è “teologia civile ragionata”. Che significa? Significa che storia e religione sono strumenti per acquisire la certezza dell'ordine pur senza conseguire la perfetta verità e senza smarrire l'alterità tra l'uomo e Dio, senza la quale si darebbe la fine della storia, alla quale, però, Dio non ha interesse, perché equivarrebbe all'annullamento della responsabilità dell'uomo e perciò, al tempo stesso, della necessità del divino giudizio degli uomini” (*Tessitore F. Vico 'religioso' e 'moderno'* // *Bollettino del Centro di Studi Vichiani.* XXXV. 2003. P. 196).

“Ineffabili” sono i “decreti” della grazia divina⁶⁸. Solo ex post, lo storico può ricostruirne il percorso e tentare di presagire gli esiti. Tuttavia, così come in Machiavelli, anche in Vico non si configura alcuna concezione deterministica della storia. La Provvidenza vichiana sollecita la faticosa ricerca umana di trovare un senso nella storia. La stessa teoria dei ricorsi non è altro che l’incubo della catastrofe, determinata dalla corruzione procurata da prepotenze e da individualismi sfrenati e irrelati, nella quale può precipitare una civiltà giunta al suo culmine⁶⁹.

La Provvidenza divina, per Vico, non è affatto una mortificazione della libertà, ma disegna un percorso storico, dà forma ai tortuosi itinerari tracciati dagli uomini. E’ nella corporeità della storia e della politica che agisce la Provvidenza attraverso una sua incarnazione. Tale è la essenziale cifra cristiana del pensiero storico vichiano. E il linguaggio del corpo è appunto la metafora.

7. Provvidenza e libertà umana costituiscono i due poli principali della ellissi della storia umana nella sua più accidentata concretezza. Fra di loro si instaura un rapporto agonico, che ricorda la lotta di Giacobbe con l’Angelo (Genesi, 24-32):

“E’ questo mondo, senza dubbio, uscito da una mente spesso diversa ed alle volte tutta contraria e sempre superiore ad essi fini particolari ch’essi uomini si avevan proposti; quali fini

⁶⁸ Vico. SN. Cpv. 1046. P. 933.

⁶⁹ Sulla Provvidenza, che ovviamente è stato uno dei poli di attrazione della bibliografia vichiana, si veda di *Mazzola R.* Religione e Provvidenza in Vico // Bollettino del Centro di Studi Vichiani. XXVI-XXVII. 1996-1997. P. 1-26.

ristretti, fatti mezzi per servire a fini più ampi, gli ha sempre adoperati per conservare l'umana generazione in questa terra"⁷⁰.

“Conservare l'umana generazione” non implica affatto al paradigma conservativo proprio del pensiero politico prevalente nell'età barocca, dalla ragion di Stato ai “percorsi della quiete” (Nuzzo), ma vuol dire preservare ed estendere la libertà. In accordo con Machiavelli, la politica, secondo Vico, è una lotta per la libertà. Lo dimostra proprio la tensione fra gli opposti, fra trascendenza divina del tuono identificato con Giove e immanenza bestiale primigenia degli uomini. Infatti, in virtù del timor domini, grazie a questa terrificata “teologia civile”⁷¹, gli uomini sono educati ad emanciparsi dalla loro condizione ferina e da una vita sregolata senza bussole comportamentali. Diventano liberi nella civiltà da loro costruita. La Provvidenza con il mito del tuono-Giove produce un effetto socializzante nei bestioni primitivi, che abbandonano, l'erramento ferino e pongono le basi, religione

⁷⁰ Vico. SN. Cpv. 1108. P. 969.

⁷¹ “L'UMANITA' di Vico incomincia dal “timore della divinità”. Non incomincia affatto dalla semplicità dell'uomo che “fa” la sua storia, ma da un insieme di timori, terrori, tremori, che costringono gli uomini ad alzare gli occhi al cielo, ed a guardare il cielo. Dal cielo, essi vedono giungere atti che costruiscono una specie di fenomenologia della paura... Questa forza è giusta perchè forma e costruisce la storia. Essa è all'origine del mondo storico, ma permane nei tempi complessi del suo movimento... La storia dunque non è senza il timore di Dio. Essa è dominata da Dio. Da questo punto di vista, Vico può ricordare ai “dissoluti” di Hobbes di aver dimenticato che la storia è “teologia civile”” (*Giovanni B. de. La “teologia civile di” di G.B.Vico // Il Centauro. №2, maggio-agosto 1981. P. 12-13. Di de Giovanni sono da leggere anche i pressoché coevi e rilevantissimi saggi Vico barocco // Il Centauro. №6, settembre-dicembre 1982. P. 52-69; ‘Corpo’ e ‘ragione’ in Spinoza e Vico // Giovanni B. de. Esposito, Zarone, Divenire della ragione moderna. P. 93-165, in particolare le P. 134-165 su L'anticartesiano di Vico. Delo Stesso autore è da vedersi ‘Politica’ dopo Cartesio // Il Centauro. a. I. 1981. №1. P. 30-52.*

sepulture (la memoria degli antenati) e matrimoni (sancito in modo esemplare dal diritto civile romano e per tale riconoscimento giuridico dei loro ferini connubi tanto avrebbero lottato i plebei), delle comunità politiche, acquisendo una “umana libertà”:

“Quindi, tra forti freni di spaventosa superstizione e pungentissimi stimoli di libidine bestiale (i quali entrambi in tali uomini dovetter essere violentissimi), perché sentivano l’aspetto del cielo esser loro terribile e perciò impedir loro l’uso della venere, essi l’impeto del moto corporeo della libidine dovettero tenere in conato; e sì, incominciando ad usare l’umana libertà (ch’è di tener in freno i moti della concupiscenza e dar loro altra direzione, che, non venendo dal corpo, da cui vien la concupiscenza, dev’essere della mente, e quindi proprio dell’uomo), divertirono in ciò: ch’afferrate le donne a forza, naturalmente ritrose e schive, le strascinarono dentro le loro grotte e, per usarvi, le tennero ferme dentro in perpetua compagnia di lor vita; e sì, co’ primi umani concubiti, cioè pudichi e religiosi, diedero principio a’ matrimoni, per gli quali con certe mogli fecero certi figliuoli e ne divennero certi padri; e sì fondarono le famiglie, che governavano famigliari imperi ciclopici sopra i loro figliuoli e le loro mogli, propi di sì fiere ed orgogliose nature, accioché poi, nel surgere delle città, si trovassero disposti gli uomini a temer gl’imperi civili”⁷².

La libertà umana vissuta nella effettualità (per usare un vocabolo machiavelliano), nelle asperità, negli attriti della politica e della storia, rivela la profonda radice umanistica di Vico, che lo avvicina (e nello stesso tempo lo distingue) da Machiavelli.

⁷² Vico. Scienza Nuova. Cpv. 1098. P. 962.

Secondo il Segretario fiorentino, la libertà si cimenta in una contesa strenua con fortuna, necessità, caso, intraprendendo un agone meramente mondano. La libertà machiavelliana convive e non può non convivere con ciò che ne rastrema la potenza. Anche per Vico, la libertà non è intesa individualisticamente, secondo la prospettiva dei filosofi ‘monastici’, ma coesiste con ciò che la nega. Tuttavia, è aperta alla trascendenza, è rettificata dalla Provvidenza, che ne dispiega le finalità attraverso i suoi stessi erramenti e le sue medesime deviazioni.

Lo stesso conflitto dei plebei contro i patrizi nell’antica Roma ha come fine la conquista della libertà. Come spiega Vico, i plebei avevano lottato per essere liberati dal “nexum”, ossia da quel legame quasi schiavistico che li sottometteva all’autorità patrizia:

“[La libertà signorile] si trova che visse fin alla legge Publilia, con la quale Publio Filone dittatore, detto perciò “popolare”, dichiarò la repubblica romana esser divenuta popolare di stato, e spirò finalmente con la legge Petelia, la quale liberò affatto la plebe dal diritto feudale rustico del carcere privato, ch’avevano i nobili sopra i plebei debitori... [queste] due leggi... contengono i due maggiori punti della storia romana”⁷³.

Tutte queste contese, che innervano l’intera storia e che, secondo l’accusa di Vico, Machiavelli riduce a meri contrasti per il perseguimento dell’utile, sono l’“occasione” per l’esplicarsi della “storia ideale eterna”. Ecco, “occasione” è una parola che, ancora una volta, nello stesso tempo avvicina e distacca Vico da Machiavelli, secondo un rapporto di affinità e distanze, o meglio

⁷³ Vico. SN. Cpv. 26. P. 434.

di differenze all'interno delle stesse sintonie⁷⁴. Infatti, si sa che occasione è un termine chiave del lessico politico di Machiavelli. L'occasione, per il Segretario fiorentino, è la possibilità di risoluzione del "caso", dell'"accidente", anche delle avversità, da parte della virtù politica. E' la conoscenza del momento propizio, del *kairòs*, e dei modi per una conseguente ed "effettuale" azione. E' il "clinamen" lucreziano orientato dall'azione prudente del politico. Orientato, ma a volte 'forzato' dall'azione del principe "impetuoso". Questa è la dote precipua del Centauro. Lasciare svanire l'occasione procura il fallimento della politica.

Diversamente, nell'ottica di Vico, che nella Scienza Nuova legge Malebranche⁷⁵ alla luce della sua concezione della storia,

⁷⁴ La stessa idea di fortuna ne è una dimostrazione. In Machiavelli, è la 'piega notturna' della virtuosa azione politica, è il suo immanente contrasto e rischio di sconfitta; in Vico, invece, come ha ben dimostrato Caporali, si registrano cambiamenti: dalla seconda Oratio e dalla Principum neapolitanorum coniurationis historia, dove la fortuna è "la legge cieca e alterna che sconvolge il mondo del corpo" e delle res humanae, alla quinta orazione, nella quale s'affaccia, per la prima volta un principio attivo e reattivo", al De antiquissima, in cui dipende da Dio, dal governo della sapienza divina, alla biografia del Carafa, dove si registrano le maggiori sintonie e distonie da Machiavelli: in quest'opera il filosofo napoletano fa appello alla prudentia, dote naturale e istintiva, asserendo, però, che "nel decreto di Dio è la maggiore lontananza e la via per una fuoriuscita dalle più implacabili conseguenze dell'impostazione machiavelliana" (*Caporali R. Heroes gentium. P. 56-63.*)

⁷⁵ Augusto Del Noce, criticando la tesi espressa da Lorenzo Giusso in Giambattista Vico fra l'Umanesimo e l'occasionalismo (Roma: Perrella, 1950), afferma che il vichismo non è una mera estensione del malebranchismo (operazione che il filosofo napoletano tenta, fallendo, nel De Uno), bensì che Vico, diversamente dal filosofo francese che non aveva affatto preso in considerazione leggi provvidenziali nella storia, arriva alla sua idea di Provvidenza e dunque di occasione proprio attraverso la sua concezione della storia (Vico e la storiografia cattolica. P. 575-576). Sull'argomento si veda anche *Agrimi M. Vico e Malebranche // Giambattista Vico nel suo e nel nostro*

l'occasione è la "mediazione nel conflitto"⁷⁶, è l'epifania della Provvidenza attraverso le stesse azioni umane ed è, quindi, il modo in cui l'utile, riconosciuto dal filosofo napoletano in tutta la sua produttività politica, viene trasfigurato ed esaltato in un processo storico per la realizzazione di libertà, uguaglianza e ragione:

"Non sono per se stesse né disoneste, né oneste le utilità, ma è disonesta la loro disuguaglianza, ed onesto l'adeguamento di esse. L'utilità del corpo, per essere del corpo, è cosa che svanisce e non dura, ma è eterna l'onestà, per essere sua essenza l'eterna verità, la mente... Dunque l'utilità non fu madre del diritto, e non lo furono nemmeno né la necessità, né il timore né il bisogno, come piacque di dirlo ad Epicuro, al Machiavelli, all'Hobbes, allo Spinoza ed al Bayle; l'utilità fu soltanto l'occasione per la quale gli uomini, sociali e compagnevoli per propria lor natura, ma pel peccato originale divisi, deboli e bisognosi, vennero a costituirsi in società ed a soddisfare ai lor compagnevoli e naturali impulsi... quindi l'uso e la necessità furono buone occasioni di cui si valse la divina Provvidenza per ricondurre gli uomini alle condizioni della vita compagnevole e sociale, lo che si produsse "sotto l'impulso delle cose stesse" (per usare l'elegante espressione di Pomponio),

tempo (Atti del convegno di Napoli, 1-3 dicembre 1994) / A cura di M. Agrimi. Napoli: CUEN, 1999. P. 9-46.

⁷⁶ "La libertà, nei limiti delle circostanziate "occasioni", vive nelle risposte alle sfide che queste costituiscono. La libertà... è "condizionata" ma non "determinata". La libertà... è sempre e soltanto "in situazione"... Il concetto vichiano di "occasione" è un caso esemplare di mediazione nel conflitto teorico tra due tesi l'un l'altra irriducibilmente opposte, reciprocamente esclusive, nessuna delle quali peraltro può essere scelta contro l'altra" (*Masullo A. Vico: la libertà rivelata dall'occasione // Id. La libertà e le occasioni. Milano: Jaca Book, 2001. P. 46).*

cioè in forza della propria e spontanea tendenza delle cose, perché gli uomini, per original peccato divisi, perduta quella pura ed intiera onestà che tutta dall'animo proveniva e a Dio s'indirizzava, abbenché fossero in gran parte corrotti, pur ritenevano in qualche avanzo della innata onestà vivendo in essi il sentimento dell'equa distribuzione delle utilità corporali".⁷⁷

8. La censura vichiana a Machiavelli di affidare la politica alla lotta per l'utile implica un addebito al Fiorentino di aver concepito la storia abbandonata al caso, al turbine degli eventi non rischiarato dall'intervento divino. Sembra quasi che, per Vico, la politica machiavelliana raffiguri un quadro caravaggesco non 'dilaniato' dalla lama della luce divina. Ma l'accusa vichiana del dominio del caso non coinvolge il solo Segretario fiorentino. E' notevole che, quasi a sigillare la Scienza Nuova, in una pagina di grande e conclusivo significato dell'intera opera, Vico, in una sorta di 'resa dei conti' ribadisca in una medesima condanna la

⁷⁷ "Utilitates ex se neque turpes neque dishonestae; sed earum inaequalitas est turpitudō, aequalitas autem honestas. Utilitas corporis, quia corporis, fluxa; honestas autem aeterna, quia aeterno vero constat, et quidem mente constat... Non igitur utilitas fuit mater iuris et societatis humanae, sive ea sit necessitas, sive temus, sive indigentia, ut Epicuro, Macchiavellio, Hobbesio, Spinosae, Baylaeo adlubet; sed occasio fuit, per quam homines, natura sociales e originis vitio divisi, infirmi et indigi ad colendam societatem, sive adeo ad celebrandam suam sociale naturam raperentur...bonae igitur occasiones fuere usus et necessitas, quibus divina providentia, "rebus ipsis dictantibus", ut eleganter ait Pomponius, hoc est ipsarum sponte rerum, homines, originis vitio dissociatos, non ex honestate integra, quae ex animo tota erat, prae pietate Dei, quia non integros, sed ex aliqua honestatis parte, nempe ex corporis utilitatum aequalitate, quia magna et bona parte corruptos, ad colendam societatem retraheret" (Vico. De Uno // *Id.* Opere giuridiche / Il diritto universale, intr. Di N. Badaloni, note a cura di P. Cristofolini, tr. Di P. Sarchi. Firenze: Sansoni, 1974. P. 60-61.

correità di Epicuro Machiavelli e Hobbes, quali teorici di un mondo abbandonato al caso. Grazie alla Scienza Nuova, asserisce con soddisfazione

“di fatto è confutato Epicuro, che dà il caso, e i di lui seguaci Obbes e Macchiavello; di fatto è confutato Zenone, e con lui Spinosa, che dànon il fato: al contrario, di fatto è stabilito a favor de’ filosofi politici, de’ quali è principe il divino Platone, che stabilisce regolare le cose umane la provvidenza”⁷⁸.

Per quanto riguarda Epicuro, il discorso sarebbe complesso, ed esula da queste pagine, perché porterebbe a indagare la presenza del filosofo greco nella versione lucreziana in Machiavelli⁷⁹ e come la influenza del poeta latino sia molto rilevante nello stesso Vico giovanile, come attesta la sua canzone “Affetti di un disperato”.

Invece, l’analogia fra Machiavelli e Hobbes non regge affatto. E’ come se Vico, stringendo un nesso fra lo scrittore fiorentino e il filosofo inglese, voglia prudentemente rimarcare le distanze da Machiavelli considerato ancora al suo tempo autore infame. Paradossalmente, invece, può istituirsi una linea Machiavelli-Vico (un’altra modernità)⁸⁰. E, si ponga attenzione,

⁷⁸ Ivi. P. 969. Cpv. 1109.

⁷⁹ Si veda *Brown A. The Return of Lucretius to Renaissance Florence*. Cambridge (Mass.), London: Harvard University Press, 2010. P. 68-87.

⁸⁰ Una differente lettura della posizione di Machiavelli nel pensiero politico moderno è quella esposta da Toni Negri, in particolare ne *Il potere costituente: saggio sulle alternative del moderno*. Roma: Manifestolibri, 2002 (I ed. - 1992). Negri istituisce una linea Machiavelli – Spinoza – Marx, alternativa a quella della sovranità, nel segno di un potere costituente e di una valorizzazione del ruolo politico della “moltitudine”, che, però, per quanto Attiene più specificamente al Segretario fiorentino, rischia di sottovalutare il momento dell’unità ad esclusivo vantaggio del conflitto. Per una puntuale e completa

non si tratta di alludere a una presenza ‘sotterranea’ del Segretario, dissimulata da Tacito, nell’opera vichiana. Tacito agisce nella pagina di Vico soprattutto quale grande lezione di realismo storico sull’essere degli uomini e sui loro abissi psicologici. E nemmeno è in gioco il tema della ragion di Stato, che, per Vico, è l’equità civile (propria delle fasi più progredite della storia, che implica anche l’arcanum Imperii)⁸¹.

Per quanto riguarda la relazione fra Machiavelli e il filosofo napoletano non è in gioco solo una questione di metodo (e non è irrilevante che entrambi adoperino metafore tratte dall’arte medica a sottolineare che il convivere umano, non inseribile in assi cartesiani, non è riducibile alla hobbesiana macchina, automa, bensì è corpo vitale)⁸², ma anche, in modo peculiare, la stessa visione della politica. Una relazione che non si dispone affatto in una prospettiva teleologica, né meramente filologica, ma rivela profonde assonanze.

Il rapporto fra Machiavelli e Vico (il più machiavelliano degli antimachiavellici) significa spezzare quella genealogia fin

ricognizione della presenza di Machiavelli nell’opera di Spinoza rinvio a *Morfino V. Il tempo e l’occasione. L’incontro Spinoza Machiavelli*. Milano: LED, 2002. E’ da vedere anche il recente e importante libro di Giovanni B. de. Hegel e Spinoza. Dialogo sul Moderno. Napoli: Guida, 2011.

⁸¹ Si veda il recente saggio di *Vanzulli M.* La presenza intermittente della Ragion di Stato nel pensiero politico vichiano // *Id.* Razionalità e modernità in Vico. P. 287-305.

⁸² Solo per fare un esempio: “Per dar forma adunque alle materie qui innanzi apparecchiate sulla Tavola cronologica, proponiamo ora qui i seguenti assiomi e dignità così filosofiche come filologiche, alcune poche, ragionevoli e discrete domande, con alquante schiarite diffinizioni; le quali, come per lo corpo animato il sangue, così deono per entro scorrervi ed animarla in tutto ciò che questa Scienza ragiona della comune natura delle nazioni” (*Vico*. SN. Cpv. 119. P. 494). Si ricordi che, per Machiavelli, memore della lezione aristotelico-galenica, le parti civili e sociali di una città sono i suoi “umori”.

troppo corriva fra il Fiorentino e Hobbes⁸³. Spesso il Segretario è stato correlato al filosofo inglese, soprattutto da parte di quegli studiosi che hanno visto in entrambi gli archetipi dello Stato totalitario e, in particolare, nel primo il precorrimento del mostro leviatanico del secondo. Oppure, in una associazione meno ‘delinquenziale’ i due pensatori sono stati inseriti in un onnicomprensivo paradigma moderno della sovranità.

In effetti, profondissime differenze di metodo e di contenuto distanziano Machiavelli da Hobbes, mentre lo avvicinano a Vico. Hobbes adotta per la edificazione del Leviatano un metodo che è esemplato sul geometrismo cartesiano. Anzi, il filosofo inglese, che aveva criticato il dualismo cartesiano nelle terze obiezioni alle Meditazioni metafisiche, estende alla politica, fondando la scienza politica moderna, la sua concezione materialistica e meccanicistica di tutte le cose naturali ed umane.

Cartesio, invece, aveva escluso la politica da ogni valutazione scientifica, e solo su istanza della intelligente e colta principessa Elisabetta di Boemia era stato indotto alla lettura delle opere del Segretario fiorentino e aveva scritto, fra il settembre e il novembre del 1646, due lettere alla sua illustre interlocutrice su Machiavelli, la prima sul Principe, molto più importante, la seconda sui Discorsi, sui quali Cartesio non sollevava sostanziali

⁸³ Su Hobbes e Machiavelli cfr. *Esposito R.* Ordine e conflitto in Machiavelli e Vico // *Id.* Ordine e conflitto. Machiavelli e la letteratura politica del Rinascimento italiano. Napoli: Liguori, 1984. P. 179-220; *Coli D.* Hobbes Roma e Machiavelli nell’Inghilterra degli Stuart. Con la prima edizione italiana dei “Tre discorsi” di Thomas Hobbes. Firenze: Le Lettere, 2009; *Borrelli G.* Il lato oscuro del Leviathan: Hobbes contro Machiavelli. Napoli: Cronopio, 2009.

riserve⁸⁴. Innanzi tutto, si noti la ‘indifferenza’ ostentata da Cartesio verso Machiavelli. Certamente motivata da ragioni prudenziali nei confronti di un autore ‘sulfureo’, com’era allora considerato nella Francia del libertinage érudit, che ereditava la duplice ma convergente condanna senza appello del Segretario fiorentino da parte gesuitica e ugonotta.

La ragione, però, più profonda viene spiegata dal filosofo francese nella stessa prima lettera. Cartesio, concludendo questa prima risposta a Elisabetta, spiega anche la causa del suo disinteresse : “et parce qu’en toutes les affaires du monde il y a quantité de raisons pour et contre, qu’on s’arrete principalement à considérer celles qui servent à faire qu’on approuve les choses qu’on voit arriver”⁸⁵. Che significa accettazione ‘libertina’ del regime assolutistico, il quale protegge il filosofo nel suo buen retiro da sommosse e rivolte, in quel tempo in Francia frequenti fra ribellioni popolari nelle province e Fronde. Ma significa, soprattutto, che storia e politica sono prassi repulsive a ogni “immagine del mondo” (Heidegger), che sulla base di un soggetto-fundamentum ordina la res extensa.

Come è stato ben osservato, con Vico “il criterio della “verità” muta. Il mutamento penetra il suo interno... La verità” si disperde. Non vi è più un luogo forte di costituzione della “verità”. Essa incomincia da dove “incomincia” la “materia” sua”⁸⁶ (p. 138). Con Vico si verifica una “pluralizzazione di

⁸⁴ Su Cartesio e Machiavelli si veda *Del Noce A. Cartesio e la politica* (1950) // Riforma cattolica e filosofia moderna. 1: Cartesio. Bologna: Il Mulino, 1965. P. 537-579; *Goyard-Fabre S. Descartes et Machiavel* // *Revue de Métaphysique et de Morale*. 78° année. № 3, Juillet-Septembre 1973. P. 313-334.

⁸⁵ *Cartesio. Oeuvres et lettres / Textes présentés par A. Bridoux*. Gallimard, 1953. P. 1242.

⁸⁶ *Giovanni B. de*. P. 138.

metodi”, una loro immersione nei differenti tempi e modi del costituirsi della civiltà umana. Altresì, ciò comporta lo sfondamento del soggetto univoco e la moltiplicazione dei soggetti, fra i quali le moltitudini, i popoli, attraverso le loro contese e i loro conflitti.

Vico, dal Del razione studiorum fino alla Scienza Nuova ripudia l’astratto e incorporeo razionalismo cartesiano, accreditando forme di sapere, come la retorica e l’eloquenza e la poesia, che il filosofo francese aveva espulso dalla sua prospettiva scientifica⁸⁷. Anzi Cartesio, in un’opera giovanile, Regulae ad directionem ingenii, aveva assimilato alla mente, alla razionalità scientifica, proprio quella facoltà esaltata da Vico, quale fonte degli universali fantastici fondativi della civiltà umana, vale a dire l’ingegno.

Ancora, Cartesio nella sua prima lettera ‘machiavelliana’ oppone alle tensioni conflittuali del Segretario regole prudenziali e tradizioni giuridiche (non si dimentichino i suoi studi in tale disciplina). Approva dell’autore del Principe il precetto che un governante deve schivare il disprezzo e l’odio del popolo, ma non può avallarne la mancata distinzione fra sovrano legittimo e

⁸⁷ Cfr.: “Vico rappresenta l’”altra faccia” della modernità: quella che intenzionalmente ha utilizzato la fantasia e il fare poetico come critica ad ogni eccesso di logocentrismo. Cartesio resta, per il filosofo napoletano, punto obbligato di riferimento per chi voglia capire quanta importanza abbia avuto per il pensiero moderno la scoperta della centralità del soggetto. Ma ciò non gli ha impedito, fin dai primi scritti, di criticarne il riduzionismo logico-razionale. Ciò che mi è parso importante sottolineare è che tale critica non è meramente tradizionalistica, né soltanto preoccupata di recuperare la tradizione umanistica. Vico è alla ricerca di una nuova, più ampia razionalità, capace di ritrovare topicamente i luoghi della fantasia, della corporeità, delle emozioni” (Cacciatore G. Per una critica della ragione poetica: l’”altra” razionalità di Vico // Vanzulli M. Razionalità e modernità in Vico. P. 128).

tyrannus ex defectu tituli, e di avere elaborato i suoi precetti sulla base della generalizzazione della seconda tipologia:

“Et je crois que ce en quoi l’auteur a le plus manqué, est qu’il n’a pas mis assez de distinction entre les princes qui ont acquis un Etat par des voies justes, et ceux qui l’ont usurpé par des moyens ilégitimes; et qu’il a donné à tous, généralement, les préceptes qui ne son propres qu’à ces derniers... Sur lesquels fondements il appuye del préceptes très tyranniques”⁸⁸.

E quando la principessa gli fa notare che Machiavelli aveva avuto come modello Cesare Borgia, Cartesio è senz’altro d’accordo, perché è proprio l’exemplum di tiranno da lui rifiutato: “Votre Altesse a parfaitement bien remarqué ses fautes, et les miennes; car il est vrai que c’est le dessein qu’il a eu de louer César Borgia, qui lui a fait établir des maximes générales, pour justifier des actions particulières qui peuvent difficilmente etre exécutées”⁸⁹.

Era il ripudio cartesiano della politica centauresca (esemplificata da Cesare Borgia) e dunque di quelle tensioni fra uomo e bestia, che erano state al centro della riflessione storica e politica sia di Machiavelli che di Vico, sebbene quest’ultimo segnasse l’incipit della civiltà umana con un atto di ‘strappo’ dalla

⁸⁸ *Cartesio*. Oeuvres. P. 1237; “Credo che la maggior manchevolezza dell’Autore sia di non aver fatto una distinzione abbastanza netta fra I Principi che sono giunti al potere poggiando su voti [invece: vie] giusti, e quelli che lo hanno usurpato con mezzi illegittimi: e quindi ha dato a tutti in generale, precetti che valgono solo per questi ultimi... Su questi fondamenti fa poggiare precetti di grande tirannide” (*Cartesio*. Opere / A cura di E. Garin. Bari: Laterza, 1967. P. 589).

⁸⁹ *Ivi*. P. 1245; “L’Altezza vostra ha rilevato alla perfezione le colpe dell’Autore e le mie; perché è vero che è stato il disegno di esaltare Cesare Borgia a fargli stabilire delle massime generali, per giustificare singole azioni difficilmente scusabili [invece: eseguibili]” (P. 596).

antropologia ferina, mentre il Segretario valuti la componente animalesca proprio nella sua produttività politica. E tuttavia Vico è ben conscio della persistenza dell'elemento bestiale nella storia umana. Anzi, lo consideri una risorsa nel momento della 'apocalisse' storica e del ricorso.

Ricettivo di interpretazioni più ambigue è il successivo rilievo critico rivolto da Cartesio al Principe machiavelliano:

“Mais c'est un très mauvais sujet pour faire des livres, que d'entreprendre d'y donner de tels préceptes, qui, au bout du compte, ne sauraient assurer ceux auxquels il les donne; car, comme il avoue, lui-meme, ils ne se peuvent garder du premier qui voudra négliger sa vie pour se venger d'eux. Au lieu que, pour instruire un bon prince, quoique nouvellement entré dans un Etat, il me semble qu'on lui doit proposer des maximes toutes contraires, et supposer quel es moyens dont il s'est servi pour s'établir ont été justes; comme en effet, je crois qu'ils le sont presque tous, lorsque les princes qui les pratiquent les estiment tels; car la justice entre les souverains a d'autres limites qu'entre les particuliers, et il semble qu'en ces rencontres Dieu donne le droit à ceux auxquels il donne la force: Mais les plus justes actions deviennent injustes, quand ceux qui les font les pensent tels”⁹⁰.

⁹⁰ Ivi. P. 1238-1239; “E' tuttavia un pessimo motivo per fare un libro il proposito di offrire precetti tali che, in fin dei conti, non garantiscono la sicurezza delle persone a cui si dirigono; perché, come lo stesso Autore confessa: costoro non possono guardarsi dal primo che non farà conto della propria vita pur di vendicarsi. Laddove per istruire un buon Principe, anche se giunto da poco al potere, mi sembra gli si debbano proporre massime opposte a queste, e supporre che i mezzi di cui si è servito per affermarsi siano stati giusti; e credo che di fatto lo siano quasi sempre, se i Principi che li praticano li ritengono tali; infatti, tra i Sovrani, la giustizia ha limiti diversi da quelli che

Le parole di Cartesio sono un'apologia assolutistica coerente con l'intera lettera. Dio, con la sua legittimazione e protezione, dà a chi è insignito del potere, e quindi della forza, anche il criterio per discernere ciò che è giusto. Non è una giustificazione del mendacio e della dissimulazione, poco prima da Cartesio censurata nel principe machiavelliano. Infatti, coloro che praticano la giustizia non possono interiormente dissociarsi, pensando che le loro azioni e decisioni siano ingiuste. Ma, in realtà, distinguendo fra giustizia privata e giustizia pubblica, e, soprattutto, rimandando alla sola autorità divina la legittimazione delle azioni del sovrano, si stabilisce una sostanziale equivalenza fra forza e giustizia, sebbene attenuata da un cauto atteggiamento tipico del filosofo francese negli affari pubblici.

Cartesio politicamente agisce con una dissimulazione onesta ("larvatus prodeo") in un'orbita assolutistica, che non può non essere estranea a Vico, per il quale, non solo è condannabile la filosofia "monastica", ma l'intervento di Dio non è la semplice ed estrinseca malleveria del rex solutus, bensì è l'azione immanente e 'tragica' nella storia e nella politica.

Machiavelli (così come Vico) risulta estraneo alla fondazione metafisica di Cartesio del Soggetto, che, traslato in rebus politicis, avrebbe istituito la sovranità. Il soggetto centauresco machiavelliano, al contrario, consiste delle sue pulsioni conflittuali e riesce a darle 'effettualità' politica solo valorizzandole. Si potrebbe quasi dire che il politico, la politica machiavelliana è un ossimoro.

ha tra i privati; e in tali casi pare che Dio accordi il diritto a coloro cui accorda la forza; mentre le azioni più giuste diventano ingiuste, quando quelli che le fanno le pensano tali" (Tr. it. P. 590).

In Hobbes la politica si costituisce proprio nel momento in cui viene eliminato ogni tipo di conflitto, sancisce la fine del bellum, trasferendolo in campo internazionale. Politica e pòlemos sono nella loro essenza contrari l'una all'altro. Per Hobbes, il Leviatano è la sovranità statale, il Soggetto compatto e univoco, che si erge sul corpo sociale per conservarlo e dominarlo, mentre per Machiavelli, e per Vico, lo Stato è e deve essere permeato da conflitti sociali e umani senza alcuna pretesa di anestetizzarli, in quanto vive e trae profitto, potenza, dynamis dallo stesso corpo civile che governa.

Per giunta, a segnare ancora più profondamente le distanze fra il fiorentino e il pensatore inglese, Hobbes rifiuta per la edificazione di una teoria della politica un linguaggio che sia contaminato da procedimenti non scientifici⁹¹. Nel V capitolo del primo libro del Leviatano, stigmatizzando nei libri dei filosofi la mancanza di un metodo geometrico, ascrive una delle cause delle loro conclusioni assurde proprio a quella metafora, che, al contrario, era stato lo strumento gnoseologico privilegiato di Machiavelli e di Vico. Quest'ultimo, in particolare, proprio polemizzando con l'uso indiscriminato e 'assolutistico' della scarnificata ragione cartesiana, sin dal De ratione studiorum aveva

⁹¹ Ciò non implica che ai fini della persuasione politica non si possa ricorrere alla retorica; ma, tenendo ben presente, che ai fini della teoria della politica è valido solo, secondo Hobbes, il metodo geometrico della scienza moderna. Per una interpretazione che, invece, ha valorizzato, in specie nel Leviatano, la retorica nel pensiero hobbesiano si veda *Skinner Q. Ragione e retorica nella filosofia di Hobbes / A cura di M.Ceretta*. Milano: Raffaello Cortina editore, 2012. Per una lettura di Hobbes più congrua a queste mie pagine, rimando al fondamentale saggio introduttivo di Carlo Galli, a *Hobbes. Leviatano*. Milano: BUR, 2001. P. V-L.

rivendicato la dignità conoscitiva delle discipline umanistiche e dell'ingegno. Hobbes, diversamente, condanna

“l'uso di metafore, tropi ed altre figure retoriche, in luogo di vocaboli propri. Infatti, benché (per esempio) sia legittimo dire nel comune parlare: la via va, o conduce qua o là; il proverbio dice questo o quello (mentre le vie non possono andare, né i proverbi parlare); tuttavia nel calcolare e nel ricercare la verità tali parlari non si devono ammettere”⁹².

Per di più, Hobbes in modo esplicito e ripetuto (specialmente in Behemoth) ripudia l'Antico e la tradizione umanistica. Al contrario, l'Antico, per Machiavelli e Vico (docente di retorica nell'Ateneo napoletano per quasi un quarantennio), seppur in guise diverse, come dimostra proprio l'atteggiamento riguardo alla storia romana, è umanisticamente una pietra miliare del percorso conoscitivo, è un termine di riferimento ineludibile, ma non per un filologismo inerte o una imposizione di auctoritates, bensì perché provoca un confronto libero e aperto. Anzi, Vico più di Machiavelli, nonostante il comune e prevalente riferimento all'antica Roma, sembra più legato alle radici umanistiche di quanto non fosse stato il Segretario. Come ben rilevò Dionisotti⁹³, l'Antico machiavelliano è una Roma senza Atene. Invece, il filosofo napoletano ha una

⁹² *Hobbes*. Leviatano. P. 47. Su Vico e Hobbes cfr. *Nicolini F.* Di alcuni rapporti ideali tra il Vico e lo Hobbes con qualche riferimento a Machiavelli // *Atti dell'Accademia Pontaniana*. N.s. Vol. I. 1949. P. 25-39; *Montano A.* Storia e convenzione. “Vico contra Hobbes”. Napoli: Istituto Italiano per gli Studi Filosofici, La Città del Sole, 1996; *Sergio E.* Hobbes a Napoli (1661-1744): note sulla ricezione della vita e dell'opera di Hobbes nel previchismo napoletano e nell'opera di Vico // *Bolettino del Centro di Studi Vichiani*. XXXIV. 2004.

⁹³ *Dionisotti C.* Machiavelli letterato (1969) // *Id.* Machiavellerie. P. 236.

visione 'latitudinaria', 'ecumenica' dell'Antico, simile a quella del neoplatonismo fiorentino, per la quale il suo sguardo varia dagli scrigni di sapienza mediorientali a quelli greci a quelli romani, sebbene gli ultimi due siano prediletti.

La scienza moderna, al contrario, e si pensi a Cartesio che all'inizio del Discorso sul metodo in una sorta di autobiografia filosofica ricusa il metodo umanistico appreso dai gesuiti, nasce recidendo il cordone ombelicale con l'Antico. E, in effetti, Vico, dalla sua settima orazione inaugurale fino alla lettera all'Estevan del '29, laddove spiega lo scarso successo della Scienza Nuova, riaffermando la sua inattualità, la sua estraneità ai tempi in cui vive, è fermo nella critica del metodo cartesiano refrattario proprio a quell'arte topica appresa all'antico magistero.

In conclusione, da un confronto fra i due grandi pensatori italiani emerge la profonda consonanza fra Machiavelli e Vico, benché quest'ultimo, a causa della stratificazione di condanne censure anatemi lanciati contro il Segretario fiorentino da più parti e con diversi accenti e intenzioni, assuma un atteggiamento prudente, distaccato, anche di manifesta stigmatizzazione del Fiorentino. Certo, diverse affermazioni machiavelliane non possono non repellere al filosofo napoletano, a cominciare dalla giustificazione esplicita di simulazione e dissimulazione. L'avallo della menzogna è inammissibile per la sensibilità e il pensiero vichiani.

Eppure, fra i due corrono intime sintonie, a volte anche caratteriali (anche in questo caso non sottovalutando le cospicue divergenze fra la 'solitudine' rivendicata da Vico e il ben differente comportamento del bon vivant Segretario). Ad esempio, nella lettera al padre Giacco, con la quale accompagna la Scienza

Nuova del '25, Vico confessa di essere rinato a nuova vita e, resistendo all'avversa fortuna, di non essere più sbigottito nemmeno dalla morte alla stessa stregua del Machiavelli della celeberrima lettera del 10 dicembre del '13 al Vettori, inviandogli il Principe e descrivendogli la sua misera giornata 'redenta' dal suo colloquio serale con gli antichi⁹⁴. Capolavori che nascono dalle avversità e dalla sconfitta, quasi opere debitrice del fallimento. E, come se non bastasse, si ricordi che nell'explicit della Aggiunta alla Autobiografia Giambattista Vico rivela di essere considerato uno stravagante se non un pazzo⁹⁵ e che il grande amico e critico di Machiavelli, Francesco Guicciardini, in una lettera all'autore stesso del Principe lo aveva rimproverato di avere pensieri stravaganti e fuori dal comune⁹⁶. Machiavelli e Vico⁹⁷, in effetti, assumono verso le 'autorità' a loro precedenti e coeve un atteggiamento spesso agonico e polemico.

Ma al di là di queste 'simpatie', penso si possa dire che il pensiero politico di Machiavelli e quello di Vico si muovano nei medesimi campi di tensione dove vigono forze contrapposte,

⁹⁴ L'assonanza fra le due lettere è stata puntualmente notata da Andrea Battistini nel suo eccellente commento alle opere vichiane.

⁹⁵ "De' mezzi o falsi, e gli uni e gli altri perché cattivi dotti, la parte più perduta il chiamava pazzo, o con vocaboli alquanto più civili, il dicevano essere di idee singolari ed oscuro" in *Vico*. Vita scritta da sé medesimo // *Id.* Opere. Vol. I. P. 85.

⁹⁶ "essendo voi sempre stato ut plurimum extravagante di opinione dalle commune, et inventore di cose nuove te insolite", lettera di F. Guicciardini a Machiavelli, da Modena, 18 maggio 1521, in *Machiavelli N.* Lettere a Francesco Vettori e Francesco Guicciardini / A cura di G. Inglese. Milano: BUR, 1996 (I ed. - 1989). P. 299.

⁹⁷ Su un Vico "lettore agonistico" si veda *Battistini A.* Principi di una scienza nuova di Giambattista Vico // *Letteratura italiana / Diretta da A. Asor Rosa*, 8. L'età moderna. Grandi opere (1580-1800). Torino: Einaudi, 2007 (I ed. - 1993). P. 578-587.

antagonismi, antinomie, contrasti, e, per investigarli, si lascino illuminare, sebbene anche in modo critico, dall'Antico, per quanto il Segretario fiorentino preferisca le fonti storiche e il filosofo napoletano quelle giuridiche poetiche e mitiche. Ed era proprio l'Antico e la tradizione umanistica ad abilitare Machiavelli e Vico a una valutazione approfondita del valore della parola e delle figure retoriche. Infatti, essi attribuiscono una rilevanza primaria al linguaggio metaforico, che è capace di congiungere e tenere insieme gli opposti. Entrambi delineano, quindi, ellissi teoriche i cui fuochi non possono non essere insieme e non possono mai assolutizzarsi, se non a rischio della rovina della pòlis. Tuttavia, le ellissi machiavelliane dimorano solo ed esclusivamente in questo mondo, mentre le ellissi vichiane acquistano senso solo se sono lacerate dal "tuono divino".

МАКИАВЕЛЛИ В АМЕРИКАНСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ XVIII – XIX ВВ.

Американцы времён Войны за независимость (и более поздних) усваивали и использовали идеи Макиавелли в своей политической аргументации гораздо чаще, чем открыто ссылались на них¹. Дело здесь не в дурной репутации Макиавелли в эпоху Просвещения. Характерной чертой политического дискурса американцев того времени было обсуждение политических идей совершенно безотносительно к их авторству – так чтобы принималось во внимание исключительно их содержание, а не авторитет тех, кто их впервые высказал. Чтобы установить авторство заимствованных текстов и пересказанных идей,

¹ Б. Франклин в своем ещё абсолютно «лоялистском» трактате «Рассмотрение интересов Великобритании в отношении её колоний и приобретения Канады и Гваделупы» (1760) настаивал на присоединении Канады к Британской Империи и пытался опровергнуть пророческие опасения Эдмунда Бёрка, что колонии Великобритании в Америке в будущем захотят независимости. «Пока продолжает существовать наша [британская] морская мощь, берега Огайо ближе к Лондону с точки зрения лёгкости и быстроты доставки войск, чем отдалённые области Франции и Испании – к их столицам... К этому я добавлю только замечание Макиавелли в его «Государе»: правительство редко надолго сохраняет своё господство над теми, кто является для него иноземцами; с другой стороны, последние очень легко подпадают под власть правительства своей собственной нации и продолжают оставаться неразлучно присоединёнными к нему. Всё это он доказывает на примере английских завоеваний во Франции». *Франклин В.* Избранные произведения. М., 1956. С. 254.

исследователи истории американской политической мысли до появления Интернета вынуждены были держать в памяти огромный объём текстов античных, европейских XVI – XVIII вв. и британских авторов². Эти исследователи указывают, что американские патриоты и лоялисты использовали сочинения главным образом англичан или шотландцев. Политическая и правовая мысль прочих стран Европы представлена в круге их чтения и в их сочинениях почти исключительно четырьмя именами: Макиавелли, Ваттель, Пуфендорф, Монтескье³. Правда, следует иметь в виду, что многие из их любимых английских и шотландских авторов сами испытали влияние Макиавелли⁴.

Можно предположить, что значимость каждого из этих авторов для американских публицистов времён Войны за независимость обусловлена была тем, что они усматривали нечто общее в проблематике - в проблематике сочинений соответствующего автора и той ситуации, в которой они жили и действовали. Предлагаемые античными и ренессансными авторами решения соответствующих проблем могли и не казаться американцам вполне подходящими для

² Один из лучших знатоков американской политической мысли XVIII в. – Дуглас Адэйр (Adair Douglass Greybill 1912 – 1968) – даже требовал от своих студентов, чтобы они без крайней на то необходимости не тратили своего времени на современную литературу, но постоянно читали и перечитывали тех античных и ренессансных авторов, что входили в круг постоянного чтения американских республиканцев времён Войны за независимость. Чтобы нужные тексты крепко запечатлелись в памяти, и чтобы посторонняя информация их из памяти не вытесняла...

³ *Паррингтон В.Л.* Основные течения американской мысли. Том I. Система взглядов колониального периода (1620 – 1800). М., 1962. С. 353.

⁴ *Raab F.* The English Face of Machiavelli, a changing interpretation. 1500 – 1700. London, 1964.

них, но нечто поучительное в таких предложениях непременно было.

Не пытаясь дать Макиавелли ни общей характеристики, ни общей оценки, я, чтобы проследить восприятие его идей американскими публицистами XVIII – XIX веков, опишу его **мировоззрение** только **с тех сторон**, с каких оно было интересно американцам и **значимо для американской политической мысли**.

Макиавелли – пламенный патриот своей малой родины (Флоренции) и политический мыслитель, пытавшийся найти способ политического объединения своей большой родины (Италии) и превращения её в независимое национальное государство. Живя в городской республике, где развивались разнообразные ремёсла, сформировалась сложная финансовая система и процветала культура, Макиавелли весьма ценил эту «цветущую сложность» и видел в ней фундамент военной и политической жизнеспособности как Флоренции в то время, так и объединённой Италии в будущем. Он серьёзно размышлял над проблемами морали в политике и в своих сочинениях постоянно давал развёрнутые моральные оценки событиям и людям⁵. Однако в пределах Италии политическая борьба принимала вид борьбы между *многими* государствами. Поэтому Макиавелли не видел никакой возможности применить к оценке действий всех участников борьбы *единый* для всех этический критерий и считал

⁵ Так, он писал о флорентийцах XIII в.: «Столько доблести было в сердцах этих людей и столько великодушия, что внезапное нападение на врага, ныне почитаемое деянием благородным и мудрым, тогда рассматривалось как недостойное и коварное». История Флоренции. Книга 2. V.

морально допустимыми вероломные поступки единоличного правителя по отношению к политическим соперникам, чьи действия препятствуют объединению страны⁶. «Необходимо, чтобы воля одного давала государству его порядок и чтобы единичный ум распорядился всеми его учреждениями». – «Только те насилия заслуживают порицания, цель которых не исправлять, а портить»⁷. В этой связи Макиавелли придавал большое значение военной реформе: формированию армии из граждан государства по призыву. Эта армия должна была прийти на смену наёмникам-кондотьерам. Он надеялся, что такая армия не будет инициировать войны по вздорным поводам, но будет способна защитить подлинные интересы Флоренции и Италии и станет мощным фактором стабилизации их политической системы. Макиавелли не был склонен приукрашивать своих сограждан: средний гражданин итальянского государства – эгоист, стремящийся прежде всего к собственной выгоде, понимая её кто по-умному, кто по-глупому. Но он верил, что в противовес эгоизму значительная часть его сограждан обладает и другим свойством – *доблестью/добродетелью (virtù)*, то есть желанием и способностью действовать – ради общего блага,

⁶ Если государство, которое при завоевании присоединяется к исконному государству покорителя, принадлежит к одной с ним стране и языку, то, «чтобы уверенно владеть ими, достаточно...истребить род прежнего правителя...[и] не трогать ни их законов, ни налогов их»...- «Князь, и особенно князь новый, не может соблюдать всё, что даёт людям добрую славу, так как он часто вынужден ради сохранения государства поступать против верности, против любви к ближнему, против человечности, против религии». *Макиавелли Н.* Государь. Гл. III, XVIII // *Макиавелли Н.* Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. О военном искусстве. М., 1996. С. 43, 85.

⁷ Рассуждения на первую декаду Тита Ливия. Книга первая. Глава 9.

даже с риском для жизни и даже без внешнего принуждения со стороны государства.

Республика, монархия и «смешанное правление»: восприятие теорий Макиавелли в англо-саксонском мире.

Макиавелли был одним из политических лидеров Флорентийской республики и на протяжении всех 12 лет служения в качестве её секретаря сохранял абсолютную лояльность республиканскому строю. Однако он никогда не заявлял о своём принципиальном предпочтении республики или принципиальном неприятии монархии. Частые и тесные союзы Флорентийской и Венецианской республик с Францией и другими монархическими государствами не располагали к тому, чтобы возводить республиканское устройство в принцип или хотя бы в норму. Кроме того, Макиавелли считал единственным надёжным основанием стабильной республики гражданскую доблесть, но вовсе не был уверен, что его сограждане обладают этим качеством в достаточной степени. «Государь» и особенно заключающее его «Воззвание» свидетельствуют, что такую монархию, какая была бы способна обеспечить освобождение от французов и испанцев, объединение и защиту Италии, Макиавелли воспринимал как благо.

«Отцы-основатели» США, как «корпорация» (состоявшая, как принято считать, из 99 чел.)⁸, были гораздо более принципиальными республиканцами, чем Макиавелли. Усматривая «монархический принцип» в любой наследуемой

⁸ *Brown R.D.* The Founding Fathers of 1776 and 1787: A Collective View // *William and Mary Quarterly*. 3rd Ser. Vol. XXXIII. No. 3 (July 1976). P. 465 – 480.

власти (не только верховной), они изгнали этот принцип из создаваемой республики полностью. В США были должности, на которые выбирали, и были такие, на которые назначали, обычно на срок, иногда пожизненно, но не было наследуемых должностей.

Создание стабильной и охватывающей всю нацию федеративной республики как Макиавелли, так и американцам конца XVIII в. представлялось трудно разрешимой задачей. Тот древний автор, который оставался для них наиболее авторитетным – Аристотель – учил, что стабильность государства – как крупного, так и малого – может быть достигнута лишь в том случае, если в государственном устройстве удастся совместить три разновидности власти с разными «количественными» характеристиками: власть одного (монархическое начало), власть немногих лучших (аристократическое начало) и власть народа (демократическое начало). Образцом политически стабильной республики для поколения Макиавелли была Венеция, где власть делили дож, Синьория (Малый Совет) и Большой Совет (хотя сам Макиавелли отрицательно относился к венецианскому устройству). Макиавелли не видел реальных перспектив создания сильной объединённой Италии, которая управлялась бы подобным образом, и разработал в «Государе» иной, монархический проект. Но американцы середины XVIII в. знали такую большую страну, где аристотелевский идеал как будто нашёл воплощение. Они, собственно, были гражданами этой страны: Великобритании. Конечно, Великобритания была не республикой, а монархией, но монархией ограниченной, которая резко отличалась от большинства континентальных

монархий Европы. Они соглашались с Монтескьё, что как король представляет в Великобритании монархическое начало, так лорды суть представители аристократии, а Палата общин – воплощение демократического начала. И они понимали, что более свободной страны, чем Великобритания, в цивилизованном мире нет. Однако свобода не означала политического равноправия для всех. В Венеции были и бесправные граждане, не голосовавшие на выборах в Большой Совет; аналогично, во владениях Великобритании были граждане, не имевшие права участвовать в выборах членов Палаты общин: таковыми были все жители колоний Великобритании. Как известно, на первом этапе протестного движения, которое много лет спустя привело к провозглашению независимости США, лозунг американских патриотов был: «Нет налогов без представительства!» Только когда стало ясно, что британские власти наделять колонии правом представительства не намерены, движение приняло более радикальный характер. Оказавшись чужими на общебританском «празднике жизни», американцы начали думать об отделении от Великобритании и об ином – республиканском – государственном устройстве.

Итак, у Великобритании середины XVIII в. был прообраз в Италии времён Макиавелли, а именно Венеция (сохранявшая свою независимость и «сбалансированный» политический строй до 1797 г.). Американские республиканцы 1776 г. обращались к опыту Английских республик: Первой, 1649 – 1653, и Второй, 1659 – 1660 гг., и сочинениям английских и шотландских мыслителей, анализировавших опыт этих эфемерных республик. В этот

Перечитывая Макиавелли

круг авторов входили: Марчамонт Недхэм (Nedham, Marchamont 1620 - 1678), Джеймс Гаррингтон (Harrington, James 1611 - 1677), Джон Локк (Locke, John 1632 - 1704), Олджернон Сидней (Sydney, Algernon 1623 - 1683), Джон Тренчард (Trenchard, John 1662 - 1723), Томас Гордон (Gordon, Thomas 1692 - 1750), Давид Юм (Hume, David 1711 - 1776). Локк и Юм более известны как философы. Недхэм и Гаррингтон – участники гражданской войны в Англии, причём оба попеременно поддерживали парламент и Карла I в зависимости от того, чья политика представлялась им ближе к республиканскому идеалу. (Режим Карла I был более веротерпим и менее склонен к репрессиям против политических оппонентов, чем пресвитерианский Долгий парламент). Все эти авторы неоднократно обращались к наследию Макиавелли, и прежде всего к «Рассуждениям на первую декаду Тита Ливия».

Макиавелли изучал проблемы республиканского устройства преимущественно на материале Флоренции - где республиканский строй в его время стабильным не был. Предлагаемые им рецепты стабильности тоже были адресованы прежде всего Флоренции.

Таким образом, для англо-саксонских республиканцев XVII – XVIII вв. наибольший интерес в Италии XVI в. представляла Флоренция.

Как известно, республиканское устройство Флоренции сформировалось в XII в., но в 1434 г. его сменила единоличная власть Козимо Медичи, а с восстановлением республики в 1494 г. самым влиятельным лицом в ней стал фра Джироламо Савонарола – руководитель радикального милленаристского движения. После свержения и казни

Савонаролы в мае 1498 г. республиканское устройство во Флоренции вновь обретает традиционные формы и существует до 1512 г., когда к власти вернулись Медичи. После этого республика во Флоренции восстанавливалась лишь однажды и очень ненадолго: в 1527 – 1530 гг.

Довольно похожая – по крайней мере внешне – последовательность политических пертурбаций имела место в Англии середины XVII в. Парламент в Англии возник в XIII в. Однако короли из династии Стюартов – Яков I и Карл I – созывали парламент редко, оказывали на него неправомерное давление как угрозами, так и попытками подкупа лидеров оппозиции; в 1642 г. противостояние парламента и короля обернулось гражданской войной. Победа парламентской партии привела к провозглашению республики (1649), которую, однако, очень скоро сменила военная диктатура Оливера Кромвеля, причём лорд-протектор некоторое время (1653) действовал в союзе с «людьми Пятой монархии» – такими же милленаристами, как Савонарола. После смерти Кромвеля республика на несколько месяцев была восстановлена (1659 – 1660). В период Реставрации (1660 – 1688) в Англии существовала республиканская оппозиция, самый видный теоретик которой – Олджернон Сидней – был казнён в декабре 1683 г. «Славная революция» 1688 – 1689 гг. отстранила Стюартов от власти и восстановила «сбалансированное правление». В Великобритании середины XVIII в. значимость парламента представлялась современникам значительно большей, чем в XVII в.: ведь дважды – в 1689 и в 1714 гг. – именно парламент выносил решения о том, какая династия будет править в стране, а

восстания якобитов (сторонников Стюартов) в 1715 и 1745 – 1746 гг. были подавлены. Тем не менее парламент Великобритании не был полномочным органом: его «уравновешивала» королевская власть.

Джон Тренчард и Томас Гордон в 1720 – 1724 гг. опубликовали серию из 144 эссе на политические темы под общим названием «Письма Катона». Начало промышленного переворота, рост благосостояния англичан вызывали у них тревогу, поскольку всё это увеличивало бюджет государства, усложняло контроль за использованием средств и создавало для исполнительной власти значительно больше, чем прежде, возможности для подкупа законодателей и судей. Очевидно, подкупленные законодатели не будут руководствоваться в своих действиях заботой об общем благе. А если так, то не погубит ли чрезмерное благосостояние свободу страны (как это произошло с Древним Римом в эпоху Империи)? Ответ: «Поистине достойна похвалы лишь такая страсть, которая сосредоточена на общем благе (Publick) и заботится только о нём. Честолюбие, жадность, мстительность – всё это суть добродетели (Virtues), когда они направлены на достижение общего благосостояния (general Welfare). Я знаю, что для каждого человека крайне трудно отделить свои страсти (Passions) от своей собственной персоны и личных интересов, и редки такие люди; но несомненно, что такие люди были. Брут, Катон, Регул, Тимолеонт, Дион⁹ и Эпаминонд были таковы, как и многие более древние греки и римляне; и я

⁹ Трудно сказать, имеется ли в виду Дион Кассий или Дион Хрисостом (последнее вероятнее).

надеюсь, что и в Англии всё ещё есть некоторое число таковых. И хотя, рассматривая общественные проблемы, люди всегда имеют в виду себя и свои собственные интересы (Advantages), но если они наряду с этим рассматривают и общественные и заботятся о них больше, или же заботятся о собственных как о подчинённых общественным (if they regard the Public more, or their own in Subserviency to the Publick), таких людей по справедливости следует оценивать как доблестных (virtuous) и добрых»¹⁰. Если же люди во власти не будут дотягивать даже до этого скромного стандарта добродетели / доблести, то ничего хорошего впереди у Англии нет: «Как хорошо заметил Макиавелли, когда народ недоволен и у него есть предубеждение против правителей, то нет ни людей, ни учреждений, каких этим правителям не следовало бы бояться»¹¹. По оценке Клинтона Росситера, «Письма Катона» были одной из самых читаемых американскими патриотами книг¹².

Но не был ли Макиавелли в глазах читателей «Писем Катона» одиозным автором, ссылки на которого пятнают репутацию публициста, его цитирующего? - Насколько можно судить, осуждение сочинений Макиавелли папством в 1559 г. нисколько не мешало ни католическим, ни тем более протестантским авторам пользоваться ими. Лишь после Славной революции 1689 г. Макиавелли ненадолго впал в немилость у новых британских властей, особенно в годы

¹⁰ Cato's Letters: or, Essays on Liberty, Civil and Religious, and Other Important Subjects. 3rd Ed. London, 1723. Vol. II. P. 48 – 49.

¹¹ Cato's Letters. Vol. I. P. 180 – 181.

¹² Rossiter C. The Seedtime of the Republic: the Origin of the American Tradition of Political Liberty. N.Y., 1953. P. 141, 492.

Перечитывая Макиавелли

правления королевы Анны, 1702 – 1714, когда на некоторое время вошли в моду риторические ссылки на христианский характер британского государства, так что «секулярная» политология Макиавелли представлялась несовместимой с ним. Как выяснил финский исследователь Паси Ихалайнен, в британских словарях и справочниках первой половины XVIII в. «макиавеллист» (*machiavilian*) определялся как «тонкий политик», «тот, кто изучает доктрину Никколо Макиавелли или следует ей», «интриган, беспринципный комбинатор (*unscrupulous schemer*)», «тот, для кого характерно двуличие в политической деятельности и в поведении вообще». На Макиавелли даже возлагали ответственность за «политику, которая отравила почти всю Европу» - в особенности за использование религии в чисто политических целях; его политическую мысль объявляли «очень опасной». Тем не менее в 1720 – 1730 гг. имя Макиавелли в негативных контекстах встречалось всё реже, а к 1750 г. такие упоминания исчезли совсем¹³. Даже такой склонный к морализаторству тори, как Болингброк, в «Идее о короле-патриоте» (1738), при первом упоминании Макиавелли ритуально ругнув его за аморализм, затем обсуждает его идеи совершенно спокойно и воздаёт ему должное как первоклассному аналитику.

Таким образом, с репутацией Макиавелли у теоретиков республиканизма серьёзных проблем не было. Однако вопросы: Достижима ли политическая стабильность без «противовеса» органу демократического

¹³ *Ihalainen P.* The Discourse on Political Pluralism in Early Eighteen-Century England. A Conceptual Study with Special Reference to Terminology of Religious Origin. Helsinki, 1999. P. 100 – 101.

представительства в лице королевской власти? Не повторит ли американская республика печальную участь английской? - оставались для американских революционеров большими и дискуссионными.

Доблесть/добродетель (the virtue) как единственное морально-политическое качество членов гражданского коллектива, необходимое и достаточное для создания жизнеспособной республики. - Первоначальная форма общеамериканского государства, возникшего с провозглашением независимости в 1776 г., сильно отличалась от нынешней. В 1776 – 1787 гг. в США не было ни единоличного главы государства, ни главы правительства. Страна управлялась на основании конституционного документа, называемого Статьи Конфедерации. Верховным органом власти был Континентальный Конгресс, который принимал решения большинством голосов делегаций штатов (каждый штат имел один голос). В руках Континентального Конгресса была соединена законодательная, исполнительная и судебная власть, но о «тирании», несмотря на такое слияние, никто всерьёз не говорил, потому что все три власти были чрезвычайно слабыми. Континентальный Конгресс вводил налоги, которые пытался собрать не с граждан, а со штатов, но не имел никаких рычагов принудительного взыскания денег на общие нужды с этих 13 полугосударств, у каждого из которых была своя милиция, тогда как Континентальная армия (единая для всех штатов) была по окончании войны постепенно демобилизована. Континентальный Конгресс мог только просить, надеясь на «сознательность» штатов. Каждый штат, однако, бдительно

Перечитывая Макиавелли

следил, как бы не получило ѿ, что он выплатил по факту пропорционально ббльшую долю своей квоты, чем другие. И в феврале 1787 г. настал момент, когда казна США совершенно опустела и правительство утратило дееспособность.

Такое странное государственное устройство было выработано исходя из концепции доблести/добродетели, заимствованной, прямо или косвенно, у Макиавелли¹⁴. Американские республиканцы 1776 г.¹⁵ всерьёз верили, что отделение от Великобритании позволит американцам избавиться от морального упадка и «коррупции»,

¹⁴ Процесс заимствования, в разных аспектах, прослежен в монографии: *Роскок J.G.A. The Machiavellian Moment. Florentine Political Thought and the Atlantic Republican Tradition.* Princeton, 1975. – Автор этого фундаментального исследования – Джон Гревиль Агард Покок (Роскок, John Greville Agard Pocock, род. 1924) – англичанин, работавший много лет в Новой Зеландии, а с 1966 г. в США. Покок положил начало целой школе изучения «классического республиканизма», основоположником которого признаётся Макиавелли, и процессов трансформации этого архаичного республиканизма в более современные формы. В наше время признанным мэтром этого направления историко-политологических исследований является Пол Энтони Раэ (Rahe, Paul Anthony) – профессор Хиллсдейлского колледжа в штате Мичиган. В 2006 г. под его редакцией в Кембридже, штат Массачусетс, был подготовлен сборник работ под названием «Либерально-республиканское наследие Макиавелли» (*Machiavelli's Liberal Republican Legacy.* N.Y.: Cambridge Univ. Press, 2006). Авторы статей, помещённых в этом сборнике, детальнейшим образом проследили влияние Макиавелли на таких американских деятелей, как Джон Адамс, Александр Гамильтон, Джеймс Мэдисон и других.

¹⁵ Это влиятельные в своё время, но впоследствии забытые авторы: Натаниэл Уитекер (Whitaker, Nathaniel 1730 – 1795), Бенджамин Раш (Rush, Benjamin 1746 – 1813), Дэвид Рамсей (Ramsay, David 1749 – 1815), Сэмюэл Адамс (Adams, Samuel 1722 – 1803), Томас Пауналл (Pownall, Thomas 1722 – 1805). Правда, к их числу принадлежал и Джон Адамс – впоследствии 2-й президент США (в 1797 – 1801 гг.)

характерных для метрополии, и создать республику, основанную на «добродетели» или «доблести», то есть способности гражданина руководствоваться в своих действиях общими интересами, в противовес подавляемому эгоизму. Эти республиканцы верили, что распространение в американском обществе республиканских добродетелей позволит сократить или свести к минимуму многие функции государства, связанные с поддержанием порядка и подавлением уголовной преступности. Крах этих иллюзий стал очевидным в 1785 – 1787 гг.

Политическое устройство отдельных штатов было весьма различным. Можно сказать, что Массачусетс и Пенсильвания представляли две крайности. Массачусетс принял свою конституцию в 1780 г., она предусматривала чёткое разделение властей, то есть сильную единоличную губернаторскую власть наряду с двухпалатной легислатурой и верховным судом. Конституция этого штата в некоторых отношениях послужила образцом для федеральной Конституции США 1787 г. И, как ни удивительно, эта конституция Массачусетса действует до сих пор! Конституция Пенсильвании 1776 г., разработанная при участии Б. Франклина, разделения властей не предусматривала. Она вручала всю полноту власти однопалатной легислатуре. Должности губернатора не было, исполнительную власть осуществлял избираемый легислатурой Исполнительный совет, все органы должны были переизбираться ежегодно, и на всех должностях срок полномочий не должен был превышать год. Нельзя сказать, что конституция Пенсильвании более полно воплотила

взгляды Макиавелли на то, как должна быть устроена республика, но можно и должно сказать, что эта конституция в большей мере, чем любая ей современная, писалась в расчёте на макиавеллиевскую «доблесть». Конституция предусматривала избрание раз в 7 лет Совета цензоров, который должен был рассматривать вопрос о целесообразности внесения в конституцию изменений. Анонимный автор, предложивший учредить Совет цензоров, обосновывал необходимость этого органа характерным аргументом Макиавелли – О. Сиднея: «Все созданные людьми конституции подвержены порче (corruption – коррупции), и должны погибнуть, если их время от времени не обновлять, возвращая к первым принципам»¹⁶. Однако разочарование в такой модели политического устройства наступило быстро. Первая же сессия Совета цензоров зимой 1783 – 1784 гг. рекомендовала перейти к массачусетской модели, а сам этот экзотический орган упразднить¹⁷. Эти предложения были реализованы с принятием в 1790 г. второй по счёту конституции штата Пенсильвания.

Политическая реформа 1787 г. в США и наследие «республиканизма» Макиавелли. В 1787 – 1791 гг. в США была осуществлена радикальная политическая реформа: выработана и затем утверждена штатами новая федеральная Конституция, остающаяся основным законом США поныне, и первые 10 поправок к ней. В основе этой Конституции лежали политические идеи, в которых было много нового и невиданного. В прошлом Макиавелли, Монтескьё и Руссо

¹⁶ Wood G.S. The Creation of the American Republic. 1776 – 1787. N.Y., 1969. P. 232.

¹⁷ Ibid. P. 438 – 441.

считали жизнеспособными только небольшие республики. Теперь же авторы Конституции США попытались создать федеративную республику на громадной территории. В Конституции был проведён принцип разделения законодательной, исполнительной и судебной властей (ранее уже «апробированный» британской монархией, но для республики новый). Законодательная власть была построена на принципе представительства. При этом некоторые сферы жизни страны были выведены из-под законодательного регулирования: запрещалось принимать законы, противоречившие Биллю о правах. При голосовании за или против своих представителей, избиратели могли, конечно, учитывать любые аспекты взглядов своих кандидатов, в том числе и их религиозные убеждения. Однако избиратели знали, что Конгресс не имеет права вводить государственную религию, ограничивать свободу собраний или печати и т.п. Поэтому со временем они стали придавать значение только тем взглядам законодателей, которые могли сказаться на принимаемых законах. На смену концепции «представительства избирателей во всех отношениях» пришла концепция «представительства избирателей только в том, что имеет значение для законотворчества».

Эта реформа в основе своей означала разрыв с концепцией республики 1776 г. - «республики, основанной на доблести»¹⁸. Однако в первоначальном тексте Конституции наличествовал один рудимент макиавеллиевского республиканизма. Макиавелли считал, что при основании республики необходимо предотвратить образование

¹⁸ Wood G.S. The Creation of the American Republic. 1776 – 1787. N.Y., 1969.

политических партий¹⁹. Аналогично и авторы Конституции США предложили такой порядок избрания президента и вице-президента, какой был уместен только при отсутствии политических партий: каждый выборщик имел два голоса, и кандидат, получивший наибольшее количество голосов, становился президентом, а получивший следующее за наибольшим количество голосов – вице-президентом²⁰. Авторы Конституции желали, чтобы победителем на президентских выборах стал «самый достойный», а вице-президентом – следующий по достоинству. Однако схема эта «сработала» только дважды: на выборах 1788 и 1792 гг., когда были избраны единомышленники – Джордж Вашингтон и Джон Адамс. В 1796 г. президентом был избран федералист Джон Адамс, а вице-президентом – лидер демократическо-республиканской оппозиции Томас Джефферсон. В ходе затяжных выборов 1800 – 1801 гг. демократический республиканец Томас Джефферсон с трудом одержал победу над Аароном Бэрром, возглавлявшим другую и весьма враждебную Джефферсону фракцию той же партии. А незадолго до выборов 1804 г. этот рудимент, создававший проблемы и вносивший нестабильность, был удалён: вступила в силу XII поправка к Конституции, которая

¹⁹ Правда, Макиавелли утверждал это с той оговоркой, что если сторонники борющихся партий преследуют не свои личные цели, а борются за разнонаправленные, но высокие идеалы, то такая борьба республике может быть и полезна – «ибо для того, чтобы одолеть соперника, надо деяниями своими возвеличить республику, а, кроме того, соперники из разных партий ещё и следят друг за другом, чтобы ни один не мог нарушить гражданских установлений». – История Флоренции. Кн. 7.1 // *Макьявелли Н.* История Флоренции. Изд. 2-е. М., 1987. С. 268 – 269.

²⁰ Конституция США. Статья II. Раздел 1. Пункт 2.

ввела процедуру раздельного голосования за президента и вице-президента. Эта процедура предполагает наличие в стране политических партий. Она действует поныне.

Но другая поправка из «пакета» вступивших в силу 15 декабря 1791 г. – Вторая («Поскольку для безопасности свободного государства необходима хорошо организованная милиция, право народа хранить и носить оружие не подлежит ограничениям») – не только не устраняла рудименты макиавеллиевского республиканизма, но, напротив, была принята по чисто «макиавеллическим» соображениям. Профессиональная армия под контролем президента – носителя единоличной исполнительной власти – рассматривалась как потенциальная угроза американским свободам, которую должно было уравновешивать всеобщее вооружение народа. Из этих граждан состояли милиционные формирования отдельных штатов. Характерно, что вплоть до 1863 г. Конгресс США, санкционируя набор в армию для нужд очередной войны, устанавливал не нижний, а верхний предел численности вооружённых сил: президент был вправе набирать «не более» определённого количества. Вторая поправка к Конституции действует до сих пор, несмотря на кампании за её отмену, периодически возникающие после очередного кровопролития.

Статьи Конфедерации 1781 г. не предусматривали никакой процедуры внесения поправок в свой текст: их можно было отменить только полностью (что и было сделано). Конституция США 1787 г. содержит (в V статье) описание двух процедур внесения в Конституцию поправок: либо через созыв специального федерального конвента, либо

через ратификацию поправок legislatures штатов (право выбирать из этих двух процедур зарезервировано за Конгрессом). То, что Конституция рассматривалась как закон в принципе изменяемый и даже подлежащий изменениям, чтобы сохранить для американцев как свободу, так и порядок в изменившейся ситуации, авторитетный американский исследователь Гордон Вуд уверенно приписывает влиянию всё той же максимы Макиавелли о необходимости периодического «возвращения к первым принципам»²¹.

Все «отцы-основатели» США были республиканцами, но некоторые из них всё же ценили преимущества монархического строя. Александр Гамильтон (1755 – 1804) – один из соавторов Конституции США, министр финансов в первом правительстве президента Вашингтона (в 1789 – 1795 гг.) – имел репутацию скрытого монархиста и при этом был знатоком и почитателем Макиавелли. Он не верил в жизнеспособность такой федеративной республики, в какой верховная власть избиралась бы на срок и регулярно сменялась, и на Конституционном Конвенте 1787 г. предлагал создать должность пожизненного Губернатора США. Его собственный проект был отвергнут, но после завершения Конвентом работы над Конституцией Гамильтон активно включился в кампанию по её ратификации, считая, что это лучше чем ничего. Он был основным из трёх авторов²² 85 статей под общим названием «Федералист». Его аргументация в пользу сильной центральной власти как гаранта политической, экономической и социальной

²¹ Wood G.S. Op. cit. P. 613.

²² Двое других – Джеймс Мэдисон и Джон Джей.

стабильности, а также национальной обороны, при полном отсутствии прямых ссылок, содержит немало параллелей с «Историей Флоренции», «Рассуждениями на первую декаду Тита Ливия» и особенно «Государем».

Создание общенациональной армии, комплектуемой по призыву, как единственного института, способного гарантировать внутреннюю и внешнюю безопасность страны. – Ещё долго после принятия Конституции в США не существовало призывной армии. Хотя никто не сомневался, что каждый отдельный штат имеет полное право призывать своих граждан в ряды милиции, самый принцип *федерального* воинского призыва ещё долго всерьёз рассматривался как посягательство на свободу гражданина и на права штатов. США вели свои войны против Великобритании (1812 – 1815) и Мексики (1846 – 1848) силами добровольцев. Общенациональная призывная армия появилась лишь в ходе Гражданской войны. Примечательно, что сначала (1862) закон о воинском призыве приняли Конфедеративные Штаты Америки. В штатах, контролируемых правительством США, воинский призыв начался только летом 1863 г.

В те годы американцы вспоминали о Макиавелли уже гораздо реже, чем раньше. Объективно его наследие в двух важных отношениях стало для США в годы Гражданской войны даже актуальнее, чем было в XVIII в. Во-первых, во времена Джефферсона многие политические мыслители всерьёз верили, что США в обозримом будущем останутся аграрной страной, а Гражданская война дала такой мощный импульс индустриализации страны, что об аграрной идиллии

(для Макиавелли изначально совершенно чуждой) уже никто не вспоминал. Во-вторых, Макиавелли был убеждён, что большое государство, как правило, жизнеспособнее малого и в большей мере способно обеспечить те высокие материальные и культурные стандарты, к каким его приучила жизнь во Флоренции²³. Точно таким же было убеждение северян – как республиканцев, так и «военных демократов» - которые после отделения южных штатов отказались признать независимость южной Конфедерации и были полны решимости вести войну против неё до полной победы. Так или иначе, аргументация защитников призывной армии – в большей мере северян, в меньшей южан - во многом перекликается с доводами Макиавелли. Как Макиавелли проклинал кондотьеров, так и американцы возмущались «волонтёрами», которые нанимались на строго определённый срок службы за деньги и вынуждали генералов начинать сражения не тогда, когда этого требовали соображения тактики и стратегии, а когда до их увольнения ещё оставалось время. Макиавелли никогда не мечтал о наступлении вечного мира, однако всегда думал о способах, какими было бы возможно свести к минимуму людские и финансовые потери в ходе военных действий. Так и американцы начиная со времён Гражданской войны видели в постоянно существующей возможности воинского призыва не только средство обороны страны и защиты её внешних интересов, но и фактор стабилизации внешней политики: армия, состоящая из мирных граждан, не склонна служить инструментом

²³ См.: История Флоренции. Кн. 2. XV // *Макьявелли Н.* История Флоренции. С. 65 – 66.

военных авантюр, противоречащих подлинным национальным интересам страны.

После Гражданской войны 1861 – 1865 гг. наследие Макиавелли в глазах американцев окончательно утратило актуальность. Можно предположить следующие причины этого.

1. Во время Гражданской войны бюджет США многократно вырос. Сформировалась общенациональная налоговая система, о которой в своё время безуспешно мечтал Гамильтон. Управление финансовыми потоками стало важнейшей функцией государства. Во времена Макиавелли в Италии ничего подобного не было, а в Генуе он наблюдал прямо противоположную картину: банк Св. Георгия был единственным очагом стабильности в политически нестабильной республике²⁴.

2. В связи с этой новой функцией федерального государства, проблема компетентности государственных служащих постепенно обрела колоссальную важность, что и привело к принятию «закона Пендлтона» об экзаменах для кандидатов на должности (1883). Макиавелли же ничего не имел против назначения на должности по жребию.

3. Почти совпавшие по времени воссоединение США (1865) и объединение Италии (1859 – 1870) сняли основные политико-этические проблемы, связанные с политической раздробленностью, зато создали для этих государств возможность экспансии и захвата территорий, население которых было чуждо их основному населению в культурном

²⁴ История Флоренции. Книга восьмая. XXIX // *Макьявелли Н.* История Флоренции. С. 340 – 341.

отношении. США должны были решать, аннексировать ли Кубу, Пуэрто-Рико, Филиппины. Италия оказалась перед ещё более сложным выбором: она должна была определить своё отношение к ирредентизму, поддержка которого чревата была конфликтами с гораздо более крупными державами. Таким образом, характерная для Макиавелли проблематика сошла на нет, а для решения новых проблем его сочинения ничего подсказать не могли.

Разумеется, для американских политологов, а особенно специалистов в области международных отношений, наследие Макиавелли сохраняет интерес поныне. Уроки реализма и тонкой аналитики остаются значимыми и по прошествии веков. Речь идёт лишь о том, что было время, когда для США, как великой республики, рекомендации Макиавелли как поборника «республики, основанной на доблести», значили гораздо больше, чем теперь.

**MACHIAVELLI AND AMERICAN POLITICAL
THOUGHT OF 18TH AND 19TH CENTURIES.**

An attempt to highlight the points of indirect influence. They were: 1) a doctrine of virtue, as foundation of republicanism 1776, 2) the justification of strong power in the writings of Alexander Hamilton, 3) the original mode of election of President and Vice-President of USA (1787 – 1804), which ignored the party allegiance of the candidates, supposing that new-founded Republic would be free of struggle between political parties.

ПЕРЕЧИТЫВАЯ МАКИАВЕЛЛИ: ИДЕИ И
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА ЧЕРЕЗ ВЕКА И
СТРАНЫ

Утверждено к печати
Ученым советом Института всеобщей истории РАН

Формат 60x90¹/₁₆
Гарнитура Таймс. Объем 18,9 п.л.,
тираж 150 экз.

Л.Р.ИД №01776 от 11 мая 2000 г.
Подписано в печать 30 октября 2013 г.
ИВИ РАН, Ленинский проспект, 32-а.